

Демонология и знания о дьяволе, Том 1

Монкюр Дэниел Конвей

DEMONOLOGY AND DEVIL-LORE VOLUME 1

MONCURE DANIEL CONWAY

Global Grey ebooks

ДЕМОНОЛОГИЯ И ЗНАНИЯ О ДЬЯВОЛЕ

ТОМ 1

АВТОР : МОНКЮР ДЭНИЕЛ КОНВЕЙ

1879

Содержание

Предисловие

ЧАСТЬ 1. ДЕМОНОЛАТРИЯ

Глава 1. Дуализм

Глава 2. Происхождение демонов

Глава 3. Деградация

Глава 4. Абготт

Глава 5. Классификация

ЧАСТЬ 2. ДЕМОН

Глава 1. Голод

Глава 2. Тепло

Глава 3. Холод

Глава 4. Элементы

Глава 5. Животные

Глава 6. Враги

Глава 7. Бесплодие

Глава 8. Препятствия

Глава 9. Иллюзия

Глава 10. Тьма

Глава 11. Болезнь

Глава 12. Смерть

ЧАСТЬ 3. ДРАКОН

Глава 1. Упадок демонов

Глава 2. Обобщение демонов

Глава 3. Змей

Глава 4. Червь

Глава 5. Апофис

Глава 6. Змей в Индии

Глава 7. Василиск

Глава 8. Глаз дракона

Глава 9. Битва

Глава 10. Убийца драконов

Глава 11. Дыхание дракона

Глава 12. Судьба

Предисловие

Три монаха, гласит легенда, спрятались неподалеку от оргий Шабаша ведьм, чтобы сосчитать дьяволов; но Главный из них, обнаружив монахов, сказал— ‘Преподобные братья, наша армия такова, что если бы все Альпы, их скалы и ледники были поровну разделены между нами, ни один из них не весил бы и фунта’. Это было в одной альпийской долине. Любой, кто хотя бы мельком видел всемирную Вальпургиеву ночь, описанную в мифологии и фольклоре, должен согласиться, что этот учтивый дьявол не преувеличивал. Любая попытка составить каталог зловещих призраков, преследующих человечество, была бы подобна попытке сосчитать тени, отбрасываемые на землю восходящим солнцем. Это убеждение росло у автора этой работы на каждом этапе его изучения предмета.

В 1859 году я опубликовал в качестве одного из американских ‘Трактатов для Times’ брошюру под названием ‘Естественная история дьявола’. Вероятно, главная ценность этого эссе была для меня самого, и это в том смысле, что его подготовка показала мне, насколько интересной и важной была выбранная тема. Последующие исследования в том же направлении, после того как я переехал жить в Европу, показали, насколько слабым было мое представление об обширности области, на которую было совершено то раннее предприятие. В 1872 году, когда я

готовил цикл лекций для Королевского института демонологии, мне показалось, что лучшее, что я мог сделать, это напечатать эти лекции с некоторыми примечаниями и дополнениями; но после того, как они были прочитаны, у меня все еще оставалась неиспользованной большая часть материалов, собранных во многих странах, и вызванные мною призрачные существа не позволяли мне отдохнуть от моих трудов, пока я не разберусь с ними более тщательно.

Басня о попытке Тора выпить маленький источник и его неудаче из-за того, что он питался океаном, кажется, направлена на такие усилия, как мои. Но есть еще один аспект этого дела, который ободрил меня еще больше. Эти фантомные хозяева, какими бы неуправляемыми ни были с точки зрения численности, при ближайшем рассмотрении представляют сравнительно небольшое количество видов; они объединяются сотнями; поначалу ошеломленный их многочисленностью, классификатор в конце концов обнаруживает, что он рубит кусты, чтобы вывести новый сорт. Вокруг какой—то одной формы — может быть, физиономии Голода или Болести, Похоти или Жестокости - невежественное воображение разбило природу на бесчисленные кусочки, которые, подобно зеркалам с различной поверхностью, отражают одно и то же в бесконечных размерах и искажениях; но они исчезают, если убрать этот центральный факт.

Пытаясь, так сказать, победить этих воображаемых монстров, они иногда роились и тараторили вокруг меня в безумной комедии, пародирующей их трагическое влияние на тех, кто верил в их реальность. Горгульи растягивали свои ухмылки над прекраснейшей архитектурой, карнизы извивались змеями, сами слова ораторов выходили за рамки своего обычного смысла и превращались в образы, которые привлекали мое внимание. Только после того, как были даны правильные, по моему мнению, решения их проблем, были заложены мои сфинксы; но благодаря этому психологическому опыту оказалось, что когда человек был заложен таким образом, его или ее легион тоже исчез. Давным-давно подобные фантазии перестали преследовать мои нервы, потому что я обнаружил их нереальность; теперь я осмеливаюсь верить, что их мифологические формы перестали преследовать мои исследования, потому что я обнаружил их реальность.

Зачем убивать убитых? Возможно, такой вопрос возникнет в умах многих, кто прочтет эту книгу. В шотландской песне говорится: "Дьявол мертв и похоронен в Кирколди"; если это так, то он не умер до тех пор, пока не создал мир по своему образу и подобию. Естественный мир перекрыт неестественной религией, порождающей горечь вокруг простейших мыслей, препятствия на пути науки, отчуждение, не более разумное, чем если бы оно было результатом различных представлений о лунных фигурах, — все это проистекает из завещанной дьяволом догмы о том, что определенные верования и неверие являются порождением ада. Догмы, сформированные в ископаемой демонологии, составляют основу институтов, которые направляют богатство, образование, предприимчивость на фиктивные цели. Следовательно, не простое интеллектуальное любопытство заставляло меня работать над этим предметом все эти годы, а растущее убеждение в том, что последствия таких суеверий все еще оказывают огромное влияние. Когда отец Делапорте недавно опубликовал свою книгу о дьяволе, его епископ написал: "Преподобный отец, если бы каждый занимался дьяволом так, как это делаете вы, Царство Божье выиграло бы от этого". Определяя царство, о котором здесь говорится, как Царство Истины, я, с определенным согласием с чувствами епископа, занялся работой, которую сейчас поручаю публике.

ЧАСТЬ 1. ДЕМОНОЛАТРИЯ

Глава 1. Дуализм

Происхождение деизма—Эволюция от дальнего к ближнему—Иллюстрации из колдовства—Первобытный пантеизм—Рассвет дуализма.

Колледж в штате Огайо взял в качестве своего девиза слова ‘Сориентируйся’. Это важное предостережение западной молодежи представляет собой одно из условий достижения истины в науке мифологии. Из-за пренебрежения к нему сияющие персонификации и метафоры Востока слишком часто мигрировали на Запад только для того, чтобы обнаружить, что Медуза превращает их в камень. Наш прозаический буквализм превращает их идеалы в идолов. Пришло время, когда мы должны научиться видеть в них самих себя: из эпохи и цивилизации, где мы живем в привычном понимании природных сил, мы можем перенестись в период и регион, где ни один искушенный глаз не смотрит на природу. Солнце - это колесница, запряженная сияющими конями и управляемая сияющим божеством; звезды восходят и движутся по произволу или команде; дерево - это убежище духа; фонтан бьет из урны наяды. В таких веселых костюмах законы природы устраивали свой карнавал до тех пор, пока Наука не пробила час разоблачения. Костюмы и маски стали для нас материалом для изучения истории человеческого разума, но, чтобы познать их, мы должны перенести наши чувства обратно в ту фазу нашего собственного раннего существования, насколько это совместимо с сохранением нашей культуры.

Не делая слишком больших уступок солярной мифологии, можно с достаточной ясностью заявить, что самое раннее чувство поклонения родилось из удивления, с которым человек смотрел на небеса над собой. Великолепие утра и вечера; лазурный свод, расписанный фресками облаков или почерневший от бури; ночь, увенчанная созвездиями: все это будило воображение, внушало благоговейный трепет, разжигало восхищение и, наконец, обожание в существе, достигавшем промежутков, на которые его взор поднимался над землей. Среди восторженных ведических гимнов этим возвышенностям мы сталкиваемся с острыми вопросами о том, существуют ли вообще такие боги, как говорят жрецы, и иногда подозрение бросается на жертвоприношения. Формы, населявшие небесные пространства, могли принадлежать предкам, королям и великим людям, но всем формам предшествовал поэтический энтузиазм, который строил для них небесные обитатели; и грубые космогонии примитивной науки, вероятно, были подхвачены этим духом и освящались так же медленно, как сейчас научные обобщения.

Наши современные представления об эволюции могут предполагать обратное— человеческое поклонение начиналось с низменных вещей и постепенно поднималось к высоким; что от грубых эпох, в которые поклонение было направлено на скот и камень, дерево и рептилию, человеческий разум постепенно поднимался к созерцанию и почитанию небесного величия. Но соответствие этого взгляда нашим идеям эволюции только очевидно. Кажется, что реальный прогресс здесь шел от далекого к близкому, от великого к малому. Действительно, вероятно, неточно говорить о поклонении траве и камню, сорнякам и суслу, насекомым и рептилии как о примитивных. Есть многоуказаний на то, что ни одна раса не считала подобные предметы изначально священными и им по-настоящему не поклонялись, пока происхождение их святости не было утрачено; и даже сейчас, спустя столетия после того, как их оракульный или символический характер был забыт, суеверия, сохранившиеся в связи с такими незначительными предметами, указывают на первоначальную связь с небесными явлениями. На первый взгляд, никакие религии не могут показаться более далекими друг от друга, чем поклонение змее и славному солнцу; и все же многие древние храмы покрыты символами, сочетающими солнце и змею, и нет более знакомой в Египте формы, чем солнечный змей, стоящий прямо на хвосте, с лучами вокруг головы.

И это высокое родство обожаемой рептилии встречается не только в регионах, где она могла быть создана этническими комбинациями как простое переживание символа дикаря. Уильям Крафт, африканец, проживший некоторое время в королевстве Дагомея, сообщил мне о следующем инциденте, свидетелем которого он там стал. Священных змей держат в большом доме, который они иногда покидают, чтобы ползать по соседним угодьям. Однажды негр из какого-то отдаленного региона наткнулся на одно из этих животных и убил его. Люди, узнав, что один из их богов был убит, схватили незнакомца и, окружив его кругом хвороста, подожгли. Бедняга прорвался через огненный круг и побежал, преследуемый толпой, которая била его тяжелыми палками. Страдая от огня и ударов, он бросился в реку; но как только он вошел туда, погоня прекратилась, и ему сказали, что, пройдя через огонь и воду, он очистился и может выйти невредимым. Таким образом, даже в этом далеком и диком регионе поклонение змеям ассоциировалось с поклонением огню и реке, которые широко представлены как в арийской, так и в семитской символике. По сей день ортодоксальные израильтяне ставят рядом со своими умершими перед погребением зажженную свечу и таз с чистой водой. В раввинской мифологии они ассоциировались с ангелами Михаилом (гением Воды) и Гавриилом (гением Огня); но они относятся как к феноменальной славе, так и к очищающему воздействию двух стихий, почитаемых африканцами в одном направлении и парсами в другом.

Не менее значимы факты, засвидетельствованные на процессах над ведьмами. Было показано, что для своих мнимых гаданий они использовали растения— такие как рута и вербена, хорошо известные в древних северных религиях и часто признаваемые образцами поклонения деревьям; но также оказалось, что вокруг котла был нарисован ложный зодиакальный круг, и что каждая используемая трава якобы получила свою силу от того, что была собрана в определенный час ночи или дня, в определенную четверть луны или в каком-то месте, где на нее светило или не светило солнце или луна. Древнее поклонение планетам, действительно, все еще отражается в обычаях деревенских травников, которые собирают свои травы в определенные фазы луны или в определенные священные периоды года, которые более или менее соответствуют дохристианским праздникам.

Это лишь немногие из многих указаний на то, что маленькие и бессмысленные предметы, ставшие почти или совсем фетишами, изначально таковыми ни в коем случае не были, а были мистически связаны с небесными элементами и великолепием, подобно животным формам в знаках зодиака. В одном из самых ранних гимнов Ригведы сказано: "Эта земля принадлежит Варуне (οὐρανός), царю, и широкое небо: он содержится также в этой капле воды". Подобно тому, как небо отражалось в сияющем изгибе капли росы, точно так же в форме или цвете листа или цветка, в трансформации куколки или в погребении и воскрешении яйца скарабея, можно было обнаружить какой-то знак, заменяющий типичное изображение, которое еще нельзя было нарисовать или вырезать.

Необходимость выражения, конечно, привела бы к тому, что примитивные концепции и интерпретации небесных явлений были бы дополнены теми живописными образами, заимствованными из земных объектов, из которых в основном состоят ранние языки. Во многих случаях, встречающихся в древнейших гимнах, обозначения возвышенных объектов настолько мало описывают их, что мы можем отнести их к периоду, предшествовавшему формированию той утонченной и сложной символики, благодаря которой первобытные религии обрели представление в определенных символах. Ведические сравнения различных цветов зари с лошадьми или дождевых облаков с коровами указывают на гораздо менее зрелое развитие мысли, чем тонкое наблюдение, подразумеваемое в связи раздвоенной молнии с раздвоенным змеиным языком и раздвоенной омелой, или символизация вселенной в концентрических складках луковицы. Именно присутствие этих более мистических и сложных идей в религиях указывает на прогресс человеческого разума от широкого и очевидного к более тонкому и оккультному, а также на рост высшего видения, которое может видеть мелкие вещи в их крупных взаимосвязях. Хотя восхваление в Ведах Варуны как царя небес, содержащееся также в капле воды, содержится в одном стихе, мы вполне можем признать огромное расстояние во времени между двумя воплощенными в нем идеями. Первый представляет собой тот примитивный пантеизм, который является аналогом невежества. Неклассифицированная внешняя вселенная - это отражение разума без формы и пустоты: в то время как все внутри пока еще представляет собой неразличающее чудо, религиозной оболочкой природы будет этот неопределенный пантеизм. Плод с дерева познания добра и зла еще не был вкушен. В некоторых ранних гимнах Ригведы маруты, божества бури, восхваляются наряду с Индрой, солнцем; Яме, царю Смерти, поклоняются в равной степени вместе с богиней Зари. 'Ни на небесах, ни на земле нет твоих настоящих врагов'. 'Бури - твои союзники'. Таков высокий оптимизм предложений, встречающихся даже в священных книгах, которые в других местах скрывают зарю дуализма, который в конечном счете вытеснил гармонию стихийных Сил. 'Я создаю свет и я создаю тьму, я создаю добро и я создаю зло'. 'Взгляни на Йездана, из-за которого падает тень'. Но легко увидеть, каким должен быть результат, когда эта счастливая семья бога солнца, бога бури и бога огня и их бесчисленных равных божеств будет разделена разногласиями. Когда каждый из них станет ассоциироваться с каким-либо земным объектом или фактом, он или она предстанет как друг или враг, и их связь с источниками человеческого удовольствия и боли отразится в столкновениях и войнах на небесах. Мятежные облака превратятся в Титанов и Драконов. Обожаемые маруты больше не будут героями-грозниками с обнаженными молниеносными мечами, марширующими как свита Индры, но огнедышащими чудовищами — Вритрами и Ахиями, — а утренние и вечерние тени из верных сторожевых псов превратятся в коварных адских псов, таких как Ортрот и Цербер. Яростный антагонизм между животными и людьми и

племени против племени будет выражен в концепции борьбы между богами, которые, таким образом, будут классифицироваться как добрые или злые божества.

Именно это и произошло на самом деле. Первобытный пантеизм был разрушен: на его месте более поздние эпохи рассматривали вселенную как арену грандиозного конфликта между Силами добра и зла, которые по отдельности, с течением времени, собрали всех и вся, от мира до червя, под свои пылающие знамена.

Глава 2. Происхождение демонов

Их добрые имена эвфемистичны—Их смешанный характер—Иллюстрации: Вельзевул, Локи—Демоны-микробы—Знание добра и зла—Различие между Демоном и Дьяволом.

Первый пантеон каждой расы был построен на интеллектуальных спекуляциях. В моральном смысле каждая ее форма может быть описана как более или менее демоническая; и, действительно, можно почти утверждать, что религия, рассматриваемая как услуга, оказываемая сверхчеловеческим существам, началась с умиловивления демонов, хотя их и можно было бы назвать богами. Человек обнаружил, что на земле хорошие вещи даются с трудом, в то время как повсюду растут шипы и сорняки. Злые силы казались самыми сильными. Лучшее божество имело в себе привкус демона. Солнце - самое благотворное, но оно переносит солнечный удар вместе с солнечным лучом и увядает цветы, которые сам же и вызывает. Великолепие, мощь, величие, угроза, величие и гнев небес и стихий слились в этих олицетворениях и отразились в трепетном поклонении, которое им оказывали. Лестные названия, данные этим силам их почитателями, должны быть истолкованы как дорогостоящие жертвы, которыми люди стремились умиловить их. Изначально никакая жертва не была бы принесена чисто благожелательной силе. Фурий называли Эвменидами, 'благонамеренными', и возникает соблазн рассматривать это название как сохраняющее первоначальное значение санскритского оригинала слова "Эринии", а именно "Саранью", что означает утренний свет, крадущийся по небу. Но описания эриний греческими поэтами — особенно Эсхила, который изображает их черными, обвитыми змеями, с глазами, налитыми кровью, и называет их гончими собаками — показывают, что Саранью как утренний свет и, таким образом, разоблачитель деяний тьмы постепенно деградировал в олицетворение Проклятия. И все же, признавая имя Эвменид как эвфемистическое, мы тем не менее можем восхищаться ростом того рационализма, который в конечном счете обнаружил в эпитете намек на добрую душу в вещах злых и почти восстановил благодетельный смысл Саранью. 'Я поселила в этом месте,' говорит Афина в 'Эвменидах' Эсхила, 'этих могущественных божеств, которых трудно умиловить; им досталось по жребию управлять всем, что касается людей. Но тот, кто не находил их нежными, не знает, откуда берутся жизненные невзгоды.' Но прежде чем ужасные Эринии эпохи Гомера стали "достопочтенными богинями" (σεμναὶ θεαὶ) популярной фразы в Афинах, или Эвменидами из "высокого прозрения" позднего поэта, пронзающими их облик Горгоны, как изображал их он сам, они прошли через все фазы человеческого ужаса. Съежившиеся поколения пытались

успокоить безжалостных мстителей лестными фразами. Поклонение змее, порожденное тем же страхом, точно так же возвело это животное в область, где поэты могли наделить его многими глубокими и прекрасными значениями. Но эти более отчетливо ужасные божества встречаются на темной окраине мифологии, откуда мы можем оглянуться назад, на века, когда страх, в котором рождается поклонение, еще не был разделен на элементы благоговения и восхищения, а небеса высших сил не были разделены на ряды благожелательных и злобных существ; и, с другой стороны, мы можем заглянуть вперед, в эпохи, в которые моральное сознание человека начинает формировать различия между добром и злом, правильным и неправильным, что превращает космогонию в религию и побуждает каждое божество, созданное разумом, делать это. его или ее роль в отражении физической и моральной борьбы человечества.

Рис. 1. Вельзевул (Кальмет).

Промежуточные процессы, посредством которых добро и зло были отделены друг от друга и продвинулись к отдельной персонификации, не всегда могут быть прослежены, но признаки их работы в большинстве случаев достаточно ясны. Родство, например, между Ваалом и Баалзевубом не подлежит сомнению. Один представляет Солнце в его славе как оживителя Природы и живописца ее красоты, другой - силу Солнца, размножающую насекомых. Баалзевуб - бог мух. Только в сравнительно недавний период филистимское божество, к оракулу которого обращался Охозия (2 Царств i), получило репутацию 'Князя дьяволов', а его имя было изменено простым каламбуром на Веельзевул (бог навоза). Не исключено, что

нерешительность современной египетской матери беспокоить мух, садящихся на ее спящего ребенка, и святость, приписываемая различным насекомым, возникли из благоговейного трепета, испытываемого к нему. Титулу "Бог мух" соответствует почтительный эпитет *ἰσχυρός*, применяемый к Зевсу, которому поклонялись в Элиде,¹ римлянам *Myiagrus deus*,² и *Myiodes*, упомянутым Плинием.³ Наша картина, вероятно, сделана с помощью защитного заклинания и, очевидно, принадлежит верующим в бога. Есть история о крестьянке во французской церкви, которую нашли стоящей на коленях перед мраморной группой, и священник предупредил ее, что она поклоняется не той фигуре, а именно Вельзевулу. 'Не бери в голову, - ответила она, - достаточно хорошо иметь друзей с обеих сторон'. История, хотя теперь это всего лишь бен тровато, отражает действительное состояние ума многих вавилонян, взывающих к защите бога Мух от грозных полчищ его ядовитых подданных.

Не менее наглядной иллюстрацией служит скандинавская мифология. В "Эдде Семунда" злобный Локи говорит:-

Один! ты помнишь

Когда мы в первые дни

Смешал нашу кровь воедино?

Эти двое отделялись друг от друга очень медленно; ибо их разделение подразумевало распад великой религии и ее распространение в новые формы; а религии требуется, относительно, столько же времени, чтобы прийти в упадок, сколько и для роста, как мы, живущие в условиях распадающейся религии, имеем все основания знать. Протап Чандер Мозумдар из Брахмо-Сомаджа, выступая в Лондоне, сказал: "В индийском пантеоне много миллионов божеств, и для дьявола не осталось места". Он мог бы добавить, что эти божества распределили между собой всю работу, которую мог бы выполнить дьявол, если бы его впустили. Его замечание напомнило мне эддайскую историю о появлении Локи в собрании богов в залах Эгира. Локи, которому в более позднюю эпоху суждено было быть отождествленным с сатаной, гневно принят божествами, но он ходит по кругу и упоминает случаи из жизни каждого из них, которые показывают, что они немногим, если вообще есть, лучше его самого. Боги и богини, неспособные ответить, подтверждают критику циника теологическим способом, связывая его змеей вместо веревки.

Говорят, покойный Теодор Паркер ответил кальвинисту, пытавшемуся обратить его в свою веру— 'Разница между нами проста: ваш бог - мой дьявол'. Не может быть никаких сомнений в том, что у евреев, от которых кальвинисты унаследовали свое божество, в их мифологии не было дьявола, потому что ревнивый и мстительный Иегова был вполне способен на любое дело такого рода, например, ожесточить сердце фараона, наслать язвы на землю или обмануть пророка, а затем уничтожить его за его ложные пророчества.⁴ Такое же уступчивое отношение примитивных божеств ко всем явлениям природы объясняет отсутствие отчетливых представителей зла в самых примитивных религиях.

Самые ранние исключения из этой первобытной гармонии богов, подразумевающие моральный хаос в человеке, были достаточно незначительными: случайное чудовище, кажется, достойно упоминания только для того, чтобы продемонстрировать доблесть бога, убившего его. Но таковы были демонические зародыши, зародившиеся в результате структурной деятельности человеческого разума, как только он начал формировать некую философию

относительно вселенной, на которую он сначала смотрел с простым удивлением, и предназначенные для эволюции огромной важности, когда за этим последует работа по морализаторству над ними.

Давайте встанем рядом с нашим варварским, но уже не диким предком из далекого прошлого. Мы наблюдали, как розовое утро превращается в ослепительный полдень: затем солнце быстро закрывается, бушует буря, и внезапно наступает ночь, освещаемая только раздвоенной молнией, которая поражает дерево, дом, человека сердитыми раскатами грома. С незапамятных времен человек может смотреть на бурю, затемняющую небо, не как на врага солнца, а как на одно из ее собственных превосходных последствий; но несколько тысяч лет назад, когда мы все жили в условиях восточного варварства, мы не могли себе представить, что светило, само дело которого было давать свет, могло быть причастно к его собственному затемнению. Тогда мы с жалостью посмотрели на невежество наших предков, которые пели гимны штормовым драконам, надеясь льстить им, чтобы они успокоились; и мы пришли с помощью непреодолимой логики к тому дуализму, который долгое время разделял видимую и до сих пор разделяет моральную вселенную на два враждебных лагеря.

Это материнский принцип, из которого произошли демоны (в обычном смысле этого термина). Поначалу немногие, отличавшиеся от сонма божеств исключительной вредоносностью, они множились по мере роста человека в классификации его мира. Их принцип существования способен неограниченно расширяться, пока не охватит все царства тьмы, страха и боли. В именах демонов и в баснях о них борьба человека в его века слабости с опасностями, нуждой и смертью отражена более полно, чем в каких-либо надписях на камне. Дуализм - это кредо, подтверждаемое всеми внешними проявлениями. Бок о бок пустыня и плодородная земля, солнечный свет и мороз, печаль и радость, жизнь и смерть оплетают каждую жизнь своим одеянием из ярких и мрачных нитей, и только наука может определить, как каждая из них перебрасывает челнок к другой. Враги друг другу, они появятся в каждой области, которой не овладело знание. В "Обращении к тигру" Уильяма Блейка есть припев, собранный из многих эпох: —

Тигр! тигр! ярко горящий

В ночных лесах;

Какая бессмертная рука или глаз

Обрамил твою устрашающую симметрию?

В каких далеких глубинах или небесах

Горел ли этот огонь в твоих глазах?

На каких крыльях осмелился он устремиться?

Какая рука посмела схватить огонь?

Когда звезды опустили свои копыта

И орошают небеса своими слезами,

Улыбнулся ли он, увидев свою работу?

Сотворил ли тебя тот, кто сотворил агнца?

На вопрос одного из самых набожных и гениальных людей, которых когда-либо создавала Англия, в Индии безмолвный ответ дал змеепоклонник, преклонивший колени и придерживающий язык рукой; в Египте - Осирис, восседающий на клетчатом троне.⁵

Необходимо четко различать Демона и Дьявола, хотя для некоторых целей их следует упоминать вместе. Мир населяли демоны на протяжении многих веков, прежде чем появилось какое-либо воплощение их духа в какой-либо центральной форме, не говоря уже о какой-либо концепции Принципа Зла во вселенной. У ранних демонов не было никаких моральных обликов, не больше, чем у тигра-людоеда. Нет никакой вспышки морального негодования, смешивающейся с победным криком, когда Индра убивает Вритру, и лицо Аполлона безмятежно, когда его дротик пронзает Питона. Требовалось гораздо более высокое развитие морального чувства, чтобы породить концепцию дьявола. Только самый яркий свет мог отбросить на мир такую черную тень, как вера в чисто злобного духа. Для такой концепции — любви ко злу ради зла самого по себе — слово Дьявол в этой работе ограничено; Демон применяется к существам, вредность которых не беспричинна, а случайна для их собственного удовлетворения.

Божество и Демон - это слова, которые когда-то были взаимозаменяемыми, и последнее просто подверглось деградации из-за традиционного использования его для обозначения менее благотворных сил и качеств, которые изначально присущи каждому божеству, после того, как они были отделены от них и персонифицированы отдельно. У каждого светлого бога была, так сказать, своя тень; и под влиянием дуализма эта тень обрела особое существование и индивидуальность в народном воображении. Поскольку однажды был установлен принцип, согласно которому то, что казалось благотворным, и то, что казалось обратным, должно приписываться разным силам, очевидно, что эволюция демонов должна быть непрерывной, а их распространение - обширным вместе с болезнями, наследниками которых является плоть.

Глава 3. Деградация

Деградация божеств — Указывается в именах—Легенды об их падении—Случайные признаки божественного происхождения демонов и дьяволиц.

Поскольку атмосферные условия были подготовлены в человеческом сознании к появлению демонов, конкретные формы или имена, которые они могли бы принять, определялись различными обстоятельствами, этническими, климатическими, политическими или даже случайными. Они, действительно, редко были бы случайными; но профессор Макс Мюллер в своих примечаниях к "Ригведе" привлек внимание к замечательному примеру, в котором формирование внушительной мифологической фигуры такого рода определялось тем, что, по всей вероятности, было случайностью. В самых ранних ведических гимнах встречается имя Адити как святой Матери многих богов, и трижды упоминается женское имя Дити. Но есть

основания полагать, что Дити - это простое отражение Адити, а изначально было исключено из лицензии чтеца. Более поздние чтецы, однако, рассматривали каждую букву в столь священной книге или даже пропуск буквы как имеющую вечное значение, Дити — эта обезглавленная Адити — эволюционировала в отдельное и могущественное существо, и, поскольку каждая ниша благодеяния была занята своим богом или богиней, новая форма сразу же была низведена до вновь определенного царства зла, где она осталась матерью врагов богов, Дайтьев. К несчастью, этот несчастный случай соответствовал древней тенденции, согласно которой Фурии и Пороки со скандальным постоянством описывались в женском роде.

Близкое сходство между этими двумя названиями индуистской мифологии, представляющими по отдельности лучшее и худшее, может быть, таким образом, случайным и служит лишь для того, чтобы показать, как тенденция к демонизации, после того как она началась, смогла поставить себе на службу даже самые тривиальные происшествия. Но обычно имена демонов и целых рас демонов сообщают гораздо больше, чем это; и ни в каком другом исследовании, кроме того, что нам предстоит, не нужно помнить, что имена - это вещи. Филологические факты служат замечательным подтверждением уже сделанных заявлений относительно первоначальной идентичности демона и божества. Само слово 'демон', как мы уже говорили, изначально имело доброе, а не злое значение. Санскритское *дэва*, "сияющий", *зэндэва*, соответствует греческому *θεός*, латинскому *deus*, англосаксонскому *Tiw*; и остаются в "божестве", "двойке" (вероятно; оно существует в армориканском, *teuz*, призрак), "девелу" (цыганское имя Бога) и персидском *div*, демон. Демон Сократа представляет собой олицетворение существа, все еще доброго, но, без сомнения, находящегося на пути отхода от чистой божественности. Платон заявляет, что хорошие люди после смерти становятся 'демонами', и он говорит, что 'демоны - это репортеры и посредники между богами и людьми'. Знакомое нам слово *пугало*, своего рода прозвище злого духа, происходит от славянского слова, обозначающего Бога — *болото*. Появившись здесь, на Западе, как *bogey* (валлийское *bwg*, гоблин), это слово *bog* возникло, вероятно, как 'Бага' из клинописных надписей, имя Высшего Существа, или, возможно, индуистское 'Бхага', Повелитель Жизни. В "Библии епископа" встречается отрывок: "Ты не должен бояться никаких *насекомых* ночью": это слово было изменено на 'ужас'. Когда мы переходим к конкретным именам демонов, мы обнаруживаем, что многие из них несут на себе следы того великолепия, от которого они отказались. "Шива", индуистский бог разрушения, имеет значение ("благоприятный"), производное от *Svī*, "процветать" — таким образом, идеально соотносится с Плутоном, 'богатством' - и, действительно, в более поздние эпохи, по-видимому, достиг наибольшего возвышения. В истории персидской поэмы "Маснави" Ариман упоминается вместе с Бахманом как огненный демон, к классу которого относятся магические демоны и джины в целом; что, учитывая святость огня, является свидетельством их высокого происхождения. Авиценна говорит, что гении - это эфирные животные. Люцифер — светоносный — падший ангел утренней звезды. Локи — ближайшее к злой силе из скандинавских олицетворений — это немецкое *leucht*, или свет. Азazel — слово, неточно переводимое как "козел отпущения" в Библии, — по-видимому, изначально был божеством, поскольку первоначально израильтяне должны были принести в жертву одного козла Иегове, а другого Азазелю, имя, которое, по-видимому, означает 'сила Божья'. Гезениус и Эвальд считают Азазеля демоном, принадлежащим к домоисеевой религии, но вряд ли можно сомневаться в том, что четыре архидемона, упомянутых раввинами — Самаэль, Азazel, Асаэль и Маккафиэль — являются олицетворениями стихий как энергий божества. Самаэль, по-видимому, означает

"левую руку Бога"; Азазель - его силу; Асаэль - его репродуктивную силу; и Маккафиэль - его карательную силу, но происхождение этих имен сомнительно.

Хотя Азазель в настоящее время является одним из мусульманских имен дьявола, оно, по-видимому, близко связано с Аль-Уззой из Корана, одной из богинь, о которых существует знаменательное предание, что однажды, когда Мухаммед прочитал из суры под названием "Звезда" вопрос: "Что вы думаете об Аллат, Аль-Уззе и Манах, другой третьей богине?", он сам добавил: "Это самые возвышенные и прекрасные девицы, на заступничество которых следует надеяться", - ответ впоследствии приписывается Мухаммеду. внушение сатаны.⁶ Велиал - это просто слово, обозначающее безбожие; оно стало персонифицированным из-за неправильного понимания фразы из Ветхого Завета переводчиками Септуагинты и, таким образом, вошло в христианский обиход, как во 2 Кор. vi. 15: "Какое согласие у Христа с Велиалом?" Это слово не используется как имя собственное в Ветхом Завете, и позднее сотворение из него демона может быть объяснено случайностью.

Даже там, где имена демонов и дьяволиц не несут на себе таких следов их деградации по сравнению с состоянием божеств, им, как правило, приписываются характеристики или связанные с ними мифы, которые указывают в указанном направлении. Так обстоит дело с сатаной, о котором много нужно сказать ниже, чье еврейское имя означает "противник", но который в Книге Иова фигурирует среди сынов Божьих. Имя, данное дьяволу в Коране — Эблис — почти наверняка *диаболос* сарабизировано; и хотя это греческое слово встречается у Пиндара⁷ (5 век до н.э.), означающее клеветника, басни в Коране об Эблисе описывают его как падшего ангела высшего ранга.

Одним из самых ярких свидетельств падения демонов с небес является широко распространенное убеждение в том, что они хромы. М-р Тайлор указал на любопытную живучесть этой идеи в различных этнических линиях развития.⁸ Гефест был искалечен в результате своего падения, когда Зевс сбросил его с Олимпа; и не так уж удивительно, что в английской пародии на хромящего Вулкана, представленной в "Вэйленде-Кузнеце",⁹ появляется намек, отмеченный м-ром Коксом, на имя "Вала" (покрывающий), одно из обозначений дракона, уничтоженного Индрой. "В романе сэра Вальтера Скотта, - говорит мистер Кокс, - Уэйленд - простой самозванец, который пользуется популярным суеверием, чтобы сохранить видимость таинственности в отношении себя и своей работы, но персонаж, за которого он себя выдает, принадлежит подлинной тевтонской легенде".¹⁰ Персидский демон Ашма — Асмодей из Книги Товита — появляется с той же характеристикой хромоты в 'Дьяволе Буате' Ле Сажа. Дубинка или раздвоенная нога христианского дьявола пользуется дурной славой.

Возможно, даже рога, которые в народе приписывают дьяволу, произошли от ореола, указывающего на славу его 'первого сословия'. Сатана изображен на различных реликвиях раннего искусства в ореоле, как на миниатюре десятого века (из Библии № 6, Биб. Рой.), данное М. Дидроном.¹¹ Тот же автор показал, что Пан и Сатиры, которые имели так много общего с формированием нашего рогатого и копытного дьявола, первоначально получили свои рога из того же высокого источника, что и Моисей в старых Библиях,¹² и в его великой статуе в Риме работы Микеланджело.

Именно благодаря этой мифологической истории самые могущественные демоны ассоциировались в народном воображении со звездами, планетами (Кету в Индии, Сатурн и

Меркурий - 'Несчастья'), кометами и другими небесными явлениями. Примеров этого так много, что невозможно рассматривать их здесь, где я могу только надеяться предложить несколько иллюстраций подтвержденных принципов; и в данном случае это менее важно для английского читателя из-за интересного тома, в котором предмет был специально рассмотрен.¹³ Кстати, астрологические демоны и дьяволицы также должны время от времени возникать в процессе нашего исследования. Но, вероятно, некоторым из моих читателей известно, что страх перед кометами и метеоритными дождями все еще сохраняется во многих частях христианского мира и что страх перед несчастливыми звездами не исчез вместе с астрологами. Существует шотландская легенда, рассказанная Хью Миллером о мстительном демоне-метеоре. Шкипер, пришвартовавший свое судно недалеко от Логова Мориала, развлекался, наблюдая за огнями разбросанных фермерских домов. После того, как все остальные погасли, один огонек еще некоторое время горел. Когда и этот свет исчез, капитан корабля увидел большой метеор, который с шипением приближался к коттеджу. Завыла собака, прокукарекала сова; но когда огненный шар почти достиг крыши, из дома донесся крик петуха, и метеор снова взмыл ввысь. Это повторилось трижды, и метеор при третьем крике петуха вознесся среди звезд. На следующий день капитан корабля отправился на берег, купил петуха и увез его с собой. Вернувшись из своего путешествия, он поискал коттедж и не нашел ничего, кроме нескольких почерневших камней. Почти шестьдесят лет назад недалеко от этого места был найден человеческий скелет, сложенный вдвое, как будто тело забили в яму: это оживило легенду и, вероятно, добавило некоторые из тех черт, которые делают его настоящей мозаикой в мифологии Астреи.¹⁴

Легендарное 'падение Люцифера' на самом деле означает процесс, аналогичный тому, который был замечен в случае с Саранью. Утренняя звезда, подобно утреннему светилу, как разоблачительница деяний тьмы, становится мстителем и в результате эволюции подстрекателем зла, которое она изначально раскрыла и наказала. Можно также отметить, что, хотя мы унаследовали фразу "Демоны тьмы", это было древнее раввинское поверье, что демоны разгуливали в темноте не только потому, что это облегчало их нападения на человека, но и потому, что, имея светящиеся формы, они могли лучше узнавать друг друга на фоне темноты.

Глава 4. Абготт

Бывший бог-Божества, демонизированные завоеванием—Теологическая вражда—
Иллюстрация из Авесты—Поклонение дьяволу, арестованный деизм—Шейх Ади-Почему демонов рисовали уродливыми—Пережитки их красоты.

Феномены превращения божеств в демонов встречаются изучающим демонологию на каждом шагу. Нам придется рассмотреть множество примеров, подобных тем, которые были упомянуты в предыдущей главе; но на данном этапе нашего исследования необходимо представить достаточное количество примеров, чтобы установить тот факт, что в каждой стране действовали

силы, направленные на превращение первобытных богов в разновидности зла, в качестве предварительного рассмотрения природы этих сил.

Мы находим историю феномена, предложенную немецким словом, обозначающим идола, *Abgott* — бывший бог. Затем у нас есть "язычник", сельский житель, и "язычница" с вересковой пустоши, обозначающие тех, кто остался верен своим старым богам после того, как другие сменили свою веру на новую. Эти слова подводят нас к рассмотрению влияния на религиозные концепции борьбы, которая происходила между расами и нациями, и, следовательно, между их религиями. Следует иметь в виду, что к тому времени, когда какие-либо племена соберутся в единую нацию, одной из сильнейших сил, обеспечивающих ее сплоченность, будет ее жречество. Как только стало всеобщим убеждением, что во вселенной существуют Силы добра и зла, должен был возникнуть народный спрос на средства завоевания их благосклонности; и этот спрос всегда приводил к появлению священнослужителей, претендующих на то, чтобы связывать сверхъестественные существа или оказывать на них влияние. Эти священнослужители олицетворяют самые сильные мотивы и страхи народа, и постепенно они превратились в крупные институты, затрагивающие могущественные интересы. Таким образом, каждое вторжение, столкновение или смешение рас приводило к соприкосновению и соперничеству их соответствующих религий; и поскольку не было известно ни одного жречества, которое мирно соглашалось бы на собственное падение и деградацию своих божеств, нам не нужно удивляться, что велись бесконечные войны за религиозное господство. Нет ничего необычного в том, что секты обвиняют друг друга в идолопоклонстве. В прежние времена правилом для каждой религии было объявлять богов своего противника дьяволами. Григорий Великий писал своему миссионеру в Британии аббату Меллитусу, второму епископу Кентерберийскому, что 'в то время как люди привыкли приносить в жертву много быков в честь демонов, пусть они празднуют религиозный и торжественный праздник и не убивают животных дьяволу (*diabolo*), а съедают их самих во славу Божью'. Таким образом, поклонение мясным блюдам тем божествам наших предков, которых папа римский объявляет демонами, которое совершалось главным образом на Святки, сохранилось на наших более уютных рождественских банкетах. Такова была судьба всех божеств, которых христианство пыталось подавить. Но это было привычкой религий на протяжении многих веков до этого. Они никогда не отрицали фактического существования божеств, которых они подавляли. Это было бы слишком большим оскорблением народных верований и могло бы вызвать реакцию; и, кроме того, каждая новая религия была по-своему заинтересована в сохранении основы веры в этих невидимых существ. За неверием в само существование старых богов может последовать дух скептицизма, который может поставить под угрозу новых. Поэтому пропагандисты поддерживали существование местных богов, но называли их дьяволами. Иногда войны или сношения между племенами приводили к их слиянию; завязывалась битва между противоположными религиями, и в этом случае достигался компромисс, благодаря которому несколько божеств разного происхождения могли продолжать жить вместе в одной расе и получать равное почитание. Различная степень важности, приписываемая отдельным личностям индуистской триады в различных местностях Индии, предполагает вполне вероятное, что Брахма, Вишну и Шива своим союзом обозначали политическое единство определенных районов этой страны.¹⁵ Смешение имен Конфуция и Будды во многих китайских и японских храмах может показать нам аналогичный процесс, происходящий сейчас, и, действительно, различные этнические идеи, объединенные в христианскую Троицу, делают указанный факт легко интерпретируемым. Но религиозные трудности иногда не поддавались

компромиссу. Верх одерживало самое могущественное жречество, и они использовали любую изобретательность, чтобы унижить богов своих противников. Агатодемоны были превращены в какодемонов. Змей, которому поклонялись во многих странах, мог быть принят как опора спящего Вишну в Индии, мог ассоциироваться с радугой ('небесным змеем') в Персии, но в других местах его проклинали как самого гения зла.

Действие этой силы, приводящее к деградации божеств, особенно ярко проявляется в Священных книгах Персии. В этой стране великие религии Востока, по-видимому, боролись друг с другом с особой яростью, и их борьба, вероятно, сыграла важную роль в возникновении одной или нескольких ранних миграций в Западную Европу. Великая небесная война между Ормуздом и Ариманом — Свет и Тьма — соответствовала жестокому теологическому конфликту, одним из результатов которого является то, что слово *дэва*, означающее "божество" у брахманов, означает 'дьявол' у парсов. Следующий отрывок из "Зенд-Авесты" послужит примером того духа, в котором велась война:

"Все ваши дэвы — всего лишь разнообразные дети Злого Разума - и великого, который поклоняется Саоме лжи и обманов; помимо вероломных поступков, которыми вы печально известны во всех семи регионах земли.

"Ты выдумал все зло, о котором говорят и делают люди, которое действительно приятно Дэвам, но лишено всякой доброты и потому погибает перед постижением истины мудрых.

"Таким образом, вы лишаете людей их доброго разума и бессмертия своими злыми умами — как через умы Дэвов, так и через умы Злого Духа — посредством злых дел и злых слов, в результате чего сила лжецов растет".¹⁶

То есть Наш бог — истинный, а ваш бог - дьявол.

Зороастрийское превращение *дэва* (deus) в *дьявола* не само по себе представляет работу этого *oodium theologicum*. В ранних гимнах Индии богам дается название *асуры*. Асура означает дух. Но со временем *масура*, как и демон, приобрела злое значение: богов стали называть *сурами*, демонов - *асурами*, и, как говорили, они сражались вместе. Но в Персии *асуры*, демонизированные в Индии, сохранили свою божественность и дали имя *ахура* верховному божеству Ормузду (Ахура-мазде). С другой стороны, как предполагает м—р Мьюир, *Варенья*, применяемое к злым духам тьмы в Зендавесте, связано с Варуной (Небесами); а ведический Индра, царь богов—Солнце - назван в зороастрийской религии одним из главных советников этого Князя Тьмы.

Но в каждой стране, завоеванной новой религией, как мы видели, всегда найдутся те, кто будет держаться за старое божество при всех своих изменившихся судьбах. Их будут называть 'фанатиками', но все же они будут придерживаться древней веры и практиковать старые обряды. Иногда даже после того, как им пришлось уступить популярной терминологии и назвать старого бога дьяволом, они найдут какую-нибудь причину для продолжения переданных форм. Вполне вероятно, что этой причине первоначально были обязаны религии, которые развились в то, что сейчас называется поклонением дьяволу. Отчетливое и общепризнанное поклонение Силе зла, отдающее предпочтение добру, представляет собой довольно поразительный феномен, когда преподносится открыто; как, например, в молитве мадагаскарцев к Ньянгу, автору книги "Зло", цитируемой доктором Ревилем: 'О Замхор! тебе мы не возносим молитв. Доброго бога не нужно просить. Но мы должны молиться Ньянгу. Ньянга нужно умиловить. О

Ньянг, злой и сильный дух, пусть не гремит гром над нашими головами! Скажи морю, чтобы оно оставалось в своих пределах! Пощади, о Ньянг, созревающий плод и не засушивай цветущий рис! Пусть наши женщины не рожают детей в проклятые дни. Ты царствуешь, и ты это знаешь, над нечестивыми; и велико их число, о Ньянг. Тогда не мучайте больше добрый народ!"¹⁷

Это естественно и наводит на мысль о преступнике, приговоренном к смертной казни, который, когда его спросили, не боится ли он встречи со своим Богом, ответил: 'Ни в малейшей степени; я боюсь той, другой стороны'. И все же вряд ли можно сомневаться в том, что поклонение Ньянгу началось в эпоху, когда он ни в коем случае не считался морально более низким, чем Замхор. То, как теория дуализма, будучи достигнутой, может привести к феномену, называемому поклонением дьяволу, проиллюстрировано на примере езидов, ныне столь печально известных этим видом религии. Обычно предполагается, что их теория полностью представлена выражением, произнесенным одним из них: "Не вознаградит ли сатана бедных Изеди, которые единственные никогда не говорили о нем плохо и так много страдали за него?"¹⁸ Но эти слова, без сомнения, знаменательны для основополагающего факта: они 'никогда не говорили плохо' о сатане, которому поклоняются. Мусульманин называет езиди поклоняющимся сатане только так, как ранний зороастриец считал, что поклоняющийся *дэвубыл* тем же самым. Главным объектом поклонения езидов является фигура птицы *Таус*, полумифического павлина. Профессор Кинг из Кембриджа прослеживает *Taous* этой ассирийской секты до "священной птицы по имени феникс", изображение которой, увиденное Геродотом (ii. 73) в Египте, описывается им как "очень похожее на орла очертаниями и размерами, но с оперением частично золотистого, частично малинового цвета", и которая, как говорили, каждые пятьсот лет возвращается в Гелиополис, чтобы сжечь себя на алтаре Солнца, чтобы другой мог восстать из ее пепла.¹⁹ Теперь имя Езедис - это просто Изедс, гении; и таким образом, мы указываем на Аравию, где вера в гениев наиболее сильна, а также связана с мифической птицей *Рохиз* ее фольклора. Там мы находим Мухаммеда, осуждающего популярную веру в некую птицу по имени Хамах, которая, как говорили, принимает форму из крови рядом с мозгом мертвого человека и улетает, однако по истечении ста лет возвращается, чтобы посетить могилу этого человека. Но это ни в коем случае не поклонение дьяволу, и мы не можем найти никаких следов этого в самом священном писании езидов, "Панегирике шейху Ади". Этот шейх унаследовал от своего отца, Мусафира, святость воплощения божественной сущности, о которой он (Ади) говорит как о "Всемилоствителе".

Своим светом он зажег светильник утра.

Я тот, кто поместил Адама в мой Рай.

Я тот, кто превратил Нимрода в горячий пылающий огонь.

Я тот, кто вел Ахмета, избранного мной,

Я подарил ему свой путь и наставления.

Все мои существования вместе взятые,

Они - мой дар и находятся под моим руководством.

Я - тот, кто обладает всем величием,

А благодеяние и милосердие - от моей милости,

Я есмь тот, кто проникает в сердце мое усердием;

И я сияю силой своего ужаса и величия.

Я тот, к кому пришел лев пустыни:

Я упрекнул его, и он стал как камень.

Я тот, к кому пришел змей,

И своей волей я превратил его в прах.

Я тот, кто потряс скалу и заставил ее задрожать,

И сладкая вода текла оттуда со всех сторон.²⁰

Почтение, проявленное в этих священных фразах к еврейским именам и традициям — например, к Адаму в раю, Маре и обрушившейся скале — и к Ахмету (Мухаммеду), по-видимому, получило свое единственное воздаяние в виде отвратительного обозначения поклонников *Тауса* дьяволопоклонниками, ярлык, который езиды, возможно, приняли, как Уэсли и Друзья приняли такие названия, как "методисты" и "квакеры".

Мухаммед искупил вину за многих божеств, которых он низвел до дьяволов, тем, что сам превратился в идола (маумет) - презрительный термин, тем более популярный из-за его сходства с 'ряженым'. Несмотря на его обвинения в идолопоклонстве, несомненно, что эта более ранняя религия, представленная езидами, никогда не была полностью подавлена даже среди его собственных последователей. В интересной коллекции доктора Лейтнера есть лампа, которую он приобрел в мечети, выполненная в форме павлина, и это лишь одна из многих подобных реликвий примитивной или инопланетной символики, найденных среди мусульманских племен.

Рис. 2. Ручка индуистской чаши.

Эволюция демонов и дьяволиц из божеств стала реальностью для народного воображения в каждой стране, где новая религия обнаружила существование искусства, и благодаря союзу с ним получила возможность формировать идеи людей. Теоретическая деградация божеств, с которыми ранее справедливо ассоциировались, могла быть завершена только там, где они были представлены глазу в отталкивающих формах. Каждому легко придет в голову, что разумно понятый демон или дьяволица не были бы отталкивающими. Если бы это был демон, которого человек хотел бы изобразить, простой эвфемизм предотвратил бы превращение его в одиозного. Главная характеристика демона — то, что отличает его от дьявола, — это, как мы видели, то, что у него есть реальный и человеческий мотив для любого зла, которое он причиняет. Если она поражает или поглощает человека, то это происходит не из-за простой злобности, а потому, что вызвана муками голода, похоти или другими страданиями, подобно изголодавшемуся волку или акуле. И если бы жертвоприношения в виде пищи приносились для удовлетворения его потребности, в равной степени мы могли бы ожидать, что при попытке изобразить это не было бы нанесено ненужного оскорбления. Но если бы это был дьявол — существо, приводимое в действие простой злобой, — одна из его основных функций, искушение, была бы уничтожена безобразием. Для работы по обольщению мы могли бы ожидать, что дьявол примет облик ангела света, но ни в коем случае не приблизится к намеченной жертве в каком-либо ужасном обличье, которое оттолкнуло бы каждого смертного. Великие образы зла, независимо от того, воображаются ли они спекулятивным или религиозным чувством, изначально никогда не были уродливыми. Богов можно было бы описать как падающих стремительно, подобно молнии с небес, но в народном воображении они долгое время сохраняли большую часть своего великолепия. Сама изобретательность, с которой они впоследствии были облечены в уродливые формы религиозного искусства, свидетельствует о том, что в народе существовали определенные настроения по отношению к ним, которые необходимо было решительно изменить. Именно потому, что их считали красивыми, их пришлось нарисовать уродливыми; именно потому, что их — даже среди обращенных в новую религию — все еще втайне считали добрыми и услужливыми, была применена такая разработка отвратительных рисунков, чтобы исказить их. Графические изображения демонов и дьяволиц будут подвергнуты более детальному рассмотрению позже: пока достаточно указать на то, что традиционная чернота или уродство демонов и дьяволиц, как сейчас принято думать, никоим образом не противоречит тому факту, что они когда-то были популярными божествами. Контраст, например, между ужасной физиономией сатаны в обычном христианском искусстве и теологическим представлением его как Искусителя очевиден. Если бы замысел искусства заключался в том, чтобы представлять теологическую теорию, сатана был бы изображен в увлекательной форме. Но замысел был не в этом; он состоял в том, чтобы вызвать ужас и антипатию к местным божествам, за которые цепко цеплялись невежды. Это было сделано для того, чтобы приучить детей думать о все еще тайно почитаемых идолах как о страшных и звериных существах. Поэтому важно, чтобы мы остерегались путать спекулятивные или моральные попытки человечества персонифицировать боль и зло с уродливыми и жестокими демонами и дьяволицами искусственных суеверий, чаще всего изображаемых на церковных стенах. Иногда их устанавливают для поддержки водостоков, часто кронштейнов, на которых держатся их враги, святые. Это очень древнее устройство. Наша цифра 2 взята с ручки чаши, принадлежащей сэру Джеймсу Хукеру, которая,

вероятно, предназначалась для хранения святой воды Ганга. Это не настоящие демоны или дьяволы, а тщательно карикатурные божества. Кто, глядя на оскаленные звериные формы, вырезанные на крыше любой старой церкви — например, в аббатстве Мелроуз и Йоркском соборе²¹, — которые, есть основания полагать, представляют примитивных божеств, изгнанных изнутри силой святой воды и прикованных к несвойственному им служению по поддержанию водосточного желоба на крыше, - может увидеть в этих горгульях (фр.*gargouille*, дракон) что угодно, кроме вырезанных проклятий? Были ли это такие уродливые существа, хранители своих ручьев, холмов и лесов, которым наши предки посвящали падуб и омелу, или с ними они ассоциировали свои цветы, фрукты и дома? Это были карикатуры, вдохновленные миссионерами, созданные для отталкивания и отвращения, в то время как изображения святых рядом с ними были вырезаны по красоте, чтобы привлекать. Если бы язычники были художниками, привлекательная внешность была бы на другой стороне. И действительно, существовало искусство, бессознательными обладателями которого были эти язычники, с помощью которого нам были переданы истинные характеры воображаемых существ, которым они поклонялись. В баснях их фольклора мы находим Фей, олицетворяющих дух богов и богинь, к которым их легко отнести. Той богиней, которую в христианские времена изображали в виде ведьмы верхом на метле, была Фригга, мать-Земля, ассоциировавшаяся с первыми священными привязанностями, собирающимися вокруг очага; или Фрейя, само имя которой было освящено *vfräu*, женщина и супруга. Мантия Берты не скрывала большей нежности, когда упала на плечи Марии. Немецкое детское имя дохристианской мадонны было Мать Роза: с прялкой в руке она наблюдала за трудолюбивыми людьми, занятыми домашней работой: она вертелась возле коттеджа, возможно, чтобы найти там какую-нибудь плачущую Золушку и обратить ее красоту в прах.

Глава 5. Классификация

Препятствия, стоящие перед человеком — Двенадцать основных классов—Модификации определенных форм для различных функций—Теологические демоны.

Заявления, сделанные относительно честных имен главных демонов и дьяволиц, которые преследовали воображение человечества, усиливают контраст между их небесным происхождением и функциями, приписываемыми им в их деградировавших формах. Теория дуализма, представляющая собой необходимый этап в умственном развитии каждой расы, требовала пополнения демонов, и это пополнение поступало от бесчисленных свергнутых с престола, объявленных вне закона и падших божеств и ангелов, которые последовали за порабощением рас и их религий. Но хотя их небесное происхождение могло остаться вокруг них в какой-нибудь незначительной легенде или характеристике, а также в их названиях, злой феномен, которому каждый из них давался в качестве объяснения, придавал реальную форму и действие, с которыми он или она ассоциировались в народных суевериях. Таким образом, в демонах, в которых верили люди, мы находим полный перечень препятствий, с которыми им

приходилось бороться в долгой борьбе за существование. В "Дьяволах" мы в равной степени открываем историю моральной и религиозной борьбы, через которую пришлось пройти священнослужителям и церквям. И будет обнаружено, что относительная распространенность того или иного конкретного класса демонов или дьяволиц и интенсивность веры в любой класс, показанная количеством пережитков от него, довольно точно отражают степень, в которой представляемое им особое зло поражало первобытного человека, что подтверждается другими отраслями доисторических исследований.

Что касается функционирования, то демоны, которых нам придется рассмотреть, представляют- 1. Голод; 2. Чрезмерная жара; 3. Чрезмерный холод; 4. Разрушительные элементы и физические конвульсии; 5. Разрушительные животные; 6. Враги человека; 7. Бесплодие Земли, как скалы и пустыни; 8. Препятствия, как река или гора; 9. Иллюзия, соблазнительные, невидимые и таинственные агенты, вызывающие заблуждения; 10. Темнота (особенно когда она необычна), сны, кошмары; 11. Болезнь; 12. Смерть.

Эти классы выбраны с учетом необходимых ограничений как представляющие двенадцать главных трудов человека, которые придали форму большинству преследующих его демонов, в отличие от его дьяволиц. Конечно, все классификации такого рода следует понимать как сделанные для удобства, и разделение не следует проводить слишком резко. То, что Плотин сказал о богах, что каждый из них содержит в себе все остальное, в равной степени верно как для демонов, так и для дьяволов. Демоны Голода тесно связаны с демонами Огня: Агни пожрал своих родителей (две палочки, поглощенные пламенем, которое они производят); и от них мы легко переходим к стихийным демонам, таким как молния или демоны лихорадки. И точно так же мы находим взаимосвязь между другими разрушительными силами. Тем не менее, проводимые различия не являются причудливыми, а существуют в ясных и безошибочных представлениях об особых склонностях и занятиях демонов; и поскольку мы имеем дело не с природными явлениями, а с суевериями относительно них, единственная необходимость этой классификации состоит в том, чтобы она не была произвольной, а действительно упростила огромную массу фактов, с которыми приходится сталкиваться изучающему демонологию.

Но есть несколько моментов, которые требуют особого внимания в качестве предварительных к рассмотрению этих различных классов демонов.

Во-первых, следует иметь в виду, что одна демоническая форма часто проявляется в различных функциях, и что их не следует путать. Змея может олицетворять молнию, или спираль вихря, или смертельный яд; землетрясение может олицетворять проглатывающего демона Голода или ярость закованного в цепи гиганта. Не следует упускать из виду отдельные функции, поскольку они иногда сводятся к одной форме, а их практический характер не может быть замаскирован их прекрасными эвфемистическими или мифологическими названиями.

Во-вторых, одна и та же форма неоднократно встречается как в дьявольской, так и в демонической функции, и здесь в сознании читателя должно сохраняться четкое различие. Различие, уже проведенное между демоном и дьяволом, не произвольно: слово демон связано с божеством; слово дьявол, хотя иногда и связывается с санскритским *дэва*, на самом деле не имеет к нему никакого отношения, но имеет плохой смысл как "клеветник": но даже если бы не было такой этимологической идентичности и различия, было бы необходимо различать такие широко разделенные должности, как те, которые представляют разрушительные силы природы, когда им приписываются понятные человеку мотивы, с одной стороны, и зло,

приписываемое чистой злобе или принципу зла, с другой . Дьявол действительно может представлять дальнейшую эволюцию в линии, на которой появился Демон; Ариман Злой в конфликте с Ормуздом Добрым может быть одухотворением конфликта между Светом и Тьмой, Солнцем и Облаком, представленного в ведических Индре и Вритре; но эти две фазы представляют разные классы идей, фактически разные миры, и понимание обоих требует тщательного различения, даже когда они связаны с одними и теми же формами и именами.

В-третьих, существует важный класс демонов, о которых читатель, возможно, ожидает найти полное описание в части моей работы, более конкретно посвященной демонологии, которую следует отложить или проследить дальше в той части, которая касается дьявола; это формы, которые в своей первоначальной концепции были в значительной степени благотворными, но приобрели дурную славу главным образом благодаря анафеме теологии. Шахматная доска, на которой восседал Осирис, развивалась в виде множества примитивных форм света, противостоящих формам тьмы. Зло некоторых из них идеально; другие морально земноводны: Терафимы, Ларесы, гении были предками ангелов-хранителей и святых покровителей современности; чаще всего они были в образе собак и кошек и престарелых человеческих предков, которые, как предполагалось, несли вахту и оберегали дом, подобно дружелюбному Домовому, уважаемому в России; приписываемые им злой нрав и вредоносность частично естественны, но частично также богословичны, и связаны с трудностью замены их святыми покровителями и ангелами. Деградация благотворных существ, уже описанная в связи с крупными демоническими и дьявольскими формами, должна пониматься как постоянно действующее в мельчайших деталях бытовое суеверие, с какой странной реакцией и важным результатом мы столкнемся, когда перейдем к рассмотрению феноменов колдовства.

Наконец, следует отметить, что природа нашего исследования делает рассмотрение происхождения мифов — будь то "солнечных" или других — второстепенным. На такое происхождение необходимо будет указать и обсудить попутно, но нашим главным моментом всегда будут формы, в которых мифы воплотились, и их модификации в различных местах и временах, являющиеся результатом тех реальных переживаний, которыми в основном занимается демонология. Миф, как указывали многие способные авторы, по своему происхождению является объяснением нецивилизованным умом какого-либо природного явления — не аллегорией, не эзотерическим вымыслом. По этой причине он обладает текучестью и принимает разнообразные формы. Кажущийся сон солнца зимой может быть представлен в широком спектре мифов, от "Семи спящих" до "Человека на Луне" из нашего детского стишка; но все вариации связаны с фактами и обстоятельствами. Сравнительная мифология в основном связана с единственной нитью, проходящей через них и связывающей их всех с первоначальным мифом; задача демонологии состоит скорее в том, чтобы обнаружить силы, придавшие им различные формы. Если будет показано, что Ортрос и Цербер были в первую очередь утренними и вечерними сумерками или воющим ветром, любая интерпретация здесь вторична по отношению к их персонификации в виде собак. Демонологи задались бы вопросом, почему собаки? почему не быки? Его ответ в каждом случае отделяет от предшествующего мифа его модус и показывает это как определяющую силу последующих мифов.

ЧАСТЬ 2. ДЕМОН

Глава 1. Голод

Голод-демоны—Кефн—Миру—Кагура—Раху, индуистский пожиратель солнца—Земное чудовище в Пелсалле—Франконский обычай—Шейтан как пожиратель луны—Индуистские подношения мертвым—Гули—Гоблины—Вампиры—Худоба демонов—Старый шотландский обычай.—Происхождение жертвоприношений.

В каждой части земли первой борьбой человека была борьба за пропитание. С помощью всего лишь грубого орудия из камня или кости он должен был добывать рыбу из моря, птицу из воздуха, зверя из леса. Веками, имея такое скудное оборудование, ему приходилось добывать ненадежные средства к существованию у природы. Он также видел, что каждая живая форма вокруг него подобным же образом пыталась утолить свой голод. Казалось, повсюду витал Дух Голода. И в то же время существовало такое сопротивление удовлетворению потребностей человека — птицу и рыбу было так трудно достать, скупая земля с такой готовностью давала ему камень, когда он просил хлеба, — что он пришел к выводу, что должны существовать невидимые прожорливые существа, которые хотели всего хорошего для себя. Итак, древний мир был населен огромным выводком демонов Голода. Есть африканское племя каренс, чье представление о дьяволе (кефне) представляет собой огромный живот, парящий в воздухе; и этот отталкивающий образ можно рассматривать как прообраз почти половины демонов, которые преследовали человеческое воображение. Это тоже ужасная Миру со своими дочерьми и рабыней, преследующая жителя острова Южных морей. ‘Эзотерическая доктрина жрецов заключалась в том, что души покидают тело до того, как дыхание полностью прекратится, и отправляются к краю утеса, обращенному к заходящему солнцу (Ра). Большая волна теперь приближается к подножию утеса, и гигантское *дерево*буа, покрытое благоухающими цветами, вырастает из Авайки (нижнего мира), чтобы принимать на своих раскидистых ветвях человеческие духи, которые таинственным образом собираются на его ветвях. Когда, наконец, мистическое дерево покрывается человеческими духами, оно спускается со своим живым грузом в нижний мир. Акаанга, раб страшной Миру, владычицы невидимого мира, безошибочно ловит всех этих несчастных духов в свою сеть и плавает с ними взад и вперед в озере. В этих водах плененные призраки изнуряют себя, извиваясь, как рыбы, в тщетной надежде спастись. Сеть натягивается, и полужатонувшие духи оказываются в присутствии ужасного Миру, олицетворяющего уродство. Секрет власти Миру над намеченными жертвами заключается в корне "кава" (*Piper mythisticum*). Четыре ее очаровательные дочери готовят чашу этого напитка для каждого посетителя the shades. Одурманенные напитком, не сопротивляющиеся жертвы переносятся в мощную печь и готовятся. Миру, ее несравненные дочери, ее сын, любящий танцы, и обслуживающий персонал питаются исключительно человеческими духами, которых заманивают в нижний мир

и затем готовят. Чаши для питья Миру - это черепа ее жертв. В песне ее называют 'Миру-румяная', потому что ее щеки всегда пылают от жара печи, в которой готовят ее пленниц. Поскольку самый верный путь к Миру - умереть естественной смертью, не стоит удивляться тому, что преподобный мистер Гилл, который делал эти заявления в Лондонском антропологическом институте (8 февраля 1876 г.), слышал "много анекдотов о престарелых воинах, едва способных держать копье, настаивающих на том, чтобы их вели на поле битвы в надежде завоевать дом храбрецов". Поскольку рай Южных морей, по-видимому, заключается в вечном военном танце или, на одном острове, в вечном жевании сахарного тростника, не исключено, что "рай Южных морей" состоит из вечных танцев войны. пожилые люди ищут насильственной смерти главным образом для того, чтобы избежать печи. Здесь мы имеем замечательную иллюстрацию отличительной черты демона. Как бы ни была напугана Миру, можно отметить, что в ее действиях нет ни одного элемента беспричинной жестокости. Напротив, она даже снабжает своих жертв обезболивающим. Ее добычу просто ловят в сети, моют и готовят, поскольку для человека это низшие животные. Считается, что на одном из островов (Айтутаки) Миру прибегает к устройству, которое, безусловно, ужасно, а именно, изобретению, согласно которому каждая душа, попадающая в нижний мир, должна выпить чашу живых сороконожек; но это делается просто с одной целью — утолить ее собственные муки голода, поскольку цель и эффект напитка - заставить души утопиться, поскольку, по-видимому, только после полной смерти Миру и ее домочадцы могут приготовить их и съесть.

К счастью для островитян, Миру в своих пытках ограничена внеземной сферой, и для многих остается место между ее ужасной чашей и человеческими губами. Плавающий в животе Кефн, однако, не принадлежит к потустороннему миру. Однако мы видим его смягченную форму в некоторых других племенах. Гренландцы, финны, лапы придумали идею о существовании большого брюхатого демона, которого люди могли бы призвать, чтобы он пошел сосать коров или пожирать стада своих врагов; а у исландцев есть суеверие, что некоторые люди могут создать такого демона из костей и кожи и послать его превращать молоко или мясо крупного рогатого скота в запас плоти и крови. Подобная форма представлена в японской кагура (рис. 3), любимой маске январских танцоров и барабанщиков, ищущих денег. Кагура резко контрастирует с претами (сиам), которые, хотя и достигают двенадцати миль в высоту, слишком худы, чтобы их можно было разглядеть, а их рты настолько малы, что утолить их ужасный голод невозможно.

Вспарывание животов демонам в Траванкоре и других районах Индии и кровавые жертвоприношения, которыми местные жители умиляют их, - относительно которых миссионер наивно замечает, что даже эти язычники признают, хотя и в искаженной форме, "великую истину о том, что без пролития крови нет прощения грехов"²² — относятся к демону Голода. Они - порождение Кали, окруженное человеческими черепами.

Рис. 3 — Глотатель.

Экспедиция, отправившаяся в Индию для наблюдения последнего солнечного затмения, случайно стала средством привлечь внимание к удивительному выживанию демона Голода в связи с астрономическими явлениями. Пока английские наблюдатели приводили в порядок свой аппарат, туземцы приготовили охапку хвороста, и, как только началось затмение, они подожгли эту кучу и начали кричать и улюлюкать, танцуя вокруг нее. Не менее значимыми были народные обряды в целом. В честь затмения был устроен полупраздник. Гауты были переполнены благочестивыми верующими. Считается, что ни один индус не должен выполнять какую-либо работу во время затмения, и существовала общая тенденция продлевать праздник немного дольше точного времени, когда исчезает тень, и даже продлевать его на весь день. Все глиняные сосуды, использовавшиеся для приготовления пищи, были разбиты, а вся приготовленная еда в домах во время затмения была выброшена. Это считается временем особых благословений, если их правильно использовать, и ужасных последствий для людей, склонных к неортодоксальности или пренебрежению надлежащими обрядами. Между девятью и десятью часами вечера произошли два толчка землетрясения, последний был довольно неприятным, в течение нескольких секунд неудобно сотрясались столы и двери. Для местных жителей это не было неожиданностью — они твердо верят в связь затмений и землетрясений.²³

Особенно примечательно, что индусы разбивают свои кулинарные принадлежности во время затмения. В Копенгагене есть коллекция жертвенного оружия древних скандинавов, каждое сломанное, когда оно было принесено в жертву богу их победы в знак доброй воли, чтобы их не заподозрили в каком-либо намерении снова использовать то, что они отдали. По той же причине была предложена чаша — разбитая — вместе с возлиянием. Северянин почувствовал

себя в присутствии етуннов (великанов), чье имя Гримм отождествляет с Пожирателями. Для современного индуса церемонии, приличествующие затмению, какими бы важными они ни были, вероятно, имеют такое же мало рационального значения, как случайный Костер на Колокольне, освещающий некоторые темные уголки Европы, для тех, кто его строит. Но традиционные обряды восходят к детству мира, когда затмение представляло демона, пожирающего солнце, внимание которого криками и молитвами должно было быть привлечено к тому факту, что если ему нужен огонь, то его на земле предостаточно; а если пища, то все это может быть у него в домах, при условии, что он согласится утолить свой аппетит продуктами питания, менее важными, чем небесные светила.

Именно такую форму сейчас принял в Индии древний миф о затмении. Когда во время вспенивания океана в поисках нектара бессмертия демон с драконьим хвостом вкушал этот нектар, солнце и луна донесли на него, но только после того, как его голова стала бессмертной; и именно эта голова Раху стремится теперь поглотить информаторов - Солнце и Луну.²⁴ Мифологически этот Раху также был разделен; ибо впоследствии мы проследим его драконий хвост до эдемского сада и христианского дьявола, тогда как в Индии он был усовершенствован из мстительного до просто дьявола. ненасытный демон.

Костры, разожженные индусами, чтобы напугать Раху во время его последнего появления, могли бы свести на нет цель экспедиции из—за поднимавшегося дыма, если бы два офицера не прыгнули в костер и не разбросали топливо; но примерно в то время, когда эти отважные джентльмены затапывали костры суеверий, дым от которых затемнял видение науки, в Англии произошло событие, которое следует проследить до той же древней веры, а именно веры в то, что когда что-либо очевидно поглощается, например, солнце и луна в результате затмения, или деревня в результате землетрясения или наводнения. это работа голодного дракона, дождевого червя или другого монстра. Шахта Пелсалл была затоплена, и большое количество шахтеров утонуло. Когда несчастном случае стало известно в деревне, женщины вышли вместе с семьями несчастных мужчин и сели у устья затопленной ямы, на дне которой еще оставались мертвые тела. Затем эти женщины закричали в яму голосами, сильно отличающимися от обычных причитаний. Они также единодушно отказались пробовать какую бы то ни было пищу, заявив, когда на них стали настаивать, что до тех пор, пока они могут воздерживаться от еды, их мужья все еще могут быть пощады для них. Когда, наконец, было замечено, что одна бедная женщина, гонимая муками голода, съела корку хлеба, крики прекратились, и женщины, отказавшись от всякой надежды, молчаливой процессией направились к своим домам в Пелсалле.

Индусы, выбрасывающие еду из окна во время затмения, жены пелсаллов, отказывающиеся есть, когда шахту затопляет, действуют в силу незапамятной традиции и поэтому бессознательно делают то, что сознательно делает африканская женщина, когда она кладет на кровать своего больного мужа рис и мясо и умоляет демона сожрать их вместо мужчины. К тому же классу представлений относится старый обычай пытаться обнаружить тело утонувшего с помощью буханки хлеба с воткнутой в нее свечой, которая, как говорили, зависала над телом, и тело можно было заставить появиться, выстрелив по нему из ружья — то есть отпугнуть демона, держащего его. Разновидностью также является персидский обычай защищать роженицу, накрывая стол с лампой в каждом углу и раскладывая на нем семь видов фруктов и семь различных ароматических семян.

В 1769 году, когда Пеннант совершал свое "Путешествие по Шотландии", он обнаружил, что в Высокогорье полностью соблюдается церемония приготовления Белтейнского пирога первого мая и посвящения раздаваемых им кусочков птицам и хищным зверям с обращением к ужасному существу, агентами которого они якобы были, спасая стада. Демоны особенно любят молоко: Лэмбтонскому червю ежедневно требовалось молоко девяти коров; и Джером упоминает дьявольского младенца, который истощил шестерых кормилиц.

Дьявол номинально наследует среди крестьян христианского мира атрибуты демонов, которые предшествовали ему; но следует понимать, что в каждом случае, когда дьяволу приписывается простая прожорливость, имеется в виду примитивный демон, и этот факт суеверный крестьянин смутно осознает. Во Франконии, когда пекарь собирается поставить в печь бисквиты из теста, он сначала бросает в огонь полдюжины штук, приговаривая: 'Вот, бедняга! это для тебя.' Если потребовать объяснений, он признается в своих опасениях, что, если бы не это угощение, его печенье могло бы подгореть; но что у "бедняги" не злое сердце, а только жажда проказничать побуждает его. Следовательно, существо, которого он боится, — это, очевидно, вовсе не Дьявол, отличительной чертой которого является любовь ко злу ради него самого, а полуголодные жадные призраки, общим названием которых в христианских странах стало 'Дьявол'. От их жертвоприношений осталась благодать перед мясом. Однако в мусульманских странах "шейтан" сочетает в себе демоническую и злобную прожорливость. Во время позднего лунного затмения жители Перы и Константинополя стреляли из пушек по своим домам, чтобы отогнать "Шейтана" (сатану) от Луны, ибо, кем бы ни был враг, турок доверяет пороху. Но суеверия, представляющие сатану пожирателем, становятся редкостью. В церкви Нотр-Дам в Хале, Бельгия, на кафедре изображен дракон, пытающийся проглотить Библию, которая опирается на спину орла.

Существует другая, гораздо более грозная форма, в которой демон Голода предстает в демонологии. Любовь к крови, столь характерная для верховных богов, была распространена как особая жажда среди большого класса демонов. В легенде об Иштар, спускающейся в Аид²⁵ в поисках возлюбленного, она угрожает, если дверь не откроют —

Я воскрешу мертвых, чтобы они пожирали живых!

Мертвые будут охотиться На живых!

Эта угроза показывает, что халдейская и вавилонская вера в вампира, по-ассирийски называемого Аххару, была полностью развита в очень ранний период. Хотя демон Голода был очень полно развит в Индии, он, по-видимому, никогда не был таким каннибалистичным, возможно, потому, что местные жители не были большими плотоядными. В некоторых случаях, действительно, мы встречаемся с суевериями о вампирах; как в истории о Викраме и Вампирше и в тамильской драме "Харичандра", где обезумевшая Сандрамати говорит королю: 'Я принадлежу к расе эльфов, и я убила твоего ребенка, чтобы полакомиться его нежной плотью'. Такие выражения встречаются достаточно редко, чтобы оправдать подозрение в том, что они импортированы. Аппетит ветапы в основном на трупы. Бедные голодные демоны Индии — такие, как Бхут, мрачный, прожорливый призрак, которого боятся на закате луны в месяце Катик (октябрь-ноябрь), — как предполагалось, пожирают не человека, а только человеческую пищу. Индуистские демоны этого класса могут быть объяснены ссылкой на сраддху, или жертвоприношение предкам, указания относительно которого мы читаем в Кодексе Ману. "Предки людей целый месяц довольствовались *тилой*, рисом и т. Д.; два месяца рыбой и т. Д.

Гривы говорят: "О, пусть в нашем роду родится тот человек, который сможет давать нам молочную пищу с медом и чистым маслом как в тринадцатое число луны, так и когда тень слона падает на восток!" Кроважадные демоны Индии, как правило, были захвачены, подобно Кали, высшим символизмом, а их ненасытность систематизировалась и удовлетворялась в жертвенных обменах. Популярное поверье в южной части этой страны описано профессором Монье Уильямсом в письме, написанном из Южной Индии, где он отмечает, что только дьяволы нуждаются в умиловлении. Как правило, это простая процедура, совершаемая путем подношения пищи или других предметов, которые, как предполагается, приемлемы для бестелесных существ. Например, когда на Юге Индии умер некий европеец, некогда наводивший ужас на округ, в котором он жил, местные жители имели постоянную привычку класть на его могилу бренди и сигары, чтобы умиловить его дух, который, как предполагалось, бродил по окрестностям в беспокойной манере и с дурными наклонностями. То же самое было сделано для того, чтобы заручиться добрыми услугами филантропического духа великого европейского спортсмена, который при жизни избавил свой район от опустошительных действий тигров. Действительно, считается, что всем злым духам противостоят добрые, которые, если их должным образом умиловить, считают своим долгом охранять жителей определенных мест от демонических вторжений. В каждом районе и даже в каждой деревне есть свой гений-хранитель, которого часто называют Матерью.²⁶

Подобные идеи представлены в Европе в некоторых разновидностях Кобольда и Гоблина (Гк. κόβηλος). Хотя, согласно народной философии, гоблина нужно кормить вкусной едой, это не смертельно опасное существо; напротив, говорят, что гобелен получил свое название из-за того, что секрет его цвета был получен от этих призраков. Хотя Сен-Торен изгнал одного из Эвре, он счел это настолько вежливым, что не отправил бы его в ад, и оно до сих пор преследует легковверных там и в Кане, хотя и не считается очень грозным.

Демон, который 'скрывается на кладбищах', универсален и, возможно, предполагал кремацию. На Востоке он представлен в основном такими формами, как отталкивающий *упырь*, который охотится на мертвые тела; но каким-то странным образом он развился до славянского фантома, называемого Вампиром, особая пугливость которого заключается в том, что он представляет форму, в которой может появиться любой умерший человек, не похожий на упыря, чтобы набрасываться на мертвых, но сосать кровь живых. Это, пожалуй, самый грозный пережиток демонического суеверия, существующий сейчас в мире.

Люди, в словаре которых все еще есть такое слово, как "неверующий", вряд ли могут удивляться тому, что священники Восточной Церкви поддерживали популярное поверье о том, что еретики после смерти превращаются в пьющих кровь живых. Славянские вампиры в Англии и Америке перестали быть "людоедами", которые 'нюхают кровь англичанина', но, как предполагается, редко получают от этого удовольствие; но это обнажает истинное уродство благочестивых суеверий, которые иногда считаются симпатичными, то, что пропорционально силе веры в сверхъестественное, люди живут в страхе перед демонами, которые бродят повсюду в поисках того, кого они могут пожрать. В России страж рядом с трупом вооружен святыми амулетами на случай нападения с его стороны в полночь. Вампиром может быть душа любого отверженного от Церкви или того, над чьим трупом перед погребением прыгала кошка или пролетала птица. Его можно обнаружить на кладбище, проведя через него черного жеребенка; животное откажется наступать на могилу вампира, и тело вытаскивают и вбивают в него кол, всегда одним ударом. Родственным классом демонов являются 'пожиратели сердец'. Они прикасаются к своей

жертве осиной или другой волшебной веточкой; сердце выпадает и, возможно, заменяется каким-нибудь более низменным. М-р Ралстон упоминает мазовецкую историю, в которой герой просыпается с сердцем зайца и с тех пор остается трусом;²⁷ а в другом случае тихий крестьянин получил сердце петуха и всегда кукарекал. Оборотень, в некоторых отношениях тесно связанный с вампиром, также совершает свои опустошительные действия среди одержимых священниками крестьян Юга и Востока.

В Германии, хотя более ужасные формы этого суеверия редки, 'нацехрера' очень боятся. Даже в различных протестантских регионах считается самым безопасным устанавливать крест рядом с каждой могилой, чтобы воспрепятствовать любым демоническим наклонностям, которые могут овладеть похороненным человеком; и там, где вместе с трупом еще не закапывают пищу, чтобы утолить любые муки голода, которые могут возникнуть, на нее насыпают несколько зерен кукурузы или риса в память о старом обычае. В Дисдорфе считается, что если во время похорон умершему не положить в рот деньги или не вырезать его имя на рубашке, он, скорее всего, станет нацехрером и призрак появится в виде свиньи. Считается верным средством предотвращения такого результата сломать шею мертвому телу. Там рассказывается об одном случае, когда несколько человек из одной семьи умерли, предполагаемый труп был эксгумирован и обнаружено, что он съел собственную погребальную одежду.

Доктор Дайер, выдающийся врач из Чикаго, штат Иллинойс, рассказал мне (1875 г.), что, насколько ему известно, в этом городе произошел случай, когда тело женщины, умершей от чахотки, извлекли из могилы и сожгли легкие, полагая, что она увлекает за собой в могилу некоторых из своих выживших родственников. В 1874 году, согласно *"Провиденс Джорнэл"*, в деревне Пейсдейл, Род-Айленд, США, мистер Уильям Роуз выкопал тело своей собственной дочери и сжег ее сердце, полагая, что она растрчивает жизни других членов его семьи.

Характеристики современного 'спиритуализма', по-видимому, указывают на то, что суеверные люди переросли этот древний страх перед призрачной недоброжелательностью там, где их окружает цивилизация. В древнем мире или в варварских регионах очень редко можно найти какие-либо призывы к возвращению душ умерших. Мистер Тайлор процитировал прекрасную панихиду индийского племени Хо, начинающуюся...

Мы никогда не ругали тебя, никогда не обижали;

Возвращайся к нам!

Но в целом погребальные обычаи очень важны из-за страха, что духи могут вернуться, и их панихиды больше напоминают бодо Северо-Восточной Индии: 'Возьми и съешь: до сих пор ты ел и пил с нами, ты больше не можешь этого делать: ты был одним из нас, ты больше не можешь им быть: мы больше не приходим к тебе, не приходи и ты к нам'. 'Даже в самой низшей культуре, - говорит мистер Тайлор, - мы обнаруживаем, что плоть сопротивляется духу, а на более высоких ступенях домохозяин избавляется от себя без малейших угрызений совести нежеланного обитателя. Гренландцы выносили мертвых через окно, а не через дверь, в то время как пожилая женщина, размахивая головешкой, кричала "Пиклеррукпок!", то есть "Здесь больше нечего есть!". Готтентоты выносили мертвеца из хижины через отверстие, специально сделанное, чтобы он не мог найти дорогу обратно; сиамцы с тем же намерением пробивают отверстие в стене дома, чтобы вынести гроб, а затем со всех ног обносят его трижды вокруг дома; сибиряки выносили мертвеца из хижины через отверстие, через которое он не мог найти дорогу обратно.

Чуваши бросают раскаленный камень после выноса трупа, чтобы помешать душе вернуться; так, бранденбургские крестьяне выливают ведро воды у двери за гробом, чтобы призрак не смог ходить; а поморские плакальщики, возвращающиеся с церковного двора, оставляют солому с катафалка, чтобы блуждающая душа могла упокоиться там и не возвращаться домой".²⁸

В этой связи можно отметить, что почти на всех изображениях демонов и чертей они изображены очень худыми. Исключения, как правило, можно найти у определенных южных и тропических демонов, которые олицетворяют облако или бурю — например, Тифона — и имеют раздутый вид. Ни один северный дьявол не бывает толстым. Шекспир приписывает Цезарю подозрение в худобе —

У этого Кассиуса худой и голодный вид:

Он слишком много думает: такие люди опасны.

Когда Антоний защищает Кассия, цезарь только отвечает: 'Был бы он толще!' Это недоверие к худобе является отражением всех демонов Голода; оно интерпретирует старые поговорки о том, что дьявола, каким бы красивым он ни был спереди, можно распознать по впалости спины, и что обычно он настолько худой, что не отбрасывает тени.²⁹

Иллюстрации демона Голода и его пережитков могли бы быть значительно умножены, если бы это было необходимо. Нужно только, однако, упомянуть, что именно этой ранней и наиболее универсальной концепции сверхъестественной опасности следует приписать идею жертвоприношения, а также поста. Действительно, слишком очевидно, чтобы требовать подробных доказательств, что идея предлагать фрукты и мясо невидимому существу могла возникнуть только из веры в то, что такое существо было голодно, независимо от того, насколько одухотворение таких подношений могло способствовать их продолжению среди просвещенных народов. В эволюции более чистых божеств Огонь — "всепожирающий элемент" — был заменен более грубым методом принятия жертвоприношений, и это стало признаком низших существ, таких как ассирийский ахххуру и более поздние ламии, — пожирать мертвые тела зубами; и этот огонь был духовным элементом в идолопоклонстве, объекты которого были видны.

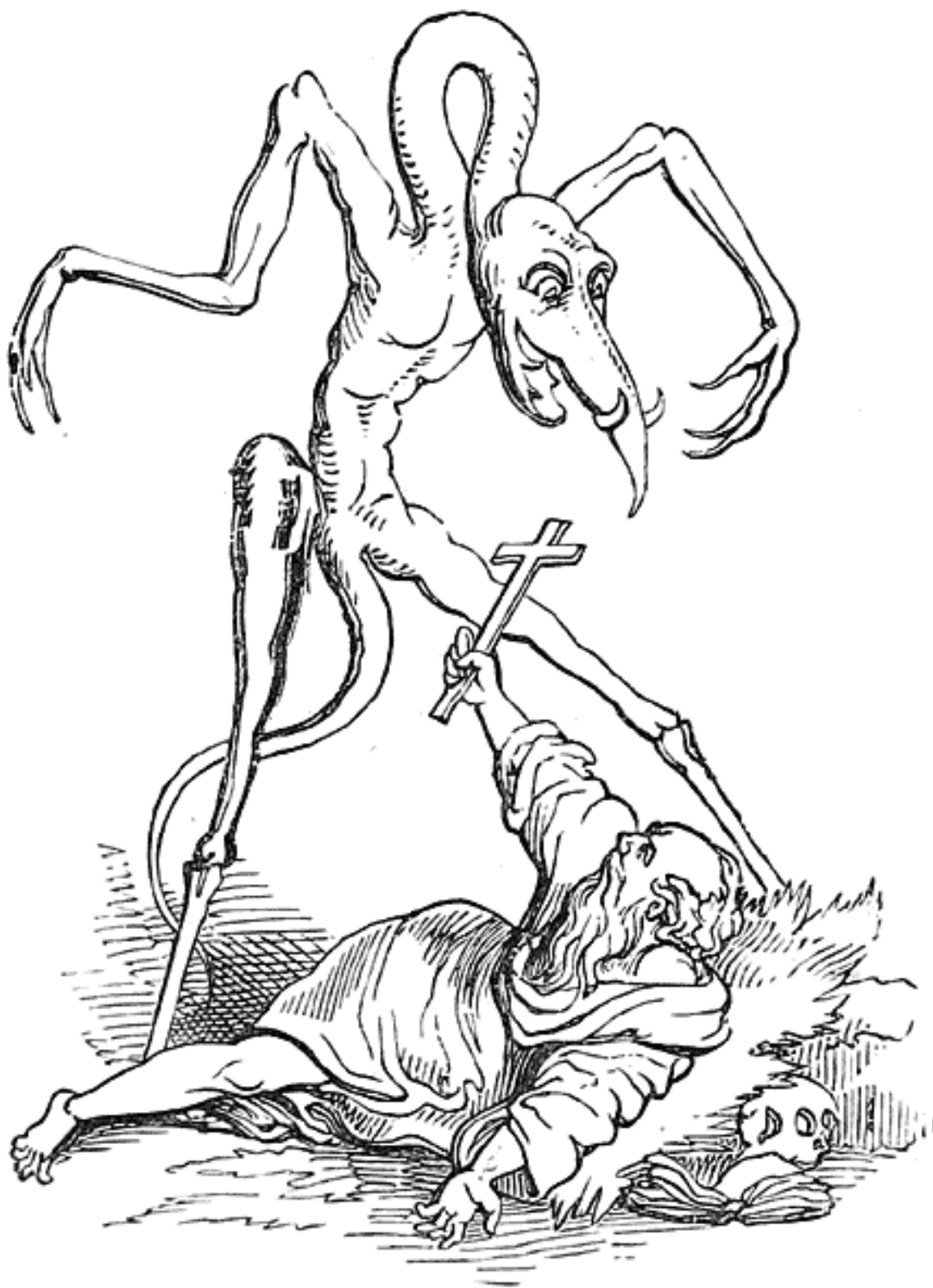

Рис. 4. Худощавый Гонитель святого Антония (Сальватор Роза).

Но первоначальный акцент жертвенности так и не покинул его. Закон Левитов гласит: 'Две почки и жир, который на них, который по бокам, и оболочку над печенью вместе с почками он

должен забрать. И священник сожжет их на жертвеннике: это пища для приношения, приготовленная на огне для приятного благоухания; весь тук принадлежит Господу. Да будет вечным законом для ваших поколений во всех ваших жилищах, чтобы вы не ели ни жира, ни крови".³⁰ Мы находим демона Голода проявленным также в гневе Иеговы на сыновей Илия за поедание отборных частей мяса, приносимого на его алтарь, как и в приношении нежных младенцев Молоху, которое осудили его жрецы, или в Сатурне, пожирающем своих детей, которых арийская вера свергла с престола; и все они появляются как призраки, тонко прикрытые безупречным Агнцем, принесенным в жертву на Голгофе, принесенной в жертву Макарией ('Благословенной'), пронзенным сердцем Марии. Прекрасный мальчик Менкей должен быть принесен в жертву, чтобы спасти Фивы; боги не захотят, чтобы на его месте был престарелый и суровый Креонт, хотя и царь. Ифигения, хотя и сама спасена от изысканного вкуса Артемиды благодаря любви охотницы к детской крови, становится жрицей человеческих жертвоприношений. Человеческое приношение, считавшееся наполовину божественным, само по себе могло, наконец, удовлетворить Божество, собравшее у себя эту связку жертвенных ножей, отточенных во многих странах и веках, и в своем самопожертвовании Демон Голода сам стал жертвой. Богословы были рады спасти Первое Лицо своей Троицы от общения с кровожадными демонами варварских эпох, описав жертву Иисуса как самого Бога, ставшего жертвой вечного закона. Но что бы ни говорили об этом сложном устройстве, оно является достаточным доказательством того, что первобытный демон человека, олицетворявший его голод, в конце концов был съеден на его собственном алтаре. Ибо, хотя пост - это пережиток того же дикарского представления о том, что человек может получить пользу от невидимых существ, оставляя им пищу, это практика, которая выживает скорее благодаря желанию подражать святым аскетам, чем из-за какого-либо понятного принципа. Странное, но естественное завершение придает глубину смыслу легенде об Одине, принесенном в жертву в своем переодевании на Священном Дереве в Упсале, где человеческие жертвы были подвешены в качестве подношений ему; и его руне в Хавамале —

Я знаю, что меня повесили

На раскачиваемом ветром дереве

Целых девять ночей,

Раненный копьем,

И Одину предложил

Я сам с собой.

Глава 2. Тепло

Демоны огня—Агни—Асмодей—Прометей—Праздник огня—Молох—Тофет—Гении лампы—Белые огни-Хэллоуин—Негритянские суеверия—Китайский бог огня—Вулканические и зажигательные демоны-Мангайский огненный демон—Боязнь демонов воды.

Огонь издревле был стихией демонов. Без сомнения, отчасти это было связано с тем фактом, что он также был всепожирающей стихией. Жертвы сжигались; демон явно поглощал их. Но великие огненные демоны представляют собой главным образом разрушительное и болезненное действие сильного жара. Они возникают в регионах выжженной пустыни, солнечного удара и засухи.

Агни, индуистский бог огня, почитался в ведических гимнах как близнец Индры.

"На твой облик приятно смотреть, ты, светлоликий Агни, когда ты сияешь, как золото, под рукой; твоё сияние подобно небесной молнии; ты являешь великолепие, подобное блеску яркого солнца.

"Восхитительный и превосходный Агни, испускающий движущийся и изящный дым.

"Пламя Агни сияющее, могущественное, внушающее страх, и ему нельзя доверять.

"Я превозношу величие того, кто проливает дождь, кого люди прославляют как победителя Вритры: Агни, Вайсванара, убил похитителя вод".

Убийство Вритры, чудовища, было главным подвигом Индры, и Агни мог участвовать в нём только как в пламени, вспыхнувшем из оружия Индры, диска (солнца).

"Ты (Агни) сдерживаешься с трудом, подобно детенышу извивающихся змей, ты, который потребляет много лесов, как зверь - корм".

Окаменение ожидает все эти яркие метафоры раннего времени. Словесное вдохновение сделает Агни буквально извивающимся змеем и всепожирающим огнём. Его дым, называемый Кали (чёрный), теперь является именем ужасной невесты Шивы.

В ведических гимнах много говорится о методе получения священного пламени, символизирующего Агни, а именно о трении друг о друга двух палочек. 'Это тот, кого две палки породили, подобно новорожденному младенцу'. Любопытное совпадение, что похожая фраза описывает "дьявола на двух палках", который через Персию вошёл в европейскую литературу. Асмодей был хромым демоном, и его "две палки" в качестве "Дьявола Буате" - это костыли; но его хромота может быть отнесена к ослабленным конечностям, на которые указывают огненные столбы — "извивающиеся змеи", — а не к раввинскому мифу о том, что он сломал ногу по пути на встречу с Соломоном. Бенфей идентифицировал Асмодеев как Зенда Ашма-даву, демона похоти. Его козлиные ноги и глаза цвета огненных углей описаны Лесажем, и демон говорит, что он был искалечен, упав с воздуха, как Вулкан, когда сражался с Пиллардоком. Нетрудно представить, как пламя, порожденное трением палочек, могло обрести олицетворение чувственной страсти, особенно среди зороастрийцев, которые отделяли от восхитительного Огня все ассоциации со злом. Это хорошо гармонировало бы с персидской тенденцией принижать индийских богов к дьяволу, если бы они обратили внимание на похотливый характер, иногда приписываемый Агни в Ведах. 'Только за ним, вечно юным Агни, мужчины ухаживают, как за лошадью, вечером и на рассвете; они укладывают его спать, как чужака, на его ложе; зажжен свет Агни, почитаемого мужчины.' Агни был индийским "Брулефером", или заклинателем любви, и покровителем брака;

бог огня Гефест был мужем Афродиты; день скандинавского бога грома и молнии Тора (четверг) в скандинавских регионах считается самым удачным для браков.

Процесс получения огня трением представлен более благородным классом мифов, чем тот, о котором идет речь. В *"Махабхарате"* боги и демоны вместе взбивают океан для получения нектара бессмертия; а для взбивания они используют горную Мантару. Это слово встречается в языке *праманта*, что означает огненное упражнение, и от него происходит великое имя Прометея, который украл огонь с небес и даровал человечеству дар, который сделал их настолько могущественными, что возбудил зависть и гнев Зевса. Эту басню обычно читают в ее высшей степени рационализированной и мистической форме, и по этой причине она относится к другой части нашей общей темы; но здесь можно отметить, что Титан, столь ужасно замученный Зевсом, вряд ли изначально рассматривался как друг человека. В то время, когда Зевсу искренне поклонялись — когда он впервые выступил как преемник злобного пожирателя Сатурна, — никто не мог быть другом человека, которого видели прикованным к скале навечно, чтобы стать добычей стервятника. Это был огонь в какой-то разрушительной форме, который, должно быть, тогда ассоциировался с Прометеем, а не та сила, с помощью которой более поздние мифы представляли его оживляющим божественной искрой человека из глины. Индуистский миф о вспенивании океана для получения бессмертного зелья, даже если будет доказано, что океан - это небеса, а зелье - молния, нам мало поможет. Традиционная ассоциация Прометея с искусствами может почти навести на мысль, что раннее использование огня каким-то первобытным изобретателем навлекло на него гнев его товарищей, и что молнии Зевса представляли собой некий ранний "удар" по машинам.

Нет полной уверенности в том, что поклонение Огню в Персии возникло не в результате какого-то эвфемистического процесса. Огонь не только занимает видное место в пытках, которым подвергал Ариман в первобытном Аду парсов, но и был одним из видов оружия, с помощью которого он пытался уничтожить небесного младенца Зороастра. Злые волшебники разожгли в пустыне костер и бросили в него ребенка; но его мать, Догдо, нашла его безмятежно спящим на огне, которое было как приятная ванна, и его лицо сияло, как Зохор и Моштери (Юпитер и Меркурий).³¹ Зороастрийцы также считали, что земля в конечном итоге будет уничтожена огнем; ее металлы и минералы, воспламененные кометой, сформируют потоки, через которые должны будут пройти все души: они будут приятны для праведников, но ужасны для грешников, которые, однако, пройдут очищенными в рай, причем последним прибудет сам Ариман.

Горячая природа многих минералов под поверхностью земли, которая вся была царством Аида (невидимого), — способствовала бы представлению об огненной обители адских богов. Тогда наша фраза 'плутоническая порода' имела бы очень прозаический смысл. Плиний говорит, что в его время серу использовали для отпугивания злых духов, и не исключено, что именно таким путем ее впервые стали использовать как лекарство.³²

Праздники огня все еще существуют в Индии, где древнее одеяние Агни было разделено и распределено между многими божествами. На популярном ежегодном фестивале в честь Дхарма-раджи, называемом Праздником огня, преданные проходят босиком по пылающему костру протяженностью сорок футов. Он длится восемнадцать дней, в течение которых те, кто дает обет соблюдать его, должны поститься, воздерживаться от женщин, лежать на голой земле и ходить по ярко горящему костру. На восемнадцатый день они собираются под звуки музыкальных инструментов, их головы увенчаны цветами, тела намазаны шафраном, и они

следуют в процессии за фигурами Дхарма Раджи и его жены Драупади. Когда они подходят к огню, они помешивают его, чтобы оживить его деятельность, и берут немного золы, которой натирают себе лбы; и когда богов трижды обносят вокруг него, они проходят по горячему огню примерно на сорок футов. Одни несут своих детей на руках, а другие - копья, сабли и штандарты. После церемонии люди спешат собрать пепел, чтобы натереть им лоб, и получить от преданных цветы, которыми они были украшены и которые они бережно хранят.³³

Страсть Агни вновь проявляется в Драупади, очищенной огнем, к своим пяти мужьям, и особенно ее союз с Дхарма Раджой, сыном Ямы, отмечается на этом неортодоксальном празднике страсти. Среди путешественников настолько вошло в моду смотреть на все 'идолопоклонство' библейскими глазами, что мы не можем быть уверены в том, что в вынашивании детей верующими было что-то более важное, чем предположение, что то, что хорошо для родителя, в равной степени полезно и для ребенка. Но отождествление Молоха с арийским божеством не важно; индийский праздник Огня и ритуалы Молоха выведены путем очень простого ментального процесса из наиболее очевидных аспектов Солнца как оживляющей и всепоглощающей силы в природе. Ребенок, принесенный в жертву Молоху, был принесен в жертву богу, которым он был создан, и как самый драгоценный из всех плодов земли, о котором просили его доброжелательной помощи и осуждали его разрушительную силу. Молох, слово, означающее "царь", было именем, почти синонимом человеческого жертвоприношения. По всей вероятности, сначала это было всего лишь местное (аммонитское) воплощение, выросшее из древнего святилища Ваала. Маданитянин Ваал сопровождал израильтян в пустыне, и это поклонение так и не было полностью искоренено. В египетском исповедании Веры, которое посвященные уносили даже в могилу, начертанное на свитке, имя Бога не упоминается, а выражается только словами *Нук-пу-Нук*, "Я тот, кто я есть".³⁴ Пламя горящего куста, из которого те же самые слова пришли к Моисею, было зажжено от Ваала, Солнца; и нам не нужно удивляться, что в то время как более просвещенные вожди Израиля сохраняли высшие идеи и символы стран, которые они покинули, невежды все еще цеплялись за Аписа (Золотого Тельца), Аштарот и Молоха. Амос (ст. 26), а вслед за ним Стефан мученик (Деяния vii. 43) упрекают евреев в том, что они перенесли в пустыню скинию их бога Молоха. И хотя передача детей через огонь Молоху по Закону Моисея считалась тяжким преступлением, суеверие и соответствующая практика сохранили такую силу, что мы видим, как Соломон строит храм Молоху на Елеонской горе (1 Царств xi. 7), а спустя много времени Манассия заставляет своего сына пройти через огонь в честь того же бога.

Из обличений пророков ясно,³⁵ что уничтожение детей в этом пламени было реальным. Из Иеремии xix. 6, а также из других источников мы знаем, что сожжения происходили в долине Тофет или Хинном (Геенна). Идол Молоха был из меди, и трон его был из меди; его голова была в виде тельца и носила царскую корону; его живот был печью, и когда детей клали ему на руки, их пожирал невыносимый жар, а их крики заглушал бой барабанов; от чего, *тоф*, что означает 'барабан', это место также называлось Тофет. В жестокой войне, которую Иосия вел против чужеземных суеверий, он осквернил Геенну, наполнив ее навозом и костями мертвецов, чтобы сделать ее отвратительной, 'чтобы никто не мог провести сына своего или дочь свою через огонь к Молоху' (2 Царств xxiii. 10), и там поддерживался вечный огонь, чтобы истреблять грязь Иерусалима.

Из этой ужасной Геенны, с ее вечным огнем, отвратительными червями, ее жестокостями, была выведена картина нескончаемого Ада, уготованного большинству людей Тем, кто, пока они

живут на земле, посылает дождь и солнечный свет как на злых, так и на добрых. Во Чанг, китаец из Лондона, написал в журнал³⁶, что его удивляет, что наши религиозные учителя проявляют такую заботу о жертвах турецких зверств в Болгарии, в то время как они так спокойны, видя миллионы горящих, которым суждено гореть бесконечно, в адском пламени. Наши восточные братья многому научатся у наших миссионеров; среди прочего, тому, что теологическим богом христианского мира по-прежнему является Молох.

Аммонитяне, особым демоном которых был Молох, по-видимому, постепенно смешались с арабами. Они получили из многих источников свои смешанные суеверия, но среди них всегда выделялись боги планет и боги огня, которых их растущий монотеизм (если использовать это слово все еще в широком смысле) превратил в могущественных ангелов и гениев. Гении Аравии - рабы лампы; их вызывают горящие пучки волос; они поднимаются в виде облаков дыма. Хотя, как подчиненные демона Огня, они могут быть поглощены пламенем, все же тех, кто таким образом борется с ним, может постигнуть подобная участь, как в случае с Прекрасной Леди из "Тысячи и одной ночи". Многие истории такого рода предшествовали заявлениям Ветхого Завета о том, что Иегова дышит огнем и серой, его дыхание воспламеняет Тофет; а также отрывкам из Корана и Нового Завета, описывающим сатану как огненного дьявола.

Среди евреев некоторых отдаленных районов Европы сохранились различные суеверия, связывающие адские силы с огнем. Еврейские жители деревень в горах Вогеzy и на берегах Рейна празднуют Песах в течение недели. *Время омера* - это промежуток между Пасхой и Пятидесятницей, семь недель, прошедших с момента выхода из Египта и дарования закона, отмечаемый в прежние дни ежедневным приношением в храм ячменя по омеру. Это считается страшным временем, в течение которого каждый еврей особенно подвержен пагубному влиянию злых духов. В воздухе витает что-то опасное и фатальное; каждый должен быть начеку и ни в коем случае не искушать *шедим* (демонов). Строго следите за своим скотом, говорят евреи, ибо колдунья проникнет в ваши конюшни, оседлает ваших коров и коз, наслает на них болезни и скиснет их молоко. В последнем случае попытайтесь поднять руку на подозреваемого человека; запирайте его в комнате с тазом кислого молока и взбейте молоко ореховой палочкой, трижды произнеся имя Бога. Пока вы будете это делать, колдунья будет сильно стелать, потому что на нее обрушатся удары. Остановитесь только тогда, когда увидите голубые языки пламени, танцующие на поверхности молока, ибо тогда чары разрушатся. Если с наступлением темноты нищий придет попросить немного угля для разжигания костра, будьте очень осторожны, не давайте ему его и не отпускайте, не потянув его трижды за фалды пальто; и, не теряя времени, бросьте в огонь несколько больших пригоршней соли. Во всем этом мы можем проследить предания о выжженной дикой местности и огненных змеях, а также о долгой войне Авраама с огнепоклонниками, пока, согласно преданию, его не бросили в пламя, которому он отказался поклоняться.

Вероятно, что во всех популярных суевериях, которые в настоящее время связывают дьяволов и будущие наказания с огнем, сочетаются как апофеоз, так и деградация демонов. Первым и наиболее универсальным из божеств является Солнце, земным представителем которого является огонь, поэтому изучающий сравнительную мифологию должен очень тщательно выбирать свой путь, прослеживая любым этнологическим путем бесчисленные суеверия европейского фольклора, в которых, по-видимому, отражено поклонение Огню. Собрание фактов и записей, содержащихся в работе, столь доступной для всех, кто интересуется этой темой, как работа Брэнда и его редакторов,³⁷ делает ненужным, чтобы я здесь подробно

останавливался на любопытных фактах. Единообразие традиций, согласно которым костры летнего солнцестояния в Северной Европе назывались кострами Ваала или Бель-файрами, подтверждает веру в то, что они на самом деле произошли от древних обрядов Ваала, даже помимо печально известного факта, что они, как правило, сопровождались суеверием о том, что детям полезно перепрыгивать через такие костры или проходить через них. То, что эта практика все еще сохраняется в отдаленных уголках Британской империи, явствует из таких сообщений, как следующие (из *Times*), которые время от времени направляются в лондонские журналы: "Леруик (Шетландские острова), 7 июля 1871 г. — Сэр, — Возможно, некоторым вашим читателям будет интересно узнать, что прошлой ночью (в канун дня Святого Иоанна по старому стилю) Примерно в миле от этого города я заметил семь пылающих костров в соответствии с незапамятным обычаем празднования дня летнего солнцестояния. Эти костры были разожжены на разных высотах вокруг древней деревушки Саунд, и дети перепрыгивали через них и 'проходили сквозь огонь к Молоху', точно так же, как это сделали бы их предки тысячу лет назад на тех же высотах и их еще более отдаленные предки в восточных землях много тысяч лет назад. Мне кажется, что на эту упорную приверженность мистическим обрядам в нынешнюю научную эпоху стоит обратить внимание. — А. Дж.'

К этому можно добавить следующую недавнюю выдержку из шотландского журнала:—

Хэллоуин был отпразднован в замке Балморал с необычной церемонией в присутствии ее Величества принцессы Беатрис, леди и джентльменов королевской семьи и большого количества арендаторов. Главными элементами празднования были факельное шествие, разжигание больших костров и сожжение чучел ведьм и чернокнижников. Более 150 факелоносцев собрались в замке с наступлением темноты и разделились на две группы: одна группа отправилась в Инвергельдер, а другая осталась в Балморале. Факелы зажгли без четверти шесть, и вскоре после этого королева и принцесса Беатрис отправились в Инвергелдер, сопровождаемые группой факелоносцев из Балморала. Затем обе стороны объединились и процессией вернулись к парадному входу в замок Балморал, где всем подали прохладительные напитки и устроили танцы вокруг огромного костра. Внезапно из задней части Замка появилось гротескное привидение, изображавшее ведьму со свитой последователей, одетых как эльфы, которые танцевали и жестикулировали на все лады. Затем последовал чернокнижник демонического облика, которого сменил другой чернокнижник, нарисовавший машину, на которой сидела фигура ведьмы, окруженная другими фигурами в одеяниях демонов. Неземные гости несколько раз обошли вокруг горячей кучи, главную фигуру вытащили из машины и бросили в пламя среди горящих синих огней и демонстрации хлопушек и фейерверков. Затем было произнесено слово за здоровье ее Величества королевы, и сотни собравшихся выпили с почестями горцев. Затем танцы возобновились и продолжались до поздней ночи.

Шестой Константинопольский собор (680 г.) своим шестьдесят пятым правилом запрещает эти костры в следующих выражениях: 'Те костры, которые разжигают определенные люди перед своими лавками и домами, через которые они также нелепо прыгают, по определенному древнему обычаю, мы повелеваем им впредь прекратить. Поэтому всякий, кто совершит что-либо подобное, если он священнослужитель, пусть будет низложен; если он мирянин, пусть будет отлучен от церкви. Ибо в Четвертой книге Царств так написано: И построил Манассия жертвенник всему воинству небесному на двух дворах дома Господня, и провел детей своих через огонь'. В этом доносе есть очаровательная наивность. Больше нет сомнений в том, что

этот 'костер', через который прыгали люди, происходил из того же источника, что и Геенна, из которой Церковь вывела ортодоксальную теорию ада, как мы уже видели. Когда Шекспир говорит (Макбет) о "пути первоцвета к вечному костру", ³⁸ он со свойственным ему блаженством соотносит адское пламя с кострами Молоха и Ваала в их правильной археологической связи.

В детстве я часто прыгал через костер в той части штата Вирджиния, где в основном проживают шотландские семьи, с которыми, вероятно, этот обычай перекочевал туда. В суевериях негров этого и других Южных Штатов огонь играет большую роль, но сейчас вряд ли возможно определить, попали ли они туда из Африки или Англии. Иногда наблюдаются странные совпадения между их представлениями и некоторыми из ранних легенд Британии. Таким образом, традиция о пастухе, которого дальний огонь вел ко входу в подземный зал короля Артура, где пламя, не подпитываемое топливом, проникающим сквозь пол, выявляет спящего монарха и его двор, несколько напоминает истории, которые я слышал от негров о том, как дальний огонь вел их к счастливым — другие говорят, к несчастным — или, во всяком случае, к заколдованным местам. Негр, принадлежавший моему отцу, рассказал мне, что однажды, когда он шел по проселочной дороге, он увидел вдалеке большой пожар; он предположил, что это, должно быть, горящий дом, и поспешил к нему, тем временем сильно озадаченный, поскольку не знал ни одного дома в том направлении. Продолжая свой путь, он свернул в небольшой лесок, рядом с которым, по-видимому, горел костер, но когда он вышел, все, что он обнаружил, было единственным очагом - горящим на тропинке углем. Других следов пожара не было, но как раз в этот момент мимо него с громким лаем проскочила большая собака и исчезла.

В письме "Вудуизм в Вирджинии", опубликованном в *"New York Tribune"*, датированном Ричмондом 17 сентября 1875 года, приводится отчет о группе суеверий, которые, как я всегда считал, из-за их чисто африканского происхождения обычно держатся подальше от белых. Как будет видно, огонь представляет собой важный элемент в суеверных практиках.

«Если невежественный негр поражен болезнью, которую он не может постичь, он часто воображает себя жертвой колдовства и, не веря в "лекарства белых людей" от таких недугов, должен обратиться к одному из этих шарлатанов. Врач, проживающий недалеко от этого города, был приглашен таким человеком, чтобы засвидетельствовать свой метод лечения пациента с водянкой, которому врач, о котором идет речь, время от времени милосердно прописывал лекарства. Любопытство побудило его посетить спиритический сеанс, предварительно сообщив шарлатану, что, поскольку дело попало в такие руки, он прекращает всякую связь с ним. На покрывале кровати, на которой лежал больной, было разбросано множество костей, перьев и другого мусора. Шарлатан провел серию так называемых заклинаний, сжег перья, волосы и крошечные кусочки дерева в угольной печи и бормотал тарабарщину, недоступную пониманию врача. Затем он начал распаковывать подушки и валики и извлек из них несколько странных скоплений перьев. По его словам, именно они были причиной всех неприятностей. Посыпав их беловатым порошком, он сжег их в своей печи. Повалил черный отвратительный дым, и он торжествующе объявил, что дурное влияние уничтожено и что пациент обязательно выздоровеет. Он умер вскоре после этого, полагая, как и все его друзья и родственники, что заклинания "хитрого доктора" не смогли спасти его только потому, что к ним прибегли слишком поздно».

Следующий рассказ о заклинании, от которого была спасена его жена, дал мне негр из Виргинии:

"Волшебник, - в точности цитирую слова моего информатора, - бросил палку на сундук; палка трижды подпрыгнула, как мяч-ловушка; затем он открыл сундук, достал что-то похожее на пыль или глину и положил это в чашу с водой, стоявшую над огнем; затем он вылил это на доску (предварительно трижды надрезав ее), которую затем установил под черепицей дома. Вернувшись к сундуку, он взял кусок старой цепи длиной примерно с мою ладонь, взял мотыгу и закопал цепь у порога дома моей жены, где она проходила; затем он ушел. Я увидел приближающуюся мою жену и крикнул ей, чтобы она не проходила мимо, а сходила за мотыгой и перекопала это место. Она сделала это, и я взялся за цепочку, которая начисто обожгла кончики всех моих пальцев. В ту же ночь фокусник вернулся: моя жена взяла два полудоллара с четвертью серебром и бросила их перед ним на землю. Мужчина, казалось, был шокирован, а затем протянул ей руку, которую она отказалась принять, поскольку я велел ей не позволять ему прикасаться к ней. Он ушел и больше никогда не появлялся в нашем доме. Чары были разрушены.

Я убежден, что это чисто процедура Вуду, и она интересна в нескольких отношениях. Введение цепи, возможно, было результатом волнения того времени, поскольку это было во время войны, когда негры разрывали свои цепи. Огонь и вода показывают, насколько широко распространено в Африке это двойное испытание, которое, как мы видели, хорошо известно в королевстве Дагомея.³⁹ Но смешивание 'чего-то вроде пыли' с водой, которую держат в чашке над огнем, сильно наводит на мысль о еврейском методе приготовления святой воды, 'воды разделения'. "Для нечистого человека должны взять прах от сожженной телицы для очищения от греха, и налить в сосуд проточной воды".⁴⁰ Огненный элемент смеси в данном случае был привезен с пеплом рыжей телки. Что же касается самого принесения в жертву рыжей телки⁴¹, то это было явно умиловивление огненного демона. В Египте рыжие волосы и рыжие животные всех видов считались адскими, и все детали этого жертвоприношения показывают, что цвет этой выбранной телки был типичным. Телка не была обычным жертвоприношением: красная, очевидно, по своему цвету предназначалась для духов огня — ужасной Семерки - и им нельзя было отказывать. Его кровью семь раз окропили скинию, а остальное было полностью съедено — включая шкуру, которая особо упоминается, — и пепел, взятый для приготовления 'воды разделения'. Калмет отмечает в этой связи, что индийский Апис был красного цвета.

Следующая интересная история о китайском боге Огня была рассказана мистеру Деннису⁴² мистером Плейфером из консульства Его Величества, которому она была передана в Пекине:

Храмов Бога Огня в Пекине множество, что естественно в городе, построенном по большей части из очень горючих материалов. Идолы, представляющие бога, за одним исключением, украшены рыжими бородами, символизирующими своим цветом стихию, находящуюся под его контролем. У исключительного бога белая борода, и 'таким образом создается легенда'.

'Сто лет назад доходы китайской империи были в гораздо лучшем состоянии, чем сейчас. В то время они еще не вступили в столкновение с западными державами, и слово 'контрибуция' до сих пор не нашло места в их лексиконе; внутренние восстания подавлялись сразу же, как только они вспыхивали, и, одним словом, Кьен Лун находился в менее затруднительных обстоятельствах, чем Куан Су; у него было больше денег, которые он мог потратить, и он

действительно много потратил на строительство дворцов. Его любимым зданием, на которое не жалели средств, был "Зал Созерцания". Этот зал был очень больших размеров; стропила и колонны, поддерживавшие крышу, были таких размеров, каких в наши дни не бывает ни у одного дерева в Китае. Вполне вероятно, что первоначально они были присланы в качестве подношения монархом-данником какой-нибудь тропической страны, такой как Бирма или Сиам. Двое мужчин едва могли взяться за колонны, держась за них руками; они были покрыты блестящим черным как смоль лаком, который, хотя и подчеркивал красоту их внешнего вида, также должен был сделать их менее подверженными возгоранию. Действительно, были приняты все меры к тому, чтобы огонь не приблизился к зданию; на территории не разрешалось зажигать лампы, а выкуривание трубки внутри этих стен каралось смертной казнью. Пол в зале был выложен разноцветным мрамором с мозаикой из цветов и загадочных китайских иероглифов, который всегда отполировывали, как зеркало. Стены комнаты были уставлены редкими книгами и драгоценными рукописями. Короче говоря, это был лучший дворец в имперском городе, и он был гордостью Кьен Лунга.

Увы, тщетны человеческие желания! Несмотря на все предосторожности, однажды ночью вспыхнул пожар, и Зал Созерцания оказался в опасности. Столетие назад у китайцев не было пожарных машин, и хотя они были ужасно неэффективны по сравнению с нашей лондонской пожарной командой, они были лучше, чем ничего, и вскоре сотня из них работала у горящего здания. Сам Император вышел, чтобы проконтролировать их усилия и побудить их к новым подвигам. Но зал был обречен; пламя направляла более чем земная сила, и усилия смертных были бесполезны. Ибо на одном из горящих стропил Кьен Лун увидел фигуру маленького старичка с длинной белой бородой, стоявшего в торжествующей позе. "Это Бог Огня, - сказал Император, - мы ничего не можем поделать", поэтому зданию позволили спокойно гореть. На следующий день Кьен Лун назначил комиссию для обхода пекинских храмов, чтобы выяснить, в каком из них находится бог Огня с белой бородой, чтобы он мог поклониться ему и умиловить оскорбленное божество. Поиски оказались безрезультатными; у всех богов Огня были рыжие бороды. Но комиссия плохо выполнила свою работу; будучи весьма уважаемыми мандаринами из благородных семей, они ограничились своими поисками такими храмами, которые были в хорошем состоянии и имели достойный внешний вид. За северными воротами имперского города находилось одно старое, обветшалое святилище с сомнительной репутацией, на которое они не обратили внимания. Он разрушался годами, и даже устрашающая фигура Бога Огня, восседавшая над алтарем, не избежала осквернения. "Время поредело с его ниспадающими локонами", а борода и вовсе отпала. Однажды несколько водоносов, часто посещавших эту местность, подумали, то ли из милосердия, то ли в шутку, что лицо будет выглядеть лучше с новой бородой. Поэтому они распутали какую-то веревку и обтрепанной пенькой украсили безбородый подбородок. Однажды чиновник, проходивший мимо храма, заглянул туда из любопытства и увидел бороду из пеньки. "Как раз то, о чем спрашивал император", - сказал он себе и без промедления принес новость во дворец. На следующий день состоялся государственный визит в полуразрушенный храм, и Кьен Лун поклонился и дал обет.

"О бог Огня, - сказал он, - ты разгневался на меня за то, что я построил себе дворцы и оставил твою святыню без почестей и в руинах. Здесь я даю обет построить тебе храм, которого не превзойдет ни один другой из богов Огня в Пекине; но я ожидаю, что в будущем ты не будешь вмешиваться в мои дворцы".

‘Император сдержал свое слово. Новый храм стоит на месте старого, и у бога Огня ниспадающая борода из прекрасных белых волос.

В "Бюллетене Сан-Франциско" я недавно прочитал описание празднования китайцами в этом городе своего Праздника по усопшим, в котором есть несколько существенных особенностей. Основное внимание было уделено, по словам репортера, фигуре, ‘представляющей то, что в их теологии соответствует нашему дьяволу, и кого они, очевидно, считают необходимым умиловить, прежде чем продолжить свое богослужение над индивидуальными могилами’. Эта фигура находится на западной стороне их храма; перед ней ивокруг нее постоянно горели свечи и ароматические палочки. На восточной стороне стояла более привлекательная фигура, на которую они обратили сравнительно мало внимания.

Было, конечно, но естественно, что демоны огня постепенно должны были быть изгнаны из этого элемента в его обычных аспектах, по мере того как его использование становилось все более важным благодаря человеческому изобретению, и его злые возможности были освоены. Такие демоны постепенно стали располагаться в районе особо опасных пожаров, таких как вулканы и кипящие источники. Титан, который, как верили древние, боролся под Этной, остался там как Дьявол в христианскую эпоху. Говорят, что святая Агата своими молитвами на столетие предотвратила его извержение огнем. Святой Филипп поднялся на ту же гору и с книгой и свечой произнес молитву об изгнании нечистой силы, во время которой три дьявола вылетели, как огненные летящие камни, крича: ‘Горе нам! за нами все еще охотится Питер через Филиппа Старшего!’ Вулканы породили веру в то, что ад находится в центре земли, и их деятельные вулканцы классических эпох легко превратились в сернистых владык христианского Ада. Таков средневековый Хаборим, демон поджога, с тремя головами — человека, кошки и змеи, — который скачет по воздуху верхом на змее и держит в руке пылающий факел. Астрологи назначили его командующим двадцатью шестью легионами демонов в аду, и суеверные часто видели, как он смеялся на крышах горящих домов.⁴³ Но еще более величественен Раум, который командует тридцатью легионами и разрушает деревни; следовательно, также, будучи замешан в разрушениях войны, он стал демоном, награждающим почестями; и хотя это сделало его обычную форму появления на правом берегу Рейна формой единичного ворона, на левом берегу его можно обнаружить в маленьком красном человечке, который, как сообщалось, был фамильяром Наполеона I. во время его карьеры.

Среди южнотихоокеанских мифов мистера Гилла есть один о Прометее, Мауи, который с помощью красного голубя получает от подземного огненного демона секрет добывания огня (путем трения палочек), после чего демон (Мауике) поглощается вместе со своим царством, а огонь переносится в верхний мир, чтобы оставаться другом человека. В ведической легенде, когда мир был окутан тьмой, боги молились Агни, который внезапно вспыхнул как Тваштри - чистый огонь, ведический Вулкан - к ужасу вселенной. В эддайских сагах Локи считался самым прожорливым из существ, пока не потерпел поражение в поединке с Логи (всепожирающим огнем).

Пережитки веры в огненную природу демонов очень многочисленны. Таким образом, очень распространено поверье, что дьявол не может коснуться воды или пересечь ее, и поэтому от него можно спастись, перепрыгнув ручей.

Иногда предполагалось, что это как-то связано с очищающим свойством воды; но в христианском фольклоре есть много примеров, когда дьявол изображается совершенно независимым даже от святой воды, если ею не окропляют его или не мочат ему ноги.

Так, в норфолкской легенде о святом Годрике говорится, что дьявол бросил сосуд со святой водой в голову святого в гневе на то, что он спел песнь, которой научила его Пресвятая Дева. Но когда дьявол нападал на него в различных свирепых звериных обликах, Святой Годрик спасался бегством в реку, где иногда простоял всю ночь в воде по шею.

Говорят, что кобольды носят красные куртки из-за своей огненной натуры. Первоначально *lar familiaris* Германии, кобольд стал иметь множество разновидностей; но в одной линии он прошел путь от домашнего духа, чей добрый или злой характер проявлялся в удобствах или опасностях огня, до особого Каменного демона. Адский пес в комнате Фауста укрывается от чар "Ключа Соломона" за камнем и там принимает человеческий облик.

Немецкие девушки читали множество прелестных предсказаний в поведении огня и тому подобное в поведении его товарища, домашней собаки *Wahrsager*.

Действительно, широко распространено представление о том, что бесы и ведьмы прячутся у камина, очевидно, в виде кошек и собак, и летают по воздуху на предметах, которые обычно стоят у огня, — лопате, щипцах или метле. В Париже раньше был обычай бросать в огонь двадцать четыре кошки в ночь Святого Иоанна, поскольку животные, согласно М. Де Планси, были эмблемами дьявола. Так был заменен холокост человеческих ведьм, пока, наконец, цивилизация не объявила комендантский час для всех подобных пожаров.

Глава 3. Холод

Сошествие Иштар в Аид—Бардизм—Бальдр—Геркулес—Христос—Пережитки Ледяного великана в славянских и других странах—Клавия—Ледяной ад—Северная обитель демонов—Северная сторона церквей.

Даже в незапамятные времена невозможно без волнения читать легенду о нисхождении Иштар в Ад.⁴⁴ Через семь врат проходит богиня Любви в поисках своего возлюбленного, и у каждого из них грозный страж снимает с нее украшения и одежду. Обнаженная Иштар предстает перед Царицей Смерти. Но боги, люди и стада томятся в ее отсутствие, и чудотворная Хеа, Спасительница, так очаровывает Инфермальную Королеву, что она приказывает Судье своего королевства Аннунаку освободить Иштар от его золотого трона.

- Он излил на Иштар воды жизни и отпустил ее.

Затем первые врата выпустили ее и вернули ей первую одежду с ее тела.

Вторые врата выпустили ее и вернули ей бриллианты на руках и ногах.

Третьи врата выпустили ее и вернули ей центральный пояс на талии.

Четвертые врата выпустили ее и вернули ей маленькие прелестные драгоценные камни на ее лбу.

Пятые врата выпустили ее и вернули ей драгоценные камни из ее головы.

Шестые врата выпустили ее и вернули ей серьги из ушей.

Седьмые врата выпустили ее и вернули ей на голову великую корону.

Это древнее чудо Природы — возвращение летнего цветка за цветком — расшифровано с древней ассирийской таблички в городе, расположенном всего в нескольких часах езды от другого, где круг верующих повторяет то же самое в каждое солнцестояние! Майфир Морганвг, Верховный Друид, почитает стилла Хеа по имени, как своего Спасителя, и в день зимнего солнцестояния собирает своих братьев, чтобы отпраздновать его пришествие и сокрушить голову Змея Гадеса (Annpwn, почти то же, что на табличке), чтобы время посева и сбора урожая не подвело.⁴⁵

Является ли это пережитком? Несомненно; но в мире нет культа, который, если его "поцарапать", как гласит пословица, не выявит под собой ту же концепцию. Каким бы одухотворенным он ни был, каждый "план спасения" отлит в форме Зимы, побежденной Солнцем, Нисхождения Любви в Подземный Мир, освобождения заключенных в нем зародышей Жизни.

Очень поучительно сравнить с мифом об Иштар миф о Хермедре, добывающей освобождения Бальдра Прекрасного из Хельхейма.

Смертоносная сила Зимы представлена в эддайском повествовании о смерти Бальдра, мягком летнем Свете, норвежском Ваале. Его слепой брат Хедр - это Тьма; демон, направивший его стрелу, - Локи, подземный огонь; сама стрела сделана из омелы, которая, взращенная Зимой, ничем не обязана Бальдуру; а царство, в которое он перенесен, - это Хель, замерзшая зона. Прибывший Хермедр заверил Хель, что боги в отчаянии из-за потери Бальдра. Королева ответила, что теперь следует проверить, был ли Бальдр так любим. 'Следовательно, если все вещи в мире, как живые, так и неживые, будут оплакивать его, он вернется к асам'. В конце концов все заплакали, кроме старой ведьмы Токк (Тьмы), которая из своей пещеры пела:

Токк будет вопить

С сухими глазами

Тюковый огонь Бальдра.

Ничего быстрого или мертвого

О сыне Карла забочусь я .

Позволь Хель постоять за себя.

Итак, Бальдр остался в Хельхейме. Миф очень похож на миф о происхождении Иштар. С таким же акцентом посланник южных богов плачет и терзает себя, рассказывая о горе верхнего мира, всех людей и животных 'с тех пор, как мать Иштар спустилась в Аид'. Но в последнем посланник

успешен, на Севере он неудачлив. В соответствующих мифах о теплом и солнечном климате усилия по освобождению более или менее успешны, пропорционально продолжительности зимы. В случае Адониса, освобождаемого из Ада на четыре месяца каждый год, и еще на четыре, если он решал отказаться от Персефоны ради Афродиты, мы имеем отражение переменного года. Этот и аналогичный миф о Персефоне варьировались во времени, указанном для их прохождения в верхнем и нижнем мирах, вероятно, в соответствии со средними климатическими показателями регионов, в которых о них рассказывалось. Но в тропиках было легко поверить в полное освобождение, как в мифе об Иштар. В мифах мангайцев герой Мауи сбегает из подземного мира огня с помощью красного голубя.

Когда это состязание между Смертью Зимы и Жизнью Весны стало очеловеченным, это было похоже на то, что Геракл побеждает Смерть и полностью освобождает Алкестиду. Когда она стала одухотворенной, это было похоже на Христа, побеждающего Смерть и Ад и освобождающего духов из тюрьмы. Зимнее запустение пришлось искусственно имитировать в течение сорокадневного поста и Великого поста, завершающегося ударом копья (стрелы из омелы) в темноте (слепой Хедр). Но миф о быстром воскрешении пришлось искусственно сохранять на крайнем Севере. Легенда о полной победе над Смертью и Адом никогда не могла возникнуть у наших скандинавских предков. Их единственная похожая история, история Идуны, рассказывала о том, как ее избавление от Великанов вернуло здоровье богам, а не людям. Но именно с Юга люди должны были услышать весть о спасении земли и человека.

Сейчас мы не можем понять, какими радостными вестями были те, кто донес это новое евангелие до людей, живущих в регионах льда и мрака, после того, как оно было навязано им вопреки их невольным страхам. В разнообразных формах старая битва возобновлялась на их празднествах, и народы, которые долгое время были повержены и беспомощны перед ужасными силами природы, никогда не уставали от южных басен о героических победах над ними, долгое время интерпретируемых в простом физическом смысле.

Великим Демоном Северного Мира по-прежнему является Зима, и наследственная ненависть к нему такова, что его по-прежнему проклинают, бичуют, убивают, хоронят или топят под разными именами и маскировками. В каждой славянской стране, говорит мистер Ральстон, примерно во время карнавала можно найти следы древних обрядов, призванных символизировать уход Зимы и зарождение весны или лета. В Польше куклу, сделанную из пеньки или соломы, бросают в пруд или болото со словами: 'Дьявол тебя заberi!' Затем участники преступления разбегаются по домам, и если один из них споткнется и упадет, считается, что он умрет в течение года. В Верхней Лаусатии похожую фигурку прикрепляют к шесту, забрасывают ею, затем отвозят к границе деревни и перебрасывают через нее или бросают в воду, а ее носильщики возвращаются с зелеными ветками. Иногда фигура окутана белым, символизирующим снег, и держит в руках метлу (метущая буря) и серп (смертоносный жнец). В России сжигают 'Соломенного мужика', а также в Болгарии; в последней разжигание костра сопровождается стрельбой из ружей, танцами и песнями в честь Ладос, богини Весны. Это воспоминание о Лето, из-за которого Аполлон убил Пифона, становится еще более поразительным из-за недели стрельбы из лука, которая сопровождает его, напоминая о стрелах бога, похожих на солнечные лучи. В Испании и Италии марионетку-демона бичевали под именем Иуды, как, впрочем, и в случае ежегодного представления португальских моряков в Страстную пятницу в лондонских доках. мистер Тайлор обнаружил в Мексике аналогичный обычай, где Иуда был обычным рогатым и копытным дьяволом. В Шотландии дохристианские

атрибуты соответствующего обычая более ярко проявляются как в выбранном времени (последний день года по старому стилю), так и в месте. 'Клавиша', как таинственно называют обычай сжигания марионетки Зимы, произошла 12 января этого года (1878) в Бургхеде, рыбацкой деревушке недалеко от Форреса, где стоит древнеримский алтарь, получивший местное название 'Дору'. Рыбак поджег бочку со смолой и пронес ее по городу, а люди кричали и улюлюкали. (Если человек, несущий бочку, падает, это дурное предзнаменование.) Подожженную бочку, обойдя город, отнесли на вершину холма и поставили на Дору. Добавили еще топлива. Предполагается, что взлетающие вверх искры - это ведьмы и злые духи, покидающие город; поэтому люди кричат на них и проклинают, когда они исчезают в пустоте. Когда горящая бочка из-под смолы разваливается на куски, рыбацки бросаются туда и пытаются достать из ее остатков зажженную щепку; с помощью этой щепки огонь в домашнем очаге сразу же разгорается, и считается удачей поддерживать это пламя до конца года. Древесный уголь Clavie собирают и покрупницам кладут в дымоход, чтобы предотвратить проникновение ведьм и злых духов в дом. Дору покрыта толстым слоем смолы от ежегодно разжигаемых на ней костров. Рядом с ней находится очень древний римский колодец.

Примером иронии этимологии является то, что слово 'Ад' означает место безжизненной тьмы. Как и тот факт, что имя скандинавской демоницы Хель, фонетически соответствующее Кали, 'Черная' (готск. Халха), чьим обиталищем была ледяная прорубь, сохранила свое имя как место огненных мучений, не имеющее значения. В регионах, где холод был известен в такой же степени, как и жара, мы обычно находим его представленным в идеях будущего наказания. Царство под названием Аид, что означает то же самое, что и Ад, предполагает холод. Тертуллиан и Иероним говорят, что собственные фразы Христа 'внешняя тьма" и "скрежет зубов" предполагают крайний холод, чередующийся с чрезмерной жарой. Следы подобных рассуждений встречаются у раввинов. Так, рабби Джозеф говорит, что в Геенне были и вода, и огонь. Ной увидел приближающегося ангела смерти и скрывался от него двенадцать месяцев. Почему двенадцать? Потому что (объясняет рабби Иегуда) таково испытание грешников: шестеро в воде, шестеро в огне. У Данте (вслед за Вергилием) есть как холодный, так и пылающий ад; и эта идея была усовершенствована некоторыми схолиастами до утверждения, которое, по-видимому, сводит чередование будущих наказаний к сильной лихорадке. Мильтон ("Потерянный рай", ii.) смешал раввинские представления с представлениями Вергилия (нач. vi.) в своей ужасной картине замерзшего континента, где

Обжигающий воздух

Обжигает сильнее, а холод производит эффект огня:

Туда неслись Фурии с гарпийными ногами

При определенных оборотах все проклятое

Приносятся; и по очереди ощущают горькую перемену

Яростных крайностей, крайностей из-за перемен, еще более яростных,

Из ложа бушующего огня умирать от голода во льду

Их мягкое эфирное тепло, и там тосковать

Неподвижный, неподвижный и застывший круглый.

С которым можно сравнить строки Шекспира из "Меры за меру" —

Лишенный света дух

Купаться в огненных потоках или жить

В волнующей области толсторебристого льда.

Считается, что в Тибете ад состоит из шестнадцати кругов, восьми горящих и восьми замороженных, что М. Делепьер объясняет быстрыми изменениями климата между крайностями жары и холода.⁴⁶ Плутарх, рассказывая о видении Теспезия в Аиде, говорит о тамошнем замерзшем регионе. Дени ле Шартре (De Poenibus Inferni) говорит, что самая суровая из адских мук - это замораживание. В "Календаре пастухов" (1506) легенда гласит: "Лазарь сказал: "Я видел поток морозной воды", в котором завистливые мужчины и женщины были отправлены в военно—морской флот, а затем внезапно наступил очень сильный холодный ветер, который сбросил всех завистников в холодную воду, так что от них ничего не осталось". Таково также видение перса Арды Вирафа.

Демон Холода, естественно, имеет среду обитания в каждом Северном регионе. Это Ке-мунг из Китая, который — человекообразный, с головой дракона - обитает на реке Чанг и вызывает ливни.⁴⁷ В Гренландии это Эрлеурсорт, который страдает от постоянной лихорадки и прыгает на души после смерти, чтобы утолить свой голод. Чену (демоны) племени мимаков из Новой Шотландии обладают определенными чертами расы демонов, но они ужасно холодны. Оружие Чену - драконий рог, его крик смертелен для слушающего, его сердце - глыба льда. Это сердце должно быть уничтожено, если демон должен быть убит, но это может быть сделано только путем плавления в огне: главная необходимая предосторожность заключается в том, чтобы человек не утонул в вызванном таким образом наводнении. Ледяной демон долго жил в Шотландии. Сэр Джеймс Мелвилл в своих "Мемуарах" говорит: "дух или дьявол, который помог шотландским ведьмам вызвать шторм в Норвежском море, был холоден как лед, а тело его было твердым как железо; лицо у него было ужасное, нос напоминал орлиный клюв, огромные горящие глаза, руки и ноги волосатые, с когтями на ногтях, как у грифона". Доктор Фиан был сожжен за то, что поднял этого демона против Якова I. во время его бурного перехода из Дании.

Этот тип демонов преследовал умы людей в Скандинавии, где, хотя традиции о демоне пламени (Локи) и конце света от огня были импортированы, популярное поверье, похоже, было в основном занято ледяными великанами и грозным Эгиром, богом холодных морских восточных ветров, сохранившимся в нашем слове awe (англосаксонское *æge*), и, более непосредственно, в имени нашего знакомого демона-Людоеда, которого так часто убивали в детском Гладсхейме. Локи (огонь) был, действительно, быстро низведен асами (богами) в скрытое подземное царство, где о его существовании можно было узнать только по землетрясениям, гейзерам и извержениям Геклы, которые он вызывал. И все же он должен был появиться в Рагнареке, на Закате Богов. В прозаической "Эдде" мы можем видеть своеобразное смешение тропических и холодных зон — одной традиционной, другой туземной. Итак: 'Что останется, ' сказал Ганглер, - после того, как небо, земля и вся вселенная будут уничтожены, и после того, как все боги, дома Валгаллы и все человечество погибнут?' 'Там будет много обитателей, ' ответила Триди, ' некоторые хорошие, некоторые плохие. Лучшим местом из всех, где можно побывать, будет Гимил, на небесах; и все, кто любит выпить хорошего напитка, найдут отличный магазин в зале под названием Бримир, который также находится на небесах, в регионе Околни. Есть также

прекрасный зал из красного золота, (для) Синдри, который стоит на горах Ниды. В тех залах будут пребывать праведные и благонамеренные люди. В На-стронде есть обширное и устрашающее сооружение с дверями, выходящими на север. Оно полностью образовано из спин змей, сплетенных вместе наподобие лозы. Но головы змей повернуты внутрь зала и постоянно извергают потоки яда, в которые погружаются все те, кто совершает убийство или отрекается от себя. Как сказано в "Велуспе":—

Она увидела холл

Вдали от солнца

В Натуре стоящий,

Двери смотрят на север,

И капли с ядом

Проникать через лазейки.

Сформирован этот зал

Из обвитых змей.

Там увидел, как она пробирается

Сквозь бурные потоки

Люди , оставившие клятву

И убийцы.

Эти названия небесных областей и их обитателей указывают на солнечный свет и огонь. Гимил означает огонь (*гимр*): Бримир (*бруми*, пламя), великан, и Синдри (*зола*), карлик, ювелир богов, возводятся в золотые залы. Ничего не говорится о саде или прогулках по нему "в прохладе дня". С другой стороны, На-стронд означает "Берег мертвых", в том регионе, чьи "двери обращены на север, далеко от солнца", мы видим ад экстремального холода. Христианство не смогло дать исландцам никакого демонического имени, наводящего на мысль об огне. Они говорят о "Скратти" (ревушем, возможно, нашем Старом Скратче) и "Кольски" (угольно-черном), но не обещают злодею ничего такого светлого и уютного, как огонь или огненный демон.

В великом Эпосе о *Нибелунгах* мы, вероятно, имеем форму, в которой мечта северянина о Рае, наконец, воплотилась, — розовый сад на Юге, охраняемый огромным Червем (водяной змеей или сверкающим ледниковым морем), чьи сияющие чары и Красоту (Хримхильд) в качестве их королевы мог завоевать только храбрый Зигфрид, победивший дракона. Проезжая мимо красивого дома Рихарда Вагнера на берегу озера, по пути посмотреть версию другой легенды об Аммергау, связывающей драконов и возвращающей рай, я заметил, что старое название озера (Штарнберг) было *Вурмзее*, от дракона, который когда-то обитал в нем, в то время как из окна композитора был виден 'Остров Роз', который охранял дракон. С тех пор миф о многих формах обрел свой музыкальный апофеоз в Байройте под его волшебной палочкой.

Англия, отчасти, возможно, из-за своего сурового климата, когда-то слыла главной обителью демонов. Демонесса, оставляющая своего возлюбленного на Континенте, говорит: "Моя мать

зовет меня в Англию".⁴⁸ Но Англия отвела им еще более высокие широты; при обращении в христианство Ирландии, Ионы и других островов далеко на севере было необходимо предварительно изгнать демонов. 'Клавиша', "Божество" Льюиса и других Гебридских островов - огонь, обносимый вокруг скота, чтобы защитить его от демонов, и вокруг матерей, еще не воцерковленных, чтобы младенцев не "меняли", — показывают, что изгнание все еще продолжается, хотя в таких регионах скандинавские и христианские представления настолько перепутались, что это 'борьба с дьяволом огнем'. Итак, в "Хавамале" мужчин предупреждают призывать "огонь от смуты", и Гудрун поет:

Воздвигайте, ярлы, дубовую сваю;

Пусть это будет самым светлым под небесами.

Пусть это сожжет грудь, полную горя!

Огонь вокруг моего сердца растопляет его печали.

Последняя строка контрастирует с индуистской поговоркой: "пламя погребального костра ее мужа охлаждает грудь вдовы".

Персонажи Северного Рая и Ада сохранились в английском обычае хоронить мертвых с южной стороны церкви. Насколько широко это употребление было распространено во времена Брэнда, можно увидеть, обратившись к его главе о церковных дворах. Северная сторона кладбища была отведена для некрещеных младенцев и казненных преступников, и людям было разрешено танцевать или играть в теннис в этой части. Доктор Ли говорит, что на церковном дворе в Морвенстоу в южной части находятся только могилы, северная часть пустует; поскольку корнуолльцы верят (следуя старым традициям), что север - это область демонов. В некоторых приходах Корнуолла во время крещения распаивается северная дверь нефа напротив купели, чтобы изгнанный дьявол мог удалиться в свой собственный регион, на север.⁴⁹ Это согласуется с высказыванием Мартина "Месяц в голове" — *ab aquilone omne malum*.

Действительно, не исключено, что факт, отмеченный Уайтом в его "Истории Селборна", что 'обычный подход к большинству деревенских церквей - с юга', указывает на веру в то, что священное здание должно поворачиваться спиной к области демонов. Это исключительный пример выживания, который привел к тому, что люди, которые благоговейно слушают проповеди, описывающие огненный характер сатаны и его обиталище, должны окружать те самые церкви, в которых звучат эти проповеди, доказательствами своей сохраняющейся веры в то, что дьявол принадлежит области льда, и что их мертвые должны быть похоронены в направлении счастливых обитателей Бримира и Синдри, — Огнем и Пеплом!

Мсье Франсуа Ленорман написал чрезвычайно поучительную главу, посвященную сравнению аккадской и финской мифологий. Там он показывает, что они - как одно и то же дерево, приспособленное к противоположным климатам.⁵⁰ При схожей триаде, рунах, талисманах и даже названиях в некоторых случаях их отношение к огню, которому поклоняются оба, различается таким образом, что на первый взгляд кажется несколько аномальным. Аккадцы в своем огнепоклонничестве исчерпали ресурсы восхваления, приписывая пламени славу и силу; финны в своем холодном доме отмечали праздник огня в день зимнего солнцестояния, произносили заклинания над огнем, и мать семейства, совершая домашнее возлияние, говорила: 'Всегда поднимайся так высоко, о мое пламя, но не гори больше и яростнее!' Это

уменьшение энтузиазма у северных огнепоклонников по сравнению с южанами может быть только результатом эвфемизма у последних; или, возможно, в то время как грозный характер бога огня у первобытных ассирийцев проявляется в полной прострации перед ним, характерной для их литаний и призывов, в случае финнов постоянное присутствие более сильного холода привело к менее чрезмерному поклонению. Они отважились распознать недостатки огня.

Истинная природа этой аномалии становится очевидной, если мы примем во внимание, что великий демон, которого боялись две страны, черпающие свой культ из общего источника, олицетворял избыток силы, которой больше всего боялись. Демоном в каждом случае был ветер; у финнов - северный ветер, у аккадцев - юго-западный (самый огненный) ветер. Финским демоном был Хийси, несущийся по воздуху на своем бледном коне в сопровождении ужасной свиты чудовищных собак, кошек, фурий, сеющий боль, болезни и смерть.⁵¹ Аккадский демон, бронзовое изображение которого находится в Лувре, представляет собой тело собаки, стоящей на орлиных лапах, ее руки заострены львиными лапами; у него хвост скорпиона и голова скелета, наполовину лишенная плоти, сохранившая глаза, и увенчанная козлиными рогами. У него четыре распростертых крыла. На обороте этого гениально ужасного изображения есть надпись на аккадском языке, уведомляющая нас, что это демон юго-западного ветра, созданный для того, чтобы его помещали у двери или окна, чтобы предотвратить его враждебное действие.

Наблюдая, с одной стороны, подобные фигуры, а с другой - прекрасные существа, воображаемые антагонистами по отношению к ним; отмечая в рунах и заклинаниях, как сильно древние ощущали себя окруженными этими добрыми и злыми силами, и, читая природу таким образом, научились видеть в смене времен года, последовательно побеждающих друг друга, и чередовании более длинных дней и более длинных ночей меняющиеся судьбы в бесконечной битве; мы можем лучше понять значение праздников солнцестояния, обычаев, которые объединялись вокруг Святок и Нового года, и то, как они менялись. многочисленные пережитки от них, которые ежегодно маскируются под христианские костюмы и имена. Для нашего солнцепоклоннического предка новый год означал первое слабое преимущество более теплого времени перед зимой, насколько это было возможно. Колебание дня между превосходством света и тьмы теперь названо в честь Фомы неверующего. На Святки восходящая победа солнца видится как святой младенец в яслях среди животных в стойле. Древнее поклонение природе завещало христианской вере облегающую мантию. Но старая идея войны между зимними и теплыми силами все еще преследует период Нового года; и двенадцать дней и ночей, которые когда-то считались периодом ожесточенной битвы между добрыми и злыми демонами, все еще рассматриваются многими как период особой бдительности и молитвы. В канун Нового года на севере Англии, который до сих пор называется "Хогманай", — вероятно, *О.Н.хеку-нетт*, ночь посреди зимы, когда готовились жертвоприношения Тору, - раньше было много обрядов, отражавших веру в то, что добрые и злые духи борются за каждого мужчину и женщину: считалось, что воздух кишит ими, и нужно следить за тем, чтобы ни в одном доме не гас огонь, защищающий дом; чтобы не приближался посторонний мужчина, женщина или животное, возможно, переодетый демон. Священные растения были расставлены в дверях и окнах, чтобы предотвратить проникновение любого злонамеренного существа из множества людей, наполнявших воздух. Джон Уэсли, чье благородное сердце сочеталось с разумом, удивительно открытым для историй о домовых, вернул церкви и секты в эту древнюю атмосферу. Тем не менее, рационализм того времени оказал влияние на праздник святого Уэсли — "Сторожевую ночь". Он с трудом узнает своего собрата на банкете "Голова кабана" в Королевском колледже

Оксфорда, посвященном победе над клыкастой зимой, обезглавленным демоном, чья щетина когда-то была сосульками, упавшими под действием лесных духов остролиста и розмарина. Однако то, что на самом деле означает "Сторожевая ночь" в антикварном понимании, - это всего лишь древнее кульминационное сражение между силами огня и мороза, которое, как когда-то считалось, определяло судьбы людей. В Белой Руси в День Нового года, когда решается вопрос о ежегодной битве стихий, рассказывают об убитых и раненых, с одной стороны, и об удачливых - с другой, перенося из дома в дом богатые и бедные Коляды. Это двое детей, один одет в красивую одежду и увенчан венком из полных колосьев зерна, другой оборван и носит венок из обмолоченной соломы. После того как они были подробно рассмотрены, каждый домохозяин приглашается и выбирает одного из них. Если его выбор падает на "бедную Коляду", сопровождающий хор поет скорбную мелодию, в которой его предупреждают о плохом урожае, бедности и, возможно, смерти; если он выбирает "богатую Коляду", поется веселая песня, обещающая ему урожай, здоровье и богатство.

Коренные жители некоторых районов Дардистана придают политическое и социальное значение своему Празднику Огня, который отмечается в месяц, предшествующий зиме, в новолуние, сразу после того, как их запасы мяса на сезон разложены для просушки. Их легенда гласит, что именно тогда их национальный герой убил древнего тирана и установил хорошее правительство. Эта легенда, рассказанная в другом месте, повествует о тиране, убитом из-за открытия, что его сердце сделано из снега. Он был убит теплом факелов. На празднествах все мужчины деревень выходят с факелами, которые они размахивают над головами и бросают в направлении Гилгита, где бессердечный тиран так долго удерживал свой замок. Когда мужья возвращаются домой после метания факела, разыгрывается небольшая драма. Жены отказывают им во входе, пока они не попросят, рассказывая о пользе, которую они им принесли; после приема муж изображает угрюмость, и его приходится приводить в чувство ласками, чтобы он присоединился к пиршеству. Жена ведет его вперед с такой песней: 'Ты обрадовал меня, любимец раджи! Ты обрадовал меня, о смелый всадник! Я доволен тобой, кто так хорошо владеет оружием и шпагой! Ты восхитил меня, о, ты облек меня в мантию почестей! О, великое счастье, я куплю его ценой удовольствия! О, ты пища для нас, куча кукурузы, запас гхи — с радостью куплю я все это, заплатив цену удовольствия!'

Глава 4. Элементы

Шотландский Мунаса—Рудра—Молниеносный глаз Шивы—Пылающий меч—Хромающие демоны—Демоны бури—Гелиос, Элиас, Перун—Стрелы Тора—Короткохвостый Дракон-Вихрь—Японский бог грома—Пережитки христианства—Джинны—Наводнения—Ной—Ник, Николас, Старина Никси—Гидра—Демоны Дуная—Приливы—Пережитки в России и Англии.

В течение нескольких последних лет в эдинбургском журнале появлялись любопытные рекламные объявления, призывающие благочестивых людей занимать определенные часы ночи священными упражнениями. Похоже, что они относятся к группе молящихся людей,

которые обеспечивают непрерывный цикл молитв в каждое мгновение дня и ночи. Их теория заключается в том, что обычное прекращение христианских молитв ночью вызывает так много бедствий. Дьяволы, будучи тогда менее сдержанными, вызывают штормы и все стихийные бедствия. Молитвенный круг, который надеется связать этих демонов непрерывной цепью молитв, возник, как мне сообщили, из благочестивого энтузиазма женщины, чья добрая забота о какой-то ранее существовавшей сестре, без сомнения, была олицетворена в индуистском Мунасе, который, пока все боги спали, сидел в виде змеи на ветке молочая, чтобы уберечь человечество от змеиного яда. Однако следует опасаться, что вряд ли мудрость змея стоит на молитвенном страже в Эдинбурге, скорее бдительность того опасного рода, которую проявляла "Мегги с берега" в 1785 году, как рассказывает Хью Миллер.⁵² Однажды бурной ночью, когда две молодые девушки нашли убежище в ее коттедже, все они около полуночи слышали крики отчаяния, смешивающиеся с ревом моря. "Поднимите занавеску на окне и выгляните наружу", - сказала Мегги. Перепуганные девушки так и сделали и сказали: 'Посреди залива Удалл есть яркий свет. Он нависает над водой примерно на высоте корабельной мачты, и мы можем видеть под ним что-то похожее на лодку, стоящую на якоре, а вокруг нее бушует белое море.' "А теперь опустите занавес, — сказала Мегги. - Я не новичок, девочки мои, в подобных зрелищах и шумах - зрелищах и шумах из другого мира; но меняучили, что Бог ближе ко мне, чем может быть дух; и поэтому я научился не бояться". Впоследствии неудивительно, что было обнаружено, что ялик Кромарти затонул, а все находившиеся на борту утонули; хотя соседи Мегги, похоже, сохранили легенду в соответствии с ее верой и превратили описанную сцену в предзнаменование того, что произошло на самом деле. . Это было в регионе, где моряки во время штиля призывают ветер свистом; и как свистящие, так и молящиеся, хотя их перспективы в будущем могут быть невелики, в прошлом сделали долгую карьеру.

В "Ригведе" есть замечательный гимн Рудре (Ревущему), который уместно процитировать здесь:

1. Сир богов бури, пусть твоя милость распространится на нас; не закрывай нас от взгляда солнца; пусть наш герой добьется успеха в нападении. О Рудра, пусть наше потомство станет могущественным.
2. С помощью успокаивающих средств, дарованных тобой, о Рудра, пусть мы проживем сто зим; далеко отогнав от себя ненависть, страдания и всепроникающие болезни.
3. Ты, о Рудра, превосходнейшее из существ во славе, сильнейший из сильных, о обладатель молнии; перенеси нас в целостности и сохранности через зло на дальний берег; отрази все нападения греха.
4. Пусть мы не вызываем твоего гнева, о Рудра, ни нашим поклонением, ни неискренностью в похвалах, ни распутством в призывах; ободрь наших героев твоими средствами; я слышал, ты главный врач среди врачей.
5. Пусть я умилю гимнами этого Рудру, которому поклоняются с помощью призывов и подношений; пусть мягкосердечный, покладистый, рыжеволосый, с красивым подбородком бог не отдаст нас в руки злого заговорщика [буквально, уму, медитирующему "я убиваю"].
6. Щедрый даритель, сопровождаемый богами бури, порадовал меня, своего просителя, самой бодрящей пищей; подобно тому, как страдающий от жары ищет тени, пусть я, свободный от вреда, найду убежище в благоволении Рудры.

7. Где, о Рудра, та твоя милостивая рука, которая исцеляет и утешает? Сделай так, чтобы ты, устраняя зло, исходящее от богов, о щедрый даритель, смилостивился надо мной.

8. Смуглому, светлокожему раздающему щедроты, Я посылаю великую и прекрасную хвалебную песнь; поклоняемся лучезарному богу земными поклонами; мы воспеваем прославленное имя Рудры.

9. Крепко сложенный, многогранный, свирепый, смуглый, он украсил себя блестящими золотыми украшениями; воистину, сила неотделима от Рудры, владыки этого огромного мира.

10. Достоин поклонения, ты носишь стрелы и лук; достоин поклонения, ты носишь сверкающее ожерелье многих форм; достоин поклонения, ты правишь этой необъятной вселенной; нет никого, о Рудра, могущественнее тебя.

11. Прославляй прославленного и вечно юного бога, восседающего на колеснице, который, подобно дикому зверю, ужасен, свиреп и разрушителен; смилуйся над певцом, о Рудра, когда тебя восхваляют; пусть твои воинства поразят не нас, а кого-нибудь другого.

12. Как мальчик приветствует своего отца, который подходит и говорит с ним: "Так, о Рудра, я приветствую тебя, подателя многого, владыку добра; даруй нам лекарства, когда тебя восхвалят".

13. Ваших средств, о боги бури, которые чисты и помогают, о щедрые дарители, дарующие радость, которые избрал наш отец Ману, я жажду их, а также благословения и помощи Рудры.

14. Пусть дротик Рудры будет отведен от нас, пусть великая злоба пламенеющего бога будет предотвращена; разогни свой сильный лук от тех, кто щедро распоряжается своим богатством; О щедрый бог, смилуйся над нашим потомством и нашими потомками (*то есть*, нашими детьми и детьми детей).

15. Итак, о рыжевато-коричневый Рудра, мудрый податель даров, услышь наш крик, внимли нам здесь, чтобы ты не разгневался на нас, о боже, и не убил нас; пусть мы, богатые героическими сыновьями, вознесем великую хвалу при жертвоприношении.⁵³

В других гимнах злобный характер Рудры становится еще более заметным:

7. Не убивай ни нашего сильного мужчину, ни нашего маленького ребенка, ни того, кто растет, ни того, кто вырос, ни нашего отца, ни нашу мать; не причиняй вреда, о Рудра, нашим дорогим "я".

8. Не причиняй нам вреда ни в наших детях, ни в детях наших детей, ни в наших мужчинах, ни в нашем стаде, ни в наших лошадях. Не поражай наших героев в своем гневе; мы постоянно ждем тебя с подношениями.⁵⁴

В этом гимне (стих 1) Рудра описывается как "имеющий заплетенные волосы"; а в "Яджур-веде" и "Атхарва-веде" ему приписываются другие атрибуты Шивы, такие как эпитет *нила-грива*, или синешей. В "Ригведе" Шива часто встречается как эпитет и означает *благоприятный*. Оно использовалось как эвфемистический эпитет, чтобы умиливать Рудру, повелителя бурь; и, наконец, эпитет превратился в отдельного бога.

Происхождение Шивы далее указывается в легендах, согласно которым его взгляд разрушил голову юного божества Ганеши, который теперь носит голову слона, которой она была заменена; и что боги убедили его постоянно моргать глазами (подобно молнии), чтобы его сосредоточенный взгляд (молния) не превратил вселенную в пепел. С последней легендой, естественно, может быть связан взгляд дурного глаза в Индии, хотя в большинстве стран это скорее ассоциировалось с пагубным влиянием, приписываемым определенным планетам, особенно Сатурну; чары против дурного глаза были отмечены знаками зодиака. Сам миф о глазу Шивы сохранился в образах русского демона Магарко ('Подмигиватель') и Сервиана VII, чей взгляд, как говорят, способен превращать людей и даже города в пепел.

Ужасный Рудра представлен в огромном количестве верований, некоторые из которых, возможно, сохранились; в демоне бурного моря и восточного ветра Эгире на севере и Тифоне на юге; и в вере Лютера в то, что "дьяволы обитают в густых черных облаках и насылают бури, град, гром и молнию и отравляют воздух своим адским зловонием", доктрине, которую Бертон, Анатом Меланхолии, также отстаивал против метеорологов своего времени.

У древних ариев молния, по-видимому, была высшим видом божественной разрушительности. Дротик Рудры, глаз Шивы, вновь появляется вместе с сингальским принцем демонов Вессамонни, которого описывают как владеющего золотым мечом, который, когда он сердится, вылетает у него из руки, в которую он спонтанно возвращается, отрубив тысячу голов.⁵⁵ Замечательное копье принадлежало Одину и, возможно, было оригинальным Экскалибуром. Четырехликий Святovit России, чья мантия перешла к святому Георгию, статуя которого была найдена в Збруче в 1851 году, нес рог с вином (дождь) и меч (молния).

В Греции подобными мечами владел Зевс, а также бог войны. Благодаря Зевсу и Аресу первоначальные обладатели молнии — Индра и Шива - стали прообразами многих богов и полубожественных героев. Злой глаз Шивы сверкал со лба Циклопов, изготовителей молний; и спасительный диск Индры сверкал в мечах и стрелах знаменитых истребителей драконов — Персея, Пегаса, Геркулеса и Святого Георгия. Тот же меч защищал Дерево Жизни в Эдеме и был занесен в руке Смерти на Бледном Коне (в христианские времена на Руси Святowиту приносили в жертву белого коня). И, наконец, у нас есть чудесный меч, который повинуется команде "Долой голову!", радуя все детские сады той услугой, которую он оказывает Королю Золотой горы.

"Я узрел сатану в виде молнии, падающей с небес". Для греков это падение мятежных божеств с небес объяснялось, как мы видели, их хромотой. Но только универсальным явлением можно объяснить появление множества демонов с кривыми или искалеченными ногами (таких как "Дьявол Буато")⁵⁶ по всему миру. У южноафриканских намакуа есть "божество", чье занятие причинять боль и смерть; его зовут Цуй'кнап, что означает "раненое колено".⁵⁷ Ливингстон говорит о баквейнах, другом народе Южной Африки: "Любопытно, что во всех их притворных снах или видениях их бога у него всегда кривая нога, как у египетского тау".⁵⁸ В Майнасе, Южная Америка, верят в коварного демона Учзулла-чаки, или Хромононогого, который в темных лесах принимает дружелюбный облик, чтобы заманить индейцев на погибель; но охотники говорят, что их никогда не обманешь, если они изучат следы этого демона из-за неодинакового размера двух ног.⁵⁹ Коренные австралийцы верили в демона по имени Биам; у него черные и деформированные нижние конечности; они приписывали ему многие свои песни и танцы, а также разновидность оспы, которому они были подвержены.⁶⁰ У нас нет доказательств того, что

эти суеверия перекочевали из общего центра; и не может быть никаких сомнений в том, что многие из этих искривленных ног связаны с искривленной молнией.⁶¹ В то же время это ни в коей мере не противоречит тому, что уже было сказано о падении Титанов и ангелов с небес, что часто объясняет их хромоту в популярных мифах. Но в таких деталях трудно достичь уверенности, поскольку очень многие факты подозрительно похожи друг на друга. Дикий кабан с 'искривленными ногами' напал на Святого Годрика, и велик соблазн обобщить эту историю, но ноги, вероятно, означают только то, что это был дьявол.

Доктор Шлиман обнаружил среди других своих сокровищ замечательный факт, что храм Гелиоса (солнца) когда-то стоял недалеко от места нынешней церкви Ильи в Микенах, которая с незапамятных времен была местом, куда люди приходили молиться о дожде.⁶² Когда на смену Солнцу, порождающему бурю, пришел Пророк, молитва которого вызвала облако, даже название последнего не понадобилось менять. Это открытие тем более интересно, что оно всегда было частью христианского фольклора этого региона, согласно которому, когда случается гроза с молнией, это 'Илия в своей огненной колеснице'. Похожая фраза используется в какой-то части каждой арийской страны, с вариациями названия: это Воден, или король Вальдемар, или Великий Почитатель, или иногда Бог, который, как говорят, выезжает на своей колеснице.

Эти демоны-грозы в своих колесницах имеют своим предшественником Вату или Вайю, тему одного из самых прекрасных ведических гимнов. 'Я прославляю славу колесницы Ваты; ее шум становится раздражающим и оглушительным. Касаясь неба, он движется вперед, окрашивая все вокруг в красный цвет; и он приходит, поднимая пыль с земли.

'Душа богов, источник вселенной, это божество движется по своему списку. Его звуки были услышаны, но его форма не видна; этой Вате давайте поклоняться с жертвоприношением'.⁶³

Этот последний стих, как указал м-р Мьюир, имеет поразительное сходство с отрывком из Евангелия от Иоанна: "Ветер дует, где хочет, и ты не можешь сказать, откуда он приходит и куда уходит; так бывает со всяким, рожденным от Ветра".⁶⁴

Но столь же поразительное развитие ведической идеи представлено в сиамской легенде о Будде, и в этом случае ведический бог Ветра Вайю вновь появляется под именем Ангелов Бурь, или Лока Файю. Первым предзнаменованием, предшествовавшим сошествию Будды с небес Тушиты, было 'когда Ангелы Бури, облаченные в красные одежды и с развевающимися волосами, путешествуют среди обителей человечества, взывая: 'Внимайте всем, кто близок к смерти; покайтесь и не будьте беспечны! Приближается конец света, но еще сто тысяч лет, и он будет разрушен. Тогда напрягайтесь, напрягайтесь, чтобы обрести заслугу. Превыше всего будьте милосердны; воздерживайтесь от совершения зла; медитируйте с любовью ко всем существам и слушайте учения святости. Ибо все мы находимся в устах царя смерти. Тогда усердно стремись к достойным плодам и стремись к тому, что хорошо'.⁶⁵

Не менее примечателен Таргум Ионафана Бен Узиила к 1 Царств хix, где вокруг Илии на горе собираются 'сонмы ангелов ветра, раскалывающих гору и сокрушающих скалы пред Господом'; и после них 'ангелы волнения', а затем "ангелы огня", и, наконец, "голоса, поющие в тишине" предшествовали сошествию Иеговы. Вряд ли стоит удивляться, что пророк, о котором была рассказана эта история, а также история о буре, вызванной небольшим облаком, попал в ту колесницу ведического Вайю, которая прокатилась через все века мифологии.

Мифологические потоки, кажется, сохраняют свои русла почти так же прочно, как реки, но даже они в конце концов меняются или смешиваются, то же самое происходит и со старыми традициями. Таким образом, мы обнаруживаем, что в то время как Тор и Один остаются такими же отдельными пережитками, как Вайю и Парджанья в Индии, в России Элиас унаследовал мантию не бога ветра или солнца, порождающего бури, а славянского громовержца Перуна. Нет никаких сомнений в том, что это Парджанья, описанный в "Ригведе" как "громовержец, осыпающий дождем, щедрый",⁶⁶ который 'валит деревья' и 'нечестивых'. 'Новгородцы, ' говорит Герберштейн, ' раньше в основном поклонялись некоему идолу по имени Перун. Когда впоследствии они приняли крещение, они сняли его с места и бросили в реку Волхов; и история гласит, что он поплыл против течения, и что возле моста был слышен голос, говоривший: 'Это вам, о новгородцы, в память обо мне'; и в то же время на мост была заброшена некая веревка. Даже сейчас время от времени, в определенные дни года, случается, что слышен этот голос Перуна, и в этих случаях горожане сбегаются вместе и хлещут друг друга веревками, и из-за этого возникает такой переполох, что все усилия правителя едва ли могут его унять".⁶⁷ Статуя Перуна в Кифе, говорит мистер Ралстон, имела туловище из дерева, голову - из серебра, усы - из золота, а среди оружия - булава. Афанасьев утверждает, что в бело-русских традициях Перун высокий и хорошо сложенный, с черными волосами и длинной золотистой бородой. Эта борода роднит его с Барбароссой и, возможно, хотя и отдаленно, с лесным демоном Барбатосом, Диким Лучником, который предсказывал судьбу по пению птиц.⁶⁸ У Перуна также есть лук, который "иногда отождествляют с радугой, идея, известная также финнам. Из него, по словам белых русских, выпускаются горящие стрелы, которые поджигают все, к чему прикасаются. Во многих частях России (а также Германии) предполагается, что эти стрелы глубоко погружаются в почву, но по истечении трех-семи лет они возвращаются на поверхность в форме продолговатых камней черного или темно-серого цвета - вероятно, белемнитов, или масс расплавленного песка, — которые называются молниями и считаются отличной защитой от молний и пожаров. Финны называют их Уконкиви — камень бога грома Укко, а в Курляндии их зовут Перкунштейне, что объясняется само собой. В некоторых случаях пылающий дротик Перуна становился в воображении людей золотым ключом. С его помощью он открыл землю и извлек на свет ее скрытые сокровища, ее сдерживаемые воды, ее плененные источники света. С его помощью он также запирает в безопасном месте беглецов, которые хотели избавиться от власти злобных колдунов, и оказывал различные другие добрые услуги. Призывы к нему выполнять эти функции все еще существуют в заклинаниях, используемых крестьянами, но его имя уступило место имени какого-то христианского персонажа. В одном из них, например, архангел Михаил призван запереть призывающего за железной дверью, запертой на двадцать семь замков, ключи от которых даны ангелам для передачи на небеса. В другом изображении Иоанн Креститель изображен стоящим на камне в Святом море [*то есть* на небесах], опирающимся на железный посох, и призван остановить поток крови из раны, запирая вены призывающего своим небесным ключом.' В данном случае миф перешел в обряд. Чтобы остановить сильное кровотечение из носа, берется запертый височный замок, и крови дают стечь через его отверстие, или пострадавший берет по ключу в каждую руку, ожидается, что любой план окажется эффективным. Что касается ключа, то вера, похоже, все еще сохраняется среди нас".⁶⁹

Ключ имеет священное значение в различных религиях, и, следовательно, адский ключ является его естественным аналогом. Ведические гимны, в которых так много говорится о закрытии и открытии, заточении и освобождении небесных дождей и земных плодов демонами и божествами, интерпретируют многие явления природы, и одни и те же идеи возникли во

многих странах. Поэтому мы не можем быть уверены, что Калмет прав, приписывая индийское происхождение присоединенной цифре 5, древнеперсидской медали. Знаки зодиака на его теле показывают, что это один из тех небесных демонов, которые, как считается, способны связывать благотворных или освобождать грозные силы природы. Ключ имеет особое значение в еврейской вере. Это был символ должности первосвященника Елиакима, который также был префектом в царском доме. "Ключ от дома Давидова я положу на плечо его: он отворит, и никто не затворит; он затворит, и никто не отворит".⁷⁰

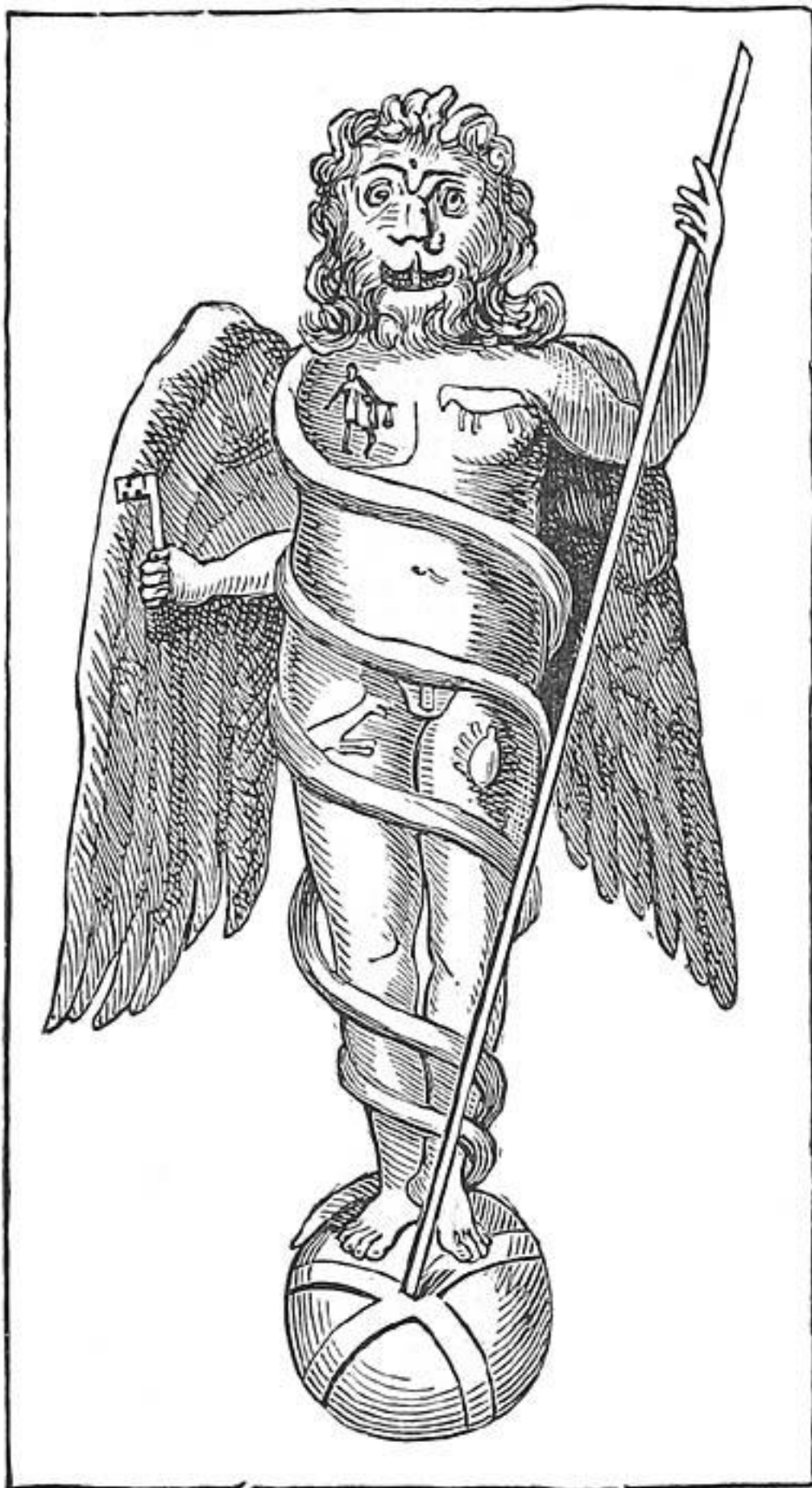

Рис. 5.

У раввинов была поговорка, что Бог оставляет за собой четыре ключа, которые он не доверит даже ангелам: ключ дождя, ключ могилы, ключ плодородия и ключ бесплодия. Это был знак того, кто поставлен выше ангелов, когда Христа видели с ключами Ада и Смерти, или когда он вручал ключи от рая Петру,^{71—летнему}, который до сих пор давит на спины протестантским детям, чтобы вылечить кровотечение из носа.

Повсеместное суеверие, приписывающее богам кремневые стрелы доисторических рас, выпущенные ими в виде молнии и, как говорили некоторые, из радуги, - слишком детская теория, чтобы требовать тщательного рассмотрения. Нам нет необходимости этнографически связывать наши 'стрелы Тора' и 'выстрелы эльфов' с камнями, которые швырял в смертных герцог-Громовержец (Луй-цзы) Китая. Древние парфяне, которые обычно отвечали на грозу, стреляя в нее из лука, и турки, которые атакуют затмение из ружей, справедливо представляют младенчество человеческой расы, хотя, возможно, и с большей отвагой, чем у обычных людей. Доктор Макгоуэн рассказывает о Лэй-чау (Районе Грома) в Китае различные мифы, которые напоминают те, что окружают мир. Считается, что после грозы можно найти черные камни, которые при ударе издают свет и своеобразные звуки. В храме, посвященном Герцогу-Грому, люди ежегодно устанавливают барабан, в который должен бить этот буйный демон. Барабан раньше оставляли на вершине горы с маленьким мальчиком в качестве жертвоприношения.⁷²Мистер Деннис⁷³ говорит о веровании в той же стране, что сильные ветры и тайфуны вызываются прохождением по воздуху 'Короткохвостого Дракона', а также бога дождя Ю-Шу. Бог бури, связанный с "Орлом", или источником реки Цзинь-танг, представляет собой совпадение имени со скандинавским Эгиром, что было бы едва ли заметно, если бы не очень близкое сходство между фольклором о 'Короткохвостом драконе' и драконами-грозами нескольких арийских рас. Как правило, и в Китае, и в Японии к Дракону относятся с почтением, равным ужасу, с которым относятся к змею. Относительно этого явления и его аналогий в Британии у меня будет объяснение, которое я представлю, когда мы перейдем к более подробному рассмотрению мифов о драконах. Из этого общего правила китайский 'куцехвостый дракон' является частичным исключением. Его преданность как друга привела к тому, что он плохо отреагировал на нападение, в результате которого ему ампутировали хвост, и с тех пор его вспыльчивый характер проявлялся в поднятии бурь. Когда возникает сильная буря, кантонцы говорят: "Пролетает короткохвостый дракон", - точно так же, как арийские крестьяне приписывают то же явление своим богам бури.

В некоторых районах Франции широко распространено мнение, что все вихри, какими бы незначительными они ни были, вызваны находящимися в них волшебниками или ведьмами, носящимися по воздуху; и *Мелюзина* утверждает, что в департаменте Орн штормы приписываются духовенству, которое, как предполагается, кружит в них. В том же замечательном журнале утверждается, что несколько лет назад в этом департаменте прихожанин, увидев, что его посевам угрожает град, выстрелил в облако. На следующий день он услышал, что приходской священник сломал ногу в результате падения, причину которого он не мог объяснить.

Следующие примеры приведены Куном. Недалеко от Стангенхагена в горе спрятано сокровище, которое лорд фон Тюмен пытался найти, но был подхвачен вихрем вместе со своей

лошадью и возвращен домой. Считается, что дьявол сидит в центре каждого вихря. Говорят, что в Бизентале благородная леди стала невестой Ветра. В свое время она была знаменитой наездницей и охотницей, которая безрассудно скакала по полям и садам фермеров; теперь на нее саму охотятся змеи и драконы, и ее вой можно услышать в любую бурю.

Я подозреваю, что топорщащиеся волосы, которые так часто изображаются в японских Они, Дьяволах, относятся к их частому пребыванию в центре штормового ветра. Их демон бури обычно изображается восседающим на огненном цветке, его поднятые и растопыренные пальцы испускают самые ужасающие молнии, которые падают на его жертвы и окутывают их пламенем. Иногда, однако, японские художники подшучивают над своим богом грома и изображают его распростертым на земле от отдачи его собственных молний. Следующий отрывок из "*Кристиан геральд*" (Лондон, 12 апреля 1877 г.) покажет, как далеко простирается страх перед этим японским они: "Набожный отец пишет: 'Несколько дней назад была сильная гроза, которая, казалось, собиралась очень сильно в том направлении, где жил мой сын; и у меня было чувство, что я должен пойти и помолиться, чтобы он был защищен и не был убит молнией. Впечатление, казалось, говорило: 'Нельзя терять времени'. Я повиновался, подошел, опустился на колени и помолился, чтобы Господь сохранил ему жизнь. Я верю, что он услышал мою молитву. Мой сын позвонил мне позже и, говоря о ливне, сказал: 'Молния упала вниз и ударила в саму мотыгу в моих руках, и я онемел'. Я сказал: 'Возможно, ты был бы убит, если бы кто-нибудь не молился за тебя'. С тех пор он обратился и, я верю, будет спасен в вечном царстве Божьем".

Такие параграфы теперь могут показаться даже многим христианам "пережитками". Но прошло не так уж много времени с тех пор, как некоторые выдающиеся священнослужители смотрели на Бенджамина Франклина как на бросающего вызов небесам Аякса христианского мира, потому что он взялся показать людям, как они могут отводить молнии от своих жилищ. В те дни Франклин лично посетил церковь в Стритеме, в шпиль которой ударила молния, и, осмотрев местность, высказал мнение, что если шпиль снова воздвигнуть без громоотвода, в него снова ударит молния. Дерзкого человека, который, как гласила пословица, "вырвал скипетр у тиранов и молнию с небес", не послушали: колокольню отстроили заново и снова снесли молнией.

Верховный бог племени кичуа (американцев), Виракоча ('морская пена'), поднимается из озера Титикака и, поражая молниями всех противников, исчезает в Западном океане. Кичуа - ментальный брат араба-погонщика верблюдов. "Море", — говорится в "Тысячи и Одной ночи", - "море забеспокоилось перед ними, и из него поднялся черный столб, поднимающийся к небу и приближающийся к лугу", и "вот, это был Джинн⁷⁴ гигантского роста'. Джинн иногда помогает, поскольку он грозен; он отплачивает рыбаку, который распечатывает его из ларца, выловленного из моря, поскольку плодородие исходит из облака размером не больше человеческой ладони, вызванного Илией. Опасный Джинн, описанный в приведенном выше отрывке, - это водяной смерч. В Китае водяные смерчи связывают с воздушными битвами драконов, и в той же стране известен демон приливов. Новейшая богиня в Китае - канонизированная защитница от терпящих кораблекрушение штормовых демонов побережья, возвышение, недавно провозглашенное правительством империи в соответствии, как указано в эдикте, с верой, преобладающей среди моряков. В этом китайцы сильно отстают от моряков и рыбаков французского побережья, которые на протяжении веков с помощью благочестивой филологии соединяли "Марию" с "Ла Маре" и "Ла Мер"; и всякий раз, когда им удавалось

спастись от штормов, они приносили свои жертвоприношения в прибрежные святилища Морской Звезды.

Древнееврейское богословие, в своем стремлении присвоить Иегове абсолютизм, который сделал бы его "Господом господствующих", установило его ответственность за многие сомнительные деяния, бремени которых теперь избегают, утверждая, что он 'разрешал' их. Таким образом, Элохимы, вызвавшие Потоп, были отождествлены с Иеговой. Тем не менее, в библейском повествовании о Потопе мы должны видеть действия буйных водяных демонов. Какую силу христианин признал бы в подобном событии, если бы оно было описано в священных книгах другой религии, можно увидеть в видении Апокалипсиса...Змей выпустил изо рта своего поток воды вслед за женщиной, чтобы она была унесена потоком; и земля помогла женщине, и открыла свою пасть, и поглотила поток'. Этот Демон Наводнения встречается исследователю египетских и аккадских надписей на каждом шагу. Ужасная Семерка, с которой не может совладать даже Бог Огня, "разрушает берега Бездны Вод".⁷⁵ Бог Тигра Туртак (библейский Тартак) - "великий разрушитель".⁷⁶ Левиафан "заставляет бездну кипеть, как котел": "когда он восстает, могущественные боятся; из-за разрушений они очищаются".⁷⁷

В Астрономических таблицах, которые профессор Сэйс датирует примерно 1600 годом до н.э., мы видим постоянную связь затмения и потопа: 'На пятнадцатый день происходит затмение. Король умирает; и с небес льются дожди, в каналах разливается вода'. 'В месяце Элул (август), на четырнадцатый день, происходит затмение.... На север... видна его тень; и королю Маллии вручается корона. Короне короны служит предзнаменование; и над королем проходит затмение. На небесах идут дожди, в каналах разливаются реки. В стране голод. Мужчины продают своих сыновей за серебро. "Через год бог Воздуха наводняет".⁷⁸

В халдейско-вавилонской космогонии тремя зонами Вселенной управляла следующая Триада: Небом - Ану; поверхностью земли, включая атмосферу, - Бел; подземным миром - Ноа.⁷⁹ Тот же самый Ноах - ассирийский Хеа, или Спаситель; и это Библейский Ной. Это название означает покой или обитель, место, где может обитать человек. Когда Дракон Тиамат, или Левиафан, открывает 'источники великой бездны', а Ану - "окна Небес", именно Хеа или Ной спасает жизнь человека. М. Франсуа Ленорман показал, что именно в этом вероятный смысл одного из самых древних аккадских фрагментов в Британском музее. В нем содержится намек на 'змея о семи головах ... который побеждает море'.⁸⁰ Однако Неа, по—видимому, более четко обозначен во фрагменте, который профессор Сэйс прилагает к этому:-

Внизу, в бездне, пусть они принесут в жертву могучие толпы.

Непреодолимый страх перед Ану посреди Небесокружаемого путь.

Духи земли, могущественные боги, не могут противостоять ему.

Король, словно вспышка молнии, открылся.

Адар, штурмующий крепости банды повстанцев, открылся.

Подобно потокам в небесном круге, Я пророс семенем людей.

Его поход в знак верности Белу к храму, которым яруководил,

(Он) герой богов, защитник человечества, далекий (и) близкий....

О мой господь, жизнь Неба (вдохни вдохновение твое), приклони ухо твое.

О Адар, герой, *венец света*, (вдохни) свое вдохновение, (приклони) ухо.

Непреодолимый страх перед тобой да познает море....

Твое сидение (есть) вестник его отдыха от походов,

В твоём походе Меродах (пребывает) в покое⁸¹....

Отца твоего на троне ты непоразишь.

Бела на его троне ты непоразишь.

Да поглотит он духов земли на их троне.

Пусть твой отец в руках твоей доблести заставит (их) выйти вперед.

Пусть Бел в руках твоей доблести заставит (их) идти вперед.

(Царь, провозглашенный) Ану, первенец богов.

Тот, кто стоит перед Белом, сердцем жизни Дома Возлюбленного.⁸²

Герой горы (для тех, кто) умирает во множестве.... единый бог, он не будет призывать.⁸³

В этом примитивном фрагменте мы находим героя горы (Ноя), призывающего и Бела, и Небо, воздушные и inferнальные Разумы, и Адара, халдейского Геркулеса, для их "вдохновения" — того дыхания, которое в библейской истории исходит в виде Голубя ("вестника его покоя" в аккадском фрагменте), и в виде "ветра", которым были успокоены воды (во фрагменте "духи земли", которые отдаются в руки неистового "героя горы"). кого только боги "не призывают").

Гидру можно рассматривать как разновидность разрушительного водяного демона в двойном смысле, поскольку ее головы сохранились во многих мифических формах. Сирийские Дагон и Атергатис, божества-рыбы, завещали нашим романтическим Ундинам лишь свою стихию. Некоторые нимфы так долго были оторваны от водных ассоциаций, что их имена стали загадочными, а их место в демонологии — еще более загадочным. К Никси (vīxw) из Германии, ныне просто озорной, как британский Пикси, многие филологи относят обычное выражение для обозначения дьявола — "Старый Ник". Я полагаю, однако, что эта фраза обязана своей популярностью святому Николаю, а не скандинавскому богу воды, на место которого он был назначен после воцарения христианства. Этот святой Посейдон, который из покровителя рыбаков постепенно стал ассоциироваться с тем демоном, которого, по словам сэра Вальтера Скотта, 'британский моряк боялся больше всего на свете', также в древности был покровителем пиратов; а разбойников называли 'Святой Клерки Николаса'.⁸⁴ В Норвегии и Нидерландах древняя вера в демона Никке была сильна; он был своего рода Диким Морским охотником и оставил множество легенд, одной из которых является "Летучий голландец". Но я убежден, что благодаря своему легендарному отношению к мальчикам святой Николай придал имени "Старый Ник" современный моральный оттенок. Из-за его репутации человека, вернувшего к жизни троих убитых детей, святой Николай стал их покровителем, и в его день, 6 декабря, по старому обычаю был рукоположен Мальчик-епископ, который занимал этот пост до 28 числа месяца. Таким образом, он стал моральным придатком древнего бога Водана германских

народов, который, как верили, в зимнее время находил убежище в вечнозеленых растениях, особенно в елях, и осыпал благами своих любимых детей, случайно забредших под них. 'Бартель', 'Клаубауф', или как бы там его ни звали, был сокращен до слуги Святого Николая, чье имя теперь перепутано с 'Сантаклаус'. Согласно старому обычаю, он появился в сопровождении своего кнехта Клаубауфа — в лице тех, кто знал все о детях, — что принесло своего рода конец света. Когда хорошие дети были одарены подарками, святой Николай затем приказал Клаубауфам положить непослушных в свою корзину и унести их для наказания. Ужас и крики, вызванные таким образом, привели к огромным страданиям среди детей, и в Мюнхене и некоторых других местах власти совершенно справедливо объявили подобные трагедии незаконными. Но на протяжении многих веков у нянек и матерей был обычай угрожать непокорным детям, что в конце года их унесет Николас; и таким образом каждый год заканчивался, по мнению юных предчувствий, Судным днем, взвешиванием Душ и Дьяволом или Старым Ником в качестве исполнителя возмездия.

Ник давно утратил свой водный характер, и мы находим, что на Дальнем Западе (Америка) его имя звучит как 'Лесной ник' — дикая легенда о поселенце, который, следуя клятве отомстить за свои обиды, убивал краснокожих, пока они спали, и считался демоном. У японцев есть водяной дракон - Каппа — карательного и нравственного вида, в обязанности которого входит проглатывать плохих мальчиков, которые идут купаться вопреки приказам своих родителей или в неподходящее время и в неподходящих местах. Не исключено, что подобные опасности для детенышей исходили от некоторых водяных демонов, - вероятно, таких, которых считают миниатюрными и озорными, — например, Никси. Долгое время Никса была на Балтийском побережье самкой 'Старой Ника', и рыбаки ее очень боялись. Ее злобный нрав представлен в шотландском келпи — водяном коне, который, как считается, уносит неосторожных внезапными наводнениями, чтобы поглотить их. В Германии жила богиня реки, храм которой находился в Магдебурге, откуда и пошло ее название. Существует легенда о том, что она появилась на тамошнем рынке в христианском костюме, но ее заметили по тому, что с уголка ее фартука постоянно капала вода. В Германии никси обычно играли роль наяд древних времен.⁸⁵ В России подобные существа, называемые русалками, гораздо более грозны.

Рассказывают, что во многих регионах христианского мира эти демоны, родственники дев-Лебедей, рассмотренных в другой главе, были обращены в дружелюбных или даже благочестивых существ и крещены именами святых. Иногда появляются легенды, которые раскрывают этот переход. Так, рассказывают, что в 1440 году, когда плотины Голландии были разрушены сильной бурей, море затопило луга; и несколько девушек из города Эдам в Западной Фрисландии, плывя в лодке доить своих коров, заметили русалку, запутавшуюся в грязи, так как вода была очень мелкой. Они взяли его в свою лодку и привезли в Эдам, и одели в женскую одежду, и научили прясть. Он ел так же, как они, но не мог заговорить. Его перевезли в Харлем, где он прожил несколько лет, хотя и проявлял склонность к воде. Париваль, который рассказывает эту историю, рассказывает, что они донесли до него некоторые представления о существовании божества, и оно благоговейно кланялось всякий раз, когда проходило мимо распятия.

Другое существо того же вида было поймано в 1531 году в Балтийском море и отправлено в подарок Сигизмунду, королю Польши. Это видели все присутствующие при дворе, но прожило всего три дня.

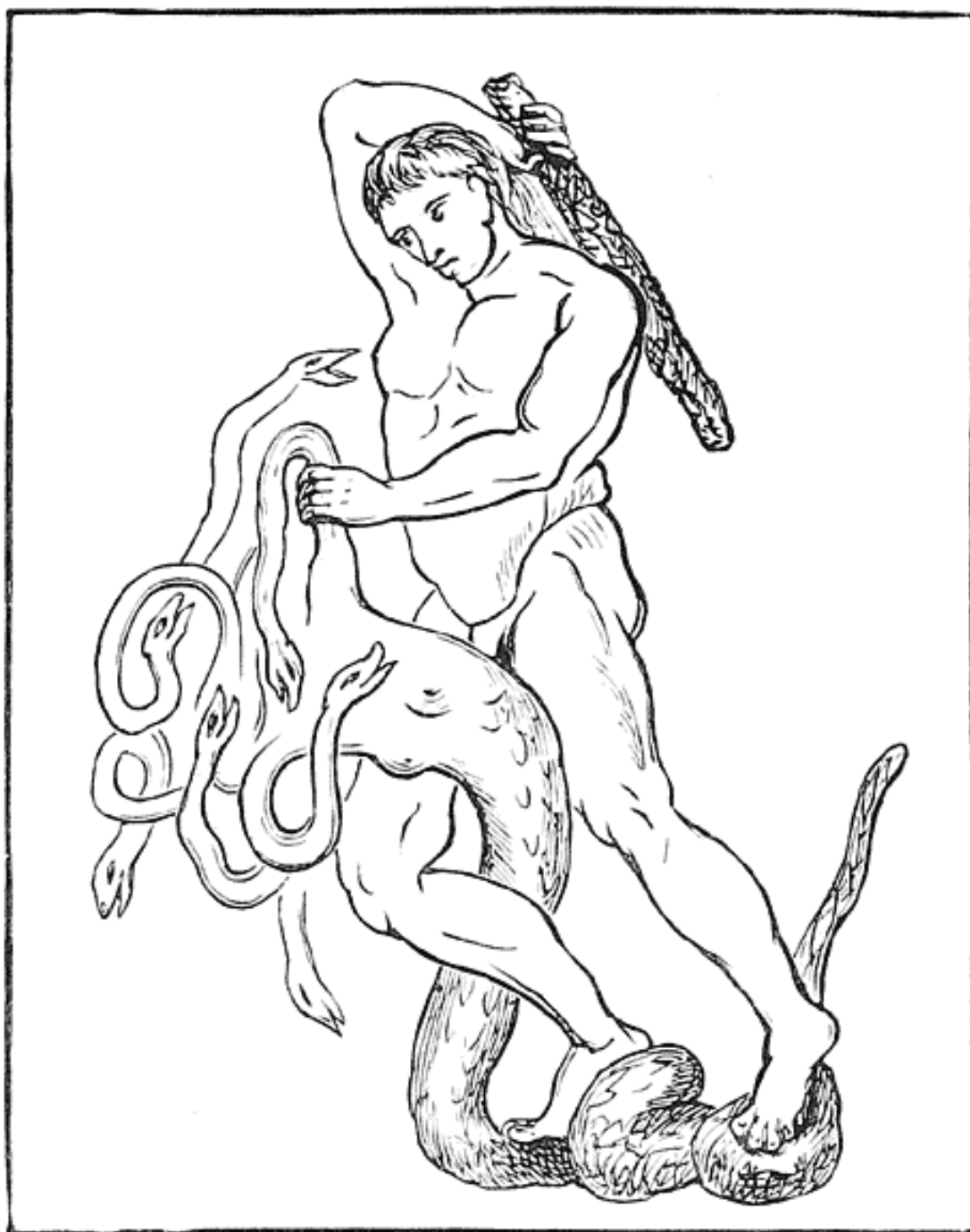

Рис. 6.—Геркулес и Гидра (Лувр).

Гидра — поток, который, отрезанный в одном направлении, быстро течет в других, — сохранила свои следы во многих дьявольских названиях, присвоенных кипящим источникам и потокам, которые становятся опасно вздувшимися. В Калифорнии кипящие источники, называемые "Дьявольским чайником" и "Дьявольской кашей", повторяют "дьявольские чаши для пунша" Европы и бесчисленные дьявольские дамбы и каналы. Считается, что холм Святого Жерара,

недалеко от Пешта, на котором святой принял мученическую смерть, переполнен дьяволами всякий раз, когда наводнение угрожает городу; они предаются дьявольскому смеху и играют с телескопами обсерватории, так что те, кто смотрит в них впоследствии, видят только танцы дьяволов и ведьм!⁸⁶ В Буде, через реку от Пешта, находится знаменитый 'Чертов ров', который жители используют как канализацию, пока он сухой, превращая его в Геенну, отравляющую их зловонием, но который часто превращается в разрушительный поток, когда на Блоксберг приходит оттепель. В 1874 году жители перекрыли его, чтобы избавиться от обычного зловония, но отрубленная таким образом голова Гидры выросла снова и в июле 1875 года поглотила сотню человек.⁸⁷

Некогда опасные Штрудель и дунайский Вирбель овеяны дьявольскими легендами. Из замечательной работы доктора Уильяма Битти "Дунай" я цитирую следующие отрывки: 'После спуска с Грейнершвалла, или упомянутых выше порогов Грейна, река течет на значительном пространстве глубоким и почти спокойным течением, что, по контрасту с надвигающимся волнением, усиливает ее дикие, бурные и романтические черты. Сначала глухой, приглушенный рев, подобный отдаленному раскату грома, поражает слух и привлекает внимание путешественника. Это увеличивается с каждой секундой, и волнение и активность, которые сейчас царят среди матросов на борту, показывают, что при обращении со штурвалом и веслами необходимо прилагать дополнительные усилия, бдительность и осторожность. Вода теперь изменила свой цвет — вспенилась и взбаламутилась, как кипящий котел. Впереди, в центре канала, возвышается крутая, изолированная и колоссальная скала, окаймленная лесом и увенчанная полуразрушенной башней, на вершине которой водружен высокий крест, к которому в минуту опасности древние лодочники имели обыкновение обращаться со своими молитвами об избавлении. Первый вид этого вызывал на борту немалое волнение и опасения; шкипер приказывал соблюдать строгую тишину, рулевой крепче сжимал штурвал, пассажиры расступались, чтобы освободить место для лодочников, в то время как женщин и детей спешили в каюту, чтобы там с чувством немалой тревоги ожидать результата предприятия. Каждый лодочник с непокрытой головой пробормотал молитву своему святому покровителю, и баржа понеслась прочь сквозь грохочущие волны, которые, казалось, приближали ее к неминуемой гибели. Всех этих приготовлений, дополненных дикостью прилегающего пейзажа, устрашающим видом скал и бурным состоянием воды, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатление на умы даже тех, кто всю свою жизнь был знаком с опасностями; в то время как призрачные призраки, которыми суеверие населило это место, навевали еще больший мрак на всю сцену".

О водовороте под названием Вирбель и окружающих его руинах тот же автор пишет: 'Каждая из этих полуразрушенных крепостей была предметом какого-нибудь чудесного предания, которое распространялось у каждого очага. Мрачный и таинственный вид этого места, его дикий пейзаж и частые несчастные случаи, происходившие во время плавания, вселяли в него благоговейный трепет и ужас; но прежде всего суеверия того времени, вера в чудесное и доверчивость лодочников сделали плавание "Штруделя" и "Вирбеля" темой самой дикой романтики. По ночам из всех руин доносились звуки, которые были слышны намного громче рева Дуная. Волшебные огни вспыхивали в их бойницах и оконных проемах, в давно опустевших залах устраивались празднества, маскарадисты скользили из комнаты в комнату, танцующие вальс сходили с ума под звуки адского оркестра, вооруженные часовые дефилировали по зубчатым стенам, в то время как время от времени лязг оружия, ржание коней и вопли неземных бойцов прерывисто били по ушам лодочников. Но башня, на которой разыгрывались наиболее устрашающие

сцены, находилась на Длинном Камне, обычно называемом "Башней дьявола", чего она вполне заслуживала, ибо здесь, в тесном общении со своим хозяином, обитал "Черный монах", в обязанности которого входило выставлять ложные огни и ориентиры вдоль залива, чтобы заманить суда в водоворот или разбить их о скалы. Однако он был изрядно раздосадован в своих покоях прибытием великого Сулеймана в эти края; ибо, чтобы дать отпор войску в тюрбанах или, по крайней мере, остановить их триумфальное продвижение к Верховьям Дуная, жителей призвали встать под национальное знамя и каждого защищать свой очаг. Внезапно были возведены укрепления, даже церкви и другие религиозные сооружения были приведены в состояние военной обороны; женщины и дети, старики и больные, как уже упоминалось в нашем уведомлении о Шаумбурге, были размещены в крепостях и таким образом защищены от насилия приближающихся мусульман. Среди других пунктов, на которых прилагались наибольшие усилия для сдерживания противника, проливы Штрудель и Вирбель были сделаны настолько неприступными, насколько позволяли время и обстоятельства дела. Чтобы снабдить материалами для этой работы, патриотизм на какое-то время взял верх над суеверием, и упомянутая Башня Дьявола была снесена и превращена в прочный бруствер. Говорят, что Черный Монах, изгнанный таким образом, наложил проклятие на незваных гостей и избрал новое пристанище в глубине гор Гарц.

Когда ледники низвергают свои потоки и затопляют Рону, существует древнее поверье, что иногда можно увидеть плавающего в ней дьявола с мечом в одной руке и золотым шаром в другой. Поскольку утверждение о том, что Дьявол так дружен с водой, противоречит всему ортодоксальному фольклору, это имя следует рассматривать как современную замену более раннего демона Роны. Вероятно, мы приближаемся к первоначальной форме суеверия в швейцарском Оберланде, которое интерпретирует шум ледника Фурка, питающего Рону, как стоны злых душ, обреченных вечно трудиться там, направляя течение реки; их хозяйкой является демоница, которая иногда появляется непосредственно перед наводнениями, плывет на плоту и приказывает реке подняться.

Существует также приливная демонология. Автор книги 'Прогулки по Нортумберленду' приводит предание о реке Вансбек: 'Эта река впадает в море в местечке под названием Камбуа, примерно в девяти милях к востоку, а прилив достигает пяти миль от Морпета. Традиция сообщает, что Майкл Скотт, чья слава волшебника распространилась не только по Шотландии, принес бы городу прилив сил, если бы не мужество человека, от которого зависело выполнение этого проекта. Этот агент Майкла, после того как его доверитель совершит определенные заклинания, должен был бежать из окрестностей Камбуа в Морпет, не оглядываясь, и прилив последует за ним. Отойдя на некоторое расстояние, он встревожился ревом воды позади себя и, забыв о предписании, оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, не грозит ли опасность, как вдруг наступающий прилив немедленно прекратился, и горожане Морпета, таким образом, потеряли шанс сделать Вансбек судоходным между их городом и морем. Также говорится, что Майкл намеревался оказать аналогичную услугу жителям Дарема, сделав реку Вир судоходной для их города; но его благие намерения, которые должны были быть осуществлены таким же образом, также были расстроены трусостью человека, который должен был управлять приливом.

Кроткий и справедливый царь Эол, обучавший своих островитян навигации, в своем мифологическом преображении должен был разделить своеобразие ветров, которыми, как говорили, он управлял; но хотя он разбил троянский флот и множество кораблей, его старое

человеческое сердце оставалось верным появлению Халкиона. Его несчастная дочь с таким именем бросилась в море после кораблекрушения своего мужа (Кейкса), и они превратились в птиц. Считалось, что в течение семи дней до и семи после самого короткого дня в году, когда размножается зимородок, Эол сдерживает свои ветры, и море остается спокойным. Акцент этой басни был передан некоторым вариантам фольклора о лебедях. Естественно, можно предположить, что в России Царь Морской или прекрасные дочери Водяного Демона (лебеди) влияют на приливы и отливы, которым вынуждены повиноваться прекрасные купальщицы нашего времени. В различных регионах считается, что приливы и отливы имеют какое-то отношение к лебедям и уважают их. Я встречался с подобным представлением в Англии. В день похорон Ливингстона в Темзе был необычайный прилив, который был предсказан и предусмотрен заранее. Толпы, собравшиеся в аббатстве по этому случаю, направились после похорон к Вестминстерскому мосту, чтобы понаблюдать за приливом, и среди них был почтенный неверующий в науку, который объявил собравшимся, что прилива не будет, 'потому что лебеди гнездятся'. Результат быстро привел этого скептика в замешательство, и, возможно, одним суеверием стало меньше в кругу, который, казалось, считал его оракулом.

Русские крестьяне живут в большом страхе перед русалками и водяными, духами воды, вождем которых, конечно же, является угрюмый царь Нептун Морской. В назидание этому племени крестьянин остерегается купаться без креста на шее и переходить ручей вброд верхом на лошади, не начертав креста на воде косой или ножом. На Украине считается, что эти водяные демоны были преобразованными душами фараона и его воинства, когда они утонули, и их число увеличивается за счет людей, которые сами топят. Известно, что в Чехии рыбаки иногда отказывают в помощи утопающему, опасаясь, что Водяной обидится и не допустит попадания рыбы, над которой он властвует, в их сети. На гнев таких существ указывают всплески воды и пены; и считается, что они особенно вредны весной, когда из-за растаявшего снега разливаются потоки и наводнения. Те неопределенные монстры, которых убил Беовульф, Грендель и его мать, интерпретируются Симроком как олицетворения неукротимого моря и бурных наводнений, вторгающихся в низкие плоские берега, опустошения которых так наполнили Фауста ужасом (II. iv.), и в борьбе с которыми его собственные, доселе опустошающие силы нашли свою задачу.

Море разливается на тысячи кварталов,

Сама по себе бесплодная, отдающая бесплодие;

Она ломается, и набухает, и перекатывается, и захлестывает

Пустынный участок опустошенных королевств....

Пусть эта высокая радость будет моей навсегда,

Чтобы закрыть величественный Океан от берега,

Водные отходы ограничить и запретить,

И отодвинуть его подальше от себя!

В таком отважном творчестве у Фауста было много предшественников, чье искусство и мужество сохранились в более прекрасных баснях обо всех этих стихийных силах, в которых страх видел демонов. Павана, в Индии посланник богов, восседает на ветрах и в своих сорока

девяти формах, соответствующих стрелкам индуистского компаса, охраняет землю. Соломон тоже путешествовал на ковре-самолете, сотканном из ветров, который до сих пор служит целям Мудрецов. Из взбаламученного океана поднялась Лакшми (после того, как миф утратил солнечное происхождение), индуистская богиня процветания; а из морской пены поднялась Афродита, Красавица. У этих прекрасных форм был свой истинный почитатель в лице северянина, который оставил на освоенных ветрах и волнах свою песню такой, какой ее нашел Эмерсон —

Шторм, который выбросил тебя на песок,

Это помогало моим гребцам грести;

Шторм - мой лучший помощник на галере,

И ведет меня туда, куда я иду.

Глава 5. Животные

Выделенные демоны—Животные—Тривиальные источники мифологии—Еж—Лиса—Переселения душ в Японии—Заколдованные лошади—Крысы—Львы—Кошки—Собака—Ужас Гете перед собаками—Суеверия парсов, жителей Траванкора, американских негров, краснокожих индейцев и т.д.—Киноцефалы—Волк—Традиции Нез Персе—Фенрис—Басни—Кабан—Медведь—Змея—Демонизированы все животные, способные причинить вред—Рога.

Животных—демонов - тех, чья дурная слава является результатом чего-то в их природе, что может быть враждебно человеку, — следует отличать от форм, которые были превращены в дьяволов из-за связи с мифологическими персонажами или идеями. Лев, тигр и волк являются примерами одного класса; олень, лошадь, сова и ворон - другого. Но есть обстоятельства, которые очень затрудняют соблюдение этого различия. Необходимо провести грань, если она вообще проводится, между безмерными силами деградации, с одной стороны, обнаруживающими в животных какое-то зло, о котором, если бы не их плохие ассоциации, никто бы особо не задумывался; и эвфемизмом, с другой стороны, превращающим вредных животных в благотворных агентов, останавливаясь на какой-то второстепенной характеристике.

Есть несколько явно опасных животных, таких как змея, у которых легко найти дорогу; мы можем распознать страх, который льстит агатодемону, и уменьшенный страх, который объявляет его проклятым.⁸⁸ Но что сказать о Козле? Действительно ли в его запахе или в его мясе при первом употреблении в пищу, в том, что он бодался, или в повреждении растений было что-то такое, что изначально относилось к нечистым животным? или его просто демонизировали из-за его жуткого и лохматого вида? Какое объяснение можно дать дурной репутации нашего домашнего друга Кота? Передается ли он по наследству от своих свирепых предков из джунглей? Было ли это впервые предложено по его ужасным кошачьим воплям, похожим на кошачий вой,

убивающий во сне по ночам? или он просто пострадал от богословского проклятия, наложенного на кошек, которые, как говорят, влекут колесницы богинь Красоты? Демоническая Собака - это, во всяком случае, еще более сложная тема. Изучающий мифологию и фольклор быстро знакомится с тривиальными источниками, из которых часто исходят обширные потоки суеверий. Вызов петуха всевидящему солнцу, без сомнения, положил начало его злой карьере, начиная с Кодекса Ману и заканчивая дьяволами с петушиными головами, изображенными на фресках в соборах России. Мясистые, раздвоенные корни снотворного растения берут начало в обширной Мифологии мандрагоры, которая была предметом многих томов, но до сих пор полностью не изучена. У итальянцев есть поговорка, что "Один плут ежа стоит больше, чем множество лисиц"; однако ночные привычки и общая причудливость скромного ежа, а не его скрытная склонность к охоте на яйца и цыплят, должно быть, возвысили его до звания демона. В различных популярных баснях это маленькое животное оказывается более чем достойным соперником волку и змее. Говорят, что Дьявол предпринял попытку впустить море через Брайтон-Даунс именно в виде ежа, чему помешал зажженный свет, хотя серьезность замысла все еще подтверждается Дамбой Дьявола.

Рис. 7. Японский демон.

Существует древняя традиция, согласно которой, когда дьявол тайком проник в Ноев ковчег, он попытался затопить его, просверлив дыру; но этот план потерпел неудачу, и человеческая раса была спасена ежом, забившимся в дыру. В брайтонской истории Дьявол, по-видимому, вспомнил о своей прежней неудаче с утоплением людей и принял облик, который победил его.

Лиса, как воплощение хитрости, занимает в примитивных верованиях японцев почти такое же положение, что и Змея у народов, которые поклонялись ей, пока не набрались смелости проклинать ее. На многих ранних изображениях японских демонов обычно можно обнаружить в их человеческих, волчьих или других характерах некоторые черты *кицунэ* (лисы). Он всегда является душой трехглазого демона Японии (рис. 7). Он проницательный 'визирь', как называет его персидский десятник, и практически является японским козлом отпущения. Если в каком-либо районе появилась лиса, следующая неприятность приписывается ее визиту; и в таких

случаях пострадавшие и их друзья отправляются к какому-нибудь древнему сучковатому дереву, на котором теоретически обитает лиса, и умиляют ее, точно так же, как это было бы сделано со змеей в других регионах. В Японии лиса не считается всегда вредной, но в целом это так. Ее ни в коем случае нельзя убивать. Будучи, таким образом, избавлены от суеверий, лисы размножаются достаточно, чтобы обеспечить обильный материал для сохранения своего демонического характера. "Возьмите нам лисиц, маленьких лисичек, которые портят виноградные лозы", -⁸⁹ в Японии это предостережение полностью изменено. Соответствие между хитростью, уважаемой в этом животном, и хитростью змеи, почитаемой в других местах, подтверждается мистером Фитцем Канлифом Оуэном, который заметил, как он сообщает мне, что японцы не убивают даже ядовитых змей, которые свободно ползают среди разрушающихся буддийских храмов Никко, одного из самых священных мест в Японии, где когда-то укрывались до восьми тысяч буддийских монахов. Именно рыжая лисица в изобилии водится в Японии, и ее человекоподобный крик по ночам вблизи человеческих жилищ таков, что может легко поощрить эти суеверия. Но, более того, мифология дает множество иллюстраций похвальной тенденции среди грубых племен выделять для особого почитания или страха любую силу в природе, более тонкую, чем просто сила. Эмерсон говорит: "Лисы такие хитрые, потому что они не сильны". У нашего японского демона, чьи три глаза единственно связывают его с сверхъестественным зрением, приписываемым этой расой лисицам, заячья губа очень ярко выражена. Это маленькое животное, Заяц, ассоциируется с большой мифологией, возможно, потому, что из его слабости проистекают главные силы выживания — робость, бдительность и быстрота. Суеверие, связанное с зайцем, встречается в Африке. То же самое животное является высоко почитаемым добрым гением калмыков, которые называют его Сакья-муни (Буддой) и говорят, что на земле он отдал себя на съедение умирающему с голоду человеку, за что был вознесен на Луну, где, по их утверждению, они его видели. Легенда, вероятно, восходит к санскритскому слову *сасин*, луна, что буквально означает 'отмеченный зайцем'. *Саса* означает 'заяц'. Павсаний рассказывает историю о богине луны, приказывающей изгнанникам построить свой город, где они увидят зайца, укрывшегося в миртовой роще.⁹⁰ В демонической фауне Японии фигурирует еще одно хитрое животное — Ласка. Имя этого демона - 'серповидная ласка', и он также, кажется, занимает положение козла отпущения. На языке японского отчета: 'Когда у человека выскальзывают из-под ног сабо, он падает и разбивает лицо о гравий, или когда человек, который находится на улице ночью, когда ему следовало бы быть дома, предстает перед своей семьей со свежим шрамом на лице, считается, что рана нанесена злобной невидимой лаской и ее острым серпом.' В легенде американских аборигенов также говорится, что две сестры-демоны обычно принимают облик ласок.

Популярное чувство, лежавшее в основе большей части поклонения животным в древние времена, вероятно, было тем, что отражено в современных японских представлениях, о чем рассказывается в прилагаемом очерке из забавной книги.

Одним из этих посетителей был старик, который сам в то время стал жертвой популярного суеверия о том, что ушедшие возвращаются к местам своей жизни в этом мире в образах различных животных. Мы заметили, что он был не в своем обычном расположении духа, и настояли, чтобы он выложил нам все, что у него на уме. Он сказал, что потерял своего маленького сына Кьосина, но это было не столько причиной его горя, сколько абсурдным поведением его жены, поддерживаемой целым конклавом пожилых женщин, которые поселились в его доме, чтобы утешить ее. 'Чем они все занимаются?' - сочувственно спросили мы. "Почему, — ответил он, - каждое мерзкое животное, которое приходит в мой дом, раздается

криком среди них всех: "Хиозин, Хиозин вернулся!" и весь дом кишит кошками, собаками и летучими мышами - потому что они говорят, что не совсем уверены, кто из них Хиозин, и что им лучше быть добрыми ко всем, чем подвергать его жестокому обращению; в результате все эти скоты питаются моим рисом и мясом, а теперь меня выгоняют за дверь и называют неестественным родителем, потому что я убил комара, который меня укусил". !"⁹¹

Странное и необъяснимое поведение животных в случаях страха, паники или боли обычно приписывалось невежественными расами одержимости ими демонами. Такого рода история о дьяволе, вошедшем в стадо свиней и унесшем их в море, рассказана в Новом Завете. Говорят, что до сих пор в некоторых частях Шотландии доярки носят с собой веточку волшебной рябины, чтобы изгнать демона, который иногда вселяется в корову. Профессор Монье Уильямс пишет из Южной Индии— 'Когда на днях несколько норовистых лошадей чуть не разбили меня и моих попутчиков над пропастью на гхате близ Пуны, нам сказали, что дорогу в этом конкретном месте населяют дьяволы, которые часто становятся причиной подобных аварий, и нам дали понять, что нам следовало бы умиротворить Ганешу, сына бога Шивы, и все его полчища злых духов, прежде чем отправиться в путь'. Тот же автор также сообщает нам, что духи-хранители, или "матери", которые, как считается, обитают в большинстве регионов полуострова, разъезжают верхом на лошадях и, если они сердиты, сеют мор и болезни. Поэтому путешественник, только что прибывший из Европы, поражен и озадачен появлением грубо обработанных терракотовых лошадей, часто размером с человека, которых крестьяне ставят вокруг святилищ посреди полей в качестве приемлемых умиловительных жертвоприношений или во исполнение обетов в периоды болезни.⁹²

Такова была вера коринфян в Тараксиппа, или тень Главка, который, будучи разорван на куски лошадьми, с которыми он участвовал в скачках, и которых он кормил человеческим мясом, чтобы сделать более энергичными, остался бродить по Перешейку и пугать лошадей во время скачек.

На Дальнем Западе (в Америке) существует современная легенда о лошади по имени 'Белый дьявол', которая в отместку за какой-то вред, причиненный ее товарищам, убивала людей, кусая и топча их, и сама была убита после многочисленных попыток ее поимки; но среди множества древних легенд о лошадях-демонах мало таких, которые что-либо говорят об этом животном, враждебном человеку. Его случайный злой характер просто проистекает из его связи с человеком и, следовательно, откладывается. По аналогичной причине с Козлом также следует иметь дело в дальнейшем, причем как с символическим животным. Встречается несколько мифов, связанных с его неприятными характеристиками. В Южной Гвинее запах коз объясняется Сагой о том, что их предок имел дерзость попросить у богини ее ароматическую мазь, и она в гневе натерла его мазью обратного вида. Также было сказано, что поклонники Бахуса считали его демоном, потому что он подрезал виноградные лозы; и что таким образом он породил Трагелуфоев, или козло-оленьих чудовищ, упомянутых Платоном,⁹³ и дал нам также *словотрагедия*.⁹⁴ Но такие черты Козла могут иметь очень мало общего с его важными связями с мифологией и демонологией. К списку животных, демонизированных ассоциацией, также должен быть добавлен Олень. Без сомнения, встревоженные матери, жены или возлюбленные опрометчивых молодых охотников использовали старые басни о прекрасных оленях, которые в глухих лесах превращались в демонов и пожирали своих преследователей,⁹⁵ в назидание; но тот факт, что таким оленям приходилось превращаться для злых дел, является достаточным свидетельством характера, чтобы не допустить их включения в число собственно животных-

демонов, то есть таких, которые полностью или частично своим стремлением причинить вред человеку заложили основу для демонического представления.

Неудивительно, что Крысы занимают почетное место в демонологии. Дрожь, которую испытывают некоторые нервные люди при виде даже безобидной мыши, сохранилась с тех времен, когда считалось, что в таком виде неприкаянные души или некрещенные дети посещали их бывшие дома; и, вероятно, было бы трудно оценить количество историй о привидениях, возникших в результате их ночных беготни. Многие легенды сообщают об уходе неосвященных душ изо рта человека в виде Мыши. Во время ранних наполеоновских войн мышей использовали в Южной Германии в качестве прорицателей: их ставили нарисованными лапками на карту Европы, чтобы показать, куда двинутся роковые французы. Они обрели эту святость благодаря серии ассоциаций с силой, восходящих к индуистской басне о мыши, которая освободила слона и льва, перегрызая веревки, которые их связывали. Битва лягушек и мышей приписывается Гомеру. Говорят, что мыши предсказали первую гражданскую войну в Риме, обглодав золото в храме. Крысы фигурируют в различных легендах как мстители. Дяди короля Попелуса II, убитые им и его женой и брошенные в озеро, вновь появляются в виде крыс и загрызают короля и королеву до смерти. Та же участь постигает Мискилауса из Польши из-за изменившихся вдов и сирот, которым он причинил зло. Мышиная башня, стоящая посреди Рейна, является памятником жестокому архиепископу Хатто из Майнца, который (около 970 года н.э.) приказал страдающим от голода людям убираться в его сарай, где он крепко запер их и сжег. Но на следующее утро армия крыс, съевших все зерно в его закромах, затемнила дороги, ведущие ко дворцу. Прелат искал убежища от них в Башне, но они приплыли следом, прогрызли стены и сожрали его.⁹⁶

Святая Гертруда, одетая в погребальную мантию Хольды, командует армией мышей. В этом отношении она сменяет гамельнского Крысолова, который также уводит детей; и мой изобретательный друг мистер Джон Фиске предполагает, что это может быть причиной того, что ирландские служанки часто испытывают такой неистовый ужас при виде мыши.⁹⁷ Уход за детьми часто поручают им, а появление мышей издревле предвещало появление сверхъестественного крысолова и психопомпа. Плиний говорит, что в его время встретить белую крысу считалось удачей. Жители Бассоры всегда кланяются этим почитаемым животным, когда их видят, без сомнения, чтобы умиловить их.

Лев - символ величия и солнца в его славе (достигнутой в зодиакальном Льве), хотя кое-где проявляется его изначальный демонический характер, как в битвах Индры, Самсона и Геракла со страшными львами. Эвфемизм, в каком-то смысле, соответствует условиям загадки Самсона — Сладость исходит от Сильного - и принес мед от Льва. Его жестокий характер незаметно перешел к Сириусу, звезде-Собаке, которому приписывают засуху и малярию "собачьих дней" (когда солнце находится во Льве); но на этот примитивный факт намекают в нескольких баснях, таких как об Аристее, который родился после того, как его мать была спасена от ливийского льва, и которому в Кеосе поклонялись как спасителю как от засух, так и от львов. Лев, лежащий у ног прекрасной Дверги в Индии, вновь появляется, ведя за собой колесницу Афродиты, и олицетворяет мощь красоты, а не то, как интерпретирует Эмерсон, что красота зависит от силы. Колесницу скандинавской Венеры Фрейи запрягали Кошки, уменьшенные формы коней ее южной сестры. Отчасти именно этими путями Кот стал играть иногда благотворную роль в русском и, в некоторой степени, в немецком, французском и английском фольклоре, — например, "Кот в сапогах", "Уиттингтон и его кот" и "Мадам

Д'Ольнуа "*La Chatte Blanche*". Демонические характеристики кошек—разрушителей были унаследованы черной, или, как в "Макбете", пятнистой, кошкой. В Германии приближение кошки к постели больного предвещает смерть; видеть кошку во сне - дурное предзнаменование. В Венгрии говорят, что каждая черная кошка становится ведьмой в возрасте семи лет. Это любимая лошадь ведьмы для верховой езды, но иногда ее можно спасти от такого рабства, осенив крестным знаменем. Считается, что царапина от черной кошки является началом смертельного заклинания.

У Де Губернатиса⁹⁸ есть очень любопытное предположение относительно происхождения нашей знакомой басни "Кошки Килкенни", которое он связывает с немецким суеверием, согласно которому драка между кошками предвещает смерть тому, кто станет ее свидетелем; и это верование он находит отраженным в "игре душ" тосканского ребенка, в которой дьявол и ангел, как предполагается, борются за душу. Автор полагает, что это может быть одним из результатов борьбы между Ночью и Сумерками в мифологии; но, если проследить связь, она, вероятно, окажется производной от борьбы между двумя ангелами Смерти, одна из вариаций которой связана с легендой о борьбе за тело Моисея. В Книге Еноха говорится, что Гавриил был послан перед Потопом, чтобы побудить гигантов-пожирателей людей уничтожать друг друга. На древней персидской картине, находящейся в моем распоряжении, изображены чудовища, пожирающие друг друга, в то время как их предложенная жертва, такая как Дэниел, невредима. Идея естественна и вряд ли требует сравнительного анализа.

Доктор Деннис говорит нам, что в Китае существует точно такое же суеверие, как и в Шотландии, относительно дурного предзнаменования кошки (или собаки), переступающей через труп. Брэнд и Вымпел упоминают об этом, причем последний утверждает, что кошка или собака, которые сделали это, убиты без пощады. Этот факт, по-видимому, показывает, что люди боятся за живых, как бы душа умершего не вошла в животное и не стала одним из бесчисленных демонов класса оборотней или вампиров. Но происхождение этого суеверия, без сомнения, кроется в славянском поверье, что если кошка перепрыгнет через труп, то умерший человек станет вампиром.

В России эта кошка пользуется несколько лучшей репутацией, чем в большинстве других стран. Несколько крестьян в окрестностях Москвы заверили меня, что, хотя они никогда бы не захотели оставаться в церкви, куда забралась собака, они сочли бы хорошим знаком, если бы в церковь пришла кошка. Одна пожилая женщина под Москвой рассказала мне, что, когда Дьявол однажды попытался проникнуть в Рай, он принял облик мыши: собака и Кошка стояли на страже у ворот, и Собака пропустила нечистого, но Кошка набросилась на него и таким образом пресекла еще одну вероломную попытку посягнуть на человеческое счастье.

Суеверие о кошках всегда было сильно в Великобритании. Это действительно в каком—то смысле верно, как писал олд Хауэлл (1647): "Нам не нужно пересекать море за примерами такого рода, у нас дома их слишком много (Боже мой!): король Яков долгое время не хотел верить в существование ведьм; но то, что случилось с детьми милорда Фрэнсиса Ратлендского, убедило его, что они были околдованы старой женщиной, служанкой замка Бельвуар, но, будучи недовольной, она заключила контракт с Дьяволом, который разговаривал с ней в облике Кошки, которую она назвала Раттеркин, чтобы убить ее". лишите этих детей всего лишь злобы и жажды мести. ' Следует опасаться, что многие бедные женщины были сожжены как ведьмы, главным свидетелем против которых был ее любимый кот. Было бы любопытным

психологическим исследованием проследить, насколько суеверие сохранилось даже в научных умах, — как в "брани кота" Бюффона и в удивительной истории, рассказанной мистером Вудом о коте, который увидел привидение (anno 1877)!

Собака, так долго остававшаяся верным другом человека, и даже, возможно, из-за того, до какой степени она переняла манеры своего хозяина, имеет обширную демоническую историю. Во многих семитских историях указывается путь, по которому "собака" стала мусульманским синонимом слова "неверный"; и один пес Катмир, который в арабской легенде был допущен в Рай за то, что его верующие бодрствовали за триста девять лет до пещеры семи Спящих,⁹⁹ должно быть, попал к мусульманам из Индии, как эфесские Спящие попали в христианский мир. В прекрасном эпизоде "Махабхараты" Юдхишхира, совершив путешествие к вратам рая, отказывается войти в эту счастливую обитель, пока не будет допущен и его верный пес.

Рис. 8.—Цербер (Кальмет).

Индра говорит ему: 'В моих небесах нет места собакам; они крадут наши подношения на земле'; и еще: 'Если собака только увидит жертву, люди сочтут ее нечестивой и ничтожной'. Эта трудность была решена переодетым Псом Ямой, который раскрыл себя и похвалил верность своего друга. Вполне очевидно, что именно из-за своей связи с Ямой, богом Смерти, и в результате эволюции того дуализма, который разделил вселенную на верхнюю и нижнюю, Собака деградировала среди наших арийских предков; в то же время его иногда волчий нрав и некоторые другие природные черты послужили основой его демонического характера. Он был одновременно опасным и коррумпированным охранником.

В ранней ведической мифологии это обитель богов, которую охраняют две собаки, идентифицируемые солярными мифологами как утренние и вечерние сумерки: более поздняя фаза показывает их на службе Яме, и они вновь появляются в облике стража греческого Гадеса, Цербера и Ортрона. Первое из них восходит к ведическому Сарваре, последнее - к чудовищу Вритре. 'Ортрон' - фонетический эквивалент Вритры. Сука Сарамы, мать двух ведических собак, оказалась вероломной охранницей и была убита Индрой. Следовательно, русский крестьянин справедливо придерживается другой версии того, как Собака, находясь на страже, впустила Дьявола на небеса, когда ей бросили кость. Но две сторожевые собаки из индуистского мифа, по-видимому, не носят злого характера. В погребальном гимне "Ригведы" (х. 14), обращенном к Яме, царю Смерти, мы читаем: 'Благоприятным путем поспеши ты мимо двух четырехглазых пятнистых собак, потомков Сарамы; затем приблизься к прекрасным Питри, которые радуются вместе с Ямой. Доверь его, о Яма, своим двум сторожевым псам, четырехглазым, охраняющим дорогу и наблюдающим за человеком. Два коричневых посланца Ямы, широкоглазые и ненасытные, бродят среди людей; пусть они сегодня снова подарят нам благоприятное дыхание жизни, чтобы мы могли увидеть солнце!'

И теперь, спустя тысячи лет после того, как это было сказано, мы обнаруживаем, что Собака все еще считается провидицей призраков и сторожем у врат смерти, об открытии которых предупреждает ее вой. Собачий вой в ночь на 9 декабря 1871 года в Сандрингеме, где лежал больной принц Уэльский, был сочтен достаточно важным, чтобы газеты сообщили о нем содрогающейся стране. Недавно я прочитал о собаке в немецкой деревне, которая, как предполагалось, возвестила о стольких смертях, что стала объектом всеобщего террора и была предана смерти. В этой стране вера в демонический характер собаки, по-видимому, была достаточно сильна, чтобы оказать влияние даже на могущественный мозг Гете.

В стихотворении Гете именно тогда, когда Фауст прогуливался со студентом Вагнером, появилась черная Собака, которая носилась вокруг них по спиральным изгибам, раскидывая, как сказал Фауст, "волшебную спираль в качестве силка вокруг них";¹⁰⁰ что после того, как эта собака последовала за Фаустом в его кабинет, она приняла чудовищную форму, пока не превратилась в туман, из которого выступил Мефистофель — 'ядро зверя' — в облике странствующего ученого. Это заметно совпадает с архаичной символикой Собаки как наиболее частой формы "ларов" (рис. 9), или домашних гениев, первоначально из-за ее бдительности. Представленная здесь форма почти идентична Киноцефалу, которого ученый автор книги 'Человечество: их происхождение и судьба' идентифицирует как Адамическое существо, поставленное в качестве стража и наставника в Эдеме (Быт. xvi. 15), пример которого с ручкой и планшетом (как описано Горатолло) приведен в этой работе из Филы. Хрисипп говорит, что

впоследствии их изображали в виде молодых людей, одетых в собачьи шкуры. Остатки характера собаки-опекуна рассеяны по немецкому фольклору: она считается оракулом, провидцем призраков и наделена вторым зрением; в Богемии ее иногда заставляют лизать лицо младенца, чтобы он мог лучше видеть.

Этот отрывок из 'Фауста' объясняется антипатией Гете к собакам, выраженной в его разговоре с Фальком во время смерти Виланда. 'Об уничтожении совершенно не может быть и речи; но возможность быть пойманным на пути каким-нибудь более могущественным и в то же время более низменным монахом и подчиненным ему; это, несомненно, очень серьезное соображение; и я, со своей стороны, никогда не мог полностью избавиться от страха перед этим путем простого наблюдения за природой'. В этот момент, по словам Фалька, на улице послышался неоднократный лай собаки. Гете поспешно подскочил к окну и крикнул ему: 'Прими любой облик, мерзкая личинка, тебе не подчинить меня!' После некоторой паузы он продолжил замечанием: 'Этот сброд крайне оскорбителен. Это совершенная стая монахов, с которыми мы собрались в этом планетарном уголке; их общество не окажет нам особой чести перед обитателями других планет, если им случится что-нибудь услышать о них.'

Рис. 9. Личинка собаки (Геркуланум).

Посетив дом, где когда-то жил Гете в Веймаре, я был поражен, обнаружив в качестве главного украшения холла большую бронзовую собаку в натуральную величину, очень темную, которая гордо смотрела вперед, как будто у нее все-таки был гетевский мона. Однако маловероятно, что настоящая неприязнь поэта к собакам возникла исключительно из этого рассуждения о монадах. Более вероятно, что, рассматривая старую настенную картину в подвале Ауэрбаха, на которой собака стоит рядом с Мефистофелем, Гете был вынужден тщательно обдумать причины этой близости. К сожалению, несмотря на легенды и чувства, которыми облечено это животное, в нем есть некоторые очень отталкивающие черты, такие как его склонность к безумию и способность обречь человека на ужасную смерть. 'Летучие псы' греческой мании (Вакха, 977) распространили ужас повсюду.

Те, кто внимательно прочтет отчет мистера Льюиса о ссоре между Карлом Августом и Гете из—за противодействия последнему появлению собаки—дрессировщика на веймарской сцене - инцидента, который привел к его отставке с постаинтенданта театра, - могут заметить, что это отвращение смешивалось с его отвращением как артиста; и можно также заподозрить, что не простой шум был причиной пыток, которые, по его словам, он сам когда-то перенес в Геттингене от собачьего лая.

Однако не исключено, что в дикой идее Гете, соединенной с его цинофобией, мы находим пережиток верований парсов Сурата, которые почитают Собаку превыше всех других животных и которые, когда человек умирает, прикладывают собачью морду к его рту и заставляют ее дважды гавкнуть, чтобы она могла поймать уходящую душу и отнести ее ожидающему ангелу.

Дьяволопоклонники Траванкора и по сей день заявляют, что злая сила приближается к ним в образе Собаки, как Мефистофель приближался к Фаусту. Но прежде чем суеверие попало в поэму Гете, оно претерпело множество изменений; и особенно его острый аромат повлиял на воображение скандинавов, заставив их приписать ему сверхъестественную мудрость. Так, в "Саге о Хаконе Добром" мы читаем, что, когда Эйстейн Злой завоевал Дронхтайм, он предложил народу на выбор своего раба Торера или своего пса Зауэра стать их королем. Они выбрали Собаку. 'И вот, благодаря колдовству собака была одарена мудростью трех человек; и когда она лаяла, то произносила одно слово, а лаяла два'. Этот Пес носил золотой ошейник и восседал на троне, но, несмотря на всю свою мудрость и силу, похоже, все еще оставался собакой; потому что, когда несколько волков напали на скот, он напал и был разорван ими на куски.

Среди негров Южных штатов Америки я обнаружил поверье, что наиболее частой формой появления дьявола является появление большой Собаки с горящими глазами, что, возможно, является у них первоначальным суеверием, объясняемым их ужасом перед ищейкой, которая в некоторых регионах преследовала их при попытке к бегству. Среди белых того же региона мне никогда не удавалось найти ни одного примера подобной веры, хотя вера в предзнаменование воющей собаки встречается часто; и возможно, что это пережиток какого-нибудь региона Африки, где у Собаки такое же злое имя, как и у козла отпущения. Среди некоторых племен Фазогла ежегодно проводится карнавал, на котором каждый делает то, что ему нравится. Затем короля усаживают на открытом воздухе, к ножке его стула привязывают собаку, а затем животное забивают камнями до смерти.

Марк Твен¹⁰¹ описывает фольклор деревни в Миссури, где мы находим парней, дрожащих от страха при вое 'бродячей собаки' ночью, но безразличных к вою собаки, которую они узнают, что может быть формой распространенного среди англичан поверья о том, что быть преследуемым "чужой" собакой - плохая примета. Из той же книги явствует также, что собака всегда будет поворачивать голову в сторону человека, о гибели которого идет речь: ребята испытывают огромное облегчение, когда обнаруживают, что воющее животное повернуто к ним спиной.

Примечательно, что эти фрагменты европейских суеверий встретили на Дальнем Западе обильный урожай подобных им, которые выросли среди аборигенов, как показывает следующий отрывок из работы мистера Бринтона 'Мифы Нового Света': 'Предполагалось, что собаки находятся в каком-то особом отношении к луне, вероятно, потому, что они воют на нее и бегают по ночам, - сверхъестественные обычаи, которые дорого обошлись им в репутации. Среди таких широко распространенных племен, как перуанцы, тупи, крики, ирокезы, алгонкины и гренландские эскимосы, был распространен обычай как можно сильнее бить собак во время затмения. Крики объяснили это тем, что большая Собака глотала солнце, и что, выпоров маленьких, они могли заставить его прекратить. Что это была за большая Собака, они не были готовы сказать. Мы знаем. Это была богиня ночи, представленная Собакой, которая, таким образом, окутывала мир в полдень. Влучшем смысле они олицетворяли более приятные характеристики лунной богини. Хочикецаль, самое плодovitое из ацтекских божеств, покровительница любви, сексуального удовольствия и деторождения, также называлась *Ицкуинан*, что в буквальном переводе означает 'сука-мать'. Этот странный и для нас столь отвратительный титул богини не лишен параллелей в других местах. Когда в ходе своих войн инка Пачакутек вторгся с оружием в руках в провинцию Уанка, он обнаружил, что ее жители установили в своих храмах фигуру Собаки как своего высшего божества.... Эта канонизация собак объясняет, почему в некоторых частях Перу священника в знак уважения называли *allco*, Собака!... Многие племена Тихоокеанского побережья объединились в поклонении дикому виду койотов, *Canis latrans* натуралистов.' О Собаке-демонe Шантико легенда племени науа гласила, 'что он принес жертву богам, не соблюдая подготовительного поста, за что был наказан превращением в Собаку. Затем он воззвал к богу смерти, чтобы тот освободил его, и эта попытка избежать справедливого наказания так разгневала божества, что они погрузили мир в воду.'

Расхожее выражение 'адские псы' пришло к нам разными путями. Диана была низведена до Гекаты, псы Гадеса, Ортрос и Цербер, размноженные в свору гончих для ее охоты, деградировали вместе с ней в адских ревунов и охотников. Подобная деградация охоты Одина произошла позже. Дикий охотник, будучи дьявольским персонажем, рассматривается в другом месте. Что касается Собаки, то здесь можно далее сказать, что, вероятно, существуют различные характеристики этого животного, отраженные в его демоническом характере. Его склонность впадать в бешенство и поражать людей гидрофобией, по-видимому, сыграла в этом какую-то роль. Спиноза ссылается на существовавший в его время обычай умерщвлять людей, страдающих этим собачьим бешенством, путем удушения; а его английский биограф и редактор, доктор Уиллис, рассказывает мне, что в детстве в Шотландии он всегда слышал, как об этом говорили как о старом обычае. То, что такое обращение могло возобладать, вряд ли можно объяснить чем-либо иным, кроме веры в демонический характер бешеной собаки, связанной с бессознательным суеверием, которое до сих пор заставляет сельских судей отдавать приказ убить собаку, укусившую кого-либо. Идея заключается в том, что если собака

после этого сойдет с ума, то и человек сойдет с ума. Конечно, было бы разумно тщательно сохранять жизнь собаки, чтобы, если она останется здоровой, укушенный мог чувствовать себя спокойнее, чего не может быть, если собака мертва.

Но деградация собаки имела причину даже в ее верности в качестве сторожа. Ибо это, как мы только что видели, сделало ее распространенной формой среди ларов, или домашних демонов. Терафимы также часто принимали такую форму. Следовательно, у христианства была особая причина приписывать этим маленьким идолам inferнальный характер, что нарушало зависимость народа от святых. Таким образом, будет видно, что существовало множество причин, приведших к созданию того грозного класса демонов, которые в средние века назывались киноцефалами. Древние святые изображения России особенно изобилуют этими собакоголовыми дьяволами; в шестнадцатом веке их часто изображали раздирающими души в аду; а иногда дракон Апокалипсиса изображается с семью ужасными собачьими головами.

М. Туссенель в своих трансцендентальных интерпретациях отождествлял Волка с бандитом и вне закона.¹⁰² Вошедшая в поговорку средневековая фраза для обозначения преступника — тот, кто носит *teste laeve, caput lupinum, wulfesheofod*, которую, возможно, вспомнил гениальный автор, — относится к глубокой древности. В 'Ригведе' волк назван разбойником, и там он также демонизирован, поскольку мы видим, как он убегает от преданного. (В зендском 'Вендидаде' души благочестивых людей боятся встретить волка на пути на небеса.) Бога Пушана призывают против злого волка, злобного духа.¹⁰³ Кардано говорит, что сон о волке предвещает грабителя. В то же время в волке есть та всегда привлекательная любовь к свободе, которая в хорошо известной басне заставляет его предпочесть удобу комфорт собаки в ошейнике, что делает его среди демонических животных иногда таким же, как могучих охотников Нимрода и косматого Исава среди очеловеченных демонов. Неудивительно, что иногда можно встретить хорошие истории о волке. Таким образом, племя Нез Перс в Америке ведет происхождение человеческой расы от волка. Они говорят, что изначально, когда не было ничего, кроме животных, существовало огромное чудовище, которое пожирало их целиком и заживо. Это чудовище проглотило волка, который, войдя в его брюхо, обнаружил, что животные там рычат и кусают друг друга, как они делали это на земле снаружи. Волк убеждал их, что их общие страдания должны научить их дружелюбию, и, наконец, он побудил их к системе сотрудничества, с помощью которой они выбрались наружу через бок чудовища, которое мгновенно погибло. Выпущенные таким образом животные сразу же превратились в людей, как и почему сторонники сотрудничества легко поймут, и основали индейцев Нез-Перс. Мифы Азии и Европы, к сожалению, противоположны этому по духу и форме, повествуя о людях, превратившихся в волков. Однако в скандинавской мифологии фигурирует демон-волк, история которого несет в себе оттенок чувства, хотя, возможно, изначально это было простым выражением физического закона. Это волк Фенрис, который из поначалу домашнего любимца богов и комнатной собачки богинь стал настолько огромным и грозным, что сам Асгард оказался под угрозой исчезновения. Все мастерство и могущество богов не могли выковать цепи, которые могли бы приковать его; он порвал их, как соломинки, и перевалился через горы, к которым был прикован. Но маленькие эльфы, работающие под землей, сделали эту цепь такой тонкой, что никто не мог ее увидеть или пощупать, — сделали ее из бород женщин, дыхания рыбы, шума кошачьих шагов, слюны птиц, жил медведей, корней камней, — под которыми подразумеваются несуществующие вещи. Это удерживало его. Фенрис прикован цепями до окончательного разрушения, когда он вырвется на свободу и поглотит Одина. Тонкая цепь,

сковывающая свирепость, — это любовь, которая может укротить все существа? Это солнечный луч, который определяет для самого сильного существа его среду обитания?

Два чудовища, образовавшиеся, когда Раху был разделен надвое, в индуистской мифологии вновь появляются в эддайской басне как волки Скелл и Хати, которые преследуют солнце и луну. Как сказано в "Велуспе":—

На восток, в Железный лес

Старик сидит,

И там рождается

Падший родич Фенрира.

Из них один, самый могущественный,

Пожиратель луны,

По форме очень похож на дьявола,

И наполненный кровью жизни

О мертвых и умирающих,

Краснеет от запекшейся крови

Обитатели высших богов.

Эвфемизм, сопровождающий умиловление таких монстров, может частично объяснить множество хороших вещей, рассказанных о волках в популярных легендах. Истории о волчице, вскармливающей детей, таких как Ромул и Рем, встречаются во многих странах. Они, действительно, должны были обладать определенным авторитетом, раз были так широко приняты в святой традиции. Подобно медведям, которых Елисей призвал пожирать детей, волки не теряют своей природной свирепости, становясь набожными. Они пожирают еретиков и святотатцев. Один охранял голову святого Эдмунда, мученика Англии; другой сопровождал святого Оддо, аббата Ключни, как его предки сопровождали священников Ключни. Шкура волка фигурирует в фольклоре как оберег от гидрофобии; его зубы лучше всего режут десны детей, а его укус, если он сохранился, является гарантией от любых будущих ран или боли.

Рис. 10. Волк в роли Исповедника (вероятно, голландец).

Трагедия, которая так глупо действует на нервы детям, Красная Шапочка, показывает волка как хитрое животное. Существует множество легенд о подобном персонаже, которые сделали его излюбленной фигурой для представления благочестивых самозванцев. На нашем рисунке 10 волк фигурирует как "опасный исповедник"; он был предназначен, как думал мистер Райт, для

Марии Моденской, королевы Якова II. и отца Петра. Вверху оригинала - слова "Обращайте англичу", а под ними: 'Глупая овца делает волка своим исповедником'. Ремесло волка представлено в частично политическом, частично социальном ключе, приданном американским баснописцем одной из басен Эзопа. Волк, обвинивший ягненка, которого он собирается сожрать, в загрязнении ручья, и получивший ответ, что ягненок пил ниже по течению, меняет обвинение и говорит: 'Вы выступали против моей кандидатуры на собрании два года назад'. 'Я тогда еще не родился', - отвечает ягненок. Затем волк говорит: "Любой, кто услышит мои обвинения, засвидетельствует, что я сумасшедший и не несу ответственности за свои действия", - и после этого пожирает ягненка с полной верой в присяжных, состоящих из его соотечественников. Месье Туссенель говорит, что волк - ужасный стратег, хотя менее наблюдательные не нашли в его характере ничего, что оправдывало бы этот атрибут мастерства, его физиономия и привычки показывают, что он довольно откровенный разбойник с большой дороги. Вполне вероятно, что басни об этом персонаже заимствовали эту черту характера из-за его связи с демонами, и дьяволы, как предполагается, принимали его облик.

В прекрасном гимне Земле в 'Атхарва Веде' сказано: 'Земля, которая выносит бремя угнетателя, создает обитель возвышенных и низменных, терпит свиней и открывает доступ диким кабанам'. Охотничьи собаки в Бретани и некоторых других регионах до сих пор содержатся за счет правительства. Есть много указаний такого рода на то, что в древние времена людям приходилось энергично защищаться от опустошительных действий дикого кабана, и, как отмечает Де Губернатис,¹⁰⁴ его характер в целом демонический. Состязаний Геракла с эримантийцем и Мелеагра с калидонцем Вепрем достаточно, чтобы показать, что именно благодаря своему опасному характеру он стал священным для богов войны Марса и Одина. Но следует также помнить, что третье воплощение Вишну было в образе Дикого Вепря; и как бесстрашный истребитель змей свинья заслужила эту ассоциацию с Хранителем. Покрытый толстым слоем жира, никакой яд не может причинить ему вреда, если только он не находится на губе. Возможно, именно эта способность противостоять испытанию змеей, которое, после того как ее нечистота в некоторых регионах избавила свинью от человеческой прожорливости, придало ей дьявольский характер. В раввинской басне Ной создал свинью и крысу, чтобы очистить Ковчег от нечистот; но поскольку крысы стали помехой, он вызвал кошку из львиного носа.

Ясно, что нашим азиатским и скандинавским предкам никогда не приходилось сталкиваться с таким свирепым зверем, как Ужасный медведь (*Ursus horribilis*) из Америки, иначе появление этого животного в демонологии никогда не было бы столь респектабельным. Сравнительно робкий азиатский медведь (*U. labiatus*), маленький и почти безвредный тибетский вид (*U. Thibetanus*), по-видимому, превзошли более свирепых, но более редких северных медведей, подарив нам индогерманские легенды, в которых это животное, в целом, является излюбленным. Эмерсон находит в любви англичан к их национальной легенде о "Красавице и чудовище" признак собственной натуры англичанина. 'Он медведь с мягким местом в сердце; он говорит "Нет" и помогает вам'. Старая легенда нашла место и в сердце одного особенно представительного американца — Теодора Паркера, который любил называть своего лучшего друга 'Медведь' и который, приехав в Европу, отправился в Берн, чтобы посмотреть на свои любимые блюда, от которых и произошло его название. Любовь Медведя к меду — отсюда его русское название, *медведь-дждед*, "пожиратель меда", — вероятно, как-то связана с его изысканным вкусом к розам и восхищением женской красотой, о чем рассказывается во многих мифах. В своей сравнительной трактовке мифологии о Медведе Де Губернатис¹⁰⁵ упоминает

превращение короля Трисанка в медведя и связывает это с созвездием Большой Медведицы; но с равной вероятностью это может быть связано со многими баснями о принцах, которые остаются в облике медведя до тех пор, пока чары не будут рассеяны поцелуем какой-нибудь девушки. Следует отметить, что в русских легендах Медведь отнюдь не столь дружелюбен, как в нашем западном фольклоре. В одном из них принц-медведь, притаившийся в своем фонтане, держит за бороду короля, который во время охоты пытается утолить жажду, и отпускает его только после обещания отдать все, что у него есть дома, без его ведома; близнецы Иван и Мария, родившиеся во время его отсутствия, таким образом, обречены — спрятаны, но обнаружены медведем, который уносит их. Они спасаются с помощью быка. Убегая от медведя, Иван бросает гребень, который превращается в запутанный лес, в который, однако, проникает медведь; но расстеленное полотенце, превращающееся в огненное озеро, возвращает медведя обратно.¹⁰⁶ Таким образом, именно свирепый арктический медведь придает рассказу мрачный характер. Такова и русская сказка о Медведе с железной шерстью, который опустошает королевство, пожирая жителей, пока не остаются одни Иван и Елена; после того, как эти двое различными способами пытаются сбежать, их успех обеспечивает Бык, который, более доброжелательный, чем Елисей, ослепляет Медведя своими рогами.¹⁰⁷ (Зимой Медведь уходит на покой.) В норвежской сказке Медведь становится мягче — прекрасный юноша ночью, чья жена теряет его, потому что хочет увидеть при свете лампы: ее место занимает длинноносая принцесса, пока с помощью золотого яблока и розы она не возвращает своего мужа. В "Пентамероне",¹⁰⁸ Претиоса, спасаясь от преследований своего отца, уходит в лес, переодевшись медведицей; она ухаживает за влюбленным в нее принцем и от его поцелуя превращается в прекрасную девушку. Таким образом, Медведь имеет двойное развитие в фольклоре. Раньше его убивали (13 век) в конце карнавала в Риме как Дьявола.¹⁰⁹ Сибиряки, если они убили медведя, вешают его шкуру на дерево и смиренно извиняются перед ним, заявляя, что они не ковали металл, которым его пронзили, и они предназначали стрелу для птицы; из чего ясно, что они больше полагаются на ее глупость, чем на доброе сердце. В Канаде, когда охотники убивают медведя, один из них подходит к нему и зажимает в зубах мундштук своей трубки, дышит в миску и таким образом, наполняя дымом рот животного, заклинает его душу не обижаться на его смерть. Поскольку призрак медведя не отвечает, охотник, чтобы узнать, исполнена ли его молитва, обрезает нитку под языком медведя и хранит ее до конца охоты, когда разжигается большой костер и вся банда торжественно бросает в него те нити, которые у них есть; если они искрятся и исчезают, как это естественно, это признак того, что медведи умиротворены.¹¹⁰ В Гренландии великим демоном, которого одновременно боятся и призывают, особенно рыбаки, является Торнгарсук, огромный Медведь с человеческой рукой. Он невидим для всех, кроме своих жрецов, ангуккоков, которые являются единственными врачами этого народа.

Крайняя точка демонической силы всегда находилась в руках Змея. Однако так много придется сказать о разрушительности и других характеристиках этого животного, когда мы приступим к подробному рассмотрению его уникального положения в мифологии, что я довольствуюсь здесь живописным изображением сингальского Змеиного Демона. Если кто-то вздрагивает при виде змеи, даже в стране, где они немногочисленны и сравнительно безвредны, возможно, эта цифра (11) может подсказать окончательную причину содрогания.

Рис. 11. Сингальский Демон Змей.

В заключение можно сказать, что не только каждая животная свирепость, но и каждая сила, которая может быть применена во вред, имела свои демонические представления. Каждый коготь, клык, жало, копыто, рог был так же точно занесен в каталог и помечен в демонологии, как и в физической науке. Примечательно также, как суеверие рационализируется.

Рис. 12. Демон американского индейца.

Таким образом, рог в животном мире, хотя иногда и был опасен для человека, был более опасен для животных, которые, будучи врагами рогатых животных, были врагами интересов человека. Первые пастухи знали ценность рога как средства защиты от собак и волков, помимо других его полезных свойств. Следовательно, хотя было необходимо, чтобы принцип рога, так сказать, в природе рассматривался как одна из ее втягивающих и жестоких черт, человек никогда не демонизировал животных, задница которых была наиболее опасной, но с этой целью приделывал рога к голове какого-нибудь неопишуемого существа. Таким образом, рог стал естественным оружием демонов-людей. Та же эволюция произошла и в Америке; ибо, хотя

среди легенд ее аборигенов мы можем время от времени встречать демона-буйвола, они редки и относятся к апокрифической древности. Прилагаемая американская фигурка (12) взята с фотографии, присланной мне президентом Университета Вандербильта, Теннесси, который нашел ее в старом кургане (краснокожий индеец) в штате Джорджия. Вероятно, он такой же древний, как любой другой образец человеческой головы с рогами в мире; и поскольку на него не могли повлиять европейские представления, он представляет собой поразительное доказательство того, что демонизация сил и опасностей природы принадлежит структурному действию человеческого разума.

Глава 6. Враги

Арьи, Дасью, Наги—Якхи—Ликийцы—Эфиопы—Гирпини—Политики—Сосиполисы—Были-волками—Готы и скифы—Великаны и карлики—Берсерки—Бритты—Исландия—Мимаки—Гог и Магог.

Мы красим дьявола в черный цвет, говорит Джордж Герберт. С другой стороны, негр красит его в белый, и не без оснований. Имя Дьявола в Мозамбике - Музунгу Майя, или Злой Белый Человек. Из этого демона они делают маленькие изображения крайней уродливости, которые люди хранят на побережье и время от времени выставляют напоказ в надежде, что если Белый Дьявол притаится рядом с ними, он исчезнет из-за явного отвращения при виде собственного уродства. Наследственный ужас перед похитителем, проявляющийся в этом забавном суеверии, возможно, был вызван знакомством со всеми inferнальными явлениями, представленными на языке белых моряков, посещающих побережье. Капитан Бэзил Холл, посетив Мозамбик около пятидесяти лет назад, обнаружил, что местные сановники присвоили себе титулы английской знати, и коренастый маленький герцог Девонширский встретил его со всем своим запасом английского: 'Здравствуйте, сэ. Очень рад вас видеть. Черт бы побрал ваши глаза. Джоанне очень нравится английский. Черт возьми. Это очень вкусно? А? Дьявольски горячо, сэ. Какие новости? Надеюсь, ваш корабль задержится здесь слишком надолго, пока очень. Будь проклят мой глаз. Очень хороший день.

В большинстве частей Индии Шива также окрашен в белый цвет, что указывает на то, что там тоже были найдены основания связывать дьяволизм с белым лицом. Говорят, головорезы пощадили англичан, потому что их белые лица свидетельствовали о родстве с Шивой. В некоторых древнеиндийских книгах чудовище, убитое Индрой, Вритра, называется Дасью (враг) - имя, которым в Ведах обозначаются аборигены в отличие от арийцев Севера. 'На древнем санскрите, в гимнах Вед, арья часто встречается как национальное название и как почетное имя, обозначающее почитателей богов брахманов, в противоположность их врагам, которых Веда называет Дасью. Таким образом, к одному из богов, Индре, который в некоторых отношениях соответствует греческому Зевсу, взывают в следующих словах (Ригведа, i. 57, 8): 'Познай Ариев, о Индра, и тех, кто есть Дасью; накажи беззаконников и передай их твоему

слуге!" Будь ты могущественным помощником молящихся, и я буду восхвалять все эти твои деяния на праздниках".¹¹¹

Наглок (змеиная страна) в ранний период был индуистским названием ада. Но наги были не настоящими змеями, — в этом случае им, возможно, жилось бы лучше, — а племенем аборигенов на Цейлоне, которое, как полагают индусы, имеет змеиное происхождение, причем "нага" — это эпитет, означающий "туземец".¹¹² Сингальцы, с другой стороны, адаптировали популярное в Индии название демонов "ракшасы" в своем *раксейо*, племени невидимых каннибалов, не обладающих сверхъестественными способностями (за исключением невидимости), которые, без сомнения, просто воплощают традиции какого-то раннего средневековья. Гонка. Страшные силы принадлежали к другому племени, называемому яккхо (демоны), и считалось, что они обладают способностью становиться невидимыми. Победы Будды над этими демоническими существами описаны в 'Махавансо'. 'Победители знали (по вдохновению), что на Ланке, населенной якхосом, ... будет место, где будет прославлена его религия. Подобным образом, зная, что в центре Ланки, на восхитительном берегу реки, ... в приятном саду Маханага, ... было великое собрание главных якхо, ... божество счастливого пришествия, приближающееся к этому большому собранию, ... прямо над их головами парящее в воздухе, ... вселяло в них ужас дождями, бурями и темнотой. Яккхо, охваченные благоговейным трепетом, молили победителя избавить их от ужаса.... Утешающий победитель так ответил: 'Я освобожу вас, якхо, от этого вашего ужаса и скорби: дайте вы мне здесь по единому согласию место, где я мог бы сойти'. Все эти якхо ответили: 'Господи, мы веряем тебе всю Ланку, даруй ты нам утешение'. После этого победитель рассеял их ужас и холодную дрожь и, расстелив свой ковер из кожи на отведенном ему месте, уселся там. Затем Он заставил вышеупомянутый ковер, сверкающий бахромой пламени, распространиться во все стороны: они, опаленные пламенем, (отступая) стояли вокруг на берегах (острова) в ужасе. Затем Спаситель приказал приблизиться к ним восхитительному острову Гири. Как только они переместились туда (спасаясь от пожара), он вернул его в прежнее положение".¹¹³

Эта легенда, которая неотразимо напоминает об изгнании пресмыкающихся святыми из Ирландии и других западных регионов, становится тем интереснее, если учесть, что эти якхо - санскритские якши, слуги Куверы, бога богатства, занятые уходом за его садом и сокровищами. Они считаются в целом безобидными. Перемещение английскими властями тасманийцев с их родного острова на другой с результатом их истребления может указывать на возможное происхождение истории о Гири.

О взаимоотношениях Будды с людьми-змеями, или нагами, рассказывается следующим образом в том же томе:

"Победитель (т.е. пяти смертных грехов) ... на пятом году своего состояния будды, находясь в саду (принца) Джето, заметив, что из-за спорных претензий на украшенный драгоценными камнями трон между нагой Маходаро и такими же Чалодаро, дядей и племянником по материнской линии, назревал конфликт, ... взяв с собой свое священное блюдо и одежды, из сострадания к нагам, посетил Нагадипо.... Более того, эти горные наги были одарены сверхъестественными способностями.... Спаситель и рассеиватель тьмы греха, паря в воздухе над центром собрания, навел ужасающую тьму на этих нагов. Внимая молитве встревоженных нагов, он снова призвал дневной свет. Они, вне себя от радости, что увидели божество счастливого пришествия, склонились к ногам божественного учителя. Победитель обратился к

ним с проповедью примирения. Обе стороны, обрадовавшись этому, поднесли драгоценный трон божественному мудрецу. Божественный учитель, спустившись на землю, воссел на трон, и короли нага подали ему небесную пищу и напитки. Господь вселенной даровал восьмидесяти коти нагов, обитающих на суше и в водах, спасение веры и состояние благочестия".

На каждом этапе обращения коренных сингальцев — демонов и людей-змей — Будда и его апостолы изображаются сопровождаемыми *дэвами*, божествами Индии, — о которых говорят так, будто они рады стать слугами новой религии. Но мы находим, что Зороастр использовал этот термин в демоническом смысле и описывал пришельцев, поклоняющихся ему, как детей Дэвов (семит сказал бы, Сынов Велиала). А на традиционных персидских изображениях Страшного суда (мусульманских) архидемон имеет индуистский цвет лица. Подобное явление можно наблюдать в различных регионах. На средневековых фресках Москвы, изображающих адские пытки, не очень сложно выделить дьяволов, представляющих физические характеристики большинства рас, с которыми москвичи боролись в древности. Среди них также есть черные эфиопы, что может быть результатом того, что дьяволы считаются порождением Чернибога, бога Тьмы; но также, что не исключено, могло произойти из таких апокрифических повествований, как то, что приписывается св. Августин. «Я уже был епископом Гиппона, когда отправился в Эфиопию с несколькими слугами Христа проповедовать там Евангелие. В этой стране мы видели много мужчин и женщин без голов, у которых на груди было два больших глаза; а в странах еще южнее мы видели людей, у которых на лбу был только один глаз».¹¹⁴

При рассмотрении демонов животных обсуждалась примитивная демонизация Волка. Но это животное было выдающейся фигурой в мифологии главным образом как трансформация человека и тип свирепых врагов.

Профессор Макс Мюллер довольно ясно дал понять, что "Беллерофонт" означает "Убийца волосатых"; и что "Беллерос" - это транслитерация санскритского "*варвара*", термина, применяемого к темным аборигенам их арийскими захватчиками, эквивалентного "варварам".¹¹⁵ Это указывает нам на происхождение названия скорее к завоеванию Беллерофонтом ликийцев, или людей-Волков, чем к его победе над Химерами. История о Ликаоне и его сыновьях — варварах, бросающих вызов богам и пожирающих человеческую плоть, — превращенных Зевсом в волков, связывает себя с ликийцами (волосатыми, волчьими варварами), которых покорил Беллерофонт.

Однако не всегда божество побеждало в таких столкновениях. В мифе о Соракте Волк показан способным противостоять богам. Соранус, которому поклонялись на горе Соракте, был в Риме богом Света, и Вергилий отождествляет его с Аполлоном.¹¹⁶ Легенда гласит, что он стал ассоциироваться с адскими богами, хотя и назывался Диеспитером, из-за сернистых испарений со стороны горы Соракте. Говорят, что однажды, когда несколько пастухов совершали жертвоприношение, несколько волков схватили мясо; пастухи, следовавшие за ними, были убиты ядовитыми испарениями горы, на которую отступили волки. Оракул объявил, что это было наказанием за их преследование священных животных; и после того, как последовал всеобщий мор, было объявлено, что он может прекратиться только в том случае, если все люди превратятся в волков и будут питаться добычей. Отсюда и *Hirpini*, от сабинянина "*hirpus*", волк. Эта история является вариантом истории гирпинских самнитов, которые, как говорили, получили свое название от своих предков, следовавших за священным волком в поисках своего нового дома. Церемонии с волками, подобно римским луперкалиям, проводились с

целью очищения. Верующие голышом пробегали через пылающие костры. Ежегодный праздник, который Страбон описывает как происходящий в роще Феронии, богини Природы, стал, наконец, своего рода ярмаркой. Его история, однако, очень знаменательна грозным характером хирпини, или Волчьего племени, которое само по себе могло послужить поводом для такого эвфемистического прославления волка.

Интересно отметить, что в некоторых регионах этот суеверный волк был одомашнен в собаку. Пиерий говорит, что на горе Этна был храм Вулкана, в роще которого водились собаки, которые ластились к благочестивым, но разрывали оскверненных верующих. Из левой формы рис. 13 видно, что у волка произошло уменьшение, в графическом представлении аналогичное тому, которое претерпели собачьи лары (стр. 135). Джон Бомонт отсылает эту картину¹¹⁷ к работе Картариуса над "Изображениями богов древних"; согласно истории, рассказанной Павсанием, фигура в волчьей шкуре и с головой демона Политеса, наводнившего Темесу в Италии. Улисс в своих странствиях, придя в этот город, одного из своих спутников забил камнями до смерти за то, что изнасиловал девственницу; после чего его призрак явился в образе этого демона, которого по указанию оракула Аполлона нужно было умиротворить ежегодным принесением ему в жертву самой прекрасной девственницы в этом месте. Евфим, влюбленный в девственницу, которую собирались принести в жертву, дал бой этому демону и, изгнав его из страны, женился на девственнице. Однако, поскольку адские силы не могут быть лишены своих прав без замены, этот спаситель Темесы исчез в реке Кецин.

Рис. 13. Итальянские и римские гении.

Фигура справа на рис. 13 представляет гения города Рима и встречается на некоторых монетах Адриана; он держит рог изобилия и блюдо для жертвоприношений. Ребенок и змей на одной картине символизируют происхождение демонического персонажа, приписываемого элейцам аркадцами. Этот символ ребенка и змеи, который имеет сходство с некоторыми вариантами Бэла и Дракона, без сомнения, был привезен в Элею, или Велию в Италии, фокейцами, когда они покинули свои ионийские дома, чтобы не подчиняться Киру, и основали этот город в 544 году до н.э. Двум формам совместно поклонялись с ежегодными жертвоприношениями в храме Люцины под названием Сосиполис. Легенда об этом названии передана Павсанием. Когда аркадийцы вторглись в Элейну, к элейскому военачальнику пришла женщина с младенцем у груди и сказала, что во сне ей было велено поставить своего ребенка перед армией. Это было сделано; когда аркадийцы приблизились, ребенок превратился в змею, и, пораженные чудом, они обратились в бегство, не вступая в бой. Ребенок был представлен элеанцами, украшенными звездами и держащими в руках рог изобилия; аркадийцами, без сомнения, менее небесным образом. В мифологии нет ничего необычного в том, что самые опасные демоны представлены под тем или иным видом слабости, как, например, у южноафриканцев, некоторые из которых недавно сообщили английским офицерам, что галейков повел против них ужасный колдун в образе зайца. Самым страшным традиционным демоном, когда-либо убитым героем в Японии, был Шуден Дози — Пьяница с Детским лицом. Говорят, что на Цейлоне демон часто является в виде женщины с ребенком на руках.

Многие животные-демоны - всего лишь легенды о свирепости человеческих племен. Суеверие о волке-оборотне, которое все еще существует в России, где трансформировавшегося монстра называют *волкодлаком* (*volk*- волк *idlak*- волосы), возможно, даже возникло в костюме скандинавских варваров и охотников. Эта вера всегда была более или менее рационализированной, напоминающей ту, которой придерживался Ферстеган триста лет назад и которую можно считать распространенной как среди англичан, так и среди фламандцев его времени. 'Эти оборотни,' говорит он, - являются определенными колдунами, которые, намазав свои тела мазью, которую они изготавливают по инстинкту дьявола, и надев определенный заколдованный пояс, не только на взгляд других кажутся волками, но и по их собственному разумению имеют и природу, и облик волков, пока носят упомянутый пояс; и они действительно ведут себя как настоящие волки, беспокоя, убивая и опустошая человеческие существа'. Во время франко-германской войны 1870-71 годов одна женская семья на немецком берегу Рейна, не спавшая всю ночь в мрачных предчувствиях, рассказала мне такие истории о 'тюркосах', что с тех пор мне нетрудно понять веру в странных и сверхъестественных волков, которая когда-то наводила ужас на Европу. Легкость, с которой старый ликийский волчий пояс, так сказать, был подобран и носим во многих странах, где межрасовые войны были хроническими на протяжении многих веков, делает почти несомненным, что это суеверие (ликантропия), каким бы оно ни было, могло возникнуть, продолжалось через обычай приписывать демонические характеристики враждебным и свирепым расам. Действительно, было распространено мнение, что теоретическая вера возникла в пифагорейской доктрине метемпсихоза. Итак, Шекспир:—

Ты почти заставляешь меня колебаться в моей вере,

Придерживаться мнения Пифагора,

Что души животных вселяются сами в себя

В сундуках людей: твой злобный дух

Управлял волком, который, повешенный за убийство человека,

Даже с виселицы сбежала его падшая душа,

И пока ты лежишь в своей неосвященной плотине

Вселился в тебя; ради твоих желаний

По-волчьи, окровавленные, изголодавшиеся и ненасытные.

Но это суеверие намного старше Пифагора, который, без сомнения, пытался превратить его в моральную теорию возмездия, как, впрочем, и Платон в своей истории о видении Эра армянина.

Профессор Вебер и другие привели доказательства, указывающие на то, что, хотя вера в превращение людей в животных не была развита в ведическую эпоху в Индии, основа для этого существовала. Но в отношении нашего главного факта — связи демонических персонажей с определенными племенами - Индия представила множество примеров. В горах Травангора есть племена, которые, как принято считать, до сих пор находятся в особенно близких отношениях с дьяволами этого региона; и жители равнин рассказывают, что в этих горах иногда можно увидеть гигантских демонов, высотой в шестнадцать-семнадцать футов, которые швыряются друг в друга головами.

Профессор Монье Уильямс делает интересное замечание относительно этого общего этапа южно-индийской демонологии. Более того, не следует забывать, что, хотя вера в дьяволов и почитание бхутов, или духов, всех видов распространена по всей Индии, все же то, что называется поклонением дьяволу, гораздо более систематично практикуется на Юге Индии и Цейлоне, чем на Севере. И причина, возможно, в том, что, когда вторгшиеся арийцы продвинулись к Южной Индии, они обнаружили, что некоторые ее части населены дикими туземцами-дикарями, чье поведение и внешний вид показались им похожими на поведение дьяволов. Поэтому арийский разум естественным образом представлял себе Южные регионы как главный курорт и оплот демонической расы, и страх перед демоническим вмешательством пустил более глубокие корни в Южной Индии, чем на Севере. Также довольно любопытно, что в Южной Индии принято считать, что каждый злой человек своей смертью способствует пополнению постоянно растущих рядов легионов дьявола. Его злые страсти не умирают вместе с ним; они усиливаются, концентрируются и увековечиваются в форме злобного и озорного духа".¹¹⁸

Очевидно, что этот принцип может быть распространен с отдельных людей на целые племена. Считалось, что киммерийцы живут на земле, связанной с адом. В "Легенде об Альгамбре", рассказанной Вашингтоном Ирвингом, астролог предупреждает мавританского короля, что прекрасная девица, без сомнения, одна из тех готических волшебниц, о которых они так много слышали. Хотя, как мы видели, Англия считалась на континенте островом демонов из-за своей северной широты, вероятно, некоторые из ее племен обладали достаточно опасным характером, чтобы сохранить это суеверие. Считалось, что кошмарные эльфы приходят из Англии и на рассвете убегают через замочные скважины, говоря: "В Англии звонят колокола".¹¹⁹ Вестготы, вероятно, оставили нам наше слово *фанатик*; и 'готы и вандалы' иногда

обозначают английских грубиянов, как "турки" - жителей Константинополя. Геродот говорит, что скифы Причерноморья считали неврийцев волшебниками, которые ежегодно на несколько дней превращались в волков; но сами скифы, по словам Геродота, произошли от чудовища, наполовину женщины, наполовину змеи; и, возможно, ассоциация шотландцев со скифами у германцев, которые называли их обоих *Scutten*, имела какое-то отношение к сверхъестественному характеру, приписываемому Британским островам. Сэр Уолтер Рэли описал краснокожих Америки как гигантских монстров. 'Красные дьяволы' до сих пор является эпитетом первопроходцев на Дальнем Западе. Волосатые герцоги Исава были связаны с козлом и демонизированы как Эдом; и более миролюбивые семитские племена верили в Измаила ненамного лучше. Подобные представления сродни тем, которые многие сейчас имеют о Головорезах и башибузуках, и слишком единообразны и естественны, чтобы подвергать сомнению изобретательность сравнительной мифологии.

В основе многих легенд о великанах и карликах можно обнаружить аналогичную демонологическую формацию. Принцип естественного отбора объяснил бы существование племен, которые, хотя и небольшого роста, способны выстоять против более крупных и могущественных благодаря своей превосходной хитрости. О том, что такое уравнивание явно неравных сил было известно в доисторические эпохи, можно почерпнуть из многих басен. Перед Бали, уже упомянутым монархом, чья власть тревожила самих богов, Вишну предстал в образе карлика, прося лишь столько земли, сколько он мог измерить тремя шагами; очевидно, нелепая просьба была удовлетворена, бог прошелся по всей земле двумя шагами и обрушил свой третий на голову Бали. В скандинавской басне юная великанша приходит к своей матери с плугом и пахарем в фартуке, который она подобрала в поле. На вопрос своего ребенка: "Что это за жук, которого я нашла извивающимся в песке?" великанша отвечает: 'Пойди и положи его обратно на то место, где ты его нашла. Мы должны покинуть эту землю, потому что эти маленькие люди будут жить на ней'.

Саги содержат множество историй, которые, хотя и написаны во славу расы 'великанов', повествуют об уничтожении их вождей магической силой гномов. Я должен ограничиться несколькими замечаниями к Саге об инглингах. 'В Швейцарии,' говорят нам, 'много великих владений, много замечательных рас людей и много видов языков. Есть великаны, и есть карлики, и есть также синие люди. Есть дикие звери и ужасно большие драконы.' Мы узнаем, что в Асаланде был великий вождь Один, который отправился завоевывать Ваналанд. Утверждается, что ваналандцы владеют магическими искусствами, которые и по сей день приписываются финнам и лопарям наиболее невежественными из их соседей. Но что жители Асаланда научились своим магическим чарам. 'Один был самым умным из них всех, и от него все остальные научились своему магическому искусству'. 'Один мог сделать своих врагов в битве слепыми, или глухими, или пораженными ужасом, а их оружие таким тупым, что им можно было рубить не больше, чем ивовой прут; с другой стороны, его люди бросались вперед без доспехов, были безумны, как собаки или волки, кусали свои щиты и были сильны, как медведи или дикие быки, и убивали людей одним ударом, и ни огонь, ни железо не действовали на них. Их называли берсеркерами.' (*Otber*, медведь, *iserkr*, сарк или шуба; вероятно, это слово, как говорит Маурер, пережиток более ранней веры в превращение людей в медведей.) Но преемники Одина не сохранили его оккультной силы. Свегдир, например, увидел большой камень и карлика у двери, входящего в него. Гном позвал его войти, и он должен был увидеть Одина. 'Сведгер врезался в камень, который мгновенно закрылся за ним, и Сведгер так и не вернулся'. Говорят, что колдовство финнов привело Ванланди (сына Свегдира) к смерти от руки

Мары (ночной кобылы). Сын Ванланди, Висбур, тоже стал жертвой колдовства. Подобные легенды и многие другие, которые можно найти в "Хеймскрингле" Стурлесона, повлияли на наши популярные истории, интерес к которым вызывает умение, с которым какой-нибудь маленький Валет или Пальчик побеждает своего противника благодаря превосходной хитрости.

Суеверия относительно способностей гномов особенно распространены в Нортумберленде, где их раньше называли *Дергарами*, и считалось, что они в изобилии обитают на холмах между Ротбери и Элсдоном. Они вводят в заблуждение с помощью факелов. В одной истории рассказывается, что путешественник, заманившийся ночью в хижину, где гном развел для него удобный костер, с наступлением рассвета обнаружил, что сидит на краю глубокого неровного обрыва, где малейшее движение могло разорвать его на куски.¹²⁰ Однако в нортумбрийских историях в целом не подчеркивается, что они выросли в условиях аборигенов или даже были заимствованы для таких целей. Легенды Шотландии и Юго-Запада Англии кажутся мне гораздо более наводящими на мысль о первоначальной борьбе между большими и малыми расами. О них напоминают суеверия, которые все еще существуют в Норвегии относительно лопарей, которые, как говорят, ведут нечестивые дела с гномами.

В прошлом столетии о "Брауни" в Шотландии обычно говорили как о "высоком мужчине", и название, по-видимому, относится к *коричневому* цвету лица этого страшилища и его длинным каштановым волосам, которые вряд ли можно назвать шотландскими.¹²¹ Обычно бывает так, что Второе зрение, которое когда-то заслужило название 'Дейтероскопия', видит, как обреченный мужчина или женщина уменьшаются до размеров карлика. 'Высокий человек' в таких случаях недалек от истины. 'В какую-то эпоху мира, более отдаленную, чем даже эпоха Алипоса', - говорит Хью Миллер, "вся Британия была населена великанами — факт, полностью подтверждаемый ранними английскими историками и традициями Севера Шотландии. Историки утверждают, что у Диоклетиана, царя Сирии, было тридцать три дочери, которые, подобно дочерям Данаи, убили своих мужей в первую брачную ночь. Король, их отец, в отвращении к этому преступлению, запихнул их всех на корабль, который он бросил на произвол волн и который несло приливами и ветрами, пока он не пристал к берегам Британии, тогда еще необитаемого острова. Там они жили уединенно, питаясь кореньями и ягодами, естественными продуктами почвы, пока отряд демонов, влюбившись в них, не взял их себе в жены; и плодом этих браков стало племя великанов, которых следует считать истинными аборигенами страны, если только демоны действительно не претендуют на первенство. Однако, менее удачливым, чем даже их прототипы Циклопы, все племя было истреблено несколькими веками позже Брутом отцеубийцей, который с доблестью, которой простая масса тела не могла оказать действенного сопротивления, сверг Гог-Магога и Термагола, а также целый сонм других с не менее ужасными именами. Традиция менее ясна, чем историки, в том, что касается происхождения и вымирания расы, но ее повествования об их доблести более подробны. В приходе Эддерстон есть большой и увесистый камень, который, как говорят, великанша из этого племени бросила с острия веретена через залив Дорнох; и другой, в нескольких милях от Дингуолла, еще больше и тяжелее, который был брошен человеком из той же семьи и на котором до сих пор видны следы гигантского пальца".¹²²

Возможно, мы найдем мифологических потомков этих Титанов, а также Друидов в так называемых "Великих людях", которых когда-то боялись горцы. Уроженцы Южного Уиста верили, что долина под названием Гленслит, расположенная между двумя горами на восточной стороне острова, населена этими Великими Людями, и что если кто-либо войдет в долину,

формально не смирившись с поведением этих существ, он безошибочно сойдет с ума. Мартину, протестовавшему перед людьми против этого суеверия, рассказали о женщине, которая вышла из долины сумасшедшей, потому что не произнесла заклинание из трех предложений. Они также рассказали ему о голосах, слышанных в воздухе. Брауни ("высокий мужчина с очень длинными каштановыми волосами"), которому на холме в том же регионе наливают коровье молоко, вероятно, принадлежащий к этому гигантскому племени, мог быть легко демонизирован в то время, когда друиды доставляли столько хлопот святому Колумбе и пытались сохранить свое влияние на людей, заявляя о сверхъестественных способностях.¹²³

Человек меньшего роста, компенсирующий свою неполноценность изобретательностью, возможно, первым выковал меч, кольчугу и щит и таким образом успешно противостоял гиганту. Таким образом, бог с Молотом мог вытеснить бога Кремневого Копья. Магическое искусство, казалось, делало неуязвимым человека, от которого отскакивала стрела.

Из Саги о короле Олафе Трюгвасоне следует, что девятьсот лет назад исландцы и датчане относились друг к другу как к великанам и карликам. Исландцы разразились пасквилями против датчан, в которых намекается на их миниатюрный рост: —

Доблестный Харальд на поле боя

Он опускает свой щит между ног,

Его превратили в пони и т.д.

С другой стороны, датчане отнюдь не относились с презрением к своим исландским врагам, как доказывает следующий рассказ Хеймскринглы. 'Король Харальд велел чернокнижнику отправиться в Исландию в каком-нибудь измененном обличье и попробовать узнать там все, что можно, чтобы рассказать ему; и он отправился в путь в облике кита. И когда он приблизился к земле, он отправился на западную сторону Исландии, на север вокруг земли, когда увидел все горы и холмы, полные наземных змей, одних больших, других маленьких. Когда он прибыл в Вапнафиорд, он направился к суше, намереваясь сойти на берег; но огромный дракон бросился на него по долине со сворой змей, паддоков и жаб, которые источали в его сторону яд. Затем он повернул, чтобы идти на запад, огибая землю до самого Эйяфьорда, и вошел во фьорд. Тогда на него налетела птица, которая была так велика, что ее крылья простирались над горами по обе стороны фиорда, и вместе с ней множество птиц, больших и малых. Затем он поплыл дальше на запад, а затем на юг, в Брейдафьорд. Когда он вошел во фьорд, на него налетел большой серый бык, который бросился в море вброд и страшно заревел, а за ним последовала толпа сухопутных змей. Оттуда он обогнул Рейканесс и хотел высадиться в Викарстеде, но там против него спустился с холма великан с железным посохом в руках. Он был на голову выше гор, и многие другие великаны последовали за ним. "Самые соблазнительные сады Гесперии на Юге и Востоке, по-видимому, не охранялись так тщательно, как Исландия, и вряд ли можно назвать трусостью то, что (после того, как кит-волшебник принес журнал своего плавания) записано: "Затем датский король развернулся со своим флотом и отплыл обратно в Данию".

Достаточно любопытным фактом является то, что у мимаков, аборигенов Новой Шотландии,¹²⁴ была найдена история о ките, о которой уже упоминалось (стр. 46), очень похожая на эту. У них также есть легенда о древнем воине по имени Буин, который обладал сверхъестественными способностями, особенно приписываемыми Одину, способностями вызывать штормы, вызывать чрезмерный холод, увеличивать или уменьшать свой размер и

принимать любую форму. Помимо устрашающей расы гигантских ледяных демонов, которых это племя боится, как уже говорилось в другом месте (стр. 84), они также боятся желторогого дракона по имени Чип-Пичилм (чью форму иногда принимает великий Буин). Они делают подношения в новолуние. Они верят в пикси, называя их Виггуладум-мучикик, 'очень маленькие человечки'. В древности они верили в двух великих духов, доброго и злого, обоих называли Маниту; с тех пор как они вступили в контакт с христианами, так называли только злого.

Весь *мотив* Демонологии мимаков, на мой взгляд, связан с ранними конфликтами с некоторыми грозными расами. Остается надеяться, что путешественники обратят больше внимания на эту уникальную расу до того, как она перестанет существовать. Китайская теория гениев почти в точности соответствует теории мимаков. Китайские гении теперь малы, как мотыльки, теперь они заполняют мир; могут принимать любую форму; они повелевают демонами; они никогда не умирают, но по прошествии нескольких столетий возносятся на небеса на спине дракона.¹²⁵ Обычно китайские гении используют желтую цаплю в качестве воздушного бегуна. Мимаки верят в большую сверхъестественную водяную птицу Каллу, которая пожирает обычных людей, но носит на спине тех, кто может приручить ее с помощью магии.

Г-н Майерс в своем 'Руководстве для китайского читателя' предполагает, что обозначение Формозы китайцами как 'Острова гениев' (Сан-Шен-Шань) имеет некоторое отношение к их ранним попыткам колонизации Японии. Говорят, что Су Фух, некромант, живший в 219 году до н.э., объявил об их открытии и во главе отряда юношей и девушек отправился с экспедицией к ним, но, оказавшись в пределах видимости волшебных островов, был отброшен встречным ветром.

Гог и Магог стоят в Лондонской ратуше, хотя и сильно уменьшенные в росте, чтобы соответствовать английским мускулам, которым приходилось нести их в процессиях, - памятники сверхъестественных размеров, приписываемых врагам, с которыми арийская раса столкнулась во время своего великого переселения на запад. Даже сегодня, когда прогрессу цивилизации мешают неукротимые скифские орды, каким странным образом доходят до наших ушей древние легенды и пророчества о них!

Так говорит Господь Иегова:

Вот, я против тебя, о Гог,

Князь Роша, Мешеа и Тубула:

И я обращу тебя вспять и оставлю лишь шестую часть тебя;

И я заставлю тебя прийти с севера,

И приведут тебя на горы Израилевы,

И я выбью твой лук из твоей левой руки,

И заставит стрелы твои выпасть из правой руки твоей.

Ты упадешь на горы Израиля,

Ты и все твои шайки.¹²⁶

В Коране рассказывается о Дулкарнейне: 'Он путешествовал с юга на север, пока не оказался между двумя горами, под которыми он нашел людей, которые с трудом понимали то, что было сказано. И они сказали: "О Дулкарнейн, воистину, Гог и Магог опустошают землю; должны ли мы, следовательно, платить тебе дань при условии, что ты построишь вал между нами и ними?" Он ответил: сила, которой мой Господин укрепил меня, лучше, чем твоя дань; но помогай мне усердно, и я воздвигну крепкую стену между тобой и ними.... Поэтому, когда эта стена была закончена, Гог и Магог не смогли ни взобраться на нее, ни прорыть сквозь нее. И Дулкарнейн сказал: "Это милость от моего Господа; но когда сбудется предсказание моего Господа, он превратит стену в пыль".

Ужас, внушаемый этими варварами, отражен в пророчествах об их неминуемом вторжении из своих сверхъестественно построенных крепостей; как у Иезекииля:

Ты вознесешься и придешь, как буря,

Ты будешь подобен облаку, которое покрывает землю,

Ты и все твои отряды,

И многие люди с тобою;

и в Коране: 'Для Гога и Магога будет открыт проход, и они поспешат со всех высоких холмов'; и в Апокалипсисе: "Сатана будет освобожден из своей тюрьмы и выйдет, чтобы обмануть народы, которые на четырех концах земли, Гога и Магога, чтобы собрать их в битве; число их подобно песку морскому'. Пять веков назад сэр Джон Мондевилл рассказывал в Англии легенду, которую он услышал на Востоке. 'В том же районе, что и горы Каспий, эти люди захватили Убер в контри. Между горами были заключены евреи из 10 племен, которые держали Готе и Маготу, и они не собирались выходить ни на кого. Там не было 22 кингов с наемниками, которые жили между горами Сайта. Там король Алисандр поселил хем между горами маунтейнс, и там он думал оградить хем от работы своих людей. Но когда он понял, что может не делать этого, не доводить дело до конца, он воззвал к Богу Природы, чтобы тот выполнил то, что у него было изначально. И если бы все было так, что он был Пейнемом и не был достоин бен херда, то Бог своей милостью закрыл горы для гидре: так что я живу там, весь плотно огороженный и окруженный высокими горами со всех сторон, и только на о сиде; и на том сиде находится Престол Каспия".

Глава 7. Бесплодие

Голод в Индии и солнечные пятна-Поклонение Солнцу—Демон пустыни-Сфинкс—Египетские эпидемии, описанные Лепсиусом: Саранча, Ураган, Наводнение, Мыши, Мухи—Поездка шейха—Абаддон—Сет—Тифон—Ветер Каина—Сет—Мираж—Пустынный Эдем—Азазель—Тавискара и Дикая роза.

В своем поклонении дарующему дождь Индре, а также солнечному величию, древние индусы, по-видимому, были полностью осведомлены о его непоследовательных привычках. "Твое опьянение чрезвычайно велико", - восклицает хвалебник и успокаивающе добавляет: "Ты желаешь, чтобы и твое опьянение, и твоя благотворительность были средствами уничтожения врагов и распределения богатств".¹²⁷ Против голода призывается молния Индры, и ее сравнивают с ужасным Тваштри, в чьем устрашающем облике (чистый огонь) Агни однажды явился, повергнув в ужас богов и людей.¹²⁸ Этот Тваштри сам по себе не был злым существом, но, как мы видели, создал богов, подобных Вулкану; однако он был отцом трехглавого чудовища, которое отождествляли с Вритрой. Хотя этиранние поклонники понимали, что их главная проблема была связана с 'ослепительной жарой' (которую, по-видимому, имеет в виду Тваштри в только что упомянутом отрывке), участники празднования Индры видели, как он заменил своего отца Дьяуса и царствовал в великолепии дня, а также в щедрости облаков. Этот монополист частей в их теогонии предвосхитил Юпитера Плювия. Ведическая мифология пронизана историями о демонах, которые остановили дождь и украли облачных коров Индры, заперев их в пещерах, и бога бесконечно восхваляют за то, что он даровал им смерть. Он убивает Вритру, "останавливающего дождь", и Дрибхику, Балу, Урану, Арбуду, "пожирающую Свасну", "нерассасывающуюся Сушну", Пипру, Намучи, Рудхикру, Варчина и его сто тысяч потомков;¹²⁹ смертоносного змея-удавленника Ахи, особый тип Засухи, поскольку она иссушает реки; и во всех этих битвах с предполагаемыми виновниками повторяющегося Бесплодия и Голода, какими были большинство из этих чудовищ, Ахи погибает. средоточием зла было восхитительное воплощение бога Солнца!

Почти трогательной кажется эта долгая и обширная история именно сейчас, когда компетентные ученые дают нам веские основания полагать, что правильное знание солнца и связи его пятен с дождевыми осадками могло бы обеспечить Индию способами и средствами, которые приспособили бы все царство к окружающей среде и предотвратили бы удар молнии Индры — солнечный удар голода. Индуисты покрыли свои земли храмами, возведенными для умиловления демонов и порицания их, а также для обращения к божествам против таких источников засухи и голода. Если бы они пришли к выводу, что голод был результатом неточно расположенных солнечных часов, земля была бы покрыта идеальными солнечными часами; но голод был бы более разрушительным из-за растущего отвлечения ума и энергии от истинной причины и подразумеваемого ответа. Точно так же пожары в Лондоне приписывались неточным городским часам; часы становились совершенными, а пожаров становилось все больше из-за потери бдительности. Но насколько мы, христиане, мудрее индусов? Они идеально приспособили свою страну для умиловления демонов голода, которых не существует, ценой, которая давным-давно обеспечила бы им безопасность от сил голода, которые действительно существуют. Мы точно так же покрыли христианский мир полной системой защиты от несуществующих адов, дьяволов и гневных божеств, в то время как вокруг наших церквей, часовен, соборов действительно существуют кипящие ады пауперизма, стыда и преступности.

‘Ничто не сможет продвинуть искусство ни в одном районе этой проклятой Англии, управляемой машинами и дьяволом, пока оно не изменит свое мнение во многих вещах’. Так недавно написал Джон Рескин. Конечно, до тех пор, пока машина трудится и зарабатывает богатство и другую власть, которая все еще идет на поддержку и дальнейшее развитие социальных и церковных форм, созданных для спасения от дьявола или демонов, в которых больше не верят, фраза ‘управляемая машиной и дьяволом’ верна. Пока изобретениями и предприимчивостью нации не будут управлять в интересах правильных идей, мы все еще можем вздыхать, подобно

Джону Стерлингу, о "дюжине людей, которые будут отстаивать идеи, как Кобден и его друзья отстаивают машины". Но по-прежнему остается столь же верным, что вся техника и богатства Англии, предназначенные для человека, могли бы сделать счастливым каждый ее дом и дать образование каждому жителю, как и то, что каждый храм идолопоклонства в Индии можно было бы превратить в щит от голода.

Наши астрономы и экономисты позволили нам ясно увидеть, как обстоит дело со страной, храмы которой не являются препятствием для христианского видения. Факты указывают на то, что солнечные пятна достигают своего максимума и минимума интенсивности с интервалом в одиннадцать лет и что их высокая активность сопровождается частыми колебаниями магнитной стрелки и увеличением количества осадков. В 1811 году и с тех пор голод в Индии, за одним исключением, последовал за годами минимального количества солнечных пятен.¹³⁰ Эти факты достаточно хорошо подтверждены, чтобы оправдать веру в то, что английская наука и мастерство смогут реализовать в Индии то, что, как говорят, обеспечил Иосиф на семь неурожайных лет, о которых мечтал фараон.

Пока не наступит эта счастливая эра, бедные индусы будут только продолжать попеременно поклоняться солнцу и умиляться ему по мере того, как на них будет падать его благотворное или жестокое влияние. Художник Тернер сказал: 'Солнце - это Бог'. Великолепные световые эффекты на картинах Тернера вряд ли могли исходить от кого-либо, кроме солнцепоклонника, живущего среди тумана. Незнакомство часто порождает благоговение. Есть немного стран, в которых солнце, когда оно действительно светит, встречают с таким энтузиазмом и наблюдают за ним во всех его проявлениях великолепия, как в тех, где его появление встречается редко. И все же суеверие, унаследованное из регионов, где солнце в равной степени является источником запустения, было достаточно сильным, чтобы затмить его славу в сознании известного в свое время писателя Тобиаса Свиндена, магистра медицины, который написал работу, доказывающую, что солнце - обитель проклятых.¹³¹ Это предположение сейчас может показаться лишь любопытным, но, вероятно, оно не более любопытно, чем через сто лет всем покажется вульгарное представление о будущих огненных муках для человечества, библейская необходимость которых привела причудливого настоятеля к его гротескному заключению. Эти две крайности — солнцепоклонство Тернера и ужас перед Солнцем Свиндена, — пережитки Англии, представляют два антагонистических аспекта солнца, которые имели огромное значение для тех, кто жил под его величайшей мощью. Его дурное настроение, или его голод и жажда, в любой год превращали землю в пустыню и приносили смерть тысячам людей.

В странах, где засуха, бесплодие и последующий за ними голод были редкостью, как, например, в Индии, неизбежным результатом было бы то, что они отражали различные настроения могущественной воли, и в таких регионах мы, естественно, находим самые обширные средства для умиляющегося. Преобладающее количество тучных лет сильно повлияло бы на народное воображение в пользу заступничества священников и преимуществ жертвоприношений великому демону Голода, который иногда пожирал семена земли. Но в странах, где бесплодие было вездесущим, видимым, неизменным фактом, Демон Пустыни олицетворял Необходимость, силу, которую нельзя уговорить или изменить. Люди, живущие в далеких землях, могут придумывать теоретические мифы, объясняющие существование пустыни. Это мог быть несчастный случай, возникший в результате того, что бог Солнца однажды отдал свою колесницу неопытному вознице, который подъехал слишком близко к земле. Но тем, кто жил рядом с пустыней, она могла показаться только адским царством, совершенно необратимым.

Древняя цивилизация Египта, столь преисполненная величия, возможно, во многом была обязана уроку, преподанному им пустыней: они не могли изменить условия вокруг себя никакими мольбами, но должны были использовать лучшее из того, что осталось. Если такова действительно была сила, построившая древнюю цивилизацию, памятники которой остаются столь величественными на своих руинах, то ее упадок в равной степени можно объяснить тем, что эта примитивная вера перешла в теологическую фазу. Ибо, поскольку Необходимость - мать изобретательства, Судьба фатальна для нее. Вера в факты и законы, закрепленные в органической природе вещей, побуждает человека изучать их и строить свою жизнь в соответствии с ними; но вера в то, что вещи устанавливаются произвольным постановлением индивидуальной власти, является окончательным приговором предприимчивости. Таким образом, судьба может неуклонно разрушать величайшие достижения по Необходимости.

Если бы у нас была только подлинная история Сфинкса — Связующего, — мы могли бы счесть его вехой между подъемом и упадком египетской цивилизации. Когда великое Ограничение, окружающее силы человека, впервые было воплощено в этом мистическом величии, оно предстало в пустыне не как загадка, а как ее решение. Ни один такой памятник никогда не вызывал сомнений. Но однажды воплощенное и обретшее внешнюю форму внешнее Связующее должно связывать и мысль; более того, оно задушит мысль, если она не сможет пробиться сквозь камень и раскрыть его значение. 'Как правдива эта старая басня о Сфинксе, который сидел на обочине, задавая пассажирам свою загадку, на которую, если они не могли ответить, она уничтожала их! Таким Сфинксом является наша Жизнь для всех людей и человеческих сообществ. Природа, подобно Сфинксу, отличается женственной небесной красотой и нежностью; лицо и грудь богини, но заканчиваются когтями и телом львицы. В ней есть небесная красота, что означает небесный порядок, податливость мудрости; но есть также тьма, свирепость, фатальность, которые являются адскими. Она богиня, но еще не вышедшая из заключения; она все еще наполовину заключена в тюрьму, — выразительное, прекрасное все еще заключено в невнятное, хаотичное. Как верно! И разве она не загадывает нам свои загадки? Каждого мужчину она ежедневно спрашивает мягким голосом, но с ужасающей многозначительностью: 'Знаешь ли ты значение этого Дня? То, что ты можешь сделать сегодня, постарайся сделать мудро.' Природа, Вселенная, Судьба, Существование, как бы мы ни называли этот великий безымянный Факт, посреди которого мы живем и боремся, подобны небесной невесте и завоеванию для мудрых и храбрых, для тех, кто может распознать ее повеления и выполнить их; демон-разрушитель для тех, кто не может. Разгадай ее загадку, с тобой все в порядке. Не отвечай на это, не обращай внимания на это, оно ответит само; решение для тебя зависит от зубов и когтей; Природа для тебя - бессловесная львица, глухая к твоим мольбам, яростно пожирающая. Теперь ты не ее победоносный жених; ты ее искалеченная жертва, разбросанная по пропастям, какой должен быть раб, признанный вероломным, вероломствующим".¹³²

На краю пустыни, премьер-министр Некрополя, у ворот которого он стоит, Сфинкс покоится среди молчания науки и столетий. Кто его построил? Никто не может ответить, насколько это касается художника-человека или короля, при котором он работал. Но идеи и природные силы, создавшие Сфинкса, даже сейчас окружают археолога, который пытается раскрыть его историю и хронологию. В качестве наиболее подходящего дополнения к интерпретации Карлейля давайте прочтем несколько отрывков из Лепсиуса.

‘ Эдипа для этого царя Сфинксов еще не хватает. Тот, кто захотел бы осушить неизмеримый песчаный поток, засыпающий сами гробницы, и открыть основание Сфинкса, древнюю тропу к храму и окружающие холмы, мог бы легко решить эту задачу. Но к загадкам истории присоединяется множество загадок и чудес природы, которые я не должен оставить совершенно незамеченными. По крайней мере, самое новое из всех, что я должен описать.

Я спустился с Абекеном в яму с мумиями, чтобы открыть несколько недавно обнаруженных саркофагов, и был немало удивлен, когда, спустившись, обнаружил, что нахожусь в постоянном снежном заносе из саранчи, которая, почти затмив небеса, сотнями тысяч летела над нашими головами с юго-запада из пустыни в долину. Я взял его для одного полета и позвал своих спутников из гробниц, где они были заняты, чтобы они могли увидеть это египетское чудо до того, как оно закончится. Но полет продолжался; рабочие говорили, что он начался час назад. Тогда мы впервые заметили, что весь регион, ближний и дальний, был покрыт саранчой. Я послал служителя в пустыню, чтобы узнать, насколько многочисленна эта паства. Он бежал четверть часа, затем вернулся и сказал нам, что, насколько он мог видеть, им не было конца. Я поехал домой в самый разгар ливня из саранчи. На краю плодородной равнины они обрушились ливнем; и так продолжалось весь день до вечера, и так на следующий день с утра до вечера, и на третий; короче говоря, до шестого дня, хотя при более слабых полетах гораздо дольше. Вчера действительно казалось, что проливной дождь в пустыне сбил с ног и уничтожил последнего из них. Арабы сейчас разводят большие дымовые костры на полях и весь день гремят и издают громкий шум, чтобы уберечь свои посевы от неожиданного вторжения. Однако толку от этого будет мало. Подобно новой ожившей растительности, эти миллионы крылатых вредителей покрывают даже соседние песчаные холмы, так что на земле почти ничего не видно; и когда они поднимаются с одного места, они немедленно падают где-нибудь поблизости; они устали от своего долгого путешествия и, кажется, потеряли всякий страх перед своими естественными врагами, людьми, животными, дымом и шумом, в своем яростном желании наполнить свои желудки и прокормить свое огромное количество. Самое замечательное, на мой взгляд, - это их полет над голой дикой местностью и инстинкт, который вывел их из какого-нибудь оазиса над негостеприимной пустыней на тучную почву долины Нила. Кажется, четырнадцать лет назад эта египетская чума в последний раз посещала Египет с такой же силой. Популярная идея состоит в том, что они посылаются кометой, которую мы наблюдали в течение двенадцати дней на юго-западе и которая, поскольку теперь ее больше не заслоняют лучи Луны, простирает свой величественный хвост по небу в ночные часы. Зодиакальный свет, также столь редко наблюдаемый на севере, в последнее время был виден несколько ночей подряд".

Лепсиус описывает другие египетские язвы:—

Внезапно буря переросла в страшный ураган, какого я никогда не видел в Европе, и град обрушился на нас такими массами, что день почти превратился в ночь.... Наши палатки расположены в долине, куда спускается плато пирамид, и защищены от самых сильных ветров с севера и запада. Вскоре я увидел стремительный горный поток, обрушивающийся на наши поверженные и покрытые песком палатки, словно гигантская змея на свою верную добычу. Основной поток катился к большому шатру; другая рука угрожала моей, не дотягиваясь до нее. Но все, что было смыто с наших палаток ливнем, было унесено двумя потоками, которые соединялись за палатками и уносились в бассейн за Сфинксом, где сразу же образовалось большое озеро, которое, к счастью, не имело выхода. Просто представьте себе эту сцену! Наши

палатки, снесенные бурей и проливным дождем, лежали между двумя горными потоками, воткнувшимися в нескольких местах на глубину шести футов в песок, и наши книги, рисунки, зарисовки, рубашки и инструменты — да, даже наши рычаги и железные перекладки; короче говоря, все, что они могли захватить, было выброшено в темный пенящийся грязевой океан. Кроме того, мы промокли до нитки, без шляп, застегивали более тяжелые вещи, мчались за более легкими, заходили по пояс в озеро, чтобы выловить то, что еще не поглотил песок; и все это заняло четверть часа, по истечении которого снова засияло солнце и возвестило об окончании этого наводнения яркой и великолепной радугой.

‘Теперь начинается нашествие мышей, с которыми мы раньше не были знакомы; в моей палатке они растут, играют и свистят, как будто всю свою жизнь были здесь как дома и совершенно не обращали внимания на мое присутствие. Ночью они уже бегали по моей кровати и лицу, а вчера я в ужасе проснулась, когда внезапно почувствовала острый зуб такого дерзкого гостя у своей ноги.

‘Надо мной расстелен марлевый полог, чтобы днем отпугивать мух, этих самых бесстыдных из язв египетских, а ночью — комаров.... Скорпионы и змеи нас еще не кусали, но есть очень злобные осы, которые часто нас жалят.

"Долина (в пустыне) была дикой и однообразной, ничего, кроме скал из песчаника, поверхность которых была обожжена до черноты, как угли, но становилась пылающей золотисто-желтой в каждой трещине и в каждом овраге, откуда вытекало множество песчаных ручейков, похожих на огненные потоки из черных отбросов, и заполняла долины. Ни дерева, ни пучка травы мы пока не видели, как и никаких животных, за исключением нескольких стервятников и ворон, питавшихся тушей последнего павшего верблюда.... По дикой и разбитой тропе, рассекая камни, мы спускались все глубже и глубже в ущелье. Первые широкие впадины были пусты, поэтому мы оставили верблюдов и ослов позади, взобрались на гладкую гранитную стену и таким образом прошли среди этих величественных скал от одной впадины к другой; все они были пусты. Там, в самом дальнем ущелье, проводник сказал, что там должна быть вода, потому что она никогда не бывает пустой; но оказалось, что там не было ни капли. Нам пришлось вернуться сухими.... Мы видели самые красивые *миражи* очень рано; они больше всего напоминают моря и озера, в которых горы, скалы и все, что находится поблизости, отражается, как в самой чистой воде. Они составляют разительный контраст с безжизненной пустыней и, вероятно, ввели в заблуждение многих бедных странников, как гласит легенда. Если человек не осознает, что там нет воды, то совершенно невозможно отличить видимость от реальности. Несколько дней назад я был совершенно уверен, что заметил разлив Нила или его приток близ Эль-Мехерефа, и поехал к нему, но обнаружил только Бахр Шейтан, воду сатаны, как называют ее арабы".¹³³

Среди такого пейзажа возвышался Сфинкс. Египет смог распознать проблему сочетания бесплодия и красоты — чередования струящейся груди природы и львиных когтей, — но мог ли он дать правильный ответ? Примитивный египетский ответ действительно может, как я и предполагал, быть великими памятниками ее цивилизации, но ее историческое решение было найдено в другом мире. Этот мир — пустыня, с то тут, то там кратковременными оазисами, где человек может немного потанцевать и попить, воодушевленный трупом, который несут на пиру, прежде чем он попадет в рай. Так думали они и были обмануты; из поколения в поколение

они уничтожались, даже по сей день. Насколько уничтоженными, Лепсиус снова может быть нашим свидетелем.

- Шейх Саадич-дервишей едет к главному шейху всех дервишей Египта, Эль Бекри. По пути туда многие из этих святых людей, а также другие, которые считают себя ни на йоту не отстающими в благочестии, бросаются плашмя на землю, лицами вниз, так что ноги одного лежат близко к голове другого; по этому живому ковру шейх проезжает на своей лошади, которую с каждой стороны ведут слуги, чтобы заставить животное совершать неестественный марш. Каждое тело получает два удара копытом лошади; большинство из них вскакивают снова, не причинив вреда, но тот, кто получает серьезные или, как это иногда случается, смертельные травмы, несет дополнительный позор, поскольку не произнес или не может произнести надлежащие молитвы и магические заклинания, которые одни могли бы его спасти".

‘Какое ужасное варварское богослужение’ (Сикр, во время которого дервиши танцуют до изнеможения, выкрикивая "Нет Бога, кроме Аллаха"), ‘на которое изумленная толпа, большая и малая, кроткая и бесхитростная, взирает серьезно и с тупым уважением, и в котором она нередко принимает участие!’ Призываемое божество, очевидно, является гораздо меньшим объектом почитания, чем святые-фанатики, которые призывают к нему; ибо сумасшедшие, идиоты или другие психически больные люди, как правило, считаются мусульманами святыми и к ним относятся с большим уважением. Это демоническая, непостижимо действующая и, следовательно, внушающая страх, сила природы, которую естественный человек всегда почитает, когда воспринимает ее, потому что он ощущает некоторую связь между ней и своей интеллектуальной мощью, не будучи способным управлять ею; сначала в могущественных стихиях, затем в удивительных, но неясных, подчиняющихся закону инстинктах животных и, наконец, в еще более всепоглощающем экстатическом или вообще ненормальном психическом состоянии своей собственной расы".

Правильный ответ на загадку Сфинкса - это Человек. Но это существо, падающее ниц под конем шейха или под невидимым Шейхом, называемым Аллахом, и приписывающее святость слабоумным, вовсе не Человек. Эти тяжело работавшие рабы, сбежавшие в пустыню и установившие для поклонения антропоморфную Высшую Волю, и искавшие обещанного молока и меда только в этом мире, несли с собой единственную силу, которая могла правильно ответить Сфинксу. *Они слышали, как их* Аллах или Элохим сказал: ‘Почему ты воешь со мной? Иди вперед’. Несколько более значимой, чем его обычные шуточки, была карикатура на *Панча*, изображавшая Сфинкса с расслабленным лицом, улыбающегося, узнавая самого выдающегося из современных израильтян, возвращающегося на землю древнего рабства своей расы, чтобы купить Суэцкий канал. Суэцкий канал наполовину отвечает образу Сфинкса; когда человек превратит Великую Пустыню в море, решение будет завершено, и Сфинкс сможет броситься в него.

Повсюду в Южном мире кишела саранча, описанная Лепсиусом, и вместе с ней распространилось множество суеверий. Автор этих строк хорошо помнит визит так называемой ‘Семнадцатилетней саранчи’ в район Вирджинии, где он родился, и через много лет может слышать ужасный, не прекращающийся рев, доносящийся из леса, произносящий, как все согласились, зловещее слово ‘Фараон’. На каждом крыле каждый глаз мог разглядеть букву W, означающую Войну. Сохранив в памяти этот современный фрагмент древнего Египта, я нахожу старую мифологию о Саранче достаточно впечатляющей.

По старой традиции египтяне, описанной Лепсиусом, связывали саранчу с кометой. В Апокалипсисе (ix.) падающая звезда является знаком нисхождения демона-Саранчи, чтобы открыть яму, из которой его стаи могут выйти для своей разрушительной работы. Их царь Абаддон, по-гречески Аполлион, — Разрушитель, — прошел эволюцию от ангела двух (раввинских) отделов Ада до последовательных вождей сарацинских орд. Интересно сравнить графическое описание бури с саранчой в "Джоэле" с его адаптацией к армии разрушителей людей в "Апокалипсисе". И снова любопытное описание этих воинств Абаддона в последней книге частично повторяет странные представления бедуинов о саранче, один из которых, по словам Нибура, 'сравнил голову саранчи с головой лошади; ее грудь - с грудью льва; ее ноги - с ногами верблюда; ее тело - со змеиным; ее хвост - со скорпионьим; ее рога (антенны) — с локонами волос девственницы'. У нынешнего поколения мало оснований отрицать уместность библейского описания скифских орд как саранчи. "Земля перед ними подобна Эдемскому саду, а за ними - безлюдная пустыня".

Древнее кажущееся соперничество между кажущимися Добром и Злом в Египте было представлено в войнах Ра и Сета. Сказано (Быт. iv. 26): 'И у Сифа также родился сын; и он нарек ему имя Енос; тогда люди начали призывать имя Господа'. Аквила читает это так: "Тогда Сет стал называться именем Господа". М—р Бэринг-Гулд замечает по этому поводу, что египтяне сначала считали Сета божеством света и цивилизации, но впоследствии они отождествили его с Тифоном, потому что он был главным богом гиксосов, или царей-пастухов; и в их ненависти к этим угнетателям имя Сета повсюду стиралось с их памятников, и он изображался в виде осла или с ослиной головой.¹³⁴ Но самая ранняя дата, присвоенная владычеству гиксосов в Египте, 2000 год до н.э., совпадает с датировкой египетской планисферы в Кирхере,¹³⁵ год, где Сет отождествляется с Сириусом, или собакоголовым Меркурием, в Козероге. Это Период Сотиака, или Цикл Собачьей звезды. Таким образом, он ассоциировался с козлом и днем зимнего солнцестояния, к которому (2000 г. до н.э.) примыкал Козерог. То, что Сет или Set стало именем демона беспорядка и насилия у египтян, действительно, вероятно, связано с тем, что он был главным богом, среди некоторых племен сам Ваал, среди азиатов, до времен гиксосов. Это была уже старая история - проливать Свет на своих соседей ради их собственной Темноты. Ослиные уши, которые они ему дали, относились не к его глупости, а к тому, что он все слышал, как в случае с Ослом Апулея и никоновым ослом Плутарха, или, более того, ко многим примерам того же рода, которые предшествовали появлению этого животного, которое часто неправильно понимали как коня, сопровождавшего триумфальный въезд Христа в Иерусалим. В египетской символике эти длинные уши внушали такой же страх, как и дьявольские рога. Из глаз Ра были произведены все благотворные вещи, из глаз Сета - все вредные вещи. Амон-Ра, как называли первого, убил сына Сета, великого змея Наку, о котором в одном гимне, возможно, с насмешкой сказано, что он "спас своиноги". Амон-Ра становится Гором, а Сет - Тифоном. Тифонианский миф очень сложен и включает в себя конфликт между Нилом и всеми его врагами — крокодилами, которые скрываются в нем, морем, которое поглощает его, засухой, которая иссушает его, палящей жарой, которая вызывает малярию, наводнениями, которые делают его разрушительным, — и благодаря этому Сет эволюционировал до такой степени, что его стали отождествлять с Сатурном, Шейтаном или сатаной. Плутарх, отождествляя Сет с Тифоном, говорит, что Тифону приписываются те силы вселенской Души, которые подвержены влияниям страстей, а в материальной системе - все вредное, например, плохой воздух, нерегулярные времена года, затмения солнца и луны. Имя Сет, по его словам, означает 'жестокий' и "враждебный"; и его описывали как "двуглавого", "того, у кого два лица" и 'Властелина мира'. Не

менее важным фактом в моральном смысле является то, что Сет, или Тифон, представлен как брат Осириса, которого он убил.

Не вдаваясь здесь в вопрос о родстве Тифаона и Тифея, мы можем быть с достаточной долей уверенности уверены, что огнедышащий ураганный монстр Тифаон Гомера и стоглавый ревун Тифей со свирепыми глазами - сын Тартара, отец Ветров и гарпий - олицетворяют одну и ту же свирепость Природы. Ему никогда не отводилось более подходящего места, чем африканская пустыня, и история о богах и богинях, бежавших от Тифона в Египет и там превратившихся от ужаса в животных, является прозрачной данью господству тайфуна над песчаной пустыней во всех ее проявлениях. Гарпия-стервятник, терзающая мертвых, - его дитя. Он многоголовый; то горячий, удушающий, испорченный; то буйный; то широк, то ураган, а часто и торнадо. Возможно, действительно, что, будучи одновременно свернутым в вихрь и покрывающийся волдырями, он и есть тот огненный змей, чтобы умиловить которого Моисей поднял медного змея для поклонения Израилю. Я часто видел змей, подвешенных неграми в Виргинии, чтобы вызвать дождь во время засухи. Тифон, как легко можно видеть по прилагаемому рисунку (14), является голодным и изнывающим от жажды демоном. Его язык вываливается от жажды.¹³⁶ Его более поздняя связь с подземным миром показана в различных мифах, один из которых, по-видимому, предполагает распространенное поверье, что Тифону не нравятся утаенные у него мумии и что он может наслаждаться человеческими яствами только через погребение мертвых. В Египте после коптского Пасхального понедельника, называемого Шеммен—Нессим (вдыхание запаха зефира), приходит пятидесятидневный горячий ветер, называемый Хамсин или ветер Каина. Убив Авеля, Каин бродил среди такого ветра, мучимый лихорадкой и жаждой. Затем он увидел, как две птицы дерутся в воздухе; одна убила другую, выцарапала ямку в песке пустыни и закопала ее. Затем Каин проделал то же самое с телом своего брата, когда поднялся зефир и охладил его жар. Но все же, говорят александрийцы, пятидесятидневный горячий ветер Каина возвращается ежегодно.

Рис. 14.—Тифон (Уилкинсон).

На картинах миража или в очертаниях облаков, слабо освещенных послесвечиванием, обитатели песчаных равнин видели, как в фантазмагории, великолепные дворцы, воздушные замки и таинственные города, которые создают романтику пустыни. Не желая верить, что такие царства бесплодия когда-либо были созданы каким-либо добрым богом, они созерцали в снах, которые отвечали собственным грезам-миражам природы, видения ушедших династий, великолепных дворцов и монархов, на чье величие и непомерную гордыню обрушилась роковая песчаная буря и навеки похоронила их славу в пыли. Пустыня стала символом неизмеримого всепожирающего Времени. Во многих из этих легенд есть намеки на веру в то, что сам Эдем находился там, где сейчас сплошная пустыня. В прекрасной легенде Мидраша о путешествии Соломона на Ветру монарх приземлился возле величественного золотого дворца, 'и аромат там был подобен аромату Эдемского сада'. Пыль так плотно окружила этот дворец, что Соломон и его спутники узнали только о том, что в нем был вход от орла тринадцатой столетней давности, который слышал от своего отца о предании о входе с западной стороны. Послушный Ветер расчистил песок, и была найдена дверь, на замке которой было написано: 'Да будет вам известно, сыны человеческие, что мы жили в этом дворце в процветании и радости много лет. Когда на нас обрушился голод, мы мололи на мельнице жемчуг вместо пшеницы, но это нам ничего не дало.' Среди изумительного величия, из комнаты в комнату, украшенную рубинами, топазами, изумрудами, Соломон прошел к особняку, на трех воротах которого были написаны предостережения о преходящей природе всего, кроме Смерти. 'Пусть удача не обманывает тебя'. 'Мир передается от одного к другому'. На третьих воротах было написано: 'Возьми провизию для своего путешествия и приготовь себе пищу, пока еще светло; ибо тебя не останется на земле, и ты не знаешь дня своей смерти'. Эти ворота Соломон открыл и увидел внутри сидящее изображение, подобное жизни: когда монарх приблизился, это изображение воскликнуло громким голосом: 'Подойдите сюда, дети сатаны; смотрите! Царь Соломон пришел погубить тебя'. Тогда огонь и дым вырвались из ноздрей истукана; и раздались громкие и горькие крики, сопровождаемые землетрясением и громом. Но Соломон произнес против них Невыразимое Имя, и все изображения пали на их лица, и сыны сатаны убежали и бросились в море, чтобы не попасть в руки Соломона. Затем царь снял с шеи статуи серебряную табличку с надписью, которую он не мог прочитать, пока Всевышний не послал юношу ему на помощь. В нем говорилось: 'Я, Шеддад, сын Адама, правил тысячей тысяч провинций и ездил верхом на тысяче тысяч коней; тысяча тысяч царей были подвластны мне, и тысячу тысяч воинов я убил. И все же в тот час, когда Ангел Смерти выступил против меня, я не смог противостоять ему. Тот, кто прочтет эти строки, пусть не слишком беспокоится об этом мире, ибо конец всех людей - умереть, и человеку не остается ничего, кроме доброго имени".¹³⁷

Азazel — 'сомнительного значения' — библейское имя Демона Пустыни (Лев. xvi). 'Аарон бросит жребий о двух козлах: один жребий для Иеговы, а другой для Азazеля. И Аарон должен привести козла, на которого пал жребий для Иеговы, и принести его в жертву за грех; но козел, на которого пал жребий для Азazеля, должен быть представлен живым пред Иеговой, чтобы совершить с ним искупление и отпустить его к Азazелю в пустыню.... И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла и исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все их прегрешения во всех их грехах, возложив их на голову козла, и отошлет его рукой здорового человека в пустыню. И козел понесет на нем все их беззакония в необитаемую землю; и он отпустит козла в пустыню'. О моральных элементах, здесь задействованных, многое нужно будет сказать позже. Этот демон в конечном счете превратился в дьявола; и сохраняется в обеих формах знакомый принцип, согласно которому 'достаточно хорошо иметь друзей с обеих

сторон', столь явно действующий в левитском обычае; но особенно интересно наблюдать, что одно и то же животное следует использовать в качестве подношения враждебным божествам. В египетской мифологии мы находим, что козел прошел именно такое двойное посвящение. Он был посвящен Химу, египетскому Пану, богу садов и всех плодородных земель; и он также стал священным для Мендеса, "Разрушителя" или "Силы Мщения" Ра. Таким образом, будет видно, что тот же принцип, который от солнца отделил плодоносящую силу от создающей пустыню и сделал Тифона и Осириса враждебными братьями, возобладал, чтобы послать одно и то же животное Азazelю в Пустыне и Иегове в стране молока и меда. Первоначально козел был высшим. Самаритянское Пятикнижие, согласно Абен Эзре (Предисловие к Есфири), начинается словами: 'В начале Ашима сотворил небо и землю'. В еврейском культурном мифе о Каине и Авеле, также братьях, может быть представлена, как предполагает Гольдзихер, победа земледельца над кочевником или пастухом; но в нем также прослеживается превосходство Козла, Мендеса или Азимы. "Авель принес первенца коз".

Очень поразителен американский (ирокезский) миф о конфликте между хоскеха и тавискара, Белым и Темным. Они были близнецами, рожденными от девственницы, которая умерла, дав им жизнь. Их бабушкой была луна (Атенсик, *та, кто купается*). Эти братья сражались, Хоскеха использовал в качестве оружия рога оленя, Тавискара - дикую розу. Последний бежал, тяжело раненный, и хлещущая из него кровь превратилась в кремь. Победитель, использовавший оленьи рога (то же оружие, которое Фрей использует против Бели в Прозаической "Эдде", и обозначающее, возможно, примитивное искусство костяного века), уничтожил чудовищную лягушку, которая поглотила всю воду и направила потоки в гладкие ручьи и озера. Он наполнил леса дичью, изобрел огонь, следил за посевами и поливал их, и без него, говорит старый миссионер Бребеф, "они думают, что не смогли бы сварить котел". Использование демоном пустыни Тавискарой дикой розы в качестве своего оружия - прекрасный штрих в этом мифе. Так много красоты росло даже среди твердых кремней. Это напоминает заключительную сцену во второй части "Фауста" Гете. Там, когда Фауст осознает идеальный час, когда он может сказать: 'Останься, ты прекрасен!', заставив своим трудом пустыню расцвести розой, он ложится в счастливой смерти; и когда демоны приходят за его душой, ангелы забрасывают их розами, которые жалят их, как пламя. Это были не дикие розы, оказавшие столь слабую помощь Темному. Защита Фауста - розы, которые он извлек из шиповника.

Глава 8. Препятствия

Мефистофель на скалах—Эмерсон на Монадноке—Раскин на альпийских крестьянах—Святые и Нечестивые горы—Кафедра дьявола—Монтаньяры—Тарны—Тенджо—Тай-шань—Апокатекиль—Тирольские легенды—Испытание роком—Сцилла и Харибда—Шотландские великаны—Понтифекс—Мосты Дьявола—Великий человек.

Связанные с демонами Бесплодия и враждебными демонами-людьми, но все же обладающие собственными характеристиками, демоны, как предполагается, обитают в ущельях, горных

цепях, скальных грядах, ручьях, которые невозможно перейти вброд и которые все еще не преодолены, камнях, которые разрушают плот или лодку. Каждое препятствие, стоявшее на пути плуга человека, или его первого хрупкого корабля, или его миграции, было наделено своим демоном. Читателю Гете достаточно обратиться к первым строкам "Вальпургиевой ночи" в "Фаусте", чтобы увидеть настоящее столпотворение северянина, как у Мильтона он может обнаружить столпотворение обитателя огненных пустынь и вулканов. Этот лабиринт долин, пересеченный дикими скалами и яростными потоками, является естественным пейзажем, окружающим оргии призраков, которые порхают от некультурного мозга к некультурной природе. В другом месте великой поэмы Гете Мефистофель противопоставляет философам популярную теорию о грубых остатках хаоса в природе и препятствиях, перед которыми человек бессилен.

Фауст. Для меня этот горный массив остается благородно немым;

Я не спрашиваю, откуда это и почему пришло?

Себя, когда Природа сама в себе нашла

Этот шар земной она тогда сделала чисто круглым;

Вершина и бездна, в которые превратилось ее наслаждение,

Гора к горе, камень к камню, которые она укладывала;

Холмики внизу она тогда аккуратно соорудила,

Чтобы долины смягчили их нежным шлейфом.

Тогда все зазеленело и расцвело, и в ее радости

Она не нуждается в глупых разглагольствованиях.

Мефистофель. Так говорите вы! Вам это кажется ясным, как полдень,

И все же он знает, кто там был, напротив.

Я был совсем рядом внизу, когда бушевало пламя

Раздулась бездна, и хлынул поток огня;

Когда молот Молоха кует камень к камню,

Далеко разлетелись обломки скал под ударом:

Масс странных и огромных была полна земля;

Кто убирает такие кучи брошенного хулиганства?

Философы не могут видеть причину;

Там лежит камень, и они должны оставить его в покое.

Мы размышляли до тех пор, пока нам не стало стыдно, что мы выросли;

Таким образом, простые люди могут зачать в одиночку,

И в зачатии не знают беспорядка,

Их мудрость созрела давным-давно:

Это чудо, что они сатане честь оказывают.

Мой странник на костылях веры ковыляет дальше

К мосту дьявола и дьявольскому камню.¹³⁸

Великий американский поэт совершил свое паломничество к горе, столь прекрасной вдали, думая найти там людей, равных ему по высоте. Разве Мильтон не описывал Свободу как 'горную нимфу'?

Про себя я часто пересказываю

Рассказ о многих знаменитых горах,—

Уэльс, Шотландия, Ури, венгерские долины;

Ройс, Скандербергс и Теллс.

Здесь Природа сконцентрирует свои силы,

Ее музыка и ее метеоры,

И поднимает человека в синюю бездну

Где звезды держатся своих идеальных курсов,

Подобно мудрому наставнику, привлекай его внимание.

Чтобы обосновать науку о небе.

Но вместо того, чтобы найти там человека, использующего эти скалы как оплот для борьбы с загрязнением ума, он

обыскал окрестности

И в низкой хижине мой монарх нашел:

Он не был ни орлом, ни графом;—

Увы! мой найденыш был грубияном,

С сердцем кошки и глазами жука,

Тупая жертва его трубки и кружки.¹³⁹

У Рескина есть такой же мрачный отзыв об альпинистах Европы. 'Дикие козы, которые скачут по этим скалам, испытывают такую же страстную радость от всего этого справедливого Божьего дела, как и люди, которые трудятся среди них. Возможно, даже больше'. "Разве не странно размышлять о том, что в Лондоне или Париже едва ли проходит вечер, чтобы один из этих

коттеджей не был раскрашен для лучшего развлечения прекрасных праздных людей и не был затенен картонными соснами в тени декоратора; и что добрые люди, поэтически настроенные, наслаждаются воображением счастливой жизни крестьян, которые живут у альпийских фонтанов и преклоняют колени перед крестами на вершинах скал? что каждую ночь мы жертвуем наше золото, чтобы создать подобию крестьян в ярких лентах и белых корсажах, поющих сладкие песни и грациозно кланяющихся живописным крестам; и все это время настоящие крестьяне без песен преклоняют колени перед настоящими крестами совсем в другом настроении, чем мечтают добрые и справедливые зрители, и, несомненно, с ответом иного рода, чем в оперной катастрофе".¹⁴⁰

Автор хорошо помнит, с каким акцентом бедная женщина, у дома которой он спросил дорогу к Естественному мосту в Вирджинии, сказала: 'Я не знаю, почему так много людей приезжает к этим скалам; что касается меня, дайте мне ровную местность'. Много веков пролегло между этой престарелой старухой и Эмерсоном или Раскином, и это были века тяжелой войны с крепостями природы. Легендарные испытания водой и огнем, через которые прошла человеческая раса, были связаны с Араратом и Синаем, потому что для мигрирующего или земледельческого человека гора всегда была тяжелым испытанием, независимо даже от ее бурных потоков или случайных излияний лавы. Ужасная перспектива открывается криком Лота: 'Я не могу убежать на гору, иначе какое-нибудь зло схватит меня!' Даже огонь, пожиривший Содом на равнинах, не смог заставить его осмелиться справиться с демонами крутых мест. Со временем преданные доказали охваченным благоговейным страхом крестьянам свою святость и авторитет, сражаясь с этими горными демонами и воздвигая их алтари на "возвышенных местах'. Так много вершин стали священными. Но сама эта святость была средством привлечения последовательных демонических орд, чтобы преследовать их; ибо каждая новая религия видела в этих алтарях на 'возвышенных местах' не победы над демонами, а святилища демонов. И, таким образом, горы стали настоящими полями сражений между соперничающими божествами, каждый демон - со своим соперником; и конфликт длится от проклятия "высот" священниками Израиля¹⁴¹ до дьявольских кафедр Альп и Апеннин. Среди прекрасных фресок в Бадене есть фреска с изображением кафедры Ангела и дьявола работы Гетценбергера. Недалеко от Гернсбаха, в том месте, где возделываемая долина встречается с неприступными скальными гребнями, стоят две кафедры, с которых сатана и Ангел боролись, когда первым христианским миссионерам не удалось обратить в свою веру грубых лесорубов. Когда красноречием Ангела все были побеждены на стороне Дьявола, за исключением нескольких ведьм и ростовщиков, дьявол разрушил огромные массивы камня и построил "Мельницу Дьявола" на вершине горы; и Всемогущий сбросил его вниз на скалы возле "Луга Господня", где все еще можно увидеть следы его когтей и где уменьшающимся числом ушей все еще слышны его стоны, когда в долине бушует буря.

Подобные конфликты были в той или иной степени связаны с каждой горой святой или нечестивой славы. Каждый из них в свое время был прозаичным Холмом, где львы ни в коем случае не были закованы в цепи, чтобы пугать сердца Недоверчивых и Робких, пока дервиш или христианин не отпечатает там свой святой след, видимый от пика Адама до Елеонской горы, или не построит там свои монастыри, видимые от Меру и Олимпа до Понтиприда и холма Святой Екатерины. Посредством необходимых перемирий демоны и божества постепенно восстанавливаются на своих соответствующих вершинах — Сеир и Синай удерживают каждый свою. Но Священные Холмы никогда не равнялись количеству Мрачных Гор,¹⁴² которых боится человек. Эти демоны-помехи сделали горы Моул-ге и Нин-ге именами Короля и Королевы

Аккадского Ада; они сделали финскую гору Киппумаки обителью всех Вредителей. Они отождествили свое название (Эльф) с Альпами, наделили почти каждое озеро дурной славой и даже создали особый класс демонов, "монтаньяров", которых средневековые шахтеры очень боялись, лица которых они иногда искажали так, что те физически оглядывались назад, как они привыкли делать мысленно, до конца своих дней. Жерве из Тилбюри в своей Хронике заявляет, что на вершине горы Канигон во Франции, имеющей очень неприступную вершину, есть черное озеро неизвестной глубины, на дне которого у демонов есть дворец, и что если кто-нибудь бросит камень в эту воду, гнев горных демонов проявится во внезапных и ужасных бурях. Из похожего озера в Корнуолле, как утверждает корнуольский фольклор, на доступном, но очень утомительном холме, поднялась рука, получившая клеймо Escalibore, когда его хозяин больше не мог им владеть, — как сказано в "Смерти Артура", с, однако, явной отсылкой к морю.

Я не могу удержаться, чтобы не оживить свою страницу следующим очерком о визите английских офицеров в царство Тен-джо, длинноносого горного демона Японии, который очень хорошо отражает ментальную атмосферу, в которой обитают подобные призраки. Горы и леса Японии, говорят эти авторы, населены добрыми и злыми духами так же густо, как Гарц и Шварцвальд, и главным среди них в своей ужасающей святости является О-яма, — это слово перекликается с индуистским "Яма", японским "Амма", "цари Ада", — демоном которого является Тен-джо. Абдул и Мални однажды отправились в трехдневный отпуск с намерением взобраться на вершину — не носа Тен-джо, а самой горы; их основная причина для этого заключалась просто в том, что все говорили им, что лучше этого не делать. Сначала они попытались взобраться на самую доступную сторону, но свирепые якомины с двумя мечами ревниво охраняли ее; и им пришлось предпринять попытку на другой, почти недоступной, территории Тен-джо. Жители деревни у подножия горы умоляли их отказаться от этого проекта, и один старик, своего рода патриарх, урезонил их. 'Что ты собираешься делать, когда доберешься до вершины?' - спросил он. Двое наших друзей были вынуждены признать, что в таком случае их курс был бы очень похож на курс короля Франции и его людей — спуститься снова.

Старик сочувственно рассмеялся и сказал: "Что ж, иди, если хочешь, но, поверь мне на слово, Тен-джо причинит тебе вред".

Они спросили, кто такой Тен-джо.

- Да ведь Тен-джо, - сказал старик, - это злой дух с длинным носом, который вывихнет тебе конечности, если ты будешь упорствовать в восхождении на гору с этой стороны.

"Откуда вы знаете, что у него длинный нос?" - спросили они. "Вы когда-нибудь видели его?"

'Потому что у всех злых духов длинные носы, - тут Мални опустил голову, — и, ' продолжал старик, не замечая, насколько близко к сердцу он переходит к кому-то из присутствующих, - у Тен-джо они самые длинные. Вы когда-нибудь знали хорошего человека с длинным носом?

- Пошли, - торопливо сказал Мални Абдулу, - а то старый дурак примет меня за злого духа.

- Сенара, - сказал старик, когда они уходили, - но остерегайся Тен-джо!

После нескольких часов упорного карабка и не встречая ни единого человека - даже дровосека не соблазнил бы прекрасный лес посягнуть на территорию Тен-джо, — они достигли

вершины и насладились великолепным видом. Отдохнув, они приступили к спуску, худшей части которого они достигли, когда, когда они тихо шли по хорошей тропинке, лодыжка Абдула подвернулась у него под ногой, и он рухнул, как подстреленный, со сломанной в двух местах ногой. Мални с трудом удалось доставить его в деревню, из которой они отправились в путь, и новость о том, что Тен-джо сломал ногу одному из предприимчивых тоджинов, разнеслась со скоростью лесного пожара.

‘ Я говорил тебе, как это будет, ’ воскликнул старик, ‘ но ты пойдешь. Ах, Тен джо - ужасный парень! ”

Все жители деревни, столпившиеся вокруг, подхватили крик и покачали головами. Репутация Тен-джо чудесным образом возросла после этого происшествия. Бедный Абдул пролежал на спине одиннадцать недель, и множество японцев — ибо он был всеобщим любимцем среди них — пришли навестить его и выразить свое сожаление и ужас по поводу поведения Тен-джо.¹⁴³

Очевидно, что демону, обитающему на высокой горе, длинный нос был бы полезен для того, чтобы совать нос в дела людей, живущих на равнинах, а также для того, чтобы наслаждаться запахом их жертвоприношений, приносимых на почтительном расстоянии. Та черта лица, которую Наполеон I считал важной в военном отношении и которая характерна для воинов, изображенных на микенской керамике, обычно была физиогномической характеристикой европейских людоедов, любящих запах крови. То, что значение длинного носа Тен-джо именно в этом, кажется вероятным, если мы сравним его с калмыцким демоном Эрликом, чей длинный нос предназначен для того, чтобы вынюхивать умирающих. Казаки верили, что покровителем земли является многоголовый слон. Демон с мордой (рис. 15) взят с картины Христа, освобождающего Адама и Еву из ада, работы Лукаса Ван Лейдена, 1521 год.

В китайских горах тоже есть свои демоны. Считается, что демон горы Тай-шань в Шаньдуне регулирует наказания людей в этом мире и в загробном. Четыре других принца-демона правят главными горными цепями Империи. М-р Деннис отмечает, что в китайских суевериях горные местности настолько часто являются обителями фей, что предполагается некоторая связь между этим фактом и отношением "Эльфа" к "Альпам" в Европе.¹⁴⁴ Но это совпадение ни в коем случае не столь примечательно, как появление среди этих китайских горных духов волшебного ‘Кунжута’, столь знакомого нам по арабским легендам. Говорят, что знаменитая гора Куэнлун (обычно отождествляемая с Гиндукушем) населена феями, которые возделывают на ее террасах ‘поля кунжута и сады семян кориандра”, которые употребляются в пищу как обычная пища теми, кто обладает даром долголетия.

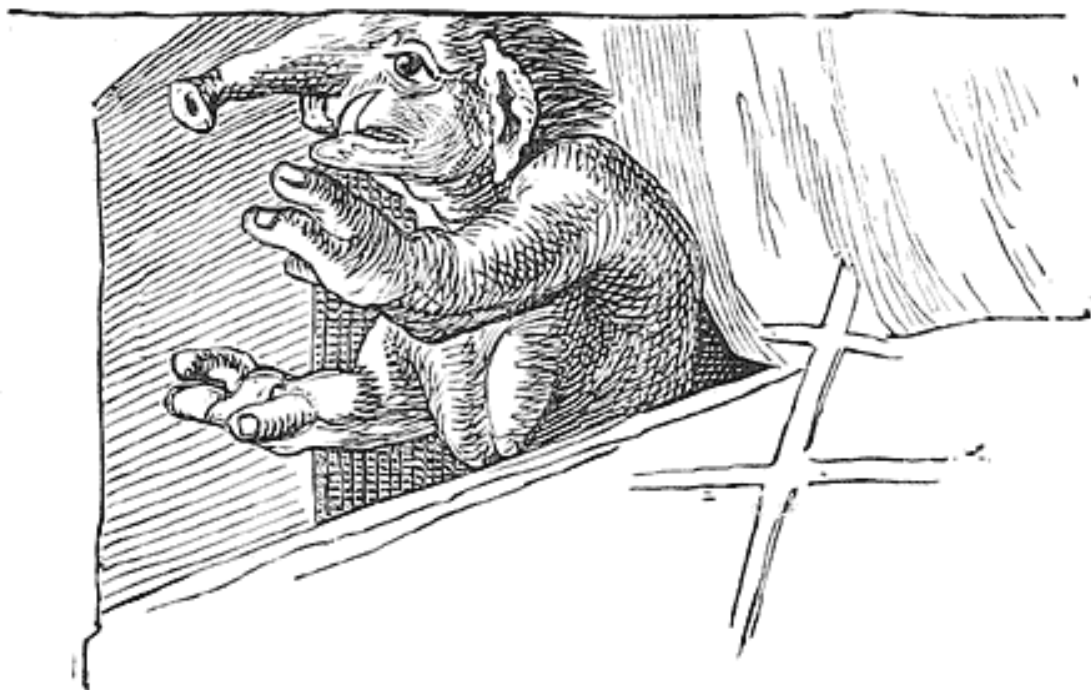

Рис. 15. Демон с рылом.

В суевериях американских аборигенов мы находим гигантских демонов, которые своими руками возводили горные цепи в качестве своих замков, с вершин которых они швыряли камни в своих врагов на равнинах и швыряли их на все четыре стороны света.¹⁴⁵ Таков был ужасный Апокатекиль, статуя которого была воздвигнута в горах вместе с статуями его матери, с одной стороны, и его брата - с другой. Он был князем Зла и главным богом перуанцев. От Кито до Куско каждый индеец отдал бы все, что у него было, чтобы умиловить его. Пять священников, два распорядителя и толпа рабов служили его изображению. Его главный храм был окружен значительной деревней, у жителей которой не было другого занятия, кроме как прислуживать ему.¹⁴⁶

Аплудисменты, которыми был встречен первый железнодорожный состав, промчавшийся под Альпами, эхом отозвавшийся среди их скал и ущелий, смертельно ранили старые фантазии, которые так долго господствовали в воображении южных крестьян. Великий туннель был прорублен прямо в каменных сердцах гигантов, которых христианство пыталось убить, а, потерпев неудачу, крестило и усыновило. Именно в Тироле мы находим наиболее яркие пережитки старых демонов непроходимости, горных монархов. Таков Джордан, Великан из пропасти Кольхютте, недалеко от Унгаркопфа, историю которого, наряду с другими, так красиво рассказала графиня фон Гюнтер. У этого великана что-то вроде нюха Тен-джо, потому что он чувствует "человеческое мясо" там, где прячутся преследуемые им жертвы, и от его фыркания все трепещет, как перед бурей; но у него нет интеллекта, приписываемого большим носам, потому что мальчики в конце концов убеждают его, что способ пересечь ручей - это привязать камень к шее, и он тонет. Один из великанов Альбаха мог нести камень весом в 10 000 фунтов, а его товарищи, неся другие камни весом в 700 фунтов, могли перепрыгивать с камня на камень через реки и наклоняться, чтобы поймать форель руками во время прыжка. Свирепый Орко, горный

призрак, который никогда не стареет, продолжает традицию своего классического имени, часто появляясь в образе чудовищного черного пса, от бока которого отскакивают камни и воздух наполняется неприятным запахом (как у Мефисто). Его занятие - сбрасывать путников в пропасти. В своем рассказе о "Унхолденхофе" — или "ферме монстров" в Штубайтале — графиня фон Гюнтер описывает естественный характер горных демонов.

Именно на этом самом месте поселились лесник и его сын, и они стали ужасом и мерзостью всей окрестной страны, ибо совершали, частично открыто, а частично тайно, самые разнообразные беззакония, так что их природа и повадки превратились в нечто демоническое. Как очень сильные ссорщики и как ужасно мстительные враги, они проявляли свою дьявольскую природу самыми бесчеловечными поступками, которые навлекали вред не только на тех, против кого был направлен их гнев, но и на их семьи на протяжении веков. На вершинах гор они перевернули русла ручьев и опустошили таким образом самые цветущие участки земли; в других местах Унхолд поджигал целые горные леса, чтобы освободить место для схода лавин и сокрушения ферм. С помощью определенных средств они прорезали отверстия и трещины в скалах, в которых летом скапливалось большое количество воды, которая зимой замерзала, а затем весной тающий лед раскалывал скалы, которые затем скатывались в долины, разрушая все на своем пути.... Но наконец месть Небес настигла их. Землетрясение превратило дом лесничего в руины, на него обрушились бурные потоки, и молнии объяли все вокруг пламенем; и от огня и воды, с которыми они согрешили, отец и сын погибли и были осуждены на вечные муки. До настоящего времени их можно увидеть с наступлением темноты на горе в виде двух огненных кабанов".¹⁴⁷

Некоторые из этих гигантов, как уже упоминалось, были обращены. Так было с Хеймо, который владел и опустошил обширную территорию на реке Инн, через которую, однако, он переправился — откуда и начался Инсбрук, — когда стал христианином и монахом. Это обращение стало ужасным разочарованием для дьявола, который послал огромного дракона, чтобы остановить строительство монастыря; но Хеймо напал на дракона, убил его и отрезал ему язык. С этим языком длиной в полтора ярда в руке он изображен на своей статуе, и этот язык до сих пор хранится в монастыре. Хеймо стал монахом в Уилтене, вел благочестивую жизнь, а после смерти был похоронен недалеко от монастыря. Там изображен каменный гроб, в котором покоятся гигантские кости, его высота превышает двадцать восемь футов.

Монстры, охраняющие скалистые перевалы, имеют почти тот же характер, что и Горные Демоны, и обладают еще большим количеством черт Демонов Бесплодия. Они распространены по суше, морю и рекам. Знаменитые скалы между Италией и Сицилией носили названия опасных чудовищ - Сцилла и Харибда, которые теперь вошли в поговорку для обозначения альтернативных опасностей, подстерегающих любое предприятие. Согласно Гомеру, Сцилла была чем-то вроде собачьего чудовища с шестью длинными шеями, каждая пасть была усеяна тремя рядами острых зубов; в то время как Харибда, сидя под своей смоковницей, ежедневно глотала воду и извергала ее снова.¹⁴⁸ С этими сказочными чудовищами, вероятно, отдаленно связаны многие старые представления об испытаниях, которым подвергались между близко стоящими скалами или иногда через отверстия в скалах, примеры которых можно найти в Великобритании. Подобное испытание существует в Пере, где к священному колодцу можно попасть через узкую щель. Посетители, недавно отправившиеся туда на Новый год, были предупреждены дежурным дервишем — 'Смотрите через него на воду, если вам угодно, но не пытайтесь войти, пока ваша совесть полностью не очистится от греха, ибо, как бывы ни

пытались пройти с запятанной душой, вы будете схвачены скалой и останетесь там навсегда".¹⁴⁹ "Бокка делла Верита" — огромное каменное лицо, похожее на огромный мельничный жернов, — стоит в портике церкви Святой Марии в Космедине в Риме, и его легенда гласит, что подозреваемый должен был засунуть руку в открытый рот; если он поклялся, что не виноват. ложно это означало бы откусить руку — теперь приводится объяснение, что за камнем был спрятан фехтовальщик, чтобы проверить юридическую проницательность камня на случай, если клятва не понравится властям.

Миф о Сцилле, в котором говорится, что она была прекрасной девушкой, возлюбленной Главка, которую Цирцея из ревности превратила в чудовище, бросив волшебные травы в колодец, где она обычно купалась, упоминается в различных европейских легендах. В Тюрингии, по дороге в Оберхоф, стоит Красный Камень с розовым кустом и вытекающим из-под него ручьем, где заключена прекрасная девушка. Каждые семь лет ее можно увидеть купающейся в ручье. Однажды проходивший мимо крестьянин услышал, как кто-то чихнул в скале, и крикнул: 'Да поможет тебе Бог!' Чихание и благословение повторялись до тех пор, пока на седьмой раз человек не воскликнул: 'О, проклятая ведьма, не обманывай честных людей!' Когда он затем уходил, из камня донесся плачущий голос: 'О, если бы ты только пожелал в последний раз, чтобы Бог помог мне. Он помог бы мне, и ты освободил бы меня; теперь я должен ждать до Судного Дня!' Однажды голос крикнул свадебной процессии, проходившей мимо камня: "Сегодня женишься, в следующем году умрешь"; а поскольку невеста умерла год спустя, свадебные процессии наводят ужас на это место.

Легенды о великанах и великаншах, столь многочисленные в Великобритании, в равной степени связаны со скалистыми горными перевалами или валунами, которые, как предполагалось, они сбрасывали оттуда, когда забавлялись побиванием друг друга камнями. Это Тор с Юга и Бен с Севера. Холмы Росс-шира в Шотландии - мифологические памятники *Кайахмор*, великой женщины, которая, неся на спине корзину, наполненную землей и камнями, на мгновение остановилась на ровном месте, ныне на месте Бен-Вайшарда, когда дно корзины обвалилось, образовав холмы. Повторяемость имен Гог и Магог в Шотландии наводит на мысль, что в горных регионах демоны происходили в основном от орд разбойников и дикарей, среди которых на их неводелываемых холмах лемех плуга никогда не мог победить копье и дубину. Ричард Доил обогатил первую выставку галереи Гросвенор в Лондоне в 1877 году множеством прекрасных картин, вдохновленных европейским фольклором. Они были прекрасным украшением кладбища мертвых религий. Ведьма, которую когда-то видели на метле, улетающей с высоких скал Куиллана, подбадриваемая своим верным гномом, уже не так некрасива, как в те дни, когда она была сожжена по доверенности в какой-то бедной человеческой ведьме; послушная искусству — более могущественной палочке, чем ее собственная, — она возносится к облакам, с которых была рождена, и ее с трудом можно отличить от них. Постепенно человек стал учиться у поэта—

Это были горные ручьи , которые питали

Удобства прекрасной зеленой равнины.¹⁵⁰

Затем великаны превратились в фей, и многие из них, наконец, надели мантии святых. Аналогичному процессу подвергся и другой предмет, который находит свою прелестную эпитафию в трактовке художника. Мы видели на двух картинах нормандскую даму Бланш, притаившуюся в сумерках в овраге у ручья в ожидании вон того деревенского дровосека,

который в данный момент парит в воздухе горизонтально в своем безумном танце, после чего его обнаружат обессиленным. Поскольку ее горная сестра вырисовывается из облаков, покрывающих Кухиллан, эта является плодом воображения сумеречных теней, серебристые отблески движущихся облаков отражаются в заводях, а ее локоны похожи на длинные пышные травы. Она принадлежит к общине сестер, которая переходит по едва уловимым ступеням в другие, описанные в другом месте, — создания Иллюзии и Ночи. Однако она не совсем одна из них, а представляет собой более непосредственную опасность — опасность бродов, потоков, зарослей, болот и коварных заводей, которые могут показаться мелкими, но на самом деле глубоки.

Водные демоны уже были описаны в их очевидных аспектах, но здесь необходимо упомянуть простых речных демонов-препятствий, преследующих броды и ожоги и ненавидящих мосты. Святости титула *пантифекса* предшествовало множество трагедий и олицетворений сил, которые их вызвали. Поток, с ревом пересекавший путь человека, казался блевотиной демона: священная сила была в том, кто мог перекинуть через нее мост. В одном из самых красивых праздников, посвященных Индре, говорится: "Он успокоил эту великую реку, чтобы ее можно было пересечь; он безопасно перевел через нее мудрецов, которые не смогли перейти ее, и которые, перейдя, приступили к реализации богатства, которого они искали; в возбуждении от *сомы*, Индра совершил эти подвиги".¹⁵¹ На Цейлоне демон Тота до сих пор произносит злобные заклинания в отношении бродов и паромов.

Существует множество легенд о противодействии демонов строительству мостов и о жертвах, которые им пришлось принести, прежде чем такие работы могли быть выполнены. Нам должно быть достаточно нескольких образцов. мистер Деннис рассказывает об очень интересном 'мосте семьи Лох' в Шанхае. Столкнувшись с трудностями при закладке фундамента, строитель поклялся Небесам, что у него будет две тысячи детей, если камни будут уложены должным образом. Богиня, к которой обратились, сказала, что ей не понадобятся их жизни, но что названное число будет поражено оспой, которая имела место, и половина из них умерла. Китайский автор говорит: 'Если мосты не будут размещены в надлежащем положении, как того требуют законы геомантии, они могут подвергнуть опасности жизни тысяч людей, вызвав появление оспы или воспаления глаз'. В Ханг-Чау торговец чаем бросился в реку Цзянь-танг в качестве жертвы Духу плотин, которые постоянно размывало.

"Мосты дьявола", на которые с такой гордостью ссылается Мефистофель, часто встречаются в Германии, и большинство из них, будь то естественные или искусственные, вызывают дьявольские ассоциации. С древнейшими сооружениями часто связаны легенды, в которых отражены условия, установленные злыми силами, о тех, кто переправлялся через броды, в которых часто тонули люди. К этому классу относится мост Монтафон в Тироле, а другой - мост в Ратисбоне. Легенда о последнем является прекрасным образцом тех, которые обычно сопровождают эти древние сооружения. Его архитектор был учеником мастера, строившего собор, и заключил пари, что он перекинет мост через Дунай раньше, чем другой заложит первый камень священного сооружения. Но работа по наведению моста через реку была тяжелой, и после неоднократных неудач подмастерье начал ругаться и пожалел, что дьявол не руководит этим делом! После чего он с раздвоенной ногой появился в облике монаха и согласился построить пятнадцать арок - за вознаграждение. Гонорар должен был составить первые три арки, которые пересекут мост. Хитрый ученик придумал, что эти трое должны быть не людьми, а собакой, петухом и курицей. Дьявол, разгневанный обманом, разорвал животных

на куски и исчез; процессия монахов прошла по мосту и обезопасила его; на нем высечены фигуры трех животных. В большинстве историй это козел, которого настигают и калечат, это бедное животное сохранило свой характер козла отпущения в значительной части фольклора христианского мира. Издревле считалось, что Дунай находится под особой опекой Князя Тьмы, который прилагал огромные усилия, чтобы помешать крестоносцам спуститься по нему, чтобы спасти Святую Землю от язычников. Однажды, недалеко от слияния Вильца и Дуная, он начал бросать со скал огромные камни в русло реки; святые воины успешно сопротивлялись, осеняя себя крестом и распевая гимн, но брошенный первым огромный камень вызвал водоворот и зыбь в этой части реки, которые были очень опасны, пока его не убрали инженеры.

Очевидно, особенно для англичан, которые так долго находили оборонительное преимущество в серебристой полосе моря, отделяющей их от Континента, что препятствие, будь то горный хребет или море, на определенном этапе формирования нации стало бы столь же ценным, сколь на другом этапе оно могло бы стать препятствием. Эвфемизму приписывают то, что он дал дружественное название 'Эвксин' бурному Аксинскому морю, 'ужасному для иностранцев'. Но это не так однозначно. Многие племена нашли в Черном море защиту и друга. В случае с горами их защитные преимущества объясняли бы одновременно прославление Свободы Мильтоном в образе горной нимфы и глупость людей, живущих среди них, что так часто отмечалось; сами средства обеспечения их независимости также были бы причиной их изоляции и варварства. Именно у тех, кто ходит туда-сюда, приумножаются знания. Любопытные и пытливые наиболее склонны к миграции; предприимчивые не смирятся с тем, чтобы их заперли за скалами и горами; с их отъездом за барьерами из скал и холмов установилось бы выживание самых глупых. В конце концов, они могли бы поклониться своим цепям и покрыть свои скалистые тюремные стены монастырями и крестами. Демоны пришельцев были бы их богами. Взбирающиеся Ганнибалы были бы их дьяволами. После цитированных отрывков мистера Рескина о положении крупного рогатого скота в альпийских крестьянских хозяйствах можно было ожидать, что он поприветствует туннель через Мон-Сени. Крестьяне, которые увидели бы в субальпийском двигателе демона, вымерли. Восхищение гениями препятствия и ужас перед демонами, победившими их, можно обнаружить только в народных сказках, достаточно далеких, чтобы быть красивыми, таких как интересная сербская история "Фокусы сатаны и могущество Бога", в которой феи, прячущиеся в последовательно раскрывающихся орехах, тщетно пытаются противостоять огнем и затопить демоницу, преследующую принца и его невесту, на помощь которой наконец приходит вспышка молнии, поражающая дьявола насмерть.

Одно из прекрасных "Состязаний единственной великой" Жорж Санд, "*Мужественный*", несет в себе смысл многих басен, рожденных борьбой человека с препятствующей природой. Со свойственным ей блаженством она переносит место действия этой истинной человеческой драмы недалеко от горы Йоус в Пиренеях, чье название является далеким эхом Зевса. На вершине возвышалась огромная скала, которая, если смотреть издали, чем-то напоминала статую. Крестьянин Микелон, у которого была своя маленькая ферма у подножия горы, всякий раз, проходя мимо, осенял себя крестным знаменем и учил тому же своего маленького сына Микеля, говоря ему, что великая форма - это форма языческого бога, врага рода человеческого. Лавина обрушилась на дом и сад Микелона; сам бедняга остался инвалидом на всю жизнь, его дом и ферма в одно мгновение превратились в дикую грудку камней. Микель посмотрел на вершину Йоуса; гигант исчез; отныне это была могучая форма органического монстра, которого мальчик видел раскинувшимся на том, что когда-то было их счастливым домом и

улыбающимися акрами. Семья ходила просить милостыню, Микелон повторял свой странный призыв: "Мужчина - это самое дорогое для меня". Но когда, наконец, старик умирает, сын решает осуществить безмолвную мечту своей жизни; он встретит великана Йоуса, все еще владеющего отцовскими акрами. Глазами юного мира этот мальчик видит, как среди огромных обломков то тут, то там появляется голова демона, которого он хочет сокрушить. Он швыряет камни туда-сюда, где появляется какая-нибудь устрашающая черта или конечность. Он полон ярости; его сны наполнены нападениями на великана, в которых колоссальная голова падает только для того, чтобы снова появиться на плечах; каждая сломанная конечность обладает способностью к самовосстановлению. Прогресса нет. Но по мере того, как мальчик растет, и соперничество растет, и приходит нужда, в Микеле нарастает желание расчистить почву. Когда он начинает думать, им овладевает уже не страсть отомстить за отца каменному великану, а желание вернуть их утраченный сад. Таким образом, действительно, самого великана можно было победить в одиночку. Огромные камни раскалываются порохом, из одних фрагментов делают заборы, из других - комфортабельный особняк для матери и сестер Микеля. Когда сад снова улыбается, и все счастливы, демоническую форму больше невозможно обнаружить.¹⁵²

Эта маленькая сказка с тонким пониманием интерпретирует демонологию бесплодия и препятствий. Гнев мальчика против бессознательной причины его неприятностей - это гнев, часто наблюдаемый у детей, которые мстят столу или стулу, о которые они ушиблись, и он эмбриологически повторяет гнев мирового детства, вызванный приписыванием личных мотивов неодушевленным препятствиям. Возможно, такой гнев мог бы что-то добавить к силе, с которой человек вступил в свою битву с природой; но рассказ Жорж Санд напоминает нам, что все, что было приобретено в силе, было потеряно из-за ее неправильного направления. Успех пришел в той мере, в какой ярость сменилась растущим осознанием юношей того, что он имеет дело с фактами, которые невозможно опровергнуть. Это увенчается успехом, когда он подружится с непобедимым остатком гиганта и увидит, что тот не совсем злой.

Именно на этой стадии вступает высшее Искусство, знакомое с Красотой, чтобы избавить человека от многих моральных ран, полученных в борьбе. Покрытый мхом и ломоносом, Йоус, в конце концов, кажется не таким уж уродливым. Если бы еще больше вложить в него талант Токаря, он был бы красив. Йоус, в конце концов, настоящий гигант, только его нужно было довести до конца. Он - тип природы.

Детство в мире не прошло вместе с Микелем. Мы находим фиктивный дуализм, лелеемый любителями природы в их вере или чувстве, что природа оказывает на человека некое духовное влияние. Рескин сказал, что, переводя взгляд с Колокольни Венеции на снежный круг, венчающий Адриатическое море, а затем на здания, в которых хранятся работы Тициана и Тинторетто, он почувствовал, что не может ответить на вопрос собственного сердца: через что из этого — природу или мужественность — Бог дал более сильное свидетельство о Себе? Так природа может научить тому, чему уже научили. Пока Рескин смотрит с Колокольни, крестьянин сражается с горой и называет ее скалистое величие именем дьявола; перед картинами он преклоняет колени. Не обученный искусству и науке, ум не может черпать возвышения в природе, не может найти в ней сочувствия. Это ложное представление о том, что есть какая-то компенсация для невежественных людей, лишенных доступа к художественным галереям, в возможности проводить свои воскресенья среди природных пейзажей. Здоровье, которое может принести им это, но мысленно они все еще находятся внутри тюремных стен, из которых смотрят каменные глаза Судеб и Фурий. Возвышенность природы не может облагородить такие

грубые умы, как они сами; они должны пройти через мысль, прежде чем смогут питать мысль; именно природа, преображенная в искусстве, превращает покрытую снегом гору из бессердечного гиганта в спасителя в белоснежных одеждах.

Глава 9. Иллюзия

Майя—Естественные предательства—Вводящие в заблуждение—Гламур—Лорелея—Китайская Русалка—Превращения—Девы—лебеди—Девы-Голубки—Тюленья кожа—Нагота—Тойфельзее—Голице—Японская пещера сирен—Венусберг—Годива—Блуждающий Огонек—Святая Фрейлейн—Покинутый Водяной—Водяной человек—Морской призрак—Затонувшие сокровища—Самоубийство.

Самая прекрасная из всех богинь Индии - Майя, Иллюзия. В индуистской иконографии она изображается в драпировке красивых цветов, украшенной богатейшими драгоценными камнями и вышивкой из цветов. Сверху с ее короны ниспадает вуаль, которая, изгибаясь выше ее колен, возвращается с другой стороны, образуя как бы фартук, в котором удерживаются прекрасные формы животных — прототипы творения, над которым она властвует. Юная, но серьезная красота ее лица и головы окружена полукруглым ореолом, окаймленным мягкими молниями, исчерченными светящимися искрами; и это фон для крестообразного нимба, состоящего из трех пучков лучей. Майя прижимает к себе полные груди, из которых бьют фонтаны молока, которые падают изящными струйками, смешиваясь с морем, на котором она стоит.

Так нашим арийским предкам явился дух, который раскрашивает вселенную, окрашивая столь странно беспристрастными красками плоды, запретные и непрошенные для человека и животного. Человечество оклеветано вероучением священников, *Populus vult decipi*; они справедливо подтверждаются в афоризме Платона: 'Душа неохотно лишается истины'; но все же они обмануты. Большое количество людей действительно описано Сведенборгом, который обнаружил ады, обитатели которых верили, что они на небесах, и пели им дифирамбы. Такие похвалы мы можем услышать в громком смехе, доносящемся из притонов, где рай был обретен дешевым очарованием бокала джина или ласками проститутки. Змей находит свой идеал в змее. На небесах, говорит Сведенборг, мы увидим вещи такими, какие они есть. Но это изречение тех, кто потерял свой рай и все еще питается сухой пылью реальности, не поднятой наукой; остальной мир не почувствовал этого божественного проклятия, или оно было стерто, так что самый чувственный глупец может радоваться, чувствуя себя любимцем Бога, и жалеет язычество Платона. Человек и зверь уверены, что они действительно видят вещи такими, какие они есть. Молоко Майи настояно на маках ее одеяния; миллионы неисчислимых опасений были усыплены ее нежной щедростью; воды, которые поддерживают ее, - это воды Леты.

Но под каждым иллюзорным раем Природа простирает также иллюзорный ад. Наконец маки теряют свою силу, и под гнетом необходимости человек просыпается и обнаруживает, что весь

его рай из роз превратился в шиповник. Грудные фонтаны Майи проходят глубже поверхности — из одного вытекает мягкая Лета, другой, наконец, вытекает во Флегетоне. Страх - еще более могущественный художник, чем Надежда, и из многообразных угроз Природы он, в конце концов, может наложить на себя самые прекрасные иллюзии. Печальный факт, что как только человек начинает думать, его первая теория предполагает наличие воли, действующей там, где он не видит причины; его вторая - предполагать, что это причинит ему вред!

Рассказ Харриет Мартино о своем детском ужасе, вызванном тем, что она увидела какие-то призматические цвета, танцующие на стене пустой комнаты, в которую она входила, - "бесенята", происхождение которых было не хуже дрожащего канделябра, но которые преследовали ее всю жизнь, — это опыт, который можно проследить в затравленном детстве каждой нации. Существуют и другие явления, помимо этих призматических цветов, которые, несмотря на их красоту, получили дурное название в народных суевериях. Буддисту может показаться странным, что это изысканное дерево с кроваво-красными бутонами называется деревом Иуды, а нам кажется, что грациозный лебедь, который может быть естественным символом чистоты, ассоциируется с колдовством! Но изучающий мифологию каждый момент будет поражен тем фактом, что мифы чаще представляют собой примитивную науку, чем просто фантазии и тщеславие. Извилистая шея лебедя, его страстная ревность и сверхъестественный свист, или же немота, обнаруживаемая там, где в такую снежную погоду можно было бы ожидать мелодии, возможно, сделали это животное типом двойной натуры. Коварный блеск змеи, или мед, защищенный от укусов, или яркие соцветия ядов, натренировали бы инстинкт, который распознает зло под маской красоты. Это, как мы еще увидим, оказало контролирующее влияние на этическую конституцию нашей природы. Но в настоящее время необходимо отметить, что первобытная наука обычно обращала вспять индукцию нашей более поздней философии; ибо там, где в чем-либо обнаруживалось зло или страдание, она приходила к выводу, что таков был его *смысл существования*, а его привлекательные качества были просто коварной приманкой демона. Однако вот первые стимуляторы самоконтроля на уроках, которые научили недоверию к внешнему виду.

Поскольку многие паломники погибли из-за доверия к изображениям озера мираж, что привело к небрежности в отношении экономии воды, мираж получил свое нынешнее название — Бахр Шейтан, или Дьявольская вода. "Блуждающий огонек", который, казалось, обещал ночному скитальцу тепло или руководство, но завел его в болото, имел свои превосходные указания относительно места, которое по несчастливому недоразумению не было превращено в умышленную ложь, и был заклеен как *ignis fatuus*. Большинство подражаний в природе постепенно стали столь же подозрительными для примитивного наблюдателя, как *псевдонимы* для магистрата. Предмет, который казался огнем или водой, но таковым не являлся; насекомое или животное, принявшее свой оттенок или форму от кого-то другого, от кошек с пятнами на листьях или полосатых стеблях до того невинного насекомого, чей растительный облик получил за это знакомое название "Трость дьявола"; человекоподобное шипение, смех или крик животных; вибрирующий звук или движение, которые так часто ощущаются как близкие, хотя на самом деле они далеко; песок, который кажется твердым, но тонет; трава, которая оказывается болотом; - все это имеет свое отражение в демонологии дьявола. заблуждение. Бразильский Короадос говорит, что Дьявол "иногда превращается (сам) в болото и т. Д., Сбивает его с пути, раздражает, подвергает опасности и даже убивает".¹⁵³ Это как бы отголосок рассказа Бертоне. 'Земные дьяволы - это те ларисы, гении, фавны, сатиры, лесные нимфы, фолиоты, феи, Робинзоны, трулли и т. Д., Которые, поскольку они наиболее

сведущи в общении с людьми, причиняют им наибольший вред. Это они танцуют на вересковых пустошах и зелени, как думает Лафатер вместе с Тритемием, и, как добавляет Олаус Магнус, оставляют тот зеленый круг, который мы обычно находим на равнинных полях. Иногда их видят пожилые женщины и дети. Иерон. Паули в своем описании города Берчино, Испания, рассказывает, что их часто видели недалеко от этого города, около фонтанов и холмов. 'Иногда, ' говорит Тритемий, ' они уводят простых людей в горные ущелья и показывают им чудесные виды' и т. Д. Хиральдус Камбренис приводит пример уэльского монаха, который был так введен в заблуждение. Парацельс упоминает множество мест в Германии, где люди обычно ходят в маленьких пальто длиной около двух футов.¹⁵⁴ Реальные опасности подстерегали леса и горные перевалы, болота и зыбучие пески; в таких формах они появлялись в диких джунглях воображения!

Над тем морем, на котором стоит Майя, простирается серебристый жезл Очарования. Оно снизошло до бессмертного Морского Старца, любимца нимф, прибрежного оракула, покровителя рыбаков, друга Протея, который мог видеть сквозь все морские глубины и принимать любые формы. Сколько колдовских чар могло исходить от многоцветного моря, чтобы воздействовать на глаза и позволять им видеть Тритона с его обвитым рогом, и русалок, расчесывающих свои волосы, и морских чудовищ, и Афродиту, балансирующую на белой пене! Для врачей это может быть глаукомой; но Главк - это в схеме майи, которая никогда не покидала ни суши, ни моря без своего свидетеля. На берегу Полярного моря моряк-самоед, которого Кастрен спросил: "Где Нум" (*то есть* Джумала, его бог), указал на темное далекое море и сказал: *Он там*.

У древних было два моря — лазурное вверху и то, что внизу. Ребенок с развитым воображением в своем развитии проходит мимо всех этих сказочных берегов; видит в облаках снежные горы на горизонте и в лучах заходящего солнца светящиеся моря с золотыми островами. Когда в юном мире сияющим солнцем была Берхта, белые пушистые облака были ее лебедями. Когда она спустилась к морю, как рассказывают тысячи историй, это было для того, чтобы повторить ход солнца для всех племен, смотрящих на западное море. Никто из тех, кто читал эту очаровательную маленькую книжку "Боги в изгнании",¹⁵⁵ не удивится счастливому инстинкту познания, проявленному в маленьком стихотворении Гейне "Sonnenuntergang",¹⁵⁶ в котором мы видим сияющую солнечную Красавицу, вынужденную стать прядильной хозяйкой или неохотной супругой Посейдона:

Прекрасная дама, которую старый бог океана

По расчету когда-то женился;

А днем она весело бродит

Сквозь высокие небеса, облаченные в пурпур,

И вся в сверкающих бриллиантах,

И всеми любимый, и весь удивительный

Каждому мирскому существу,

И каждое мирское существо радуется

С теплотой и великолепием, исходящими от ее взглядов.

Увы! вечером, грустный и невольный,

Она должна отступать своими медленными шагами

В мокрый дом, в бесплодные объятия

Ужасной старости.

Это, конечно, хайнеску и не имеет никакого отношения к какой-либо легенде о Берте, но является прекрасным образцом мифологии в стадии становления и вполне соответствует духу многих мифов, которые ходили вокруг заката на море. Каким бы ни было объяснение их падения, Сияющая и ее пушистая свита преобразились. Когда в море или озеро приходила Берхта (или Перхта), это была Берта с Большой Ступней (*то есть* сперепонками) или Длинным Носом (клювом), а ее отрядом были девы-Лебеди. Их небесный характер изменился вместе с характером их хозяйки. Они стали фамильярами колдунов и волшебниц. 'Носить желтые тапочки' стало обозначением ведьмы.

Как эти пушистые белые облачные призраки стали демонизироваться? Какая связь между ними и соблазнительной Лорелеей и опасными дочерьми Рейна, охраняющими золотые сокровища, которые когда-то, возможно, были метафорами ряби лунного света? Те, кто слушал их дикий смех в опере Вагнера "*Золотой Рейн*", и их странное "Хайя-хайя!", вряд ли смогут не заподозрить, что они стали ассоциироваться с настоящими человеческими нимфами, которых летнее солнце все еще застаёт свободно резвящимися в ярких потоках России, Венгрии, Австрии и Восточной Германии, обнаженными и не стыдящимися. Много предостерегающих голосов против этих беспечных Фринов, которые, возможно, оставили изодранные одежды на берегу, чтобы те преобразились в серебристых волнах, должно быть, исходило от священников и встревоженных матерей. Также не было бы недостатка в традициях, достаточных для того, чтобы такие предупреждения произвели впечатление. Немногие регионы обходились без таких историй, как те, которые путешественник Хиуэн-Тсанг (VII век) нашел в буддийских хрониках ракшасов Цейлона. "Они подстерегают купцов, высаживающихся на остров, и, переодевшись в женщин необычайной красоты, являются к ним с благоухающими цветами и музыкой; привлекая их ласковыми словами в Железный город, они устраивают им пир и предаются с ними удовольствиям; затем запирают их в железной тюрьме и съедают одного за другим".

В обычном сюжете легенды о деве-Лебеде чувствуется сильный акцент на человеческой природе, ее одежде, украденной во время купания, и ее готовности заплатить за нее баснословную цену - поскольку это ее перья и ее лебединая сущность, без которых она навсегда останется пленницей вора. Истории рассказываются в регионах, столь отдаленных друг от друга, и их незначительные детали настолько различаются, что мы, во всяком случае, можем быть уверены, что не все они связаны исключительно с пушистыми облаками. Иногда одеяния демонесс — а эти существа всегда женственны — не из перьев, как в немецких сказках, а из тюленьих шкур или из неопикуемой красной ткани. Так, "Посланник Ли Тин-юань" (1801) записывает китайскую легенду о человеке по имени Мин-лин-цзы, бедном и достойном фермере без семьи, который, отправившись за водой из источника возле своего дома, увидел купающуюся в нем женщину. Она повесила свою одежду на сосну, и в наказание за ее 'бесстыдство' и за то, что она испачкала колодец, он унес платье. Одежда была непохожа на привычную одежду Льючевана по стилю и 'красноватого цвета заката'. Женщина, закончив

мыться, закричала в сильном гневе: 'Какой вор был здесь среди бела дня? Верни мою одежду, быстро. Затем она увидела Мин-лин-цзы и бросилась перед ним на землю. Он начал ругать ее и спросил, почему она пришла и испортила его воду; на что она ответила, что и сосна, и колодец были созданы Творцом для всеобщего пользования. Фермер вступил с ней в разговор и указал, что судьба, очевидно, предназначила ей стать его женой, поскольку он наотрез отказался расстаться с ее одеждой, в то время как без нее она не могла уйти. В результате они поженились. Она прожила с ним десять лет и родила ему сына и дочь. По истечении этого времени ее судьба свершилась: в отсутствие мужа она взобралась на дерево и, попрощавшись с его детьми, улетела на облаке и исчезла.¹⁵⁷

В южноафриканском параллельном мифе, в его демонологическом аспекте, нет никаких следов происхождения облака. В данном случае готтентот, путешествовавший с Бушменкой и ее ребенком, встретил стаю диких лошадей. Все они были голодны, и женщина, сняв нижнюю юбку из человеческой кожи, мгновенно превратилась в львицу. Она сбила лошадь и лакала ее кровь; затем, по просьбе готтентота, который в ужасе взобрался на дерево, она надела нижнюю юбку и стала женщиной, и друзья, подкрепившись кониной, продолжили свой путь.¹⁵⁸ У минусинских татар эти демоны имеют природу греческих гарпий; это кровожадные демоны-вампиры, которые пьют кровь людей, убитых в битве, затемняют воздух во время полета и укрываются в одном месте. великий черный дьявол.¹⁵⁹ По мере продвижения на восток портрет девы-Лебедя становится менее мрачным, и она не ассоциируется с морем или подземным миром. Таков один из малайцев, рассказанный мистером Тайлором. На острове Целебес рассказывают, что семь нимф спустились с неба, чтобы искупаться, и их увидел Касимбаха, который сначала принял их за белых голубок, но в бане понял, что это женщины. Он украл одежду одной из них, Утахги, и поскольку она не могла летать без нее, она стала его женой и родила ему сына. Ее называли Утахги из-за единственного волшебного белого волоска, который у нее был; его ее муж вырвал, когда сразу же поднялась буря, и она улетела на небеса. Ребенок был в большом горе, и муж размышлял о том, как ему следует последовать за ней в небо.

В сибирском мифе, рассказанном мистером Бэринг-Гулдом, Дева-Лебедь предстает в образе Немезиды. Некий самоед, укравший платье девушки-Лебедя, отказался вернуть его, пока она не добудет для него сердце семи демонов-разбойников, один из которых убил мать Самоеда. У разбойников был обычай подвешивать свои сердца на колышки в своей палатке. Их раздобыла дева-Лебедь. Самоед разбил шесть сердец; заставил седьмого разбойника воскресить свою мать, душу которой, хранившуюся в кошельке, нужно было только потрясти над могилой старухи, чтобы этот подвиг был совершен, и дева-Лебедь получила обратно свое оперение и улетела, радуясь.¹⁶⁰

В славянском фольклоре дева-Лебедь, как правило, имеет опасный характер, и если лебедя убивают, они стараются не показывать это детям, опасаясь, что те умрут. Когда они появляются в виде уток, гусей и других водоплавающих птиц, они склонны быть более вредными, чем когда они появляются в виде голубей; и считается опасным убивать голубя, как среди моряков когда-то считалось, что это убийство альбатроса. Афанасьев рассказывает легенду, которая показывает, что, даже будучи связанным с водяным царем, царем Морским или славянским Нептуном, голубь сохраняет свой благодетельный характер. Король на охоте ложится попить из озера (как в истории, приведенной на стр. 146), когда царь Морской хватает его за бороду и не отпускает, пока он не согласится отдать ему своего малолетнего сына. Юный принц, брошенный на берегу рокового озера, по совету колдуньи прячется в кустах, откуда вскоре видит, как

вылетают двенадцать голубей, которые, сбросив перья, резвятся в озере. Наконец появляется тринадцатая, красивее остальных, и еесорочка(смена) Иван хватает. Чтобы вернуть его, она соглашается стать его женой и, сказав ему, что он найдет ее под водой, принимает свой голубиный облик и улетает. Под озером он находит прекрасное царство, и хотя царь Морской обращается с ним грубо и возлагает на него тяжелые обязанности, дева-голубка (Василисса) помогает ему, и они живут вместе счастливо.¹⁶¹

В скандинавской мифологии одеянием сверхъестественной девы чаще всего является тюленья шкура, и в легендах присутствует нотка пафоса. Из множества легенд такого рода, в которые до сих пор верят в Швеции и Норвегии, одну приятно пересказала мисс Элиза Кири. Рыбак, найдя красивую белую шкуру тюленя, забрал ее с собой домой. Ночью у его двери раздался плач; вошла служанка, стала его женой и родила ему троих детей. Но через семь лет она нашла шкуру и с ней выбежала на берег. Старший ребенок рассказывает эту историю отцу по возвращении домой.

Тогда мы трое, папа,

Побежала следом, крича: "Отведи нас к морю!

Подожди нас, мамочка, мы тоже идем!

Вот Элис, Вилли за тобой не угнаться!

Мамочка, остановись — всего на минуту или две!"

Наконец мы добрались до того места, где возвышался холм

Спускается прямо к пляжу,

И вот мы стояли, затаив дыхание, неподвижные

Крепко цепляясь друг за друга.

Мы увидели ее сидящей на камне,

Надеваю маленькую тюленью шкурку.

О мамочка! Мамочка!

Она так и не попрощалась, папа,

Она не поцеловала нас троих;

Она просто надела маленькую тюленью шкурку

И соскользнуть в море!

Некоторые легенды об этом персонаже почти так же реалистичны, как "Мораль" мистера Суинберна о Давиде и Вирсавии. Чтобы представить себе нехватку жен в регионах, куда мигрировала примитивная арийская раса, нам достаточно вспомнить *историю* бена тровато о калифорнийцах, устраивавших бал в честь шляпки, в те дни, когда женщины еще не последовали за ними в миграции. Чтобы украсть одежду Вирсавии и таким образом пленить ее, могло быть в какой-то период достаточно распространенным явлением в Европе, чтобы

потребовались все ужасы, содержащиеся в арсенале традиций, касающихся демониц, которые могли быть таким образом привлечены и могли так соблазнить мужчин принять их. В конце концов, они могут исчезнуть, унося сокровища самым прозаическим образом, или, возможно, они могут привести к небольшой троянской войне. Вполне вероятно, что чувство скромности, насколько оно представлено в чувстве стыда за наготу, было результатом действий благоразумных людей. Хотя боязнь наготы стала в некоторых регионах суеверием в женском сознании, достаточно сильным, чтобы иметь своих мучеников — как это было видно при затоплении *Northfleet* горящем отеле в Сент—Луисе, - это то, что было возвращено мужчинами из-за недоверия к их собственному анимализму. В варварских регионах, где цивилизация вводит одежду, женщины, как правило, перенимают ее последними; и хотя мистер Герберт Спенсер приписывает это женскому консерватизму, представляется более вероятным, что это происходит потому, что мужчины первыми теряют невинность, а женщины последними получают что-либо дорогое. Примечательно, что в мифах обычно говорится, что девы-Лебеди были захвачены в плен с помощью насилия или хитрости. В то же время самая бессознательная соблазнительница может быть средством разрушения домов и введения в заблуждение рабочих, и таким образом она становится объектом всех диких легенд, рассказываемых об иллюзорных явлениях природы в популярной мифологии.

Удивительно наблюдать, как за всеми намеками бэйна столь же ловко следовали предшествующие. Прекрасные искусители могли замаскировать свои намерения, вызывая к человечности путника; и, смотрите, для уст жены и матери были готовы тысячи хорошо подтвержденных рассказов, показывающих, что демонесса, вызывающая о помощи, была самой роковой из всех!

На Мюггельсбергере в Альтмарке есть камень, который, как говорят, прикрывает сокровище; этот камень иногда называют 'Алтарем дьявола', а иногда говорят, что там виден огонь, который исчезает при приближении. Он расположен на краю Тойфельзее — озера, темного и маленького, которое считается бездонным. Там, где лежит камень, когда-то стоял замок, который ушел под землю вместе со своей прекрасной принцессой. Но из подземного замка есть подземная аллея, ведущая на соседний холм, и с этого холма по вечерам иногда спускается старая женщина, склонившаяся над своим посохом. На следующий день вы увидите самую красивую леди, расчесывающую свои длинные золотистые волосы. Ко всем проходящим мимо она обращается со своими мольбами о том, чтобы они освободили ее, ее патетические призывы подкрепляются предложением украшенной драгоценными камнями шкатулки, которую она держит в руках. Единственное средство освободить ее, объявляет она, состоит в том, чтобы кто-нибудь пронес ее на своих плечах три раза вокруг церкви Тойфельзее, не оглядываясь назад. Эксперимент проводился несколько раз. Один сельский житель во время своего первого обхода увидел большую телегу с сеном, которую тащили мимо него четыре мыши, и, проследив за этим взглядом, получил удары по ушам. Другой увидел, что прямо на него едет повозка, запряженная четверкой угольно-черных огнедышащих лошадей, отскочил назад, и все исчезли с криком 'Снова потеряны навсегда!' Третий попытался и почти прорвался. Его нашли без чувств, и, придя в себя, он рассказал, что, когда он взвалил принцессу себе на плечи, она была легкой, как перышко, но по мере того, как он нес ее, становилась все тяжелее и тяжелее. Змеи, жабы и все ужасные животные с горящими глазами окружали его; гномы швыряли в него куски дерева и камни; но он не оглядывался и почти завершил третий круг, когда увидел, что его деревня охвачена пламенем; затем он оглянулся — удар свалил его с ног - и, кажется, прожил достаточно долго, чтобы рассказать эту историю. Молодежь Кеперника

предупреждают, чтобы они закаляли свои сердца против любой белокурой девушки, расчесывающей волосы неподалеку от Тойфельзее. Но фольклор того же района признает, что дамам ни в коем случае не так опасно прислушиваться к призывам такого рода. Например, в Гохлицзее акушерку заставили нырнуть в воду в ответ на призыв о помощи; оказав помощь маленькой морской женщине в родах, она получила полный фартук пыли, что казалось странным, пока на берегу не оказалось, что в нем много талеров.

В странах, где народное воображение, вместо того чтобы быть научным, приучено к религиозной ретроспективе, оно при малейшем прикосновении возвращается к инфантильным спекуляциям человеческой расы. Не так давно, стоя у витрины магазина в Остенде, где была выставлена "Японская сирена", этот хитроумный обман заинтересовал меня меньше, чем комментарии проходящих мимо и останавливающихся наблюдателей. Наиболее часто всерьез высказывались вопросы о том, пела ли она, или расчесывала волосы, или была ли обречена, или у нее была душа, которую нужно было спасти. Каждый вопрос касался Цирцеи, Улисса и Сирен, а также других представлений античности. Японские художники справедливо пришли к выводу, что они могут плавать со своей Сиреной в любых интеллектуальных водах, где может пройти Иона в своем ките или появиться рыба со своим пенни. Более того, даже в своей примитивной форме сирены находят своих родственников, которые все еще обитают на всех побережьях северной Европы. Разновидность ирландской и шотландской сирены можно найти в очень полной легенде об одной из них, увиденной Джоном Ридом, капитаном корабля из Кромарти. С длинными распущенными желтыми волосами она сидела наполовину на камне, наполовину в воде, обнаженная и прекрасная, наполовину женщина, наполовину рыба, и Джону удалось поймать и крепко держать ее, пока она не пообещала исполнить три желания; затем, освобожденная, она прыгнула в море. Все желания были исполнены, и одному из них (хотя Джон никогда не раскрывал этого) в течение столетия после этого приписывалась удача Ридов.¹⁶²

Местом действия этой легенды является 'Пещера падения', расположенная значительно ближе к прыжку Влюбленного. Одно из желаний Джона включало успех его ухаживаний. Эти пещеры проходят параллельно пещере Венусберг, где менестреля Тангейзера соблазняют Венера и ее нимфы. Гейне заканчивает свое описание этой фрау Венеры словами, что ему показалось, будто он встретил ее однажды на площади Бреда. "За кого вы принимаете эту даму?" - спросил он Бальзака, который был с ним. 'Она любовница', - ответил Бальзак. 'Скорее герцогиня', - возразил Гейне. Но после дальнейших объяснений друзья пришли к выводу, что они оба были совершенно правы. Голуби Венеры, некоторое время испачканные, наконец одухотворились и стали белыми, в то время как снежный лебедь потемнел. Древнегерманское слово, обозначающее лебедя, *эльбиз*, первоначально обозначавшее его белизну (*альбус*), усилило его связь со всеми "эльфийскими" существами — *эльф* происходит от того же слова, означающего белый; но, как в "Эрле Кениге" Гете, часто маскирует темный характер. Лебедь и Голубь встречаются (с некоторыми изменениями) как символы Добрых и Злых сил в легенде о Лознгрине. Ведьма превращает мальчика в Лебедя, который, однако, привлекает для спасения своей сестры, ложно обвиненной в его убийстве, Рыцаря Святого Грааля, которого, когда тайна его святого имени выясняется его слишком любопытной невестой, уносят белые голуби. Все эти легенды несут в себе, пусть и слабый, акцент раннего конфликта религии с дикими страстями человечества. Их религиозная подоплека подводит нас к вопросам, которые необходимо рассмотреть на более позднем этапе нашей работы. Но помимо чисто моральных соображений, очевидно, что должны были существовать практические опасности, связанные с ранним социальным хаосом, в условиях которого оказались первые иммигранты в Европе.

Хотя легенда о леди Годиве включает элементы другого происхождения, вполне вероятно, что в судьбе Подглядывающего тома есть отдаленное отражение наказания, которое, как иногда говорят, постигает тех, кто слишком пристально смотрел на деву-Лебедь без перьев.

Поклонение обнаженной леди из Ковентри вполне соответствовало бы одному из классов этих мифов о русалках. Существует суеверие, сейчас особенно сильное в Исландии, что все феи - дети Евы, которых она спрятала на тот случай, когда Господь пришел навестить ее, потому что они не были вымыты и выглядели непрезентабельно. Поэтому он приговорил их к вечной невидимости. Это суеверие, по-видимому, связано со старым спором о том, являются ли эти сверхъестественные существа детьми Адама и Евы или нет. Шотландская история опровергает этот вывод. Прекрасная нимфа в легком зеленом одеянии вышла из моря и приблизилась к рыбаку, когда он читал Библию. Она спросила его, содержится ли в нем какое-либо обещание пощады для нее. Он ответил, что в нем содержится предложение спасения 'всем детям Адама', после чего она с громким криком снова бросилась в море. Эвфемизм помог бы с естественным состраданием сказать доброе слово в адрес 'хороших маленьких людей', скрывающихся на земле или в море. В Альтмарке считается, что "Блуждающие огоньки" - это души некрещеных детей, иногда сумасшедших, которые не могут обрести покой в своих могилах; их называют 'Людьми света', и говорят, что, хотя иногда они могут вводить в заблуждение, они часто ведут правильно, особенно если бросить им мелкую монетку, — это также африканский план снятия чар колдуна. Христианству еще долгое время после его прихода в Германию приходилось серьезно бороться с обычаями и верованиями, распространенными в некоторых деревнях на берегу озера, где рыбаки считали себя в дружеских отношениях с сверхъестественными хранителями вод и по сей день говорят о своей верховодящей морской деве как о Святой Фрейлейн. Они слышат, как ее колокола звенят из глубины в священные сезоны, смешиваясь с теми, чьи звуки доносятся с церковных башен; и, кажется, потребовалось множество басен, рассказанных на гравюрах рыбаков, которых находят безжизненно сидящими в своих лодках и слушающими их, чтобы постепенно передать благоговение новой христианской фее.

Может быть, они слышали какую—нибудь мелодию, подобную той, которая нашла свое лучшее выражение в "Покинутом водяном" мистера Мэтью Арнольда:

Дорогие дети, это было вчера

(Позвоните еще раз), что она ушла?

Как только она насытится тобой и мной,

На троне из красного золота в сердце моря,

И младший сел к ней на колени.

Она расчесала его светлые волосы и хорошо за ними ухаживала,

Когда внизу раздался звук далекого колокола.

Она вздохнула, она посмотрела вверх, на чистое зеленое море;

Она сказала: "Я должна идти, потому что мои родственники молятся"

Сегодня в маленькой серой церкви на берегу.

Скоро в мире наступит пасхальное время - ах, я!

И я теряю свою бедную душу, Водяной, здесь, с тобой.

Я сказал: "Поднимайся, дорогое сердце, по волнам,

Помолись и возвращайся в добрые морские пещеры.

Она улыбнулась, она поднялась по прибою в залив.

Дорогие дети, это было вчера?

Возможно, нам следует найти предысторию потерянной Маргарет этого водяного, которую он тщетно звал обратно, в датской балладе о водяном и Дочери маршала, который, по версии Гете, искал очаровательную Мэй в церкви, куда прискакал веселым рыцарем на

конь чистой воды,

Седло и уздечка были из морского песка.

Они вышли из церкви со свадебным шлейфом,

Они танцевали в ликовании, и они танцевали в полном обмороке;

Они протанцевали их до самого берега соленого моря,

И они оставили их стоять там, рука об руку.

"Теперь жди меня, любимая, на моем свободном коне,

И самую красивую кору я принесу для тебя.

И когда они вышли на белый-пребелый песок,

Корабли приплыли к суше;

Но когда они оказались посреди этого шума,

Пошли они все ко дну, в самую глубину!

Долго, очень долго мы были на берегу, когда дул сильный ветер,

Они слышали из воды девичий крик.

Я исправляю вас, девицы, как могу —

Не участвуй в танце с Водяным!

Однако, согласно другим легендам, подводное царство не было местом для слез. Детские глаза узрели все, что обещал Эрл-король в балладе Гете -

Ты пойдешь, красавчик? ты пойдешь со мной?

Мои дочери будут изысканно прислуживать тебе;

Мои дочери будут кружиться вокруг тебя в танце,
И укачаю тебя, и поцелую, и спою тебе на сон грядущий!

Или, возможно, детские глаза, задержавшиеся в обжигающем сиянии мужской страсти, могли бы увидеть в тихом море некую картину утраченной любви, подобную той, что так сладко описана в "Морском призраке" Гейне:

Но я все равно прислонился к борту судна,
Смотрящий грустными мечтательными взглядами
Вниз, к воде, чистой, как зеркало,
Заглядывая все глубже и глубже,—
Пока далеко в морских безднах,
Сначала, как тусклые колеблющиеся пары,
Затем медленно—медленно — более насыщенный цвет,
Казалось, поднимаются купола церквей и башен,
А затем, ясно как день, большой город....
Бесконечная тоска, чудесная печаль,
Проникни в мое сердце,—
Мое сердце еще едва исцелилось;
Кажется, что его раны забыты,
Снова были поцелованы любящие губы,
И снова текла кровь
Капли жгучего малинового цвета,
Которые долго и медленно стекают вниз
На древний дом внизу
В глубоком-преглубоком морском городке,
В древнем, необычном доме с высокой крышей,
Где, одинокий и меланхоличный,
Внизу, у окна, сидит девушка,
Ее голова откинулась на руку, —

Как бедный и забытый ребенок;
И я знаю тебя, бедное и многострадальное дитя!
...Я тем временем, духом весь скорблю,
По всему белу свету искали тебя,
И всегда искал тебя,
Ты нежно возлюбленный,
Ты давно, очень давно потерянный,
Ты наконец—то нашел его,-
Наконец-то я нашел тебя и теперь смотрю на тебя
На твое милое личико,
С искренними, преданными взглядами,
Все еще мило улыбаясь;
И никогда больше я на земле не покину тебя.
Я приближаюсь к тебе,
И с тоской, широко раскрыв объятия,
Любовь, я ныряю в твое сердце!

Соблазны рыбаков заполучить предметы, замеченные на дне прозрачных озер, иногда выглядящие как шкатулки или куски золота, и еще больше отражений предметов в верхнем мире или воздухе, должно быть, были источниками опасности; существует много историй о том, что их таким образом соблазнили и они погибли. Эти вещи считались сокровищами маленького народца, живущего под водой, и они не расставались с ними иначе, как за плату. Говорят, в озере Блюменталь есть желтый сундук, окованный железом, который рыбаки часто пытались поднять, но их веревки обрывались, когда он приближался к поверхности. На дне того же озера видна ценная одежда, и женщина, которая однажды пыталась ее добыть, так чуть не утонула, что считается более безопасным оставить ее. Легенды о затонувших городах (например, об озере Паарштайнхен и Лох-Неаг) и колоколах (звон которых можно услышать в определенные священные дни), вероятно, являются вариантами этого класса заблуждений. Часто говорят, что они были потоплены каким-то последним мстительным ударом мага или ведьмы, решивших уничтожить город, который им больше не доверял. Оползни, затопляющие дома на побережье, могли породить легенды, подобные легенде о дочери короля Градлона Дахут, которую бретонский крестьянин видит в ненастную погоду на скалах вокруг Поул-Дахута, где она открыла шлюзовые ворота города, повинувшись своему дьяволу-любовнику.

Если вспомнить, что менее пятидесяти лет назад доктор Белон¹⁶³ счел желательным анатомировать золотых рыбок и различными способами доказать ошибочность предположения, что они питаются чистым золотом (как многие крестьяне близ Лиона заявляют

о лаврах, ежедневно продаваемых на рынке), вряд ли покажется удивительным, что ранние рыбаки видели опасные видения драгоценных вещей на прозрачных глубинах, и что это, наконец, следует рассматривать как соблазнительное искусство Лорелеи, благодаря которому многие озера и реки прославились тем, что ежегодно требовали одной или нескольких жертв. .

Возможно, именно благодаря накоплению множества снов о прекрасных царствах под водой или над облаками самоубийство стало среди норвежцев таким распространенным явлением. Ходила пословица, что худший конец - умереть в постели, а умереть самоубийством - значит стать таким, как Эгиль, и Омунд, и король Хек, как почти все герои, которые таким образом перешли в Валгаллу. У Северянина не было сомнений относительно рая, в который он направлялся, и он не хотел достигать его ослабленным возрастом. Но придет время, когда земля и человеческая привязанность заявят о своих притязаниях, и водные племена будут изображены жестокими пожирателями всего живого. Точно так же лесные и горные нимфы были бы унижены, и страшные легенды о тех, кто заблудился и блуждает в темных лесах, повторялись бы до дрожи в детстве. Реальные опасности будут маскироваться под бесконечными маскировками иллюзии, мир и волна будут населены жестокими и вероломными соблазнителями. Таким образом, самоубийство может постепенно утратить свое очарование, и мрачный подземный мир бессердечных гномов заменит гроты и фей.

Мы можем завершить эту главу шотландской легендой, относящейся к "шиичам", или Людям Мира, в которой есть странный намек на человеческий разум, которому снится, что он видит сны, и который уже на пути к пробуждению. Эти призрачные существа унесли женщину, чтобы она могла покормить грудью своего ребенка, которого они ранее украли.

Во время своего пребывания здесь она однажды наблюдала, как шииты мажут себе глаза из котла, и, воспользовавшись случаем, ей удалось помазать этой мазью один из своих собственных глаз. Этим единственным глазом она теперь видела тайную обитель и все в ней 'такими, какими они были на самом деле'. Обманчивое великолепие исчезло. Безвкусные украшения сказочного грота превратились в голые стены мрачной пещеры.

Когда эта женщина вернулась, чтобы снова жить среди людей, ее помазанный глаз увидел многое, чего не видели другие; среди прочего, однажды она увидела "человека мира", невидимого для других, и спросила его о своем ребенке. Пораженный тем, что его узнали, он спросил, какой удалось его обнаружить; и когда она призналась, он плюнул ей в глаз и навсегда погасил его.

Глава 10. Тьма

Тени—Ночные божества—Кобольды—Вальпургиева ночь—Ночь как пособница злодеев—Кошмарные сны—Невидимые враги—Джейкоб и его Призрак—Нотт—Принц Тьмы—

Полуночный выводок—Второе зрение—Призраки Саутер—Фелла-Лунный вампир—Гламур—Глэм и Греттир—История Дартмура.

От крохотной ночи, которая цепляется за человека даже днем — его собственной тени — до великой тени мрака в мире, бесчисленны укрытия, из которых появилась черная процессия призраков, которые преследовали мир во сне и предавали предприятие человека.

Каким странным показалась первому человеку эта тень, идущая рядом с ним, с того момента, как он увидел в ней призрак, идущий по ее следам, и дал ему свое имя в честь призрака, и до того периода, когда она казалась эманацией оккультной силы, как тем, кто выводил своих больных на улицы, чтобы их исцелила проходящая тень Питера; и все же до того дня, когда Бомонт написал...

Наши поступки - это поступки наших ангелов, хорошие или плохие,

Наши роковые тени, которые все еще проходят мимо нас;

или то, в чем Гете нашел мистический символ внутренней остановки нашего нравственного развития и сказал: 'Ни один человек не может выпрыгнуть из своей тени'. А затем от культуры Европы мы переходим к жителям островов фид-джи и обнаруживаем, что они верят в то, что у каждого человека есть два духа. Один - это его тень, которая отправляется в Аид; другой - это его образ, отраженный в воде, и предполагается, что он остается рядом с местом смерти человека.¹⁶⁴ Но, подобно брокенским великанам, перед этими демонами Тени трепещут еще долго после того, как становится известно, что они сами являются дрожащими, отраженными в воздухе. Разве мы, священники в Англии, до сих пор не поддерживаем веру в то, что крещеного ребенка сопровождает белый дух, а некрещеного - темный? Почему же тогда мы должны извиняться за фиджийцев?

Но здесь нет необходимости говорить о демонах Тьмы, поскольку они тесно связаны с фантомами Иллюзии, Зимы и другими, уже описанными. Однако у них есть отличительные черты. Теней было столько же, сколько солнечных лучей; каждая богиня Зари (Ушас) отбрасывала свою тень; каждый День поглощала Ночь. Это пещера, где прячутся коварные Пани (туман) в ведической мифологии, те, кто крадет и прячет коров Индры; это царство Гадеса (невидимого); это пещера ведьмы Текк (темной) в скандинавской мифологии, — той, кто единственная во вселенной отказалась оплакивать Бальдра, когда он был заперт в Хельхейме, куда был отправлен дротиком своего слепого брата Хедра (тьмы). В пещере Ночи спят Семеро Спящих Эфеса и Барбаросса, и все дремлющие призраки, чьим гением является ночной ворон. Торр, скандинавский Геркулес, однажды попытался поднять кошку — как ему показалось — с земли; но это был великий среднеземной змей, который опоясывает всю землю. Каким бы невозможным ни был подвиг Торра, оторвавшего от земли только одну лапу кажущегося кота, в ту эпоху без стекла и газа изобретение многого достигло в этом направлении; но черный Кот по—прежнему надежно обитает среди идолов ментальной пещеры.

Есть англосаксонское слово, *cof-godas* (букв. *cove*-боги), используемое как эквивалент латинского *lares* (пенаты тоже интерпретируются как *cof-godu*, *cofa*, обозначающее внутреннюю нишу дома, *penetrable*). Слово в немецком языке, соответствующее этому *sofa*, *-koben*; и Хильдебранд предполагает, что от этого происходит *kob-старый*. Последнюю часть слова он считает уолтом (тот, кто "руководит", например, Уолтер); так что первоначальная форма была бы *коб-уолт*.¹⁶⁵ Итак, здесь, в укромных уголках семьи, среди наименее просвещенных ее членов

— прислуги, которые все еще часто сводят на нет усилия рациональных людей развеять заблуждения своих детей — дискредитированные божества и демоны прошлого нашли убежище и благодаря небольшой смене имен при крещении получили новую жизнь. знакомые миллионов людей по сей день. Говоря словами древнего иврита, 'они лежали в своих собственных домах пленниками тьмы, скованные узами долгой ночи'. "Никакая сила огня не могла дать им света, как и яркое пламя звезд не могло осветить ту ужасную ночь".¹⁶⁶ Хорошо сказано: "Страх - это не что иное, как предательство помощи, которую предлагает разум", истина, которая находит достаточную иллюстрацию в кобольдах. Эти воображаемые существа естественным образом ассоциировались с темными глубинами шахт. Там они дали название нашему металлу *Кобальту*. Ценность кобальта не была понята до 17 века, и впервые этот металл был получен шведским химиком Брандтом в 1733 году. Шахтеры считали, что серебро было украдено кобольдами, а на его месте остались эти 'бесполезные' руды. У никеля была похожая история, и он назван в честь Старого Ника. Так долго эти Красавицы дремали в пещере Невежества, пока Наука не поцеловала их своим солнечным лучом и не вывела вперед, чтобы украсить мир!

Как прошел этот (ментальный) пещерный житель даже среди высшего великолепия и просторов своего неосвещенного мира? Фауст, ведомый своим Мефистофелем только среди бесконечных лабиринтов Гарца.

Как печально восходит, незавершенный и румяный,
Одиноким диск луны с его запоздалым сиянием,
И светит так тускло, что, по мере приближения,
На каждом шагу натыкаешься на камень или дерево!
Давайте тогда воспользуемся взглядами Джека-фонаря:
Я вижу один вон там, весело горящий.
Эй, вот так! друг мой! Я взимаю плату за твою явку:
Зачем так напрасно растрачивать свое великолепие?
Будь так добр, освети нам путь вверх!
Скажи мне, если мы все еще стоим,
Или если мы поднимемся дальше?
Все вращается, кружится, смешивается,
Деревья и скалы с ухмыляющимися лицами,
Блуждающие огоньки, которые кружатся в лабиринтах,
Все еще растет и расширяется.¹⁶⁷

Только в сравнительно поздний период общественного развития благословение Санчо изобретателю сна могло найти общий отклик. Краснокожий индеец считал его беспомощность

фатальной, когда "Лесная коза" была за границей; шотландский моряк обнаружил в нем дьявольский наркотик, когда 'Морской нигг' собирал свои штормы над спящим сторожем. Это было одной из проблем Иова - сотрудничество тьмы со злодеями.

Око прелюбодея ждет сумерек;

Он говорит: ни один глаз не увидит меня,

И надевает маску на свое лицо.

В темноте люди вламываются в дома;

Днем они запираются;

Они незнакомы со светом.

Утро для них - тень смерти;

Они знакомы с мрачными ужасами полуночи.

Помимо того факта, что ночь поддерживает и маскирует любого вероломного врага, следует также помнить, что человек наиболее слаб ночью. Он не только слабее, чем днем, из-за завесы, брошенной на его чувства, но и физиологически. Когда тело изнурено дневными трудами или битвами, а разум преследуют сны об опасности, присутствуют все те ужасы, которые Байрон изображает вокруг беспокойной подушки Сарданапала. Дневной боевой конь становится ночной кобылой в темноте. В "Хеймскрингле" записано: "Ванланд, сын Свегдира, наследовал своему отцу и правил владениями Упсал. Он был великим воином и побывал далеко в разных землях. Однажды он поселился на зиму в Финляндии у Снио Старого и выдал замуж его дочь Дрису; но весной он отправился в путь, оставив Дрису позади, и хотя обещал вернуться в течение трех лет, вернулся только через десять. Тогда Дриса отправила послание ведьме Хульде и отправила Висбура, своего сына от Ванланда, в Швецию. Дриса подкупил жену-ведьму Хульду, чтобы она либо околдовала Ванланда, чтобы он вернулся в Финляндию, либо убила его. Когда продолжалась эта колдовская работа, Ванланд был в Упсале, и им овладело большое желание отправиться в Финляндию, но его друзья и советники отговорили его от этого и сказали, что колдовство финского народа проявилось в его желании отправиться туда. Затем он почувствовал сильную сонливость и лег спать; но когда он проспал совсем немного, он закричал, говоря: "Мара наступала на него". Его люди поспешили ему на помощь; но когда они схватили его за голову, она наступила ему на ноги, а когда они схватили его за ноги, она надела ему на голову; и это была его смерть".¹⁶⁸

Эта ведьма, без сомнения, Хильдур, Уокер из Эдды, ведущая героев в Валгаллу. Действительно, в Вестфалии кошмар называется *Walriderske*. Любопытно, что "Мара" сохранилось во французском слове, обозначающем кошмар, *Cauche-mar*, "кошэ" происходит от латинского *calcare*, наступать. В тевтонском фольклоре этот многоименный Ночной демон, приплывший из Англии в решете, начиненном коровьими ребрышками, скачет верхом, к несчастью все более негероической части населения. Почти всегда до сих пор говорят, что 'Март' — хорошенькая женщина, — иногда, действительно, возлюбленная невольно превращается в таковую, - каждое деревенское поселение изобилует рассказами о том, как демоница была схвачена, заткнув замочную скважину, назвав спящего по имени, данному при крещении, и перекрестившись; таким образом, злая красавица принимает человеческий облик

и склонна выйти замуж за спящего, что обычно приводит к печальным результатам. Любовь кошек забираться на грудь спящих или рядом с их дыханием в поисках тепла сделала это животное распространенной формой 'махрита'. Иногда это черная муха с красным кольцом на шее. Считается, что эта демоница испытывает больше боли, чем причиняет сама, и тщетно пытается уничтожить себя.

В дикие и кочевые времена крепкий сон был элементом опасности, безопасность, которая требовала от мужчин спать на руках, требовала также, чтобы они спали как бы с одним открытым глазом. Таким образом, могла возникнуть как интенсивная живость, которую демоны приобретали, смешивая субъективные и объективные впечатления, так и любопытная неспособность, столь частая среди варваров и небезызвестная среди людей цивилизованных, отличать сон от действительности. Привычка мечтать наяву действительно кажется более распространенной, чем обычно предполагается. Сны преследуют всю область наших интеллектуальных сумерек — пограничную страну тайн, где поднимаются источники оккультного и мистического, которые окружают нашу жизнь. Повседневные ужасы варварской жизни часто действуют на нервы цивилизованных людей, спустя много поколений после их ухода из жизни, вызывая особую иррациональную дрожь при виде определенных предметов или звуков: как же тогда они должны были преследовать мечты человечества, когда, подобно дочери Натана Мудрого, спасенной из пламени, оно миновало периоды раздоров

С натянутыми от страха нервами,

И огонь во всем, что она видит или воображает;

Ее душа бодрствует во сне, спит, когда полностью бодрствует?

Среди источников демонических верований действительно мало более плодотворных, чем Сны. 'Колдовство сна,' говорит Эмерсон, 'разделяет с истиной царство нашей жизни. Эта нежная волшебница навещает двух детей, лежащих в объятиях друг друга, и разлучает их на большие расстояния по суше и морю, через большие промежутки времени. Излишне думать о снах множества людей; остается удивляться, что кто-то может мечтать; что мы так спокойно отказываемся от этого обожествляющего разума и становимся театром иллюзий, шоу, где время, пространство, люди, города, животные танцуют перед нами в веселом и безумном смятении, изящное создание, превосходящее расцвет реальной природы, античная комедия, чередующаяся с ужасными призраками. Или мы кажемся занятыми часами и днями в странствиях по морям и сушам, в серьезных диалогах, напряженных действиях из-за пустяков и нелепостей, обманутыми призрачными шутками и внезапно просыпающимися с призрачным смехом, чтобы получить упрек от холодной одинокой безмолвной полуночи, и в смятении рыться в памяти среди невнятной бессмыслицы, чтобы найти мотив этого презренного исчезновения".¹⁶⁹

Это всегда было худшим из периодов религиозного возбуждения, когда они формировали мечты старых и молодых и находили в них страшное и искаженное, но яркое и реалистичное воплощение их лихорадочных переживаний. Во времена колдовства тысячи людей посещали Шабаша ведьм, как они верили, и танцевали в вальпургиевых оргиях, поднимаясь (по наследственным ортодоксальным канонам) на своих собственных метлах в свои собственные дымоходы; и сегодня, благодаря тому же болезненному воображению, жертвы способны видеть себя или других удлинёнными, левитируемыми, парящими в воздухе. Если бы люди только

знали, как немногие когда-либо по-настоящему бодрствуют, эти духовные кошмары вскоре достигли бы своего завершения. Естественные ужасы, перед которыми когда-то съеживался беспомощный человек, были продлены после всех его реальных побед над своими демонами чередой таких кошмаров, так что вульгарную религию можно было бы изобразить примерно так, как Рихард Вагнер описал свою первую трагедию, в которой, убив сорок двух своих персонажей, он должен был вернуть их обратно в виде призраков, чтобы продолжить пятый акт!

Опасности темноты, подстерегающие врагов, людей и животных, скрывающие ловушки, указывающие неверные шаги, сбивающие с толку цели, были более реальны, чем люди могут себе представить в эпоху газового освещения плюс полицейского. Миф об Иисусе Навине, приказывающем солнцу остановиться; крик Аякса, когда на поле боя опустилась тьма: 'Дай мне только увидеть!' - отсылает нас к той области, откуда исходит всякий детский страх перед погружением в темноту. Предел человеческого мужества достигается там, где враг недостижим для его силы. Сражаться в темноте может быть даже самоубийством. Немецкая басня о рвении с завязанными глазами — разбуженный спящий крушит свою мебель и выбивает себе зубы в попытке наказать кошек — также имеет свои трагические иллюстрации. Но ни одна из этих реальных опасностей не принесла человеку большего зла, чем их демонизация. Это сделало само его мастерство грубой ошибкой, его энергетическую слабость. Если плохо было отступать в сумерках от невинного куста к неизвестному колодцу, то еще хуже было встретить призрака с руной или распятием и счесть его убийцей. Когда человек сражается со своей тенью, он мгновенно превращает ее в демона, которого он боится; подобно упырю, она охотится на его парализованную силу, подобно вампиру, она сосет его кровь, и он безоружный отдается на милость зла, которое не является тенью. Шотландец Синклер, маршировавший по Норвегии в 16 веке, обязан своим памятником в Виблунгене скорее сороке, которая, как считается, предшествовала ему в качестве шпиона, летевшего днем и ночью на своих крыльях, чем его собственной доблести или могуществу.

В некотором смысле все демоны, независимо от их облика, являются древним порождением ночи. Ментальная тьма, еще большая внутренняя моральная тьма, порождает фантазмагорию, в которой неизвестные существа принимают облик демонов. Исав уже примирился, но виновный Иаков все еще должен бороться с ним, как с призраком Страх, до рассвета. Уже написана работа о 'Ночной стороне природы', но потребовалось бы много томов, чтобы рассказать историю о том, какие монстры были вызваны из вида, защищающего тьму. Как велика тьма, которую человек создает для себя из воображения, которое должно быть его светом и видением! Большая часть так называемой 'религии' нашего времени - это всего лишь тщательно продуманная демонология и искусственное сохранение ментальных Вальпургиевых ночей. Нотт (Ночь) говорит, что Эдда едет первой на своем коне по имени Хримфакси (с ледяной гривой), который каждое утро, когда заканчивает свой путь, орошает землю пеной, которая падает с его удил. Хотя дневной конь — Скинфакси, или Сияющая грива, — упорно следует за ней, все же пена ни в коем случае не выпита его кострами. Пена старых фантазмов все еще витает в наших средневековых литургиях и даже появляется с новой силой там, где дневной свет закрыт, чтобы могли гореть алтарные свечи, или для других темных сеансов приготовлены условия, необходимые для всего, что не любит свет.

То, что мы называем Темными веками, действительно было духовно постоянным сеансом с приглушенным светом. Более того, человеческое суеверие смогло превратить саму луну и звезды в простые голубоватые ночные свечи, дающие света ровно столько, чтобы сделать тьму

видимой в фантастических формах, порхающих вокруг Князя Тьмы, — или вообще Несуществования! Насколько теософские спекуляции нашего времени являются простым искусственным сохранением этой тьмы? Сколько всего из того, что все еще вылетает с крыльями летучих мышей из университетов, будет в будущем прочитано с таким же удивлением, с каким даже самые респектабельные летучие мыши могут сейчас читать рассказы о полуночном выводе, который сейчас по большей части безмятежно спит, в таких книгах, как "Анатомия меланхолии" Бертон? 'Есть,' говорит он, - определенные духи, которых Миральдус называет Амбулонами, которые бродят около полуночи по большим вересковым пустошам и пустынным местам, которые (говорит Лафатер) уводят людей со своего пути и всю ночь ведут их окольным путем или совсем преграждают им путь. В нескольких местах они имеют несколько названий. Обычно мы называем их шайбами. В пустынях Лоб, в Азии, часто наблюдаются подобные иллюзии бродячих духов, о чем вы можете прочитать в книге венецианца М. Паулюса "Его путешествия". Если кто-то случайно потеряет свою компанию, эти дьяволы будут звать его по имени и подделывать голоса его товарищей, чтобы соблазнить его. У Лафатера и Чиконьи есть множество примеров духов и ходячих дьяволов такого рода. Иногда они садятся на обочине, чтобы люди падали, и заставляют их лошадей спотыкаться и вздрагивать на ходу (согласно повествованию святого человека Кетелла в "Нубригенсисе", который имел особую милость видеть дьяволов); и если человек проклинает и прищипоривает свою лошадь за то, что она споткнулась, они искренне радуются этому".

Наблюдая за вдохновенной картиной Макаллума, изображающей осаду Иерусалима, мне было очень интересно наблюдать за большей или меньшей легкостью, с которой другие посетители обнаруживали в воздухе предзнаменования, которые, следуя повествованию Иосифа Флавия, художник смутно изобразил. Колесницы и всадники, которые, как говорят, были замечены до этого события, были здесь слегка размыты неопределенными очертаниями облаков; и в то время как некоторые из друзей художника видели их с отчетливостью, возможно, большей, чем та, с которой они производили впечатление на глаз самого художника, других едва ли можно было заставить увидеть что-либо, кроме бесформенного пара, хотя, конечно, все они соглашались, что они были там, и удивительно красивые.

Казалось бы, таким образом, в лондонской студии имелись все необходимые ментальные краски для росписи воздуха теми изображениями воздушных армий или охотников, которые стали настолько обычными в истории, что в субъективном смысле являются естественными. В 1763 году автор, называющий себя Теофилусом Инсуланом, опубликовал в Эдинбурге книгу о Втором зрении, в которой он рассказал более сотни примеров способности, которая, как он верил, существовала, позволяя видеть события до того, как они произошли, хотя, конечно, их не существовало. Читая их, нетрудно увидеть, что все они, по сути, представляют собой одну и ту же историю и что действующее зрение действительно было вторичным; ибо мужчина или женщина, обладающие одновременно богатым воображением и неграмотные, имеют вторую и нештатную пару глаз, унаследованную от традиционных суеверий и историй о привидениях, которыми наполнен весь воздух, которым они дышат от колыбели до могилы. Пока ум находится в таком состоянии, та же самая природа, видения и иллюзии которой изначально вызвали и поддерживали наваждение, все еще движется вперед со своими смещениями света и тени, облаков и миражей, не давая ни слова объяснения. Никогда не бывает недостатка в призрачных формах, без которых они бросают свои челноки к темным идолам ментальной пещеры, вместе сплетая тонкие заклинания вокруг наполовину бодрствующего разума.

В 1743 году весь Север Англии и Шотландии был в тревоге из-за каких-то призраков, которых видели на горе Саутер-Фелл в Камберленде. Высота горы составляет около полумили. Летним вечером фермер и его слуга, выглянув из Уилтон-Холла, расположенного в полумиле от них, увидели фигуры человека и собаки, преследовавших несколько лошадей по очень крутому склону горы; и на следующее утро они отправились на то место, ожидая найти мертвые тела, но ничего не нашли. Примерно год спустя один из тех же людей, слуга, увидел отряд всадников, едущих по тому же склону горы, который затем позвал других, также видевших воздушных солдат. По прошествии года вышеупомянутое видение было засвидетельствовано перед мировым судьей двумя из тех, кто его видел. Это событие произошло накануне Восстания, когда всадники упражнялись, и можно предположить, что общественное мнение вдоль границы также находилось в крайне возбужденном состоянии.

Что было замечено в этом строго подтвержденном случае? Было ли что-нибудь замечено? Никто не может сказать. Мы можем полагать, что, возможно, имела место какая-то игра миражей. Как существуют чисто воздушные эхо-сигналы, так и существуют воздушные отражатели для глаза. С другой стороны, видение настолько напоминает призрачные процессии, которые прошли через мифологию мира, что мы никогда не можем быть уверены, что это не было войско короля Артура, вышедшее из Аваллона, чтобы объявить о приближающейся битве. Нескольких пушистых облаков странной формы, гонящихся друг за другом по склону холма в вечерних сумерках, было бы вполне достаточно, чтобы создать последнее видение, а опасность того времени легко обеспечила бы Второе Зрение, необходимое для того, чтобы показать его значительному количеству людей. В вопросах такого рода очень незначительное обстоятельство — возможно, фраза, имя — может перевернуть баланс вероятностей. Таким образом, можно отметить, что в только что описанном случае видение было замечено на крутом склоне Саутер-Фелл. *Фелл* означает холм или крутую скалу, как в Дракенфелсе. Но что касается Саутера, хотя, как говорит мистер Роберт Фергюсон, это слово, возможно, первоначально означало овцу,¹⁷⁰ в Шотландии оно используется как 'сапожник' в связи со сказочными великанами этого региона. Сэр Томас Эркварт в семнадцатом веке рассказывает о двух мысах Кромарти, называемых "Сутарами", как о предании, согласно которому они были рабочими столами двух гигантов, снабжавших своих товарищей обувью и кокетками. Имея только один набор орудий труда, они обычно перебрасывали их друг другу через устье залива, где мысы находятся всего в двух милях друг от друга. Со временем ремесленники закрепили своим табуреткам имя Сутар, сапожник. Не исключено, что название постепенно связалось с другими местами, несущими традиции, связывающие их со сказочной расой, и что таким образом Сутер Пал, потеряв в прежние времена значение, во многом совпадающее с Холмом Великанов, сохранив даже в 1743-44 годах достаточно ранних сверхъестественных ассоциаций, чтобы пробудить благоговейный трепет жителей Границы во времена восстания. Следовательно, видение могло быть увидено светом, который проделал весь путь с мифологических небес древней Индии: по существу субъективный — из такого материала, как сны и мечтатели, — без сомнения, внешних облаков, форм и послесвечений было достаточно, даже в отсутствие какой-либо *фата-морганы*, чтобы снабдить холстом и краской хитрого художника, который прячется в глазу.

В старой сказке часто убиваемый летучий мыш-вампир лишь с пафосом просит, чтобы его тело было положено там, где на него не будет падать солнечный свет, а только лунный — только так! Но именно под самогоном оно всегда обретает новую жизнь. Ни одному демону не нужна абсолютная тьма, но полутьма, в которой можно жить: достаточно света, чтобы немного

раскрыть его, но недостаточно, чтобы определить и раскрыть его природу, - это как раз то, что требовалось для глазок летучей мыши из басен и фантазий, которые могут превратить воробья в вампира или ветряную мельницу в великана.

Очарование! Удивительную историю имеет это слово художников и поэтов, иногда означающее очарование, которым глаз наделяет любой объект; или, по выражению Вордсворта, "свет, которого никогда не было ни на суше, ни на море". Но ни один художник или поэт так и не поднялся на всю высоту самого простого термина, что хорошо иллюстрирует высказывание Эмерсона: 'Слова - это ископаемая поэзия'. Профессор Коуэлл из Кембриджа говорит: "Глам, или в именительном падеже *Гламр*, также является поэтическим названием Луны. На самом деле это слово не встречается в древней литературе, но оно приведено в глоссарии прозаической Эдды в списке очень старых слов, обозначающих Луну." Вигфуссон в своем словаре говорит: "Это слово интересно из-за его тождества со шотландским. *Гламур*, который показывает, что сказка о *Гламуре* была распространена в Шотландии и Исландии, и это намного старше Греттира (в 1014 году).' Гламур призрака или Гоблина, очевидно, возник из олицетворения обманчивого и предательского воздействия лунного света на находящегося во мраке путешественника,

Quale per incertam lunam sub luce malignâ,

Est iter in sylvis.

Итак, есть любопытное старое санскритское слово, *glau* или *глав*, которое объясняется во всех старых местных лексиконах как означающее 'луна'. Это можно было бы воспринять либо как "ослабление", либо в обычном смысле "затемнение".

Следующие строки раннесредневекового поэта Бхасы (седьмой век) проиллюстрируют обманчивый характер лунного света с индуистской точки зрения. Сильное и необузданное воображение норвежцев восхищается ужасным и мрачным: индуист любит останавливаться на более мягких и спокойных аспектах человеческой жизни.

Кошка лакает лунные лучи в миске с водой, думая, что это молоко; слон думает, что лунные лучи, пробивающиеся сквозь промежутки между деревьями, - это волокна стебля лотоса. Женщина ловит лунные лучи, когда они ложатся на кровать, принимая их за свое муслиновое одеяние: о, как луна, опьяненная сиянием, сбивает с толку весь мир!"

Также цитируется аналогичный отрывок, без сомнения, заимствованный из этого:

Сбитые с толку пастухи подставляют ведра под коров, думая, что течет молоко; девушки также затыкают уши цветками голубого лотоса, думая, что это белое; жена горца хватается за мармелад, падая на жемчуг. Чей разум не сбив с толку густыми лунными лучами?"¹⁷¹

В исландской легенде о борьбе героя Греттира, переведенной Магнуссеном и Моррисом (Лондон, 1869), сага представляет собой декорацию столь археологическую, как если бы консультировались с филологами. 'Снаружи был яркий лунный свет, и сугроб был разрушен, то закрывая луну, то удаляясь от нее; и даже когда Глам падал, облако было отогнано от луны, и Глам смотрел на нее снизу вверх". Когда герой увидел эти сверкающие глаза гигантского Призрака, он почувствовал в них какое-то дьявольское коварство и не смог обнажить свой короткий меч и 'лежал совсем близко' между домом и адом. Этот полумрак луны, который отнимает у Сильного половину его силы, повторяется в проклятии Глама: "Чрезвычайно

страстно ты стремился встретиться со мной, Греттир, но неудивительно, что это будет сочтено, хотя ты и не добьешься от меня ничего хорошего; и вот что я должен сказать тебе, что теперь ты получил половину той силы и мужественности, которые были бы твоим уделом, если бы ты не встретил меня: теперь я не могу отнять у тебя силу, которой ты обладал до этого; но я могу постановить, что ты никогда не будешь могущественнее, чем сейчас". теперь ты есть ... поэтому это странное желание я возлагаю на тебя, всегда в те дни видеть эти глаза твоими глазами, и тебе будет трудно оставаться одному — и это приведет тебя к смерти".

Сила Лунного демона ограничена заклинанием иллюзии, которое он может наложить. Вскоре он лежит на земле; 'короткий меч' солнечного луча бледнеет и обезглавливает его. Но после того, как Глэм сгорел дотла, а его прах похоронили в шкуре зверя, 'где пастбищ для овец было меньше всего, или пути человеческие', на глаза героя легли чары. Греттир сказал, что это ничуть не улучшило его настроения, что он стал еще хуже успокаиваться, чем раньше, и что все неприятности казались ему хуже, чем они были на самом деле; но что здесь он обнаружил величайшую перемену, в том, что он стал таким страшным человеком в темноте, что не осмеливался идти сюда один после наступления темноты, ибо тогда ему казалось, что он видит всевозможные ужасы. И с тех пор это вошло в пословицу, что Гламур открывает глаза или придает Гламурный вид тем, кто не видит вещи такими, какие они есть.'

Читая которые, можно задаться вопросом, как бы выглядел этот мир, если бы на короткое мгновение можно было очистить глаза от наваждения. Даже на саму Луну тщетно пытаются смотреть: там, где индус и зулус видят зайца, араб видит кольца змеи, а англичанин видит человека; и самым разумным из этих нескольких рас будет трудно увидеть на луне что-либо, кроме того, что видели их первобытные предки. И этот небольшой намек на то, до какой степени мудрейшие, подобные Мерлину, крепко связаны в воздушной тюрьме Вивьен, чьи чары исходят от них самих, завел бы нас далеко, если бы мы только отважились последовать за ним. 'Луна,' бессознательно заметил доктор Джонсон, 'оказывает большое влияние на вульгарную философию'. Как много лунной теологии окружает нас, так что многие от колыбели до могилы не имеют ясного представления ни о природе, ни о самих себе! Карлайл очень близко подошел к басне о Гламуре, когда говорил о 'пророческом самогоне' Кольриджа и его воздействию на бедного Джона Стерлинга. "Если самогон в бутылках *действительно* вещество? Ах, можно ли не верить в церковь, находя ее невероятной!... Значит, осиротевшая юная леди приняла постриг!... До такой степени трансцендентальный самогон, брошенный каким-нибудь нездорово излучающим Кольриджем в хаос бурлящей жизни, может магически действовать там и вызывать откровения, конвульсии и болезненные развития.' Можно почти представить, что Карлайл вспомнил старую шотландскую балладу о преподобном Роберте Кирке, переводчике Псалмов на гэльский, который, прогуливаясь в ночной рубашке по Аберфойлу, был 'уведен в безрадостную эльфийскую беседку".

Это было между ночью и днем

Когда король фей обретет силу.

Деталь ночной рубашки, возможно, уже подготовила нас к этому куплету; и, возможно, она имеет даже мистическую связь с облачением "черного драгуна", которого Стерлинг однажды видел патрулирующим в каждом приходе, которому, однако, он в конце концов сдался.

Рассказывают историю о человеке, бродившем темной ночью по Дартмуру, чьи ноги соскользнули с края ямы. Он ухватился за ветку дерева, нависшую над ужасной пропастью, но, не сумев удержаться на ногах, закричал, зовя на помощь. Никто не пришел, хотя он кричал до тех пор, пока у него не пропал голос; и там он оставался, болтаясь в агонии, пока в сером свете не стало видно, что его ноги находятся всего в нескольких дюймах от твердой земли. Таковы главные демоны, которые связывают человека до пения петухов. Таковы опасения, которые растрачивают также моральные и интеллектуальные силы человека и убивают его покой, поскольку он считает необходимую науку своего времени сокращением некоего хрупкого срока службы, поддерживающего его над бездонной пропастью, вместо освобождения от реального ужаса на твердой почве.

Глава 11. Болезнь

Призрак чумы—Дьявол-танцы—Ангелы—Разрушители—Ариман в астрологии—Сатурн—Сатана и Иов—Сет—Роковая семерка—Яксею—Сингальская Претрайя—Рери—Маха Сохон-Мороту—Лютер о болезнях—демоны—Гополу-Мадан—Демон крупного рогатого скота в России—Билвейзен-Плуг.

Известная восточная басня рассказывает о человеке, который встретил страшного призрака, который в ответ на его вопрос ответил: "Я — Чума: я пришел из того города, где десять тысяч лежат мертвыми: тысяча была убита мной, остальные - Страхом". Возможно, даже эта история не полностью отражает союз между чумой и страхом; ибо вряд ли можно сомневаться, что эпидемии сохраняют свою силу на Востоке в основном потому, что они обрели персонификацию через страх в виде демонов, чью фатальную силу человек не может ни предотвратить, ни вылечить, перед которыми он может только съежиться и молиться.

В миссионерской школе в Кентербери молодые люди готовятся оказывать медицинскую помощь "язычникам", и поэтому они выходят вперед с *materia medica* в одной руке, а в другой - с непогрешимым откровением с небес, в котором сообщается, что язвы - дело рук Иеговы, или ангела-разрушителя, или сатаны, а исцеление болезней - ревниво охраняемая монополия Бога.¹⁷²

В демонизации болезней нет ничего удивительного. Для вдумчивых умов даже наука не развеяла тайну, которая окружает многие недуги, поражающие человечество, особенно обычные болезни, поражающие детей, наследственные заболевания и странную склонность к инфекциям. Подлинное, каким бы пристрастным оно ни было, наблюдение подсказало бы первобытному человеку некоторую связь между симптомами многих болезней и таинственной вселенной, воплощением которой он еще не мог признать себя. Были указания на то, что определенные неприятности такого рода были связаны с временами года, следовательно, с небесными правителями времен года — с солнцем, которое светило днем, и луной ночью. Профессор Монье Уильямс, описывая дьявольские пляски Южной Индии, говорит, что, по-

видимому, среди них существует идея, что во время эпидемий необходимо принимать исключительные меры, чтобы отвлечь злых духов, которые, как предполагается, являются их причиной, соблазняя их войти в этих диких танцоров и таким образом рассеяться. На Цейлоне он был свидетелем танца, исполняемого тремя мужчинами, олицетворявшими формы и фазы сыпного тифа.¹⁷³ Эти танцы, вероятно, принадлежат к тому же классу представлений, что и танцы персидских дервишей, чьи разнообразные изгибы, как предполагается, повторяют движение планет. Это призывы душ добрых звезд и умиловления тех, кто является злыми. Вера в подобные звездные и планетарные влияния распространилась по всему миру и породила астрологические танцы. - Гебелин говорит, чтоменуэт был*танцем наискось*древних жрецов Аполлона, исполнявшимся в их храмах. Диагональная линия и две параллели, описанные в этом танце, должны были символизировать зодиак, а двенадцать ступеней, из которых он состоит, предназначались для двенадцати знаков и месяцев года. Танец вокруг Майского дерева и Котильона имеет одно и то же происхождение. Диодор рассказывает нам, что Аполлон обожал танцы, и на острове Иона бог танцевал всю ночь. Христиане Святого Фомы до самого позднего вечера отмечали свое богослужение танцами и песнями. Калмет говорит, что в иерусалимском храме были танцовщицы".¹⁷⁴

Влияние Луны на приливы и отливы, бессонница, которую она вызывает, беспокойство безумцев при ее случайном освещении и такие коварные проявления лунного света, которые мы уже рассматривали, населили наш необитаемый спутник демонами. Лунные легенды украсили некоторые вполне обоснованные подозрения в отношении лунного света. Мать задерживает занавеску между лунным светом и своим маленьким Эндимионом, хотя и не потому, что видит в убывающей луне тоскующую Селену, чей поцелуй может погасить красоту юности. Простым пережитком является 'поклон новолунию' - эвфонизм, восходящий ко многим мифам о "безумии", среди которых, как я думаю, и к Далиле ('томящейся'), на коленях у которой солнечному Самсону срезают волосы, оставляя ему только слепую разрушительную силу 'пораженного луной'.

В чисто семитских теориях евреев мы находим болезни, приписываемые гневу Иеговы, а их излечение - его милосердному настроению. 'Господь сделает чудесными язвы твои и язвы потомства твоего; ... он наведет на тебя все болезни Египта, которых ты боялся'.¹⁷⁵ Изумруды, поразившие поклонников Дагона, были приписаны непосредственно руке Иеговы.¹⁷⁶ В той смутной степени естественного дуалистического развития, которая предшествовала полному иранскому влиянию на евреев, распространение болезней было поручено ангелу Иеговы, как в повествованиях о поражении первенцев Египта, истощении армии Сеннахериба и моровой язве, насланной на Израиль за грех Давида. В превращении этого ангела в демона болезни мы находим фазу двусмысленности, как показано в ипохондрии Савла. "Дух Иеговы отошел от Саула, и злой дух от Иеговы беспокоил его".¹⁷⁷

Все подобные двусмысленности исчезли под влиянием иранского дуализма. В Книге Иова мы находим, что распространение болезней и язв полностью передано могущественному духу, полностью сформировавшемуся противостоящему властелину. 'Сыны Божьи', о которых в первой главе книги Иова говорится, что они предстали перед Иеговой, могут быть идентифицированы в тридцать восьмой главе как звезды, которые кричали от радости при сотворении мира. Сатана - это блуждающая или зловредная планета, которая лидирует на ариманической стороне персидской планисферы. Согласно космографической теологии этой страны, Ормузд должен был править шесть тысяч лет, а затем такой же период должен был

править Ариман. Моральные ассоциации этого умозрения обсуждаются в другом месте; здесь необходимо только указать на связь планисферной концепции с болезнями, наследниками которых является плоть. Ариман - это 'звездный змей' Зендавасты. "Когда парис опустошил этот мир и заполонил вселенную; когда звездный змей проложил для себя путь между небом и землей" и т. Д.; "когда Ариман бродит по земле, пусть тот, кто принимает форму змеи, скользит по земле; пусть тот, кто принимает форму волка, бежит по земле, и пусть яростный северный ветер приносит слабость".¹⁷⁸

Рассвет Ормузда соответствует апрелю. Солнце возвращается после зимней смерти под знаком агнца (нашего Овна), и с тех пор каждый месяц соответствует тысяче лет правления Благодетеля. Сентябрь обозначается Девой с Младенцем. В темную область Аримана префектура вселенной переходит через Весы — те же самые весы, которые появляются в руке сатаны. Звездный змей преобладает над Девой с Младенцем. Затем следуют месяцы скорпиона, кентавра, козла и т. Д., Каждый месяц соответствует тысяче лет правления Аримана.

Хотя эта схема соответствует, с одной стороны, демонам холода, а с другой - появлению и господству морального зла в мире, зарождение болезней на земле также приписывалось седьмой тысяче лет, когда закончился Золотой век. Глубина зимы достигается в обители козы или Сириуса, Сета, Сатурна, Сатаны — в зависимости от множества вариантов. И они, под своими многочисленными названиями, составляют великую 'неудачу' астрологии, в которой старый Калпеппер подробно обучал наших отцов. "В целом, учтите, что *Сатурн* - старая изношенная планета, утомленная и мало ценимая в этом мире; он вызывает длительные и утомительные болезни, обилие печали и кучу сомнений и страхов; его природа холодна, суха и меланхолична. И обратите особое внимание на то, что когда Сатурн является Повелителем Затмения (поскольку он является одним из Повелителей этого), он управляет всеми остальными планетами, но ни одна не может управлять им. *Меланхолия состоит из всех составляющих человеческого тела, но не из меланхолического юмора.* Он завистлив, долго сдерживает свой гнев и говорит мало слов, но когда он говорит, он говорит целенаправленно. Человек глубоких размышлений; он замышляет зло, когда люди спят; у него замечательная память, и он по сей день помнит, как *Вильгельм Бастард* оскорблял его; он не может вынести быть рабом; он беден с бедными, боязлив с боязливыми; он замышляет зло против Начальства, вместе с теми, кто замышляет зло против них; позаботьтесь о нем, короли и магистраты Европы; он покажет вам, на что он способен в условиях этого Затмения; он стар, и поэтому у него большой опыт, и он знает, что делать. будет давать опасные советы; он движется, но медленно, и поэтому причиняет больше вреда; все планеты наделяют его своей природой и силой, и когда он начинает творить зло, он будет делать это целенаправленно; он не обращает внимания на общество остальных Планет, и ни одна из остальных Планет не обращает внимания на его общество; это бесплодная Планета, и поэтому женщины его не радуют; он приносит Мор; он разрушителен для плодов земли; он получает свой свет от Солнца, и все же он ненавидит Солнце, которое дает его ему."¹⁷⁹

За много веков до этого в Индии начался ужас перед Кету, астрономически девятой планетой, мифологически хвостом демона Раху, разрезанным надвое, как уже говорилось (стр. 46), который считался обильным источником комет, метеоров и падающих звезд, а также болезней. Из этого Кету, или хвоста дракона, родились Арунах Кетава (Красный Кету, или видения), и Кету стало почти другим словом, обозначающим болезнь.¹⁸⁰

Несмотря на то, что евреи находились под сильным влиянием точного разделения двенадцатеричного периода между Добром и Злом, утвержденного персами, они никогда не упускали из виду абсолютное превосходство Иеговы. Хотя сатана постепенно стал добровольным гением зла, он все еще должен был получать разрешение причинять страдания, как в случае с Иовом, и при жизни Павлу, по-видимому, все еще было отказано в той "власти смерти", о которой впервые заявил неизвестный автор Послания к Евреям.¹⁸¹ Особой обязанностью сатаны считалось насаждение болезней. Павел отдает кровосмесительного коринфянина сатане "на растление плоти", и он также приписывает болезни и смерть многих людей их недостойному общению.¹⁸² Он также признает свою собственную "занозу во плоти" как "ангела от сатаны", хотя и предназначенную для его морального преимущества.¹⁸³

Покаянный псалом (ассирийский) гласит следующее:—

О мой Господь! грехов моих много, мои прегрешения велики; и гнев богов порастил меня болезнью, недугами и печалью.

Я упала в обморок, но никто не протянул мне руку!

Я застонал, но никто не приблизился!

Я громко закричал, но никто не услышал!

Господи, не оставь раба твоего!

В водах великого шторма схвати его за руку!

Совершенные им грехи обращают их к праведности.¹⁸⁴

Этот псалом вряд ли был бы неуместен в английской заупокойной службе, которая оплакивает смерть как проявление божественного гнева. Где бы ни преобладала такая идея, естественным результатом ее является вера в демонов болезней. В Древнем Египте — следуя вере в Ра, Солнце, из глаз которого исходили все приятные вещи, и в Сета, из глаз которого исходили все вредные вещи, — из зловещего света глаз Сета родились Семь Хаторов, или Судеб, чьи имена записаны в Книге Мертвых. Мистер Фокс Тэлбот перевел "Песнь семи духов":

Их семеро! их семеро!

В глубинах океана их семеро!

На небесных высотах их семеро!

В океанском потоке, во дворце, они родились!

Они не мужчины, они не женщины!

Жен у них нет: дети у них не рождаются!

Правил у них нет: правительства они не знают!

Молитвы, которые они не слышат!

Их семь! их семь! вдвойне их семь!¹⁸⁵

У этих демонов есть привычка собираться вместе; ассирийские таблички в изобилии показывают, что их занятие проявлялось болезнями, физическими и психическими. Один из рецептов действует следующим образом:—

Бог (...) будет стоять у его постели:

Эти семь злых духов он должен искоренить и изгнать их из своего тела:

И эти семеро никогда больше не вернутся к больному человеку!

Едва ли можно сомневаться, что это были те семеро, которые, как говорят, были изгнаны из Марии Магдалины; ибо их отец Сет -*Шедим*(дьяволы) из Втор. xxxii. 17 и *Шаддай* (Бог) из Быт. xvi. 1. Но роковые Семеро превращаются в семь плодов, которые отгоняют злое влияние при родах в Персии, а также в Семь Мудрых женщин той же страны, традиционно присутствующих в священных случаях. Когда Арда Вираф был отправлен в Рай с помощью священного наркотика, чтобы узнать об истинной вере, вокруг него в течение семи дней горели семь костров, и семь мудрых женщин распевали гимны Авесты.¹⁸⁶

Ассирийцы верили, что проникновение семи злых сил в жилище можно предотвратить, установив в дверном проеме небольшие изображения, такие как изображения бога солнца (Хеа) и богини луны, но особенно Мардука, соответствующего египетскому эскулапу Серапису. Эти силы были усилены написанием священных текстов по обе стороны порога. 'Ночью обвяжите голову больного фразой, взятой из хорошей книги'. Филактерии евреев изначально носились с той же целью. Они назывались Тфила и были связаны *стерафимами*, маленькими идолами, которые¹⁸⁷ использовались евреями для отпугивания демонов, таких как идолы Лавана, которых украла его дочь Рахиль.

Можно отметить сходство терафимов с Тараской (которую некоторые связывают с Г.тёрас, чудовищем) из Испании — фигурки змей, которые носили в процессиях по случаю Праздника Тела Христова. Последнее слово известно и на юге Франции, оно дало название городу Тараскон. Легенда гласит, что чудовище-амфибия бродило по Роне, препятствуя судоходству и совершая ужасные опустошения, пока шестнадцать самых смелых жителей округа не решились встретиться с ним лицом к лицу. Восемь человек погибли, но остальные, уничтожив чудовище, основали город Тараскон, где до сих пор проводится "Праздник тараска".¹⁸⁸ Кальмет, Седли и другие, однако, считают, что терафимы - это просто модификация серафимов, а Тефилы, или филактерии, того же происхождения.

Филактерия была завязана в узел. Иустин Мученик говорит, что еврейские экзорцисты использовали 'магические завязки или узлы'. Происхождение этого обычая у евреев и вавилонян можно найти в ассирийских талисманах, хранящихся в Британском музее, из которых следующее переведено мистером Фоксом Тэлботом:

Хеа говорит: Иди, сын мой!

Возьми женский платок,

Обвяжи им свою правую руку, освободи его от левой!

Завяжите его семью узлами: сделайте так дважды:

Сбрызните его светлым вином:

Обвяжите им голову больного человека:

Обвяжите им его руки и ноги, как кандалами.

Сажусь к нему на кровать:

Окропите его святой водой.

Он услышит голос Хеа,

Тьма защитит его!

И Мардук, старший сын Небес, найдет ему счастливое пристанище.¹⁸⁹

Число семь обладает столь же высокой степенью силы в сингальской демонологии, которая в основном занимается болезнями. Капуа, или заклинатели этого острова, насчитывают 240 000 магических заклинаний, из которых все, кроме одного, направлены во зло, что подразумевает довольно большое преобладание чрезвычайных ситуаций, в которых соседям требуются их компенсационные усилия. Это, конечно, легко понять тем, кого учили, что все человеческие существа находятся под действием первобытного проклятия. Слова Михея: "Ты бросишь все их грехи в глубины моря",¹⁹⁰ напоминаются легендой об этих злых чарах на Цейлоне. Король Ауды приехал, чтобы жениться на одной из семи принцесс, все они обладали сверхъестественными способностями, и расспрашивал каждую о ее искусстве. Каждая заявляла о своем умении причинять вред, за исключением одной, которая заявляла о своей способности исцелять все болезни, которые могли причинить другие. Король выбрал ее своей невестой, остальные разозлились и в отместку собрали все амулеты в мире, заключили их в тыкву — единственную вещь, которая может содержать заклинания, не превращаясь в пепел, — и послали эту адскую машину своей сестре. Он проглотил бы все на тысячу шестьсот миль в округе, но посыльный сбросил его в море. Бог подобрал его и подарил королю Цейлона, и они, вместе с целебными чарами, известными его собственной королеве, составляют 240 000 заклинаний, известных жителям Капуас этого острова, которые, без сомнения, обожествляли спасителя от заклинаний по тому же принципу, который вдохновляет некоторых приморских жителей более преданно поклоняться Провидению в воскресенье после ценного затонувшего судна по соседству.

Астрологическое происхождение зла, приписываемого яксейо (Демонам) Цейлона, и гороскоп, который является необходимой подготовкой к любой работе с их влияниями; постоянное повторение числа семь, обозначающего происхождение от рас, придерживающихся теорий вселенной о семи планетах; и тот факт, что все демоны, как говорят, каждый субботний вечер посещают собрание, называемое *Якша Сабава* (Шабаш ведьм), являются фактами, которые вполне могут привлечь внимание специалистов по сравнительной мифологии.¹⁹¹ В Дардистане злых духов называют *Ятш*; они обитают "в снежных областях", и свержение их правления в стране празднуется в новолуние Дайкио, месяц, предшествующий зиме.

Большая часть Демонов Болезней Цейлона произошли от его Демонов Голода. Тамашние преты - почти такой же фантом, как и в Сиаме, только они не такие высокие.¹⁹² Они достигают от двухсот до четырехсот футов в высоту и настолько многочисленны, что одна буддийская книга на языке пали призывает людей не бросать камни, чтобы они не причинили вреда одному из этих безвредных умирающих от голода призраков, которые много раз умирают от голода и

возрождаются, чтобы продолжать страдать во искупление своих грехов в предыдущем существовании. В каком-то смысле они безвредны, но грязны; и неприятные запахи олицетворяются в них. Огромная масса демонов напоминает Претрайю в том смысле, что их царь (Вессамони) запретил им удовлетворять себя непосредственно на своих жертвах, но, вызывая болезни, они, как предполагается, получают воображаемое удовлетворение, чем-то похожее на поедание людей.

Рири - Демон Болезни Крови. Его облик напоминает человека с лицом обезьяны; он огненно-красный, ездит верхом на красном быке, и ему приписываются все кровоизлияния и болезни крови. У Рири есть восемнадцать различных личин или аватаров. Одно из них напоминает о его прежнем положении демона смерти, до того, как Вишну открыл Капуасу способ связать его: теперь предполагается, что он присутствует у каждого смертного одра в виде восхищенного пигмея высотой в один пядь и шесть дюймов. В таких случаях в одной руке он держит член, в другой - дубинку, а в орту - труп. В той же стране Маха Сохон - 'великий кладбищенский демон'. Он живет на холме, где, как предполагается, должен окружать себя тушами. Его рост 122 фута, у него четыре руки и три глаза, а кожа красная. У него голова медведя; легенда гласит, что во время ссоры с другим великаном ему снесли голову, и бог Сенасура был достаточно милостив, чтобы оторвать голову медведя и прихлопнуть ею обезглавленного великана. Его капуга угрожает ему повторением этой катастрофы, если он не пощадит ни одну из находящихся под угрозой жертв, обратившихся к его священнической помощи. За исключением этой робости по поводу своей головы, Маха грозен, будучи вождем 30 000 демонов. Но, что довольно любопытно, говорят, что он выбирает для своих коней более безобидных животных — козу, оленя, лошадь, слона и свинью.

Одним из демонов, которых больше всего боятся на Цейлоне, является "Чужеземный демон" Моруту, который, как говорят, пришел с побережья Малабара и из своей резиденции на дереве распространял болезни, которые нельзя было вылечить до тех пор, пока не была обнаружена королева капуга, способная справиться с ним. Семь восьмых заклинаний, используемых на Цейлоне для сдерживания демонов болезни, из которых я упомянул лишь некоторые, написаны на тамильском языке. В различных частях Индии встречаются почти одинаковые систематические демонопоклонства и "дьявольские пляски"; например, в Траванкоре, суевериям подобного характера препоподобный Сэмюэл Матир посвятил две главы в своей работе "Земля милосердия".

Великого демона болезней на Цейлоне зовут Маха Кола Санни Яксея. Его отец, король, приказал предать смерти свою королеву, полагая, что она была ему неверна. Ее тело должно было быть разрезано на две части, одну из которых следовало повесить на дереве (*Укберия*), другую бросить у его подножия собакам. Королева перед казнью сказала: 'Если это обвинение ложно, пусть ребенок в моем чреве сию минуту родится демоном, и пусть этот демон уничтожит весь этот город и его несправедливого короля'. Как только палачи закончили свою работу, две разорванные части тела королевы воссоединились, родился ребенок, который полностью сожрал свою мать, а затем отправился на кладбище (Сохон), где некоторое время жирел на трупах. Затем он продолжил насыпать на город смертельные болезни и почти опустошил его, когда вмешались боги Ишвара и Секкра, спустившиеся, чтобы подчинить его под видом нищенствующих. Возможно, упомянутый выше великий Маха Сохон и Сохон (кладбище), с которого Санни наносил смертоносные удары, лучше всего могут быть поняты из заявления ученого писателя, из которого цитируются эти факты, что, "за исключением буддийских

священников и аристократов страны, чьи тела после смерти сжигались в обычных погребальных кучах, трупы остальных людей не сжигались и не хоронились, а выбрасывались в место, называемое *Сохона*, которое представляло собой открытый участок земли в джунглях, обычно лощину среди холмов, на расстоянии нескольких километров от них". в трех-четыре милих от любого населенного места, где их оставляли на открытом воздухе разлагаться или быть съеденными собаками и дикими зверями".¹⁹³ По-видимому, во многих частях христианского мира есть еще больше оснований для страха перед Великим Кладбищенским Демоном, где из-за желания сохранить трупы для счастливого воскрешения их заставляют красться по водным жилам земли и обнаруживать свое воскрешение в виде смертельных болезней. Ишвара и Секкра, вероятно, были двумя реформаторами, которые убедили горожан хоронить бедняков глубоко в земле; если бы они были достаточно мудры, чтобы поместить мертвых туда, где природа дала бы им быстрое воскрешение и жизнь в траве и цветах, далее не было бы записано, что 'они приказали ему (демону) воздерживаться от поедания людей, но дали ему Вуррун или разрешение наносить болезни человечеству и получать подношения'. Это во многом совпадает с привилегией, предоставляемой также нашим западным похоронным агентствам и кладбищам; и когда Модляр добавляет, что у Санни "восемнадцать главных слуг", невольно вспоминаются ряженые, могильщики, капелланы, все они бессознательно заняты работой по тому, чтобы сделать землю менее пригодной для жизни.

Первого из сопровождающих этого грозного мстителя за обиды своей матери зовут Бхута Санни Яксея, Демон Безумия. Все демонопоклонство и дьявольские танцы на этом острове настолько безумны, что неудивительно, что эта Бхута имела лишь небольшое особое развитие. Именно среди ясных чувств мы, естественно, могли бы искать полный ужас безумия, и там мы действительно его находим. Одна из самых ужасных форм болезни-демон была олицетворением безумия у греков, как Мания.¹⁹⁴ В "Героях Геракла" Еврипида, где Безумие, "незамужняя дочь черной Ночи" и порожденное "кровью Кела", вызвано из Тартара с явной целью привить Гераклу "нарушения разума, связанные с детоубийством", есть предположение о наследственной природе безумия. Повинуясь мстительному приказу Юноны, 'в своей колеснице выехало мраморноликое, всепокорное Безумие, Горгона Ночи, и с шипением сотен голов змей она подстегивает свою колесницу, преследуя злые цели'. Мы можем ясно видеть, что религия, воплотившая такую форму, сама заканчивалась безумием. Уже древними были слова *αὐτίκη* (пророчество) и *ἰρακίη* (безумие), когда Платон ссылаясь на их идентичность, чтобы доказать, что один вид безумия - особый дар Небес:¹⁹⁵ идея сохранилась у Драйдена: "Великий ум и безумие, несомненно, близки"; и выживают в регионах, где с почтением относятся к сумасшедшим и идиотам. Другие болезни сохраняют в своих названиях указания на сходную ассоциацию: например, Нимфолепсия, Танец Святого Вита, Огонь святого Антония. Уэсли все еще связывает эпилепсию с 'одержимостью'. Это было сделано в соответствии с древними верованиями. Тиф, название, которое в древности давалось каждой болезни, сопровождающейся ступором (*τῖφος*), казался дыханием лихорадочного Тифона. Макс Мюллер связывает слово "ангина" с санскритским *amh*, "душить", и *Ahi*, "змея-душительница", ее носителем является стенокардия; и это *σνακὺνᾶρχη*, "собака-душитель", что по-гречески означает ангину.¹⁹⁶

Гений Уильяма Блейка, пропитанный еврейством, никогда не проявлял большей силы, чем в его картине Чумы. Гигантская отвратительная фигура, бледно-зеленая, покрытая слизью стоячих луж, воняющая растительной гнилью и гангреной, с лицом, покрытым пестрыми оттенками бледности и гниения, шагает вперед с вытянутыми руками, как сеятель, сеющий свои семена,

только в этом случае зародыши его ужасной жатвы исходят не из рук, а из пальцев, как из их сущности. Таково, на взгляд дикаря, было воплощение малярии, духоты, гниения, гнилостной Претрайи, невидимой, но ощущаемой. Таков, по мнению невежественного воображения, Ангел-Разрушитель, которому художники-рационалисты и поэты пытались придать крылья и величие; но который в массовом сознании, без сомнения, изображался скорее в виде этого облика, найденного в Остии (рис. 16), а ныне принимаемого в Ватикане за сатану, — вероятно, демона Понтийских болот и лихорадки, жертвы которой все еще пьют свою роковую чашу (стр. 291). В эти страшные формы бедный дикарь верил с такой силой, что смог сформировать мозг человека в соответствии со своей фантазией, приведя к аномалии, которую утверждал великий реформатор Лютер, даже борясь с суевериями, что христианин должен знать, что он живет среди дьяволов, и что дьявол ближе к нему, чем его сюртук или рубашка.

Рис. 16. Демон, найденный в Остии.

Дьяволы, говорит он нам, повсюду вокруг нас и в каждый момент стремятся заманить в ловушку нашу жизнь, спасение и счастье. Их много в лесах, на водоемах, в пустынях и во влажных

грязных местах, с целью причинить людям вред. Они также обитают в густых черных тучах, насылают бури, град, гром и молнии и отравляют воздух своим адским зловонием. В одном месте Лютер говорит нам, что у дьявола больше сосудов и коробочек, наполненных ядом, с помощью которого он убивает людей, чем у всех аптекарей во всем мире. Он насылает все бедствия и болезни на людей. Мы можем быть уверены, что когда кто-либо умирает от чумы, тонет или внезапно падает замертво, это делает дьявол.

Ничего не зная о зоологии, первобытный человек легко впадает в убеждение, что его скот — средство существования - может быть объектом колдовства. Иисус, пославший бесов в стадо свиней, возможно, искусственным путем стал божественным благодетелем в глазах христианского мира, но миф делает Его очень похожим на опасного колдуна, который наполняет разум дикаря ужасом. Вполне вероятно, что алчный глаз, осуждаемый в десятиловии, означает сглаз, который, как предполагалось, должен был испортить объект, который сильно желали, но не могли получить.

Гополу, уже упоминавшийся (стр. 136) как сингальский демон гидрофобии, носит общее название 'Демон крупного рогатого скота'. Говорят, что он был близнецом полубога Мангары от королевы Коромандельского побережья. Мать умерла, и близнецов вскормила корова, но потом они поссорились, и Гополу, будучи убитым, превратился в демона. Он отправился в Арангодде и поселился в Баньяне, где есть большой пчелиный улей, откуда исходит много зла. Поскольку население вокруг этого Баньяна на многие мили было поражено болезнями, полубоги Мангара и Паттини (богиня целомудрия) посоветовали жителям деревни регулярно приносить в жертву корову, и таким образом все они были воскрешены. Гополу теперь насылает все болезни на крупный рогатый скот. Индия полна подобных суеверий. Жители Траванкора особенно боятся демона Мадана, 'того, кто подобен корове', который, как считается, вызывает внезапную болезнь у быков, а иногда и у людей.

В России мы находим суеверия, иногда смягчаемые здравым смыслом. Хотя крестьянин надеется, что Зегори (Святой Георгий) защитит его скот, он начинает видеть главных врагов своего скота. Как в народной песне -

Мы обошли поле,

Мы позвали Зегори....

О ты, наш храбрый Зегори,

Спаси наш скот,

В поле и за его пределами,

В лесу и за лесом,

Под яркой луной,

Под красным солнцем,

От хищного волка,

От жестокого медведя,

От хитрого зверя.¹⁹⁷

Тем не менее, когда случается чума крупного рогатого скота, многие деревни вновь впадают в обычное состояние вымирания. Так, несколько лет назад в подмосковной деревне все женщины, предупредив мужчин, чтобы они уходили, разделись полностью догола и взялись за плуг, чтобы провести борозду полностью вокруг деревни. В точке пересечения этого круга они заживо похоронили петуха, кошку и собаку. Затем они наполнили воздух стенаниями, выкрикивая— ‘Чума на крупный рогатый скот! Чума на крупный рогатый скот! пощадите наш скот! Смотри, мы предлагаем тебе петуха, кошку и собаку!’ Собака - демонический персонаж в России, в то время как кошка священна; однажды, когда дьявол попытался проникнуть в Рай в виде мыши, собака позволила ему пройти, но кошка набросилась на него — два животных были поставлены на стражу у двери. Предложение того и другого, по-видимому, отражает желание примирить обе стороны. Нагота женщин, возможно, должна была символизировать для голодных богов их крайнюю бедность и неспособность дать больше; но в Москве, где я случайно остановился в то время, мне сказали, что любому мужчине будет опасно приближаться во время представления.

В Альтмарке¹⁹⁸ демонов, которые околдовывают скот, называют "Бильвейзен", и считается, что они закапывают определенные дьявольские чары под порогами, через которые должны проходить животные, заставляя их засыхать, прекращать давать молоко и т.д. Профилактика заключается в мытье крупного рогатого скота лосьоном из морской капусты, сваренной с винным настоем. В той же провинции рассказывают, что однажды на уборочном поле появились одновременно пятнадцать, а иногда и двенадцать человек (по-видимому), причем последний был без головы. Все они работали косами, но, хотя шелест был слышен, ни одно зерно не упало. Когда их спросили, они ничего не сказали, а когда люди попытались схватить их, они убежали, бесплодно срезая на бегу. Священники усмотрели в этом предзнаменование надвигающейся эпидемии крупного рогатого скота. Упомянутое выше русское суеверие о плуге встречается во фрагментарных памятниках в Альтмарке. Так, говорят, что если пропахать вокруг деревни, а затем сесть под плуг (поставленный вертикально), то любой сможет увидеть ведьм; а в некоторых деревнях часть плуга подвешивают над дверным проемом, через который проходит скот, поскольку тогда ни один дьявол не сможет к ним приблизиться. Демоны испытывают естественный ужас перед честным трудом, и особенно перед культурой земли. Гете, как мы видели, отмечает их страх перед розами: возможно, он вспомнил легенду об Аспазии, которая, будучи обезображена опухолью на подбородке, получила предупреждение от девушки-голубки уволить своих врачей и попробовать розу из гирлянды Венеры; так она обрела здоровье и красоту.

Глава 12. Смерть

Вендетта смерти—Теояомики—Демон Змей—Смерть на бледном коне—Кали—Боги войны—Сатана как Смерть—Смертные ложа—Танатос-Яма—Йими—Башни Безмолвия—Алкестиды—

Геркулес, Христос и Смерть—Хель—Соль—Азраэль—Смерть и Сапожник—Танец смерти—Смерть как Враг и как Друг.

Дикие расы верят, что никто не умирает иначе, как от колдовства. Поэтому каждая смерть должна быть отомщена. Законы Филиппин считают "индейцев" причиной смертей среди них; и когда кто-то из них теряет родственника, он прячется и наблюдает до тех пор, пока не выследит "индейца" и не убьет его.¹⁹⁹ Это прогресс от того, что первобытный человек приходит к вере в то, что роковой колдун — это человек-невидимка, демон. Когда эта доктрина преподается в форме веры в то, что смерть вошла в мир благодаря проискам сатаны и не была заложена в первоначальную схему творения, она цивилизована; но когда ее преподносят под набором африканских или других нехристианских названий, это варварство.

Следующий набросок мистера Гидеона Лэнга покажет силу этого убеждения среди уроженцев Нового Южного Уэльса:

Находясь в Наниме, я постоянно видел одного из них, по имени Джемми, удивительно красивого мужчину лет двадцати восьми, который был 'образцовым христианином' среди миссионеров и которого снова и снова описывали в своих отчетах как живое доказательство того, что туземцы, взятые в младенчестве, были так же способны к истинной христианизации, как и народ, проживший восемнадцать веков в цивилизации. Признаюсь, я сильно сомневался, но все же очевидные факты никто не оспаривал. Джемми был не только знаком с Библией, которую он читал на удивление хорошо, но он был еще лучше знаком с наиболее трудноразрешимыми догматами христианства; и, насколько могли видеть белые, его поведение соответствовало его религиозным познаниям. Однажды воскресным утром я отправился в лагерь чернокожих парней, чтобы, как обычно, поговорить с Джемми. Я нашел его сидящим в своей гунье, откуда открывался вид на долину Маккуорри, воды которой ярко блестели в солнечном свете восхитительного весеннего утра. Он сидел совершенно нагой, если не считать жилета, и очень серьезно читал Библию, что действительно было его постоянной практикой; и я мог видеть, что он внимательно изучал Нагорную проповедь. Я сел и подождал, пока он закончит главу, после чего отложил Библию, сложил руки и сидел, рассеянно уставившись в огонь. Я поздоровался с ним "доброе утро", на что он ответил, не поднимая глаз. Затем я сказал: 'Джемми, что означает то, что ваши копья воткнуты по кругу вокруг вас?' Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал торжественно, со сдерживаемой яростью: 'Мама умерла!' Я сказал, что мне очень жаль это слышать; 'Но какое отношение имела ее смерть к тому, что копья были так воткнуты повсюду?' 'Ее убил Боган черный парень!' - последовал свирепый и мрачный ответ. 'Убит Боганом блэком! Я воскликнул: 'Да ведь твоя мать умирала две недели назад, и доктор Кертис не ожидал, что она переживет прошлую ночь, о чем ты знаешь так же хорошо, как и я'. Его единственным ответом было настойчивое повторение слов: 'Ее убил боганский чернокожий парень!' Я обратился к нему как к христианину — к Нагорной проповеди, которую он только что читал; но он наотрез отказался обещать, что не будет мстить за смерть своей матери. Днем того же дня мы были поражены воплем, который ни с чем не перепутает ни один человек, хоть раз слышавший дикий боевой клич чернокожих в боевом порядке. Выйдя на улицу, мы увидели, как все чернокожие парни по соседству выстроились в шеренгу и последовали за Джемми в воображаемую атаку на врага. Сам Джемми исчез в тот вечер. Утром в следующую среду я нашел его самодовольно сидящим в своей гунье и плетущим веревку из человеческих волос, в которой я сразу узнал веревку его жертвы. Никто из нас не произнес ни слова; я некоторое время стоял, наблюдая за тем, как он работает, с насмешливым вызовом

тому гневу, который, как он знал, я испытывал. Я указал на ямку в середине его костра и сказал: 'Джемми, самое подходящее место для твоей Библии - там'. Он поднял на меня сверкающие глаза, когда я отвернулась, и больше я его никогда не видела. Впоследствии я узнал, что он отправился в район племени боган, где первый чернокожий, которого он встретил, оказался его старым другом и компаньоном. Этот человек только что сделал первый надрез в коре дерева, на которое собирался взобраться в поисках опоссума; но, услышав шаги, он спрыгнул вниз и обернулся, как делают все черные, да и белые тоже, когда речь заходит о черных. Однако, увидев, что это всего лишь Джемми, он возобновил своезанятие, но не успел он приступить к работе, как Джемми пронзил его спину копьем и пригвоздил к дереву.²⁰⁰

Возможно, если бы Джемми мог подвергнуться перекрестному допросу со стороны человека, не склонного к миссионерству, он смог бы с некоторым эффектом отреагировать на предложение мистера Лэнга расстаться со своей Библией. Несомненно, он должен был найти в этом томе достаточное количество примеров, чтобы оправдать свою веру во власть демонов над здоровьем и жизнью человека. Разве он не мог поразмыслить над заповедью "не оставляй ведьму в живых" и представить, что он сажает на кол другого Манассию, который "использовал чары и колдовство, и имел дело со знакомым духом, и с колдунами (и) причинил много зла в очах Господа, чтобы вызвать Его гнев".²⁰¹ Те, кто надеется, что Библия может пролить свет на темные места суеверий и обиталища жестокости, могли бы, можно сказать, задуматься о долгой борьбе, которую европейская наука вела с библиолатерами в попытках облегчить ситуацию? народный разум избавился от ужасов колдовства, отрицание подлинности которого было (справедливо) объявлено противоречащим Священному Писанию. В Великобритании и Америке, и многих других на Европейском континенте есть районы, где все еще верят в заклинания, которые опустошают и разрушают; где на восковые фигурки или даже луковицы наносят ярлыки с каким-нибудь ненавистным именем, закалывают булавами и ставят возле костров, чтобы их растопили или высушили, в полной уверенности, что какой-нибудь предмет заклинания будет поглощен болезнью вместе с используемым предметом. Под каждой крышей, где обитают такие грубые суеверия, Библия обитает рядом с ними, и опыт доказывает, что непогрешимость всех таких талисманов уменьшается *pari passu*.

Что на самом деле пытается убить дикарь, когда он отправляется мстить за смерть своего родственника первому встречному инопланетянину, можно увидеть на прилагаемом рисунке (17), который представляет мексиканскую богиню смерти — Теояомики. Высота изображения составляет девять футов, и оно хранится в музее в городе Мехико.

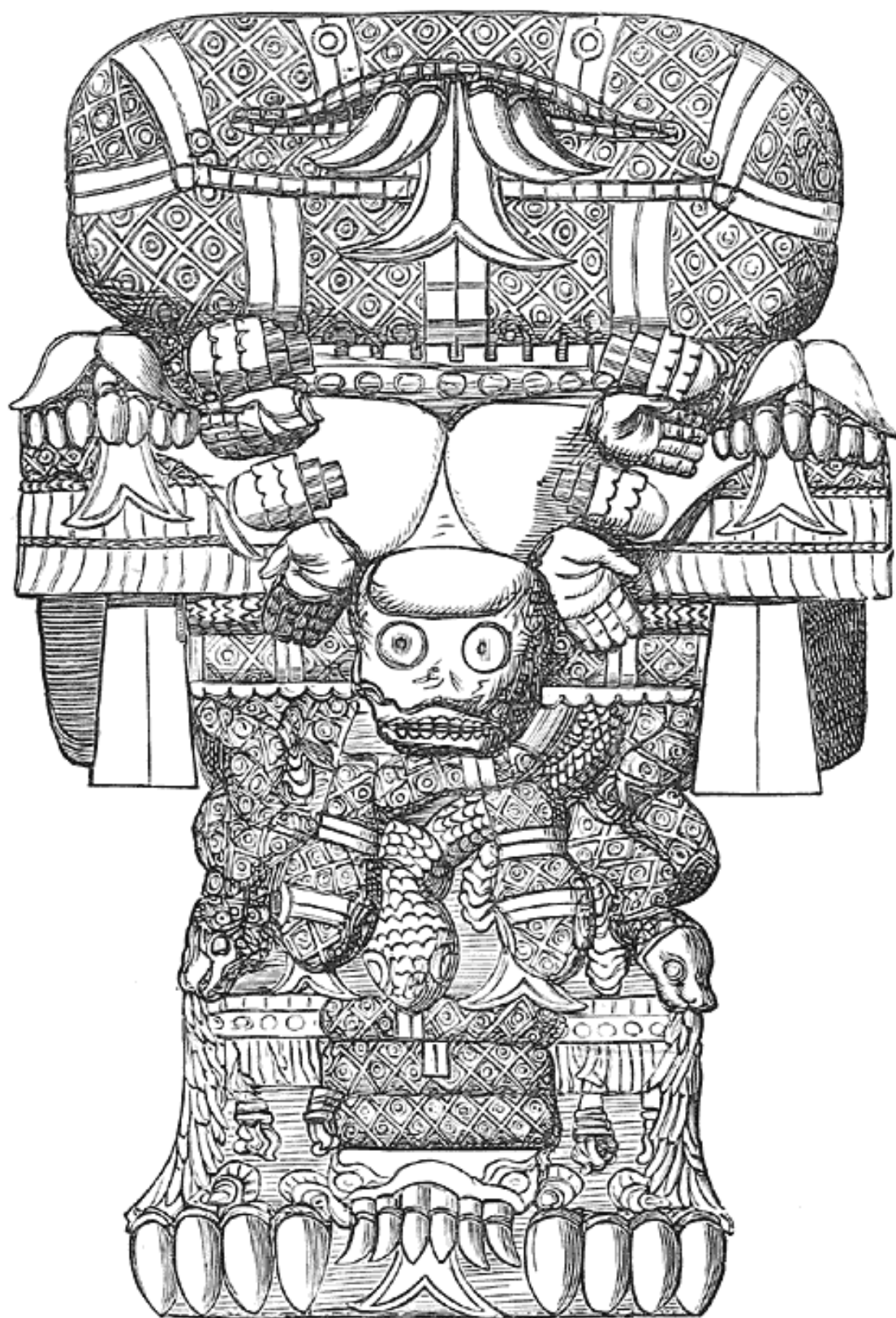

Рис. 17.—Теоямикви.

Мистер Эдвард Б. Тайлор, из чьей превосходной книги о путешествиях по этой стране скопирован этот рисунок, говорит о нем: "Камень, известный как статуя богини войны, представляет собой огромную базальтовую глыбу, покрытую скульптурами. Антиквары полагают, что фигуры на нем обозначают разных персонажей и что это три бога — Уицилопочтли, бог войны; Теояомики, его жена; и Миктлантекти, бог ада. На нем есть ожерелья из чередующихся сердец и рук мертвецов, центральным украшением которых являются мертвые головы. В нижней части глыбы находится странная распростертая фигура, которую сейчас нельзя разглядеть, поскольку это основание опирается на землю; но есть два выступающих из идола плеча, которые ясно показывают, что он не стоял на земле, а поддерживался наверху на вершинах двух колонн. Фигура, вырезанная внизу, изображает монстра, держащего по черепу в каждой руке, в то время как другие свисают с его колен и локтей. Его рот представляет собой простое овальное кольцо, обычную черту мексиканских идолов, и прямо над ним торчат четыре бивня. Новолуние, расположенное в виде моста, образует его лоб, и по обе стороны от него помещено по звезде. Считается, что это было общепринятое изображение Миктлантекти (Владыки Страны мертвых), бога ада, который был местом полной и вечной тьмы. Вероятно, каждая жертва, когда ее вели к алтарю, могла посмотреть вверх между двумя колоннами и увидеть отвратительного бога ада, вззирающего на нее сверху вниз. Нет никаких сомнений в том, что это знаменитый военный идол, который стоял на великом теокалли в Мексике и перед которым было принесено в жертву так много тысяч человеческих существ. Он лежал нетронутым под землей на большой площади, недалеко от того самого места, где находился теокалли, еще шестьдесят лет назад. Много лет после этого его хранили в земле, чтобы вид одного из их древних божеств не слишком взволновал индейцев, которые, как я уже упоминал ранее, конечно, не забыли о нем и тайно украсили его цветочными гирляндами, пока оно оставалось над землей".

Если мой читатель теперь обратится к портрету Демона Змей (рис. 11), он обнаружит концепцию, в корне схожую с мексиканской демоницей смерти или резни, но такую, которая не хранится в музее древностей; она по-прежнему преследует и ужасает огромное количество людей, родившихся на Цейлоне. Он - главный демон, вызываемый на Цейлоне злыми колдунами для выполнения 84 000 различных заклинаний, поражающих зло (*Хониян*). Его общий титул - Одди Кумара Хуниян Деватава; но у него есть особое имя для каждого из его шести видений, главным из которых является Кали Оддисей, или демон неизлечимых болезней, следовательно, смерти, и Нага Оддисей, демон змей - самых смертоносных животных. Под ним Бледный Конь, проделавший столь долгую и дальнюю карьеру, — вплоть до Белой кобылы, на которой, как полагают, в некоторых регионах Христос посещает землю каждое Рождество; а также Белой Кобылы из Йоркширского фольклора, которая унесла своего всадника с утеса Уайтстоун в ад. Эта сингальская форма также, хотя теперь Капуас ассоциирует ее со смертельной болезнью, вероятно, сначала, как и мексиканская, была богиней войны и богом в сочетании, о чем свидетельствуют поднятый меч и вонючая рука, поднятая в знак триумфа. Точно так же бог войны - это наша "Смерть на бледном коне", которую христианское искусство, последовавшее за так называемым Апокалипсисом, сделало такой знакомой. 'Я взглянул, и вот конь бледный; и имя тому, кто сидел на нем, было Смерть, и Ад следовал за ним. И дана была ему власть над четвертой частью земли, убивать мечом, и голодом, и смертью, и зверями земными'. Это всего лишь пародия на греческого Ареса, римского Марса или бога войны. В оригинальной греческой форме Арес был не только богом войны, но и разрушения в целом. В "Эдипе Тиранне" Софокла мы имеем популярное представление о нем как о человеке, которому

приписывается смертельная чума. Он назван "богом, не почитаемым среди богов", и сказано: "Город дико мечется, и никто больше не может поднять голову над волнами смерти; засыхают созревающие зерна в шелухе, засыхают коровы на их пастбищах; младенцы гибнут из—за слабых трудов женщин; бог-носитель огня, ужасная Чума, обрушившись, опустошает город; из-за него дом Кадма опустел, и темный Ад наполнился стонами и причитаниями".

Матерью самых смертоносных 'Калас' сингальского демонопоклонства, сестрой скандинавской Хель по имени и природе, является Кали. Хотя индуистские писатели отвергают идею о том, что среди их трехсот тридцати миллионов божеств есть какой-либо дьявол, трудно отрицать, что Кали проводит это различие. Ее дикий танец восторга над телами убитых указывал бы на удовольствие, получаемое от разрушения ради него самого, что соответствует определению дьявола; но, с другой стороны, существует деканская легенда, в которой говорится, что она пожирает мертвых, и это сделало бы ее демоном голода. Мы можем дать ей презумпцию невиновности и отнести ее к демонам — или существам, чье зло не беспричинно, — тем более что таинственно высунутый язык, как у фигуры Тифона (стр. 185), вероятно, предполагает жажду. Индуистская легенда, действительно, дает другое толкование и говорит, что, когда она танцевала от радости, что убила стоголавого гигантского полубога, сотрясение земли было настолько сильным, что Шива бросился к убитым, которых она давила на каждом шагу, надеясь заставить ее остановиться; но когда, не обращая внимания, она наступила на тело своего мужа, она остановилась и высунула язык от удивления и стыда.

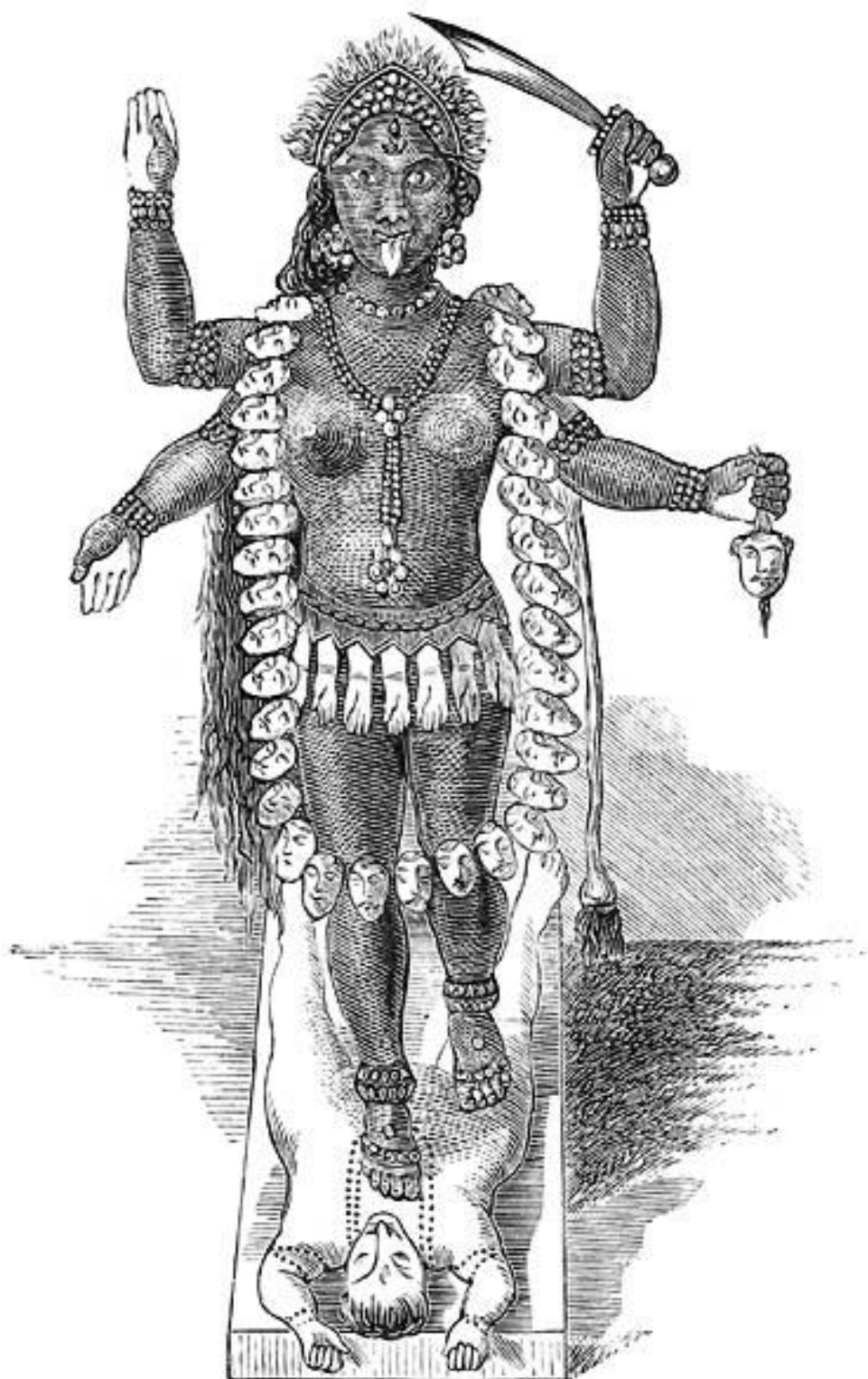

Рис. 18.—Кали.

Ведическое описание Агни как *угра* (людоеда) с "языком пламени" может лучше интерпретировать язык Кали. Говорят, что Кали на сто лет довольна кровью тигра; на тысячу - кровью человека; на сто тысяч - кровью трех человек.

Как нам следует понимать этот танец Смерти и дальнейшую легенду о том, что она подбрасывает мертвые тела в воздух для развлечения? Подобная фигура, встречающаяся среди людей, которые содрогаются при мысли о лишении жизни даже самых низших животных, вряд ли может быть объяснена разрушительностью природы, олицетворенной в ее супруге Шиве. Ее внешность и легенды в равной степени олицетворяют массовое убийство с помощью человеческого насилия. Не может ли быть так, что Кали представляет собой какой-то период, когда отвращение к лишению жизни среди вегетарианцев — людей, тоже верящих в переселение душ, — могло стать общественной опасностью? Согласно "Бхагават-гите", когда Кришна явился, это было как возница, подстрекающий Арджуна к войне. Должно быть, были разные периоды, когда мирные люди становились жертвами более жестоких соседей, если только их не можно было побудить приступить к разрушительной работе с легким сердцем. Возможно, были периоды, когда человеческие кали в Индии могли побуждать своих мужей и сыновей к войне такими песнями, какие поют женщины Дардистана на Празднике Огня (стр. 91). Любовь греческой богини Красоты с богом Войны, покидающей своего законного супруга Кузнеца, полна смысла. Ассирийская Венера Истар явилась в видении с крыльями и нимбом, неся лук и стрелы для Ашшурбанипала. Бандит, похоже, придерживался примерно такого же мнения о Кали, считая ее покровительницей их плана по сокращению численности населения. Говорят, они утверждали, что Кали оставила им один из своих зубов вместо кирки, ребро вместо ножа, подол своей одежды вместо петли и массовое убийство ради религии. Поднятая правая рука демонессы была истолкована как намек на божественный замысел в хаосе вокруг нее, и вполне возможно, что какой-то подобный эвфемизм прилагался к позе до того, как Бандит принял это как свое собственное благословение от этого высоко украшенного персонажа человеческой жестокости.

Древнее почитание Кали постепенно перешло к ее смягченной форме — Дурге. Вокруг нее тоже видны символы разрушения; но предполагается, что она довольствуется животными-тыквами, а оружие в ее десяти руках, как полагают, направлено против врагов богов, особенно против короля-великана Мухешу. Она мать прекрасного мальчика Картика и слоноволового вдохновителя знаний Ганеши. Сейчас ее почитают как женскую энергию, дарующую женщинам красоту и плодотворность.

Тождество богов войны и демонов смерти в самых ужасных представлениях, которые посещали человеческое воображение, имеет глубокое значение. Эти формы символизируют не мирную и естественную смерть, не смерть от старости, о которой, увы, те, кто съезжился перед ними, знали очень мало, — но смерть среди жестокости и агонии, и истребление людей в расцвете сил. Это действительно было ужасно, даже больше, чем могли описать эти грубые изображения.

Но в этих отвратительных формах есть и другие детали. Священник добавил к коню и мечу войны обожаемого змея и отвратительные символы "Страны мертвых". Ибо священник воцарился над человечеством не из-за страха смерти, а из-за того, что, как он может убедить

людей, лежит за ее пределами. Когда Изабель (в "Мере за меру") пытается убедить своего брата, что смысл смерти больше всего заключается в предчувствии, приговоренный юноша по-прежнему считает смерть "страшной вещью".

Да, но умереть и отправиться неизвестно куда;

Лежать в холодном помещении и гнить;

Это осязаемое теплое движение, чтобы стать

Размятый ком; и восхищенный дух

Купаться в огненных потоках или жить

В волнующейся области толсторебристого льда;

Быть заключенным в невидимые ветры,

И вокруг веет насилием

Подвешенный мир; или быть хуже худшего

Из этих незаконных и непостижимых мыслей

Представьте себе вой! — это слишком ужасно!

Самая утомительная и ненавистная мирская жизнь

Этот возраст, боль, нищета и тюремное заключение

Может лежать на природе, это рай

К тому, чего мы боимся смерти.

Во всех этих опасениях Клаудио нет мысли об уничтожении. Что, если бы он увидел смерть как вечный сон? Пусть Гамлет ответит:—

Умереть,—уснуть;—

Больше ничего; —и, клянусь сном, сказать, что мы заканчиваем

Душевная боль и тысячи природных потрясений

То, чему наследует плоть, — это завершение

Искренне желанный.

Большая часть человеческой расы все еще принадлежит к религиям, которые по своему происхождению обещали вечный покой как высшее конечное блаженство. Если бы смерть сама по себе внушала ужас человеческому разуму, священнику не нужно было бы придумывать за ее пределами те пытки, которые преследовали Гамлета в мечтах о возможном зле, по ту сторону которого даже несчастные предпочитают терпеть свои беды, чем бежать к тем, о ком они не знают. Было бы достаточной санкцией обещать бессмертие только благочестивым. Но как в потрясающих строках Клаудио отражен каждый ад - будь то лед, огонь или жестокость, — так и

они смешаны с самой кровью и мозгом человечества, даже там, где буквально переросли его. Христианство усугубило эти ужасы, привнеся идею о том, что смерть приходит в результате человеческого греха, и, таким образом, путем постепенного развития приписало сатане силу смерти; таким образом, сформировав нового дьявола, который нес в себе силу превращать смерть в наказание. Как обстояло дело в средневековых верованиях, можно увидеть на рисунке 19, скопированном из русской Библии (начала) семнадцатого века. Лазарь улыбается, видя, как невзрачную душу Давида вырывает у него дьявол с помощью крюка, в то время как другой заглушает стоны барабаном. Сатана обрушивает адское крещение на уходящую душу, и искреннее сотрудничество архангела оправдывает удовлетворение Лазаря и Авраама.

Рис. 19. —Дивес и Лазарь (русский; 17 век).

Эта деградировавшая вера все еще проявляется в почти ликующих изображениях физических мук, особенно сопровождающих смертные одры "неверных" - таких, как Вольтер и Пейн, - и ее ужасающий результат проявляется в том, до какой степени священнослужители все еще способны парализовать здравый смысл и сердце масс варварскими церемониями, которыми им позволено окружать смерть, и высокомерной чертой, проведенной между неортодоксальными козлами и доверчивыми овцами на "освященной" земле.

Мистер Кири в своей интересной книге "На заре истории",²⁰² говорит, что было высказано предположение, что юная крылатая фигура на барабане колонны от храма Дианы в Эфесе до Британского музея, может быть изображением Танатоса, Смерти. Было бы приятно поверить, что единственное важное изображение Смерти, оставленное греческим искусством, - это эта изысканная фигура, высокой данью уважения которой является то, что сначала ее приняли за Любовь! Фигура чем-то напоминает нежного Эроса дорафаэлитского искусства и с таким же выражением нежной меланхолии. Такая сладкая и простая форма Смерти была бы достойна расы, которая среди всех огненных или холодных рек подземного мира, собравшихся вокруг их религии, все еще видела текущий там мягкий поток забвения. Давайте благоговейно изучим этот эфесский Танатос — ни одна гравюра или фотография не могут отдать ему даже частичного должного — а затем в его свете прочтем те мифы о Смерти, которые, кажется, возвращают нас за пределы жестокости войны и ухищрений священников к более простым представлениям о человечестве. В его безмятежном свете мы особенно можем читать как ведические, так и иранские гимны и легенды о Яме.

Первым умершим человеком стал могущественный индуистский Яма, монарх мертвых; и он был облечен метафорами заходящего солнца.²⁰³ В торжественном и патетическом гимне Вед говорится, что он пересек быстрые воды, показал путь многим, первым познал путь, по которому перешли наши отцы.²⁰⁴ Но в великолепии заката человеческая надежда обрела пророческие образы запредельных небес. Ведическая Яма - это вечный друг. Одним из самых живописных фактов мифологии является то, что после того, как Яма стал в Индии другим именем Смерти, то же самое имя вновь появилось в Персии и в *Авесте*, как прообраз Золотого века в прошлом ирая в будущем.

Таким был иранский йима. Он был тем "flos regum", чье правление олицетворяло "идеал человеческого счастья, когда не было ни болезней, ни смерти, ни жары, ни холода", и который никогда не умирал. "Согласно более ранним традициям *Авесты*, — говорит Шпигель, — Джима не умирает, но когда зло и нищета начинают преобладать на земле, удаляется в меньшее пространство, своего рода сад или Эдем, где он продолжает свою счастливую жизнь с теми, кто остался ему верен". Таковы были предпосылки многих наших прекрасных мифов, которые приписывают даже земное бессмертие великим - Барбароссе, Артуру и даже героям более скромных рас, таким как Гайавата и Глускап из североамериканских племен, - которые являются или были долгое время считалось, что они "уплыли в огненный закат", или искали какой-нибудь прекрасный остров, или дремали в скрытом гроте, пока мир не дорос до их роста и не потребовал их возвращения.

В Японии бога Ада (Синту) теперь зовут Амма, и можно заподозрить, что это некая имитация Ямы из-за величия, которое он все еще сохраняет в популярном представлении. Он изображен серьезным человеком в судейской фуражке, и никакие жестокости, похоже, не приписываются ему лично, а только *онии* или демонам, повелителем которых он является.

Добрые черты индуистского Ямы, по-видимому, были заменены в Персии горечью Аримана, или Анра-майнюю, гения зла. Хауг интерпретирует Анра-майнюю как 'Стремительный к Смерти'. Это слово является аналогом Спеанта-майнюю и первоначально означает "дух-душитель"; таким образом, оно происходит от *танх*, филологически корень всего зла, как мы увидим, когда рассмотрим его драконье потомство. Профессор Уитни переводит это название как "Злобный". Но, каким бы ни было значение этого слова, нет никаких сомнений в том, что Близнецы ведической мифологии — Яма и Ями — разделились на духов Дня и Ночи и в конечном счете были одухотворены в Духе Света и Духе Тьмы, которые легли в основу всей популярной теологии со времен Зороастра и по сей день.

Ничто не может быть более примечательным, чем крайняя разница между древнеиндийским и персидским взглядами на смерть. Что касается первых, то это было счастливое знакомство с Ямой, для вторых это была видимая печать равенства Аримана с Ормуздом. Они восприняли это в абсолютном ужасе. Башни Молчания стоят в Индии и по сей день как памятники этой самой мрачной фазы веры парсов. Мертвое тело принадлежало Ариману и было оставлено на съедение диким тварям; и хотя возведение башен для выставления трупа, таким образом ограничивая его потребление птицами, вероятно, явилось результатом постепенного рационализма, который время от времени предполагал, что таким образом души добрых могут направиться к Ормузду, все же ужас парсов перед смертью достаточно силен, чтобы породить такие ужасные подозрения, даже если они были необоснованными, как те, что окружили Башню (Дохма Као) в июне 1877 года. Странное поведение носильщиков трупов, когда они покидали одну башню, переходили в другую, а затем (как было сказано) тайно возвращались в первую, породило веру в то, что в первой был найден живой человек, который впоследствии был убит. История, по-видимому, началась с самих молодых парсов, и, независимо от того, правда это или нет, они, несомненно, правильно истолковали древние чувства этой секты по отношению ко всему, что было в царстве Короля Ужасов. 'Поскольку болезнь и смерть,' говорит профессор Уитни, 'считались делом рук злых сил, на само мертвое тело смотрели с суеверным ужасом. Демоны получили его в свое особое владение и стали главным средством, с помощью которого они осуществляли свое оскверняющее воздействие на живых. Все, что попадало в его окрестности, было нечистым и в определенной степени подвергалось влиянию злых духов, пока не было очищено с помощью церемоний, предписанных законом'.²⁰⁵ Следует опасаться, что это представление распространилось среди брахманов; в *"Индийском зеркале"* (26 мая 1878 г.) говорится, что жительница Чандернагора, брошенная в Ганг, но впоследствии обнаруженная живой, считалась одержимой Дано (злым духом) и, если бы не вмешательство, нашла бы водяную могилу. Евреи также находились под влиянием этой веры, и по сей день кознам, или потомкам священства, запрещено прикасаться к мертвому телу.

Публика в Хрустальном дворце, которая недавно стала свидетелем представления *"Алкестида"* Еврипида, боюсь, вряд ли могла осознать связь этой драмы с их собственной религией. Аполлон склоняет Судьбу согласиться с тем, что Адмет не умрет, при условии, что он сможет найти ему замену. Непорочная Алкеста выходит вперед и посвящает себя смерти, чтобы спасти своего мужа. Аполлон пытается убедить Смерть вернуть Алкестиду, но Смерть объявляет, что ее участи требует правосудие. Пока Алкестиды умирает, Адмет просит ее молить богов о милосердии; но Алкестиды говорит, что это бог навлек на себя такую необходимость, и добавляет: 'Да будет так!' Она видит зал мертвых, где 'крылатый Плутон смотрит из-под своих черных бровей'. Она напоминает своему мужу о дворце и царственной власти, которыми она могла бы наслаждаться в Фессалии, если бы не оставила ее ему. Ферес горько упрекает Адмета за то, что он принял

жизнь за счет чужих страданий и смерти. Затем появляется Геракл; он побеждает Смерть; он выводит Алкестиду 'снизу на свет'. Вместе с ней он предстает перед Адметом, который все еще пребывает в горе. Адмет не может узнать ее; но когда он с радостью узнает ее, Геракл предупреждает его, что Алкестиде запрещено обращаться к нему, "пока она не освободится от своего посвящения нижним богам и не *наступит третий день*".

Требуется только сменить имена, чтобы превратить "Алкестис" в игру Страстей. Неумолимая Справедливость, которая как Судьба связывает божество, хотя и может быть удовлетворена опосредованно; "последний враг, Смерть"; искупление жертвоприношением святого человека, которого любовь приводит из дворца отца добровольно подчиниться смерти; сын бога (Зевса) от матери—человека (Алкмены), богочеловек Геракл, которому поручено уничтожить земное зло двенадцатью великими подвигами, спускающийся, чтобы победить Смерть и освободить одного из "духов в тюрьме", воскресший дух, которого поначалу не узнали. , поскольку Иисус не был рожден Марией; все еще продолжалось освящение могилы до третьего дня, что запрещало общение с живыми ("Не прикасайся ко мне, ибо я еще не вознесся к моему Отцу"), - все это позволяет нам распознать в окружающих нас теологических зданиях фрагменты разрушенного суеверия, поскольку они лежали вокруг Еврипида.

В старых изображениях триумфального паломничества Христа по земле можно найти параллели с главными Подвигами Геракла; он изображен наступающим на льва, аспида, дракона и сатану; но мифы сходятся в Нисхождении в Ад и победе над Смертью. Примечательно, что на старых изображениях Христа, освобождающего души из Ада, за ним обычно следует Ева, чей облик в таком виде когда-то был бы большей части Европы уже знаком как облик Алкестиды, Эвридики или Персефоны. Один из самых ранних примеров знакомой темы "Христос, побеждающий смерть" содержится в древнем (десятый век) молитвеннике Вормса — города, само название которого хранит запись о том же сражении под видом Зигфрида и Червя, или Дракона. Теперь крест - это меч, воткнутый у пасти монстра. Картина иллюстрирует песнопение Страстной недели: 'О смерти человека освободи нас, о Смерти восстанови нас. *Ero Mors tua, O Mors; morsus tuus ero, inferne.*' Из пронзенной пасти Смерти извергаются языки пламени, которые напоминают нам о ее этническом происхождении; но маловероятно, что для обращенных в христианство язычников Вормса эта картина могла когда-либо произвести столь жуткое впечатление, как изображение их собственной богини Смерти Хель. 'Ее чертог называется Эльвиднир, царство холодной бури: Голод - ее стол; Неутолимость - ее нож; Промедление - ее мужчина; Медлительность - ее служанка; Пропась - ее порог; Забота - ее постель; жгучая тоска - драпировки ее покоев. Одна половина ее тела мертвенно-бледная, другая - цвета человеческой плоти.

Со скандинавским изображением Обители Смерти можно сравнить описание Обители Нин-ки-гал, ассирийской царицы Смерти, с таблички в Британском музее, переведенное мистером Фоксом Тэлботом:²⁰⁶—

В Дом входят мужчины — но не могут выйти из:

Люди выходят на Дорогу, но не могут вернуться.

Обитель тьмы и голода

Где Земля - их пища: их питательная глина:

Света не видно; во тьме они обитают:

Призраки, как птицы, трепещут там крыльями;

На двери и столбах ворот пыль лежит нетронутая.

Семитские племена, невозмутимые, подобно импортерам своей теологии в век науки, слоями, в которых погребено так много исчезнувших царств животных, приписывали всякую смерть, даже смерть животных, запретному плоду. Раввины говорят, что не только Адам и Ева, но и животные в Эдеме вкусили этот плод и попали под власть Саммаэля Жестокоего и его агента Азраэля, демона Смерти. Феникс, отказавшись от этой пищи, сохранил способность к самовосстановлению.

Примером полноты и последовательности, с которой теория может организовать свой миф, является то, что роковые демоны обычно представляются в виде отвратительной соли — консерванта и врага разложения. 'Завет о соли' у древних евреев, вероятно, имел такое значение, и тщательность, с которой Иов посыпал солью свою жертву, рассматривается в другом месте. Обри говорит: "Жаб (мрачных животных) убивают, посыпая их солью. Я видел эксперимент". Дьявол, как наследник демонов смерти, фигурирует во всем европейском фольклоре как ненавистник соли. Легенда, рассказанная Гейне, повествует о том, что рыцарь, бродивший по лесу в Италии, наткнулся на руины, а в них - чудесная статуя богини Красоты. Совершенно очарованный, рыцарь бродил по этому месту день за днем, пока однажды вечером его не встретил слуга, который пригласил его войти на виллу, которую он раньше не замечал. Каково же было его удивление, когда он предстал перед живым изображением своей обожаемой статуи! Среди великолепия и цветов восхищенный рыцарь в настоящее время сидит со своей прелестницей на пиру. Здесь есть вся роскошь мира, но нет соли! Когда он намекает на это желание, по лицу его Красавицы пробегает облачко. Вскоре он просит слугу принести соли; слуга, дрожа, делает это; рыцарь берет ее сам. Следующий глоток вина, который он делает, вызывает у него возглас: это жидкий огонь. Им овладевает безумие; следуют ласки, обжигающие поцелуи, пока он не засыпает на груди своей богини. Но какие видения! Теперь он видит в ней сморщенную старуху, затем огромную летучую мышь с факелом, порхающую вокруг него, и снова страшное чудовище, которому он отрубает голову в агонии ужаса. Когда рыцарь просыпается, он оказывается на своей собственной вилле. Он спешит к своей гибели и к любимой статуе; он находит ее упавшей с пьедестала, а прекрасную голову, срезанную с шеи, лежащей у ее ног.

Семитский Ангел Смерти - фигура, сильно отличающаяся от любой из тех, что мы рассматривали. Он известен в теологии только тем унижением, которому подвергся от рук раввинов, но изначально был ужасным, но ни в коем случае не злым гением. Персы, вероятно, импортировали его под именем Асуман, поскольку мы не находим его упоминания в их более ранних книгах, а это имя имеет сходство с еврейским *шамад*, "истреблять", что связывает его с библейским "разрушителем" Абаддоном. Это становится более вероятным, потому что зороастрийцы верили в более раннего демона, Визарешу, который уносил души после смерти в регион поклонников Дэва (Индия). Халдейский Ангел Смерти, Малк-ад Муса, возможно, получил свое имя от легенды о том, что он приблизился к Моисею с целью изгнать его душу из тела, но, будучи поражен величием лица Моисея и божественным именем на его жезле, был вынужден удалиться. Легенда не такая древняя, как название, и, возможно, была Сагой, на которую указывает название; очевидно, это происхождение традиции борьбы между Михаилом и

сатаной за тело Моисея (Иуда 9.). Таким образом, это олицетворение превратилось у евреев в существо достаточно злое, чтобы отождествляться с Самаэлем, который в Книге о Вознесении Моисея назван его противником, а впоследствии и с самим Сатаной, названным в связи с новозаветной версией. Именно из-за этой деградации существа, описанного в ранних книгах Библии как уполномоченный Иеговы, среди евреев постепенно развились два Ангела Смерти: один (Самаэль, или его агент Азраэль) для тех, кто умер за пределами земли Израиля, а другой (Гавриил) для тех, кому выпала более счастливая участь умереть в своей собственной стране.

Это отнесение Самаэля к странствующим евреям, которые, если бы умерли за границей, не должны были бы легко достичь Рая, если вообще могли бы достичь его, имеет большое значение. Ибо Самаэль - это, несомненно, концепция, заимствованная у отдаленных семитских племен. В чем заключалась эта концепция, мы находим в книге Иова xlviii. 18, где он является "царем Ужасов", и еще больше в арабском "Азраэль". Легенда об этом типичном Ангеле Смерти гласит, что он был повышен до своего высокого поста за особые заслуги. Когда Аллах собирался создать человека, он послал ангелов Гавриила, Михаила и Исрафила на землю, чтобы принести глину разных цветов для этой цели; но Земля предупредила их, что существо, которое вот-вот будет сформировано, взбунтуется против своего создателя и навлечет проклятие на нее (Землю), и они вернулись, не принеся глину. Затем Аллах послал Азраэля, и он без страха выполнил свое поручение; и за это он был назначен ангелом, чтобы отделять души от тел. У Азраэля были подчиненные ангелы, и о них говорится в первых строках 79-й суры Корана:

Ангелами, которые насильно вырывают души некоторых;

И теми, кто с нежностью вытягивает души других.

Души праведников извлекаются наружу с мягкостью, души нечестивых отрываются от них так, как показано на русской картине (рис. 19), которая действительно является иллюстрацией той же мифологии.

Эти ужасные задания действительно были такими, что с большой вероятностью могли со временем снискать Азраэлю дурную славу палача; но, по-видимому, среди мусульман не произошло его принижения. Похоже, в их сознании он ассоциировался с Судьбой, и о нем рассказывали похожие истории. Так, рассказывается, что однажды, когда Азраэль проходил мимо Соломона, он пристально посмотрел на человека, с которым Соломон беседовал. Соломон сказал своему спутнику, что это был Ангел Смерти, который смотрел на него, и человек ответил: "Кажется, он хочет меня; прикажи ветру унести меня отсюда в Индию"; когда это было сделано, Азраэль подошел к Соломону и сказал: "Я с удивлением смотрел на этого человека, потому что мне было приказано забрать его душу в Индии".²⁰⁷

Азраэля часто изображали подносящим к губам чашу с ядом. Вероятно, этот образ возник из древнего испытания ядом, когда в народе считалось, что зелья, какими бы заранее ни были обработаны с учетом результатов, были божественно смешаны для возмездия или благотворного воздействия. Таким образом, 'Чаша' стала у семитских племен символом Судьбы. 'Чаша утешения', 'чаша гнева', 'чаша трепета', о которых мы читаем в Ветхом Завете; 'чаша благословения' и 'чаша бесовства', о которых говорит Павел, имеют это значение. Чаша Нестора, украшенная голубем ('Илиада', xi. 632), вероятно, была 'чашей благословения', и м-р Шлиман нашел несколько таких же в Микенах. Этот символ неоднократно использовался Христом: "Да минует меня чаша сия", "Чашу, которую дал мне испить Отец Мой, мне не пить",

"Можете ли вы испить чашу, из которой Я пью", — и знакомая ассоциация с чашей Азраэля выражена во фразе "вкус смерти".

Одна из наиболее приятных модификаций веры в Ангела Смерти обнаружена Лепсиусом²⁰⁸ среди негров-мусульман Кордофана. Говорят, что Осраин (Азраэль) принимает души умерших и ведет хороших к награде, плохих - к наказанию. 'Он живет на дереве, эль сегерат мохана (древо исполнения), у которого столько листьев, сколько обитателей в мире. На каждом листке есть имя, и когда рождается ребенок, вырастает новое. Если кто-то заболевает, его лист увядает, и если ему суждено умереть, Осраин срывает его. Раньше он приходил явно к тем, кого собирался увести, и таким образом наводил на них великий ужас. Однако со времен пророка он стал невидимым; ибо, когда он пришел за душой Мухаммеда, он сказал ему, что нехорошо пугать человечество своим видимым появлением. Тогда они могли бы легко умереть от ужаса, не успев помолиться, ибо сам он, хотя и был мужественным и энергичным человеком, был несколько встревожен его появлением. Поэтому пророк молил Бога сделать Осраина невидимым, и эта молитва была исполнена. "М-р Маккензи добавляет по этому поводу, что среди моравских евреев в новолуние держат ветку в ее свете и произносят имя человека: его лицо появится между рогами луны, и если ему суждено умереть, листья увянут.

Мистер Джон Рескин был очень строг к итальянцам за юмор, с которым они представляют Смерть как персонаж своей маски. "Когда я был в Венеции в 1850 году, - говорит он, - самой популярной частью комической оперы была "Смерть и сапожник", в которой смыслом сюжета был успех деревенского сапожника в качестве врача вследствие появления Смерти у постели каждого пациента, которому не суждено было выздороветь; и самой аплодируемой сценой в ней была сцена, в которой врач, обнаглевший от успеха и раздутый от роскоши, сам был перенесен в обитель Смерти и повергнут в агонию ужаса, когда ему показали жизнь других пациентов". люди, в виде угасающих ламп, и его собственные, готовые угаснуть.'

Рис. 20. Рыцарь и смерть.

По поводу чего он выражает мнение, что "такое постоянство страшных образов частично связано с непристойностью, частично с общей глупостью и слабоумием".²⁰⁹ Но не может ли это быть скорее здоровой реакцией на болезненные образы ужаса, которыми священники так долго наделяли чисто естественное и неизбежное событие и которые изображались в таких

популярных картинах, как "Танец смерти"? Издевательский смех, с которым скелеты осаждают рыцаря на нашей картине (рис. 20) со стены Лашез-Дье, Овернь, свидетельствует о священническом терроризме, который не мог не быть еще больше опошлен легкомысленными людьми. В 1424 году на Кладбище Невинных в Париже состоялся маскарад Танца Смерти, на котором присутствовали герцог Бедфорд и герцог Бургундский, только что вернувшиеся с битвы. Возможно, это был последний исход танца Кали над убитыми на западе; но это счастье, когда у фанатизма нет худшего исхода, чем Безумие. Смерть по скелету имеет преимущество перед более ранними формами предположения о естественности смерти. Это более научно. Постепенное открытие людьми того, что смерть вызвана не грехом, в значительной степени рассеяло ее ужасы в регионах, где невежество и обман священнослужителей являются повседневными наблюдениями; и хотя реакция может быть выражена не с хорошим вкусом, в ней, по-видимому, присутствует определенная природная энергия, подтверждающая себя в простоте.

В северном мире мы все слишком мрачны в этом вопросе. Века суеверий сформировали наш мозг и слишком часто придавали нашей естественной любви к жизни неестественный аналог страха смерти. То, что было искусственно воспитано в нас, может быть выращено из нас. Действительно, есть смерти, соответствующие двум Ангелам — смерть, которая приходит от затяжных болезней и боли, и та, которая приходит от старости. В наших городах действительно есть азраилы, которые отравляют пищу и питье людей и подмешивают смерть в чашу с водой; и от них должно быть все больше ужаса, пока более мягкий ангел не пребудет с нами, и смерть от старости не станет нормой. Уход из жизни является естественным условием вступления в нее, и действительно, это меланхолия, которую в идеале следует путать с болью и огорчениями, часто сопровождающими ее. Легенда гласит, что Киник Менипп, путешествуя по Аиду, узнал, кто из тамошних царей по их вою громче остальных. Они были громче всех, потому что лишились большинства удовольствий на земле. Но у всех счастливых и молодых больше причин оплакивать безвременную кончину, чем у королей. Единственная трагедия Смерти - это крушение живой Любви. Мистер Уоттс в своей великой картине "Любовь и смерть" (галерея Гросвенор, 1877) раскрыл настоящий ужас. Здесь находится не тот скелет, которому свое время и место, не крылатый демон (называемый ангелом), у которого нет своего времени и места, а огромная, жесткая, бессердечная фигура, как у человека, наполовину высеченного из мрамора; ужасная эмблема безжалостной силы, воплощающей неполноту и невежество человечества, — силы, которая неуклонно сокрушает сердца там, где интеллекты посвящают свою энергию чуждым мирам. Бедной Любви не хватает науки; его тщедушная рука, протянутая, чтобы противостоять колоссальной форме, слаба, как молитвы измученных родителей и возлюбленных, направленные против непреложных законов; он почти измучен; его блестящие крылья сломаны и изорваны в борьбе; голубь у его ног безжизненно приседает; роза, взбравшаяся на его дверь, распростерта; над его плечом балкообразная рука приложила каменную ладонь к двери, куда должна упасть роза радости.

Старики, умирая, всего лишь следуют за сокровищами, которые были у них раньше. Один за другим старые друзья покидают их, нежные узы разрываются, а силы радоваться и помогать иссыкают. Когда от сада, который когда-то цвел вокруг них, остаются одни воспоминания, смерть дружелюбна, чтобы разбросать листья той последней розы, где спят любимые. Это настоящая служба смерти. Более того, даже когда речь заходит о молодых и счастливых, настоящим врагом является не Смерть, а болезнь; в болезни почти нет никакой компенсации, кроме обучения военному искусству; но Смерть - это жалость Природы к беспомощной боли;

там, где любовь и знание больше ничего не могут сделать, она приходит как освобождение от страданий, которые, если их продлить, были бы сущей пыткой. Присутствие смерти чаще всего распознается по прекращению боли. Суеверие причинило человечеству малоболее тяжких обид, чем таинственными ужасами, которыми оно облекло ту перемену, которая в более простые века представлялась как тихая река Лета, текущая из обители сна, из которой тени пили забвение как о своих горестях, так и о радостях, от которых они были оторваны.

ЧАСТЬ 3. ДРАКОН

Глава 1. Упадок демонов

Священное древо Траванкора—Рост демонов в Индии и их упадок—Непольский иконоборец—Нравственный человек и безнравственная природа—Физические и ментальные миграции человека—‘Боги в изгнании’ Гейне—Гобанский Саор—Мастер-кузнец—Греческая карикатура на богов—Плотник В. Божество и дьявол—Истребление Оборотня—Убежища Демонов—Великаны, превращенные в Маленьких людей—Божества и Демоны, возвращающиеся к природе.

Указав, обязательно в общих чертах и на избранных примерах, на главные препятствия, с которыми сталкивался первобытный человек, и на его опасения, которые он олицетворял в виде демонов, моей следующей задачей становится показать, как и почему многие из этих демонов утратили свои ужасные размеры и уступили место более общим формам, выражающим сравнительно абстрактные концепции физического зла. Это потребует некоторого обзора процессов, посредством которых необходимая адаптация человека к его земному окружению привела его к эпохе борьбы с разнообразными препятствиями.

Еще несколько последних лет на горе Траванкор, Индия, росло древнее гигантское дерево, которое местные жители считали резиденцией могущественного и опасного божества, правившего горами и дикими зверями.²¹⁰ Этому дереву приносились жертвы, перед ним читались проповеди, и, по-видимому, это был древний собор округа. Его ствол был таким большим, что четверо мужчин с вытянутыми руками не смогли бы обхватить его.

Это дерево в начале своего роста может символизировать зарождение естественной религии. Его первые зеленые листья можно рассматривать как соответствующие первым грубым фантазиям человека, написанным, например, на листьях Вед. Видя в природе, как мы видели, изобретательность, подобную его собственной, мощь, намного превосходящую его собственную, человек, естественно, полагал, что все вещи были созданы и управлялись

невидимыми гигантами; и, беспомощно склоняясь перед ними, пел таким образом свои гимны и мольбы.

‘Эта земля принадлежит Варуне, царю, и широкое небо, концы которого далеко друг от друга; два моря (небо и океан) - это чресла Варуны; он также содержится в этой капле воды. Тот, кто убежит далеко за пределы неба, даже он не избавится от Варуны. Его шпионы спускаются с небес на эту землю”.

"Из-за недостатка силы, ты, вечно сильный и светлый бог, я сбился с пути: помилуй, помилуй!"

"Как бы мы ни нарушали твои законы изо дня в день, какими бы людьми мы ни были, о бог Варуна, не обрекай нас на смерть!"

- Это был старый грех, Варуна, что ты хотел погубить друга, который всегда восхваляет тебя?

‘О Индра, будь милостив, дай мне хлеб мой насущный! Воздвигни богатство для поклоняющегося, ты, могущественный Рассвет!"

‘Ты - даритель лошадей, Индра, ты - даритель коров, ты - даритель зерна, могущественный повелитель богатства; старый наставник человека, не утоляющий желаний: к нему мы обращаемся с этой песней. Известно, что все это богатство здесь принадлежит только тебе: бери от него, победитель, и неси сюда!"

В этих характерных фразах из различных гимнов мы видим, как человек заключает свой первый контракт с правящими силами природы: столько обожания и лести с его стороны ради такой большой выгоды для них. Но даже в этих самых ранних гимнах есть намеки на то, что боги не выполнили свою часть обязательства. ‘Почему, ’ умоляет поклоняющийся, - ты хочешь уничтожить того, кто всегда восхваляет тебя? Это был старый грех?’ Простые слова бессознательно сообщают о том, насколько добросовестно человек выполнял свою часть контракта. Не упуская ни малейшего акцента в молитве, восхвалении или ритуале, он предполагает, что продолжающееся безразличие богов должно быть вызвано старым грехом, который он забыл, или, возможно, совершенным каким-то предком.

В таком состоянии ума легко укоренилось бы предположение, что одни слова слишком дешевы, чтобы удовлетворить богов. Должны быть подношения. Подобно земным царям, у них должны быть свои доходы. Таким образом, мы переходим к фазе жертвоприношений. Но все же ни в ответ на молитву, ни на лесть, ни на самопожертвование массы не получили здоровья или богатства. Нищета, голод, смерть все еще продолжали свой безжалостный путь с помощью безмолвного механизма солнца, луны и звезд.

Но почему же тогда человек должен был продолжать выполнять свою часть контракта — верить и поклоняться божествам, которые, когда он просил хлеба, навлекали на него голод, а когда он просил рыбы, давали ему змею? Священник вмешался с готовым объяснением. И здесь мы можем снова обратиться к священному Дереву Траванкора? Почему именно это дерево — вида, распространенного в округе и обычно не очень большого, — выросло таким огромным? ‘Потому что это свято’, - сказал священник. ‘Потому что в это верили’, - гласит факт. Веками кровь и пепел жертв питали его корни и раздували ствол; пока с помощью аргумента, не ограничивающегося Индией, не было принято считать, что масштабы суеверия доказывают его истинность. Когда люди пожаловались, что все их приношения и поклонение не приносят

никакой отдачи, священник ответил: "Вы скупитесь на богов, а они скупятся на вас". Люди приносили в жертву самые жирные из своих стад и фрукты: Еще больше! сказал священник. Они построили прекрасные алтари и храмы для богов: еще больше! сказал священник. Они построили прекрасные дома для священников и обложили себя налогами, чтобы содержать их. И когда таким образом, подпитываемая народными жертвоприношениями и тяжелым трудом, религия достигла огромной силы, священник смог привлечь на свою сторону богослова для дальнейших объяснений. Богослов и священник сказали— 'Конечно, должны быть веские причины, по которым боги не отвечают на все ваши молитвы (если бы они не ответили на некоторые, вы были бы совершенно уничтожены); простые смертные не должны осмеливаться вникать в их тайны; но то, что боги есть, и что они действительно заботятся о человеческих делах, совершенно очевидно из этого великолепного множества храмов и из той заботы, с которой они удовлетворяют все потребности нас, их особых друзей, чьи щеки, как вы видите, обвисли от жира".

Если после этого объяснения среди менее привилегированных возникнет какой-либо скептицизм или бунт, священник может легко добавить— 'Более того, мы и наши храмы теперь являемся институтами; мы настолько сильны и влиятельны, что очевидно, что боги назначили нас быть их представителями на земле, распределителями их милостей. А также об их немилости. Мы в состоянии компенсировать кажущееся безразличие богов, вознаградив вас, если вы окажете нам почести и богатство, но погубив вас, если вы станете еретиком.

Так выросло священное Дерево. Но каким бы сильным оно ни было, было кое-что еще сильнее. Несколько лет назад миссионер из Лондона отправился в Траванкор и пожелал построить часовню рядом с тем же деревом, без сомнения, чтобы помешать его верующим и позаимствовать часть незапамятной святости этого места. Этот миссионер устремил жадный взгляд на это священное дерево и подумал, насколько более святым оно было бы, если бы завершило свой путь на балках христианской часовни. И вот однажды — английские власти находились поблизости — он и его рабочие начали рубить священное Дерево. Постепенно вокруг собрались туземцы и с ужасом наблюдали за происходящим. Пока продолжалась рубка, тигр приблизился, но крики отогнали его: туземцы вздохнули свободнее; демон пришел и смотрел, но не мог защитить Дерево от англичанина. Однако они все еще содрогались от этого святотатства, и когда, наконец, Священное Дерево Траванкора упало, его грохот смешался с криками его бывших почитателей. Победоносный миссионер, возможно, указывает в своей часовне на обрезанные доски, свидетельствующие о бессилии божества, которого так долго боялись местные жители; и, возможно, он рассказывает им о величине *своего* Древа и утверждает, что оно процветает в Европе как доказательство его сверхъестественного характера. Возможно, он не упомянет о крови и пепле, которые откормили корни и увеличили *ствола* Священного Древа!

Это Дерево в Траванкоре никогда не было бы так разрушено, если бы примитивная естественная религия, в основе которой лежали его более глубокие корни, ранее не засохла. Боги, силы природы, которые на протяжении стольких веков не обращали внимания на ежедневные мученичества человека, теперь долгое время были показаны совершенно бессильными защитить свои собственные святилища, изображения, священные деревья и другие интересы. Жрецы столь же тщетно зывали к этим богам, чтобы спасти свою собственную страну от порабощения другими народами с чужеземными богами, как массы зывали к их личной помощи. Долгое время богам в некоторых частях Индии служили лишь

формально, параллельно с их связью с сохраняющимся орденом или как часть княжеских учреждений; но время от времени они рушатся, поскольку массы осознают свою свободу безнаказанно покидать их. Они находятся во власти любого сильного еретика, который поднимется. Следующий рассказ, процитированный мистером Гербертом Спенсером, представляет собой яркий пример того, что делали некоторые индусы до того, как миссионер срубил Дерево в Траванкоре:

- Король Непала, Рам Бахадур, чья прекрасная королева, обнаружив, что ее прекрасное лицо обезображено оспой, отравилась, прокляла его королевство, своих врачей и богов Непала, поклявшись отомстить всем. Приказав выпороть врачей и отрезать каждому правое ухо и нос, затем он обрушил свою месть на богов Непала и, оскорбив их самым грубым образом, обвинил их в том, что они получили от него 12 000 коз, несколько сотен килограммов сладостей, 2000 галлонов молока и т. Д. Под ложным предлогом. Затем он приказал собрать всю артиллерию, от трех до двенадцати фунтов, перед дворцом. Затем все ружья были заряжены до отказа, и он направился к штаб-квартире непальских божеств. Все ружья были выставлены перед несколькими божествами, в честь самого священного из которых был сделан самый тяжелый металл. Когда был отдан приказ стрелять, многие вожди и солдаты в панике разбежались, а другие не решались подчиниться святотатственному приказу; и только после того, как несколько артиллеристов были убиты, орудия открыли огонь. Боги и богини сошли со своих доселе священных позиций, и после шестичасовой интенсивной канонады от божеств не осталось и следа".

Какой бы паникой ни были охвачены непальцы при этом свирепом проявлении, это была всего лишь буря, вызванная более общим умственным и моральным состоянием. Рам Бахадур всего за несколько мгновений уничтожил изображения богов, которые, утратив всеобщий интерес, были последовательно усыплены на бесчисленных полках индуистской мифологии. Ранний дуализм развился в Морального Человека, с одной стороны, и Безнравственную Природу - с другой. Человек обнаружил, что моральный порядок в природе был представлен исключительно его собственной силой: благодаря его культуре или пренебрежению растение или животное росло или увядало, а там, где его контроль не распространялся, появлялись вредные сорняки или звери. До тех пор, пока представлялись добрые боги, теперь их уважали только как воплощенных в людях. Но активные силы зла все еще оставались, причиняя вред и вызывая ненависть у человека, и пессимистический взгляд на природу стал неизбежным. Для человека, вовлеченного в борьбу не на жизнь, а на смерть с природой, было утрачено много прекрасного, которое сейчас питает оптимизм теистов. Благоухающий цветок был сорняком для человека, жаждущего хлеба, и он смотрел на многие бесполезные сокровища с разочарованием Сада, когда, путешествуя по пустыне, он нашел мешок, в котором надеялся найти зерно, но нашел только жемчуг. Фатальной для каждого неантропоморфного божества была долгая пессимистическая фаза человеческой веры. Каждый становился более чистым демоном и шел по пути превращения в дьявола.

Многих конкретных демонов человек победил по мере того, как он постепенно наводил порядок среди суровости и дикости своей планеты. Каждое новое оружие или приспособление, которое он изобретал, пронзало тысячи фантомов. Только в тех сферах, которые он еще не мог покорить, оставались враждебные силы, которым он приписывал сверхъестественную мощь, поскольку не был способен проникнуть в них и видеть насквозь. Тем не менее, ранним демоническим формам пришлось уступить, поскольку человек обнаружил, что они не были его хозяевами. Он мог

срубить Упа и вырвать с корнем паслен; он проломил голову многим змеям и убил много волков. В деталях было доказано, что бесчисленные враги уступают ему в силе и интеллекте. Произошли важные миграции: человек географически удаляется от региона обитания некоторых из своих злейших врагов, заселяет страны, более плодородные, менее зараженные болезнями, его среда обитания превосходит ареал обитания его врага-животного; и, что еще лучше, он переходит путем умственной миграции из каменного века, из других беспомощных эпох, в век металла и умения создавать его и использовать. Он сделал огненного демона своим другом. Отныне он больше не голый дикарь, вооруженный куском камня или кости только для того, чтобы встретиться с сокрушительными силами мира и завоевать их неохотные припасы!

В рассказе Гейне о "Богам в изгнании" есть смысл гораздо более глубокий, чем очаровательная игра фантазии, эссе, которое м-р Патер хорошо описывает как "полное того странного смешения чувств, которое характерно для традиций средневековья в отношении языческих религий".²¹¹ Гейне пишет: 'Позвольте мне вкратце напомнить читателю, как боги древнего мира во времена несомненного триумфа христианства, то есть в третьем веке, попали в болезненное замешательство, которое очень напоминало некоторые трагические ситуации их прежней жизни. Теперь они оказались перед лицом той же неприятной необходимости, с которой они уже сталкивались однажды в первобытные века, в ту революционную эпоху, когда Титаны вырвались из-под опеки Оркуса и, воздвигнув Пелион на Оссе, взобрались на Олимп. Несчастные боги! Тогда им пришлось позорно бежать и скрываться среди нас здесь, на земле, под всевозможными личинами. Большинство из них отправились в Египет, где для большей безопасности, как общеизвестно, приняли облик животных. Точно так же им пришлось снова обратиться в бегство и искать развлечения в отдаленных убежищах, когда эти фанатики-иконоборцы, черный выводок монахов, разрушили все храмы и преследовали богов огнем и проклятиями. Многие из этих несчастных эмигрантов, полностью лишенные крова и амброзии, были вынуждены теперь заняться вульгарным ремеслом, чтобы заработать себе на хлеб. В этих обстоятельствах многие, чьи священные рощи были конфискованы, нанимались дровосеками в Германию и были вынуждены пить пиво вместо нектара. Аполлон, по-видимому, был доволен тем, что служил у скотоводов, и поскольку когда-то он держал коров Адмета, то теперь жил пастухом в Нижней Австрии. Здесь, однако, попавший под подозрение из-за своего прекрасного пения, он был признан ученым монахом одним из старых языческих богов и передан духовному трибуналу. На дыбе он признался, что он бог Аполлон, и перед казнью умолял позволить ему еще раз сыграть на лире и спеть песню. И он играл так трогательно, и пел с таким волшебством, и был при этом так красив фигурой и чертами лица, что все женщины плакали, и многие из них были так глубоко впечатлены, что вскоре после этого заболели. И некоторое время спустя люди захотели снова вытащить его из могилы, чтобы воткнуть в его тело кол, веря, что он был вампиром и что больные женщины таким образом выздоровеют. Но они нашли могилу пустой.

Естественно: трудно хоронить Аполлона. В следующий раз он появился, без сомнения, в качестве музыкального руководителя в ближайшем соборе. Благодаря таким суровым урокам молодые певцы и артисты обнаружили, что опасно петь языческие баллады слишком реалистично; что капюшон способен к высокой степени декорирования; что свирель Пана хорошо звучит, превратившись в орган; что Купидоны выглядят так же хорошо, если их называть Херувимами. Странно, что Роберту Браунингу потребовалось три столетия, чтобы разглядеть настоящую фигуру и лицо под облачением епископа, который заказывает его гробницу в церкви Святого Пракседа: —

Бронзовый барельеф, который ты мне обещал,
Те Паны и Нимфы, о которых вы знаете, и, возможно,
Какой-нибудь треножник, тирс, с вазой или около того,
Спаситель в своей нагорной проповеди,
Святой Преуспевал во славе, и один Пан
Готовая сорвать с Нимфы последнюю одежду,
И Моисей со скрижалями....

Так в одном направлении вырос эрмитаж до Ватикана; так Зевс вернул себе трон, обменяв свои молнии на ключи Петра, и Марс вернул себе своего коня в образе Святого Георгия, а Геркулес в образе Христа снова борется со Смертью. Но пока эти искусственные восстановления происходили в одном направлении, в другом некоторые из богов проходили через многие страны, перехитряя и разрушая свое прежнее "я", низведенное до уровня демонов. Существует множество легенд, рассказывающих об этой странной фазе развития, одна из лучших - о Гобан Саор, рассказанная мистером Кеннеди. Король Мюнстера послал за этим замечательным мастером, чтобы тот построил ему замок. Гобан мог выковать копье тремя ударами своего молота — святой Патрик, нашедший Троицу в трилистнике, возможно, определил количество ударов, — и когда он хотел вбить гвозди высоко, ему нужно было только метнуть в них свой молоток. По пути на работу к королю Гобан в сопровождении своего сына провел ночь в доме фермера, дочери которого — одна смуглая и трудолюбивая, другая белокурая и праздная — получили от него (Гобана) три совета: "Всегда держите голову старухи у очага; утром согрейтесь своей работой; и незадолго до моего возвращения отнесите шкуру только что убитой овцы на рынок и принесите ее саму и цену за нее домой". Когда Гобан со своим сыном отправились дальше, они встретили бедняка. тщетно пытаясь соорудить крышу своего дома из трех балок и глины; и просто положив один конец каждой балки на середину другой, а другие концы уперев в стену, конструкция получилась совершенной. Он успокоил озадаченных плотников, соорудив для них мост без колышков и гвоздей, описанный в Комментариях Цезаря. Совершив множество великих дел, Гобан возвращается в усадьбу девушек, которые получили три его совета. Праздношатающаяся, конечно, допускала промахи в каждом пункте и была высмеяна на рынке за свое предложение вернуть овечью шкуру и ее цену. Другая, любезно приютив у себя престарелую родственницу, работая до тех пор, пока ей не стало тепло, а также выщипывая и продавая шерсть из овечьих шкур и принося последние домой, послушалась совета гобана и была выбрана его невесткой — принцем, присутствовавшим на свадьбе. Теперь, что касается строительства замка, Гобан знал, что король нанял для строительства предыдущих замков четырех архитекторов, а затем убил их, чтобы они никогда не построили другого дворца, равного его. Поэтому он говорит, что оставил дома необходимый инструмент, который его жена может подарить только ему самому или особе королевской крови. Король посылает своего сына, которого держат в качестве заложника до благополучного возвращения мужа.

Это Мастер-кузнец из скандинавской басни, у которого есть стул, с которого никто не может подняться, и который связывает в нем дьявола; это опять же история о Гефесте и кресле, в которое он заточил Геру, пока она не раскрыла тайну его рождения. "Дьявол", которого Мастер-Кузнец заманивает в ловушку, в скандинавской мифологии - это просто Локи: и поскольку Локи -

это деградировавший Гефест, огонь в его демонических формах, во всех этих легендах огненный демон сражался с огнем.

Это раздвоение богов на демоническую и святую формы требовало долгой подготовки. Силы, которые привели к этому, можно увидеть уже в изображениях богов Гесиодом, в их представлении на сцене Еврипидом, в манере, которая, несомненно, демонизирует их в глазах простонародья и вызывает такой смех среди ученых, который до сих пор звучит сквозь века в божественных диалогах Лукиана. Кем боги стали для люциан до того, как они достигли Гейнеса, можно понять из прилагаемой карикатуры (рис. 21).²¹² Ничто не может быть более любопытным, чем встречи богов с их мертвыми ипостасями, со своими Гривами. Какая бессознательная изобретательность в комбинациях! Святой Мартин на своем сером коне делит с нищим облачный плащ Водана на его черном коне, топча именно таких нищих в своей дикой охоте; как святой он теперь укрывает тех, кого в качестве демона-бури охладил; но личность юнкера Мартина сохранена как в названиях, так и в мифах, а Мартинхорны (лепешки), скрученные пообразу козлиных или оленьих рогов, преследуемых Воданом, считаются сильными, как подковы, для защиты дома или конюшни от объявленного вне закона бога.²¹³

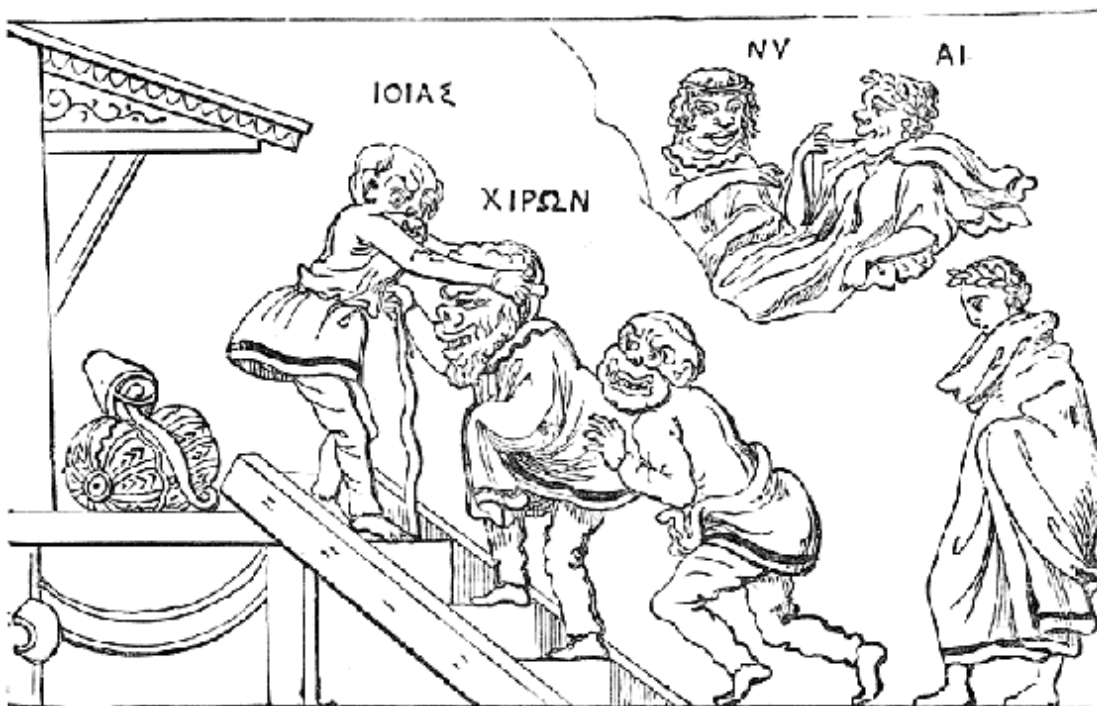

Рис. 21. Греческая карикатура на богов.

Более впечатляющие и привлекательные мифы, перенесенные на христианских святых — например, цветы, посвященные Фрейе, стали перчаткой, туфлей или халатом Богоматери, — оставались для старых богов, от их собственного имени, только отталкивающими и ребяческими, и этим они были сразу же обречены стать отъявленными мошенниками и глупцами. Если Титаны, етунны или джинны, то это были гигантские обманщики, которых любой маленький Ганс или Джек мог перехитрить и обезглавить. Наши сказочные предания полны

историй, которые показывают, что на Севере, так же как и в латинских странах, уже давно велась подготовка к презрению, которое христианство выливалось на скандинавских божеств. Многие истории в том виде, в каком они сейчас представлены в народных сказках, говорят о побежденном демоне или великане как о дьяволе, но совершенно легко отделить означаемое существо от имени, которым христианские священники столь без разбора наделяют большинство объявленных вне закона божеств. В Литве, где сохранилось слишком большое почитание некоторых ранних божеств, чтобы признать их отождествление с дьяволом, мы все еще находим, что они одержали верх над остроумием и мастерством ремесленника. Так обстоит дело в излюбленной народной легенде этой страны, в которой Перкунас — древний бог-Громовержец, соответствующий на Руси Перуну, — оказался в немилости вместе с дьяволом благодаря пронизательности и мастерству плотника. Престарелый бог, почтенный Дьявол и молодой Плотник объединились для путешествия. Перкун отгонял зверей громом и молнией, Дьявол добывал пищу, Плотник готовил. Наконец они построили хижину и стали жить в ней, а землю засадили овощами. Вскоре в их сад проник вор. Перкун и Дьявол последовательно пытались поймать его, но были хорошенько избиты; в то время как Плотник игрой на скрипке очаровал воровку, которая была ведьмой, ведьмой, чью руку скрипачу удалось просунуть в расщепленное дерево (под предлогом того, что он давал ей урок музыки), удерживая ее там до тех пор, пока она не отдала свою железную повозку и кнут, которым она расправилась с его товарищами. После этого все трое, решив разделиться, заспорили о том, кому достанется хижина; и в конце концов сошлись на том, что она достанется тому, кому удастся напугать двух других. Дьявол поднял бурю, которая напугала Перкуна, а Перкун своим громом и молнией напугал Дьявола; но Плотник храбро держался и посреди ночи пришел с повозкой ведьмы, и, щелкнув ее кнутом, Дьявол и Перкун оба убежали, оставив Плотника во владении хижины.²¹⁴

Что касается Перкуна, которого можно рассматривать как представителя богов, то хижина может быть символом Европы, а тип Плотника - власти, которая завоевала все, что от них осталось после того, как их честные или благородные ассоциации были переведены в христианские формы. Несколько позже подобная участь постигла дьявола, о чем нам придется рассказать в одной из следующих глав.

Самые ужасные суеверия, если проследить их массовое развитие, с особой впечатляющей обнаруживают постепенное освобождение человека от фантазмов свирепости, которые олицетворяли его первобытную беспомощность. Всеобщее суеверие об оборотнях, например, имело свои невыразимые ужасы из глубоких и широко распространенных корней. Возникнув, вероятно, из случайных рецидивов каннибализма среди племен или деревень, оказавшихся в столь неотложных обстоятельствах, как те, которые иногда вынуждают потерпевшую крушение команду тянуть жребий, кому суждено умереть, чтобы поддержать остальных, это неизбежно стало бы демонизироваться необходимостью окружать каннибализм опасностями похуже голода. Но, по-видимому, индивидуумы всегда подвержены риску из-за задержки развития, которая обычно принимает форму болезни или безумия, быть втянутыми обратно в дикое состояние своей расы. В ходе этой мрачной истории мы, во-первых, отмечаем растущую тенденцию показывать способы трансформации трудными. В *Sage о вельсунгах* человек может стать волком, просто надев 'волчью рубашку' (волчью шкуру). Затем говорится, что это делается с помощью пояса, сделанного из кожи человека, который был повешен — все казненные были посвящены Водану (потому что не умирали естественной смертью), для которого также был священным волк. Затем добавляется, что ремень должен быть помечен знаками зодиака и иметь пряжку с семью зубцами. Затем говорится, что "только седьмой сын" обладает этой

дьявольской силой; или другие говорят, что тот, чьи брови сходятся над переносицей. Средства обнаружения оборотней и преобразования их в человеческий облик множились по мере того, как количество средств трансформации уменьшалось, и такие средства отражали прогресс человеческого мастерства. Оборотня можно было вернуть, перейдя ему дорогу ножом или полированной сталью; мечом, лежащим на земле острием к нему; серебряным шаром. Человеческое мастерство было для него непосильным. В Познани матери обнаружили, что тот, у кого во рту есть хлеб, может даже таким способом обнаружить оборотней; а отцы на этот намек о том, чтобы не подпускать "волка к двери", добавили, что никто не может подвергнуться нападению такого монстра, если он находится на кукурузном поле. Славянин замахнулся на него плугом. Таким образом, по тому или иному рецепту, и каждый из них представлял собой часть победы человека над хаосом, оборотень был изгнан из всех, кроме нескольких 'несчастливых' дней в году, и особенно нашел свое последнее прибежище в Двенадцатой ночи. Но даже в ту ночь от оборотня, как правило, можно было спастись простым приемом - не говорить о нем. Если нужно было упомянуть о волке, то его называли Паразитом, и доктор Вуттке упоминает приходского священника по имени Вольф в Восточной Пруссии, к которому в "Двенадцатой ночи" обращались как к мистеру Паразиту! Реальный волк, уже вышедший из лесов в большинстве мест благодаря искусству строителя и архитектора; призрачный волк, на большую часть года избавленный от страха из-за признания человеком своего собственного превосходства над этим истребленным зверем; даже пресловутые "уши" исчезающего оборотня перестали быть видимыми, когда в его особенный праздничный вечер его имя не упоминалось.

Последняя казнь человека за то, что он случайно стал оборотнем, была, по-моему, в 1589 году близ Кельна, где имелись некоторые свидетельства каннибализма. Но девять лет спустя во Франции, где вера в *вупгару* была очень сильна, человека, обвиняемого таким образом, просто заперли в сумасшедшем доме. Свидетельством произошедшей революции является то, что, когда следующие правительства обратили внимание на оборотней, это было потому, что некоторые бродяги заявляли, что могут превращаться в волков, чтобы вымогать деньги у более слабоумных и невежественных крестьян.²¹⁵ Вряд ли можно было придумать более значимую историю: оборотень уходит оттуда, откуда вошел. Из-за невежества и слабости, пытающихся, слишком часто тщетно, 'не подпускать волка к двери', родился этот ненасытный призрак; у нищего и бродяги пережитки беспомощности становятся закоренелыми, он блуждает худым и хитрым. Он держится в стороне от любой культуры, будь то полевая или интеллектуальная. Так же обстоит дело и со всеми демонами в упадке, из которых я могу здесь привести лишь несколько характерных примеров. Так гласит руна—

Когда появится ячмень,

Тогда дьяволы свистят;

Когда ячмень будет обмолочен,

Тогда дьяволы скулят;

Когда ячмень будет измельчен,

Тогда дьяволы рычат;

Когда мука будет приготовлена,

Тогда дьяволы погибают.

Старый шотландский обычай, упомянутый сэром Вальтером Скоттом, оставлять вокруг каждого возделанного поля непаханую полосу, называемую *Угодьями Гудмана*, происходит от древнего поверья, что, если не предоставить лесным духам какое-нибудь дикое место, они повредят зерну и овощам; и, без сомнения, что-то подобное заставляет фермеров Тургау до сих пор прививать омелу на свои фруктовые деревья. Многие, кто может улыбаться таким обычаям, все же сохраняют в своем собственном сознании или сознании своих слуг или соседей поля, к которым запрещено прикасаться плугу науки и где сверхъестественные войска все еще прячут свои сморщенные формы. Но этот дикий пояс становится все уже, и изображения внутри него имеют тенденцию сливаться с шуршащими листьями, соломой и насекомыми и быть невидимыми в остальном, за исключением того второго зрения, которое дается Гламуром. Как в какой-нибудь пантомиме с тенями, божества и демоны преследуют друг друга бесконечной процессией, падая вниз как внушающие благоговейный трепет Титаны, исчезая как гротескные пигмеи - исчезая за лампой в Небытие!

Так большинство чудовищ, которых мы описывали, — Животные, Вулканы, айсберги, Пустыни, какими бы они ни были, — благодаря развитию культуры и овладению природой получили название "маленький народ"; и, возможно, это скорее из жалости, чем эвфемизм, когда их так часто называли, как в Ирландии (*Дуайн Матха*), "добрыми маленькими людьми".²¹⁶ С каждым шагом во времени или пространстве назад, в эпоху механических искусств, маленькая фея набирает физические размеры. Домашние духи (*Domovoi*) в России - это мохнатые существа в натуральную величину, имеющие форму человека. В Литве соответствующие фантомы (*Kaukas*) в среднем всего фут в высоту. Кроснята, в которых верят славяне балтийского побережья, также малы; и по мере продвижения кобольдов, эльфов, фейри на запад мы обнаруживаем, что размеры таких фигур уменьшаются, пока не раздаются предупреждения о том, что никогда нельзя ковырять в зубах соломинкой, поскольку эта тонкая трубка является любимым местом обитания эльфов! В Баварии маленькая красная чесночница с семью пятнами (*Coccinella septempunctata*) способна удерживать Тора его молниями, а в других регионах является формой богини Любви!²¹⁷ Наше английское название крошечного жука "Божья коровка" происходит от последнего понятия; и мистер Карл Блинд выразил мнение, что наша детская руна -

Божья коровка, божья коровка, улетай домой,

Твой дом в огне, твои дети будут бродить...

это последнее эхо эддайских пророчеств о разрушении вселенной огненным демоном Локи!²¹⁸ Такое сокращение древних богов, демонов и ужасов до крошечных размеров, конечно, было бы лишь косвенным результатом указанной общей причины. Они были изгнаны из большого мира и стремились к маленькому миру: они выживали в хижине и были приспособлены к нервам детской. Только так Титон может продолжать жить: после возраста, для которого он рожден, он превращается в кузнечика; и теперь, только внимательно прислушиваясь, можно различить в стрекотании множества бессмертных, прообразом которых является Титон, громы и рычание божеств и демонов, которые когда-то заставляли дрожать землю.

Глава 2. Обобщение демонов

Завещание демонов своим победителям—Неописуемые факты—Преувеличения традиций—Теория ящеров о драконах—Дракон не примитивный в мифологии—Монстры египетской, иранской, ведической и еврейской мифологий—Дракон Тернера—Делла Белла—Обычный дракон.

После всех тех отважных побед человека над первым хаосом, органическим и неорганическим, влияние которого на его фантазии было указано; после того, как огонь уничтожил тысячи его созданий, а железо - десятки тысяч его демонов, и грубый ремесленник стал Заклятым Врагом со своим рулем, преследующим воинства тьмы обратно в Ночь и Невидимость; все еще стоял мрачный факт многоформной боли и зла в мире, все еще бросая вызов возвышенным целям человечества. Более того, сталкиваясь с ними, он ни в коем случае не так сильно отличается ментально от того человека, которым он был до того, как детально победил многих врагов и уничтожил их призраки, каким он был морально. Человек обрел больше мужества и больше неповиновения; и в интеллектуальном плане был сделан шаг, хотя бы один: он узнал, что его пороки связаны друг с другом. У голода много видов. Его зияющую глотку можно увидеть в сверкающем небе, которое длится до тех пор, пока оно не становится медным, в потопе, землетрясении, в когтях и клыках; и тогда все это вместе лишь связывает голодноепотомство с Огнем и Свирепостью; летний солнечный луч может быть ядовитым, как змея, и конец всего этого - Смерть. Некоторая тенденция к этим более общим представлениям о противоположном принципе и силе в мире, по-видимому, представлена на той стадии развития, на которой возникают неописуемые формы. Это было завещание побежденных демонов.

Конечно, невозможно измерить различные силы, которые объединились, чтобы произвести сложные символические формы физического зла. Традиция не всегда помогает хорошему рисовальщику, и при изображении для далекого поколения в Германии большой змеи, убитой в Индии, может быть неточно указано количество ее голов или другие детали. Герои до Фальстафа были склонны переоценивать своих врагов в бакреме. Чем менее измерима вещь на деле, тем более грандиозна в воображении: оборотни особой величины населяют регионы, где веками не было настоящих волков; огромные змеи играют большую роль в анналах Ирландии, где не были найдены даже самые маленькие. Но после того, как были рассмотрены все природные влияния, вряд ли можно смотреть на сфинкса, химеру или обычного дракона, не осознавая, что он находится в присутствии более высокого создания, чем демонический медведь или гигантский негодяй. Фундаментальное различие между этими двумя классами заключается в том, что один является естественным, а другой - неестественным. Конечно, с точки зрения науки оборотень так же неестественен, как грифон, но как оригинальное выражение человеческого воображения оборотень вряд ли мог быть более чудесным чудовищем, чем сиамские близнецы, для современных интеллигентных людей. Демонические формы, как правило, естественны, хотя и карикатурны или преувеличены. И это стремление к сверхъестественной концепции в этой ранней форме ни в коем случае не является простым суеверием; скорее, это поэтическое и художественное усилие — своего рода грубое стремление

kallgemeinheit, к осознанию типов зла — принципа когтей, принципа клыков во вселенной, физиономий яда и боли, отделенных от форм, которым они присущи случайно.

Некоторые из конкретных форм, которые мы рассматривали, действительно, ни в коем случае не относятся к прозаическому типу. Такие концепции, как Раху, Цербер и некоторые другие, являются переходными между естественной и мистической концепциями; в то время как сфинкс, каким бы полным ни было сочетание идеальных форм, не полностью демонический. В эту часть III. включены те формы, сочетание которых не встречается в объективной природе, но которые все же являются пародией на природу и подлинной фауной человеческого разума.

Возможно, может показаться несколько произвольным, что я описываю все эти промежуточные формы между демоном и дьяволом термином Дракон; но я полагаю, что нет другой сказочной формы, которая включала бы в себя столько индивидуальных переходных типов или эволюцию которой можно было бы столь удовлетворительно проследить от точки, где она связана с демоном, до точки, где она передает свои характеры дьяволу. Хотя, однако, этот термин используется как лучшее, что напрашивается само собой, он не может быть принят как ограничивающий наше исследование или исключающий другие абстрактные формы, которые идеально соответствуют дракону, — обобщенному выражению для обозначения активного, могущественного и умного врага человечества, существа, организованного в антагонизме и способного использовать любое оружие в природе для достижения античеловеческих целей.

Неуклонно укрепляется мнение, что обычный дракон - это традиционная форма какого-то огромного ящера. Было высказано предположение, что некоторые из этих вымерших форм, возможно, были современниками первых людей, и что традиции конфликтов с ними, передаваемые устно и изобразительно, привели к сохранению их форм в *fable* (приблизительно). Реставрации ящеров на их островке в Кристал Пэлас показывают, как много здравого смысла в этой теории. Открытия профессора Марша из Йельского колледжа доказали, что общая форма дракона поразительным образом повторяется в природе; и мистер Альфред Тайлор в интересной статье, прочитанной перед Антропологическим обществом, показал, что мы очень склонны быть в безопасности, придерживаясь теории 'объектного происхождения' большинства вещей.

Относительно этой теории можно сказать, что самые ранние из обнаруженных описаний, как письменных, так и графических, рептильных монстров, вокруг которых выросли зачатки наших мифов о драконах, — это крокодилы или змеи, а не драконы любого обычного вида, за несколькими сомнительными исключениями. В египетском папирусе есть иероглифическое изображение Сан-ну Хут-ура, "плунжера моря"; это морское чудовище, похожее на дельфина, с четырьмя ногами и хвостом, заканчивающимся змеиной головой.²¹⁹ С крыльями это могло бы приблизиться к драконьей форме. И снова Амон-Ра убил Наку, и этот змей 'спас его ноги'. Возможно, эта фраза иронична и означает, что змей ничего не спас; но, кроме этого, стихотворение слишком метафорично — сам бог-победитель описывается в нем как 'прекрасный бык', — чтобы эта фраза была важной. На египетских памятниках изображены змеи с человеческими головами и членами, а змей Нахаб-ка изображен на амулетах с двумя совершенными человеческими ногами.²²⁰ Крылатые змеи встречаются на египетских памятниках, но почти так же часто в невероятном количестве четырех, как и с мыслимыми двумя крыльями птеродактиля. Изображенные таким образом змеи с антропоморфными ногами и небольшими крыльями в своих основных очертаниях принадлежат к обычным видам. В

иранской традиции говорится об искушении первых мужчины и женщины, Мешии и Месхианы, 'двуногим змеем лжи'. И вполне возможно, что из этого мифа о 'двуногом' змее выросла загадочная легенда из книги Бытия о том, что эдемский змей впоследствии был приговорен ползать на брюхе. Отсутствие ног у змеи, однако, с равной вероятностью могло бы послужить объяснением, приводимым в мусульманских и раввинских историях о том, что ее ноги были отрезаны ангелом-мстителем. Но древность иранского мифа сомнительна; в то время как превосходящая древность индуистской басни о Раху, с которой она, по-видимому, связана, предполагает, что две ноги змея Аримана, подобно четырем рукам змеехвостого Раху, являются антропоморфным дополнением. В древних планисферах мы находим "скрюченного змея", упомянутого в Книге Иова, но никакого дракона.

Два великих чудовища ведической мифологии, Вритра и Ахи, в Ведах не так отличимы друг от друга, как в более поздних баснях. Вритру очень часто называют Вритра Ахи—Ахи, что в Словаре Санкт-Петербурга объясняется как 'небесный Змей, демон Вритра'. "Ахи" буквально означает "змея", откликаясь на греческое $\acute{\alpha}\chi\iota$ -с, $\acute{\alpha}\chi\iota$ -δνς; и когда что-либо добавляется, оно кажется антропоморфным - головы—руки, глаза - как в случае с египетскими чудовищами-змеями. Ведический демон Урана описывается как имеющий три головы, шесть глаз и девяносто девять рук.

Казалось бы, столь же мало оснований приписывать *Танину* из Ветхого Завета значение дракона, хотя обычно это переводится именно так. Оно используется при обстоятельствах, которые показывают, что оно означает кита, змею и различных других зверей. Иеремия (xiv. 6) сравнивает их с дикими ослами, нюхающими ветер, а Михей (i. 8) описывает их 'плач'. Огненные змеи, которые, как говорят, поразили Израиль в пустыне, называются *серафимами*, но ни в своих природных, ни в мифологических формах они не превосходят нашего обычного дракона, за исключением огненного характера, который смешивается со змеиным характером. Описания Бегемота и Левиафана также не соответствуют облику дракона.

Змея как животное - это совершенное развитие. Его ноги, вовсе не ампутированные, как говорится в баснях, в наказание за его грех, были убраны под кожу в качестве костылей, которыми пользовались в более слабый период. Он найден как ископаемое третичного периода. Следовательно, поскольку форма дракона *hypothesis* является напоминанием об огромных, ныне ископаемых ящерах, которые по времени предшествовали змеям, ранние мифологии вряд ли могли так регулярно описывать огромных змей вместо драконов. Если бы обсуждаемая нами реалистическая теория была верна, то самые ранние сражения — например, Индры — должны были бы вестись с драконами, и враги—змеи со временем умножились бы; но имеет место обратное - (предполагаемые) вымершие формы в героических легендах сравнительно современны.

Рис. 22. Ведьма верхом (Делла Белла).

Мистер Джон Рескин однажды заметил по поводу картины Тернера "Дракон, охраняющий Геспериды", что эта концепция, созданная еще в 1806 году, когда в пределах досягаемости художника не было скелета Ящера, представляет собой исключительный пример научного воображения. По совпадению с такими вымершими формами дракона Тернера превосходит чудовище, на котором восседает ведьма на одной из гравюр Делла Белла, опубликованной в 1637 году. В том году по случаю бракосочетания великого герцога Фердинанда II во Флоренции была представлена "маска Ада", изображения которой были выгравированы Делла Беллой, и это одно из них, так что, возможно, скорее какому-то художнику-постановщику, чем выдающемуся подражателю Калло, мы обязаны этой гротескной форме, которая, по словам покойного мистера Райта, "могла быть позаимствована из какого-то отдаленного геологического периода". Если это так, то этот факт представлял бы собой любопытное совпадение с подлинной историей Дракона Тернера; поскольку после того, как мистер Рескин опубликовал свое замечание о представленном в нем научном воображении, старый друг художника заявил, что сам Тернер сказал ему, что скопировал этого дракона с рождественского представления в театре "Друри-Лейн". Но Тернер проявил истиннейший научный инстинкт, обратившись к ископаемым пластам человеческого воображения и извлекая оттуда общепринятую форму, которая никогда не существовала, кроме как в качестве структуры совокупной традиции.

Глава 3. Змей

Красота змеи—Эмерсон об идеальных формах—Размышления Мишле о голове гадюки—
Уникальные черты Змеи—Ужас обезьяны перед змеями—Змея, защищенная суевериями—
Беззащитность человека перед ее тонкими силами—Картина Дюбуфа о грехопадении человека.

На прилагаемой картине, медали с изображением древнего города Тир, соединены две самые красивые формы природы — Змея и Яйцо. Мистер Д. Р. Хэй показал бесконечную степень воспроизведения овальных арок в керамическом искусстве древности; и то же чувство симметрии, которое сделало греческую вазу сочетанием яиц, преобладает в очаровании, которым обладают одни и те же изящные очертания, где бы они ни предлагались, — например, в изгибах лебедя, полумесяце луны, удлинённой скорлупе, — на которых вполне может балансировать Афродита, поскольку одни и те же контуры находят свое воплощение. непревзойденное выражение в плавных линиях, обретающих покой в совершенной женской форме. Змея — модель "линии грации и красоты" — привлекала глаз художника и поэта еще больше. Это единственная активная форма в природе, которая не может быть некрасивой, и оценить степень ее использования в декоре невозможно, потому что все волнистые и извивающиеся линии обязательно имеют змеевидную форму. Но в дополнение к совершенствам этой формы, которые завершают все восхождение форм в мистической морфологии Сведенборга, круговой, спиральной, вечно—кольцевой, вихревой, небесной, Змея несет на себе, так сказать, драгоценные камни подземного мира, которые, кажется, находят свое отражение в галактиках.

Следует заключить, что поклонение Змеям в основном основано на страхе. Одних жертвоприношений этому животному достаточно, чтобы доказать это. Но поскольку несомненно, что Змей предстает в символике и поэзии многими способами, которые имеют мало отношения к его ужасам или вообще не имеют их, мы вполне можем усомниться в том, что у него не было карьеры в человеческом воображении до любого из результатов его правления террора — поклонения или проклятия. Согласно теории Песталоцци, каждый ребенок рождается художником, и через его изобразительное чутье нужно вести его на первых ступенях образования. Младенческий мир также демонстрировал глубокое понимание красоты в выборе священных деревьев и животных.

Рис. 23. Змея и яйцо (Тир).

Мифы, в которых Змей представлен как какодемон, относятся скорее к его естественной истории, чем к его внешнему виду; и даже когда стали изучать его естественную историю, существовало — и существует сейчас — такое большое несоответствие между его физиологией и функциями, а также между его внутренними характерами и их отношением к человеку, что мы можем только принимать его различные аспекты в мифологии, не пытаясь проследить их относительную предшествованность во времени.

Прошлые в этом случае могут быть наилучшим образом истолкованы настоящим. Как отличаются теперь от мудрых и наблюдательных людей предположения об этой исключительной форме в природе!

Давайте прочтем отрывок по этому поводу у Ральфа Уолдо Эмерсона:

- Согласно старому афоризму, *природа всегда самоподобна*. У растения глазок или зародышевая точка открывается на лист, затем на другой лист, превращая лист в корешок, тычинку, пестик, лепесток, прицветник, чашелистик или семя. Все искусство растения по-прежнему состоит в том, чтобы бесконечно повторять один лист за другим, получая больше или меньше тепла, света, влаги и пищи, определяющих форму, которую оно примет. В животном природа создает позвонок, или позвоночник позвоночных, и продолжает помогать себе новым позвоночником, с ограниченной способностью изменять его форму, — позвоночник за позвоночником, до конца света. Поэтический анатом в наши дни учит, что змея, представляющая собой горизонтальную линию, и человек, представляющий собой прямую линию, образуют прямой угол; и между линиями этого мистического сектора находят свое место все одушевленные существа; и он предполагает, что волосяной червь, перекидной червь или змея являются типом или предсказанием позвоночника. Очевидно, что на конце позвоночника природа выпускает шипы меньшего размера в виде рук; на конце рук - новые шипы в виде кистей; на другом конце она повторяет процесс в виде ног и ступней. В верхней части колонны она выводит еще один позвоночник, который удваивается или сворачивается в клубок, как перекидной червяк, и образует череп с конечностями: руки теперь представляют собой верхнюю челюсть, ступни - нижнюю челюсть, пальцы рук и ног на этот раз представлены верхними и нижними зубами. Этот новый хребет предназначен для высоких целей. Это новый человек на плечах прошлого".²²¹

Когда кто-то читает это, может возникнуть вопрос, как его идеализм мог бы быть представлен глазу более глубоко, чем в Змее, обвившейся вокруг яйца, — семени, из которого все эти шипы должны разветвляться для своих разнообразных вариаций? Какие отголоски древних тем тонко звучат между строк — от Змеи, обреченной ползать на брюхе в пыли, до Змеи вознесенной!

Теперь давайте обратимся к Жюлью Мишле и прочтем, что означал Змей для одного из проявлений его отзывчивой натуры.

‘Это был один из самых печальных моих часов, когда, ища в природе убежища от мыслей о времени, я впервые столкнулся с головой гадюки. Это произошло в ценном музее анатомических имитаций.

Голова, чудесно имитированная и чудовищно увеличенная, так что напоминает голову тигра и ягуара, обнажала в своей ужасной форме нечто еще более ужасное. Вы сразу же ухватились за тонкие, бесконечные, пугающе предусмотрительные меры предосторожности, которыми так мощно вооружена смертоносная машина. Мало того, что оно снабжено многочисленными зубами с острыми краями, мало того, что эти зубы снабжены искусным резервуаром яда, который убивает немедленно, но их чрезвычайная тонкость, которая делает их подверженными переломам, компенсируется преимуществом, которым, возможно, не обладает ни одно другое животное, а именно запасом дополнительных зубов, чтобы при необходимости заменить любые случайно сломанные. О, какие средства для убийства! Какие предосторожности, чтобы жертва не сбежала! Какая любовь к этому ужасному существу! Я стоял перед этим, *шокированный*, если можно так выразиться, и с больной душой. Природа, великая мать, рядом с которой я нашел прибежище, потрясла меня своим материнством, столь жестоко беспристрастным. Мрачный, я ушел, унося с собой на сердце тень еще более мрачную, чем лежала на самом дне, одном из самых суровых за зиму. Я появился на свет как ребенок; я вернулся домой как сирота, чувствуя, что представление о Провидении угасает во мне".²²²

Многие так уходили и так возвращались; некоторые, чтобы сказать: "Бога нет"; некоторые, чтобы сказать (как рассказывают о живущем поэте): "Я верю в Бога, но я против него"; но некоторые также, чтобы разглядеть в голове гадюки бронированную Природу, вооруженную ее лучшей наукой, чтобы защитить продвижение формы к человечеству по узким проходам.

Первобытный человек был ребенком, который появился на свет, когда его мир тоже был ребенком, и когда Змей все еще выполнял свою часть работы по превращению его в человека. От него до истребителя драконов был долгий путь; но важно то, что он не просто съежился; он наблюдал и подмечал, и нет ни одной черты, принадлежащей его смертоносным ползучим современникам, которую он не отметил бы и не одухотворил в такой науке, какая была для него возможна.

Последний из обнаруженных в Индии топесов изображает змеепоклонников, собравшихся вокруг своего божества и придерживающих языки большим и указательным пальцами. Ни одна живая форма в природе не может быть столь уместно рассмотрена с такой позиции. Змея не только обычно молчалива, но и в своих действиях обладает 'тишиной совершенного движения'. В нем показано максимальное усилие относительно его размера, наряду с минимальным трением и видимым усилием. Безногий, бескрылый, как звезда, он стремительно скользит и мечется иногда подобно молнии, чей раздвоенный язык он, казалось, воплощал. Малейшее прикосновение к его гениальному зубу разрушительнее львиной челюсти. Какая загадка в его долговечности, в его самообеспечении, в его самовосстановлении! Из темноты оно выходит, украшенное драгоценностями, ползучий журнал смерти в своем гневе, в своих неведомых целях, способный обновить свою молодость и подарить человеку нетленную жизнь! Замечательна также его мимика. Иногда он заимствует цвета земли, на которой покоем, деревьев, на которых висит, теперь кажется покрытым глазами, а "очковая змея", казалось, искусственно добавила ему остроты зрения. В целом он уникален среди природных форм, и его обширная история в религиозных спекуляциях и мифологии делает честь наблюдательности первобытного человека.

Недавние эксперименты показали, что обезьяны испытывают сильнейший ужас перед змеями. Такой ужас все больше признается как пережиток европейского человека. Змея - почти единственное животное, которое может последовать за обезьяной на дерево и там напасть на ее детенышей. Наши древесные антропоидные предки лучше всего могли развиваться в каком-нибудь естественно огороженном и укрепленном месте, например, у пропастей, по которым четвероногие не могли перелезть, но до которых обезьяны могли добраться, раскачиваясь и прыгая с деревьев. Но не могло быть такого уединения, за которым не мог бы последовать Змей. Король Бонни сообщил мне, что в его регионе Африки единственная змея, поклонение которой полностью поддерживается, - это *Номбо* (Прыгун), маленькая змейка, белая и блестящая, укус которой смертелен, и которая, забираясь на деревья, прыгает оттуда на свою жертву вниз и может далеко путешествовать, перепрыгивая с ветки на ветку. Первый древесный человек, который немного усилил естественную защиту в любой ситуации, мог бы считаться в традиции богом, насаждающим сад; но даже он не был бы способен изобрести какое-либо абсолютное средство защиты от самого коварного из всех зверей. Среди трех вещей, которые Соломон находил слишком чудесными для себя, был "путь змея на скале" (Притч. xxx. 19). Это сравнительное превосходство Змея над любыми приспособлениями, известными первобытным людям, чьи пословицы, должно быть, вобрали в себя большую часть мудрости Соломона, неизбежно оказало бы свое воздействие на животные и ментальные нервы нашей расы в

ранние времена, и Змей нашел бы в своей святости условия, благоприятные для выживания и размножения. Именно эту фатальную способность суеверия превращать фантазии в реальность мы до сих пор обнаруживаем под защитой Змеи в различных странах. Из почитаемого как вершитель жизни и смерти, он, таким образом, действительно может стать таковым в крупных районах страны. На картине Дюбуфа "Падение человека" гнев Иеговы представлен молнией, которая сокрушила дерево, под которым сейчас скорчилась пара нарушителей; за ним виден сатана в человеческом облике, поднимающий руку в гордом вызове на фоне почерневшего неба. Так появлялся Змей. Его жертвы исчислялись многими тысячами там, где молния свалила одну. По дрожащим нервам многих поколений передавалось признание Сына Сирахова: "Нет головы выше головы змеи".

Глава 4. Червь

Африканский змей-драма в Америке—Змей под покровом—Ковчег Завета—Жезл Аарона—Червь—Эпизод из Dii Involuti—Серापес—Бамбино в Риме—Превращения Змеи.

Накануне 1 января 1863 года, в исторический день Нового года, когда президент Линкольн провозгласил свободу американским рабам, я присутствовал на Ночном Бдении, устроенном неграми в одном из городов этой страны. Открывая собрание, проповедник сказал, хотя и словами, красноречивые недостатки которых я не могу воспроизвести: 'Братья и сестры, президент Соединенных Штатов пообещал, что, если конфедераты не сложат оружие, он освободит всех их рабов завтра. Они не сложили оружия. Завтра будет день свободы для угнетенных. Но все мы знаем, что силы зла окружают президента. Пока мы сидим здесь, они пытаются заставить его нарушить свое слово. Но мы собрались вместе, чтобы наблюдать и следить, чтобы он не нарушил своего слова. Братья, дурное влияние, окружающее президента сегодня вечером, сильнее любых Медноголовых.²²³ Сегодня ночью Старый Змей находится за границей со всеми своими посланниками, в великой силе. Его гнев велик, потому что он знает, что его час близок. Он будет в этой церкви этим вечером. Когда наступит полночь, мы услышим его гнев. Но, братья и сестры, не пугайтесь. Наши молитвы возобладают. Его голова будет в синяках. Его спина будет сломана. Он отправится в ярости в ад, и Новый год Всемогущего Бога сделает Соединенные Штаты настоящей страной свободы".

Эти слова произвели глубокое впечатление среди сотен присутствовавших негров; их часто прерывали крики 'Слава!' и лились слезы радости. Но сцена и волнение, которые последовали за этим, были неопишуты. За несколько минут до полуночи прихожан попросили преклонить колени, что они и сделали, и молитва следовала за молитвой со все возрастающим рвением. Вскоре послышалось громкое, продолжительное шипение. Послышались крики— 'Он здесь! он здесь!' Затем раздался залп шипения; казалось, они исходили из каждой части комнаты, шипение, настолько похожее на шипение огромных змей, что были потрясены самые крепкие нервы; над ними возносилась молитва проповедника, превратившаяся в дикое заклинание, и экстатические восклицания стали настолько всеобщими, что было чудом, какие голоса

остались, чтобы издавать шипение. Наконец, с соседней колокольни в морозном воздухе прозвучали двенадцать ударов полуночи, и шипение немедленно стихло, а вскоре и вовсе прекратилось, и Новый год, принесший свободу четырем миллионам рабов, был встречен ликующим хором всех присутствующих, поющих гимн победы.

Далеко разнеслись это шипение и победная песнь, положившие конец драме драконов Америки. В них было бремя Иезекииля: "Сын человеческий, обрати лицо твое против фараона, царя Египетского, и пророчествуй против него и против всего Египта, говоря: так говорит Господь Иегова: вот, Я против тебя, фараон, царь Египетский, великий дракон, который лежит посреди рек... Я всажу крючок тебе в челюсти". В них было бремя Исаяи: "В тот день Господь своим жестоким, великим и крепким мечом накажет Левиафана, змея-пронзителя, Левиафана, этого кривого змея: он убьет дракона, который в море". В нем был крик Софара: "Его мясо в кишечнике перевернулось, это желчь аспиды внутри него. Он проглотил богатство, и его снова вырвет им; Бог извергнет их из чрева его". И эти еврейские высказывания, опять же, были лишь отдаленным эхом гораздо более ранних голосов тех африканских рабов, которых все еще изображают в цепях на разрушенных стенах Египта, — голосов, которые наконец набрались смелости объявить о нескончаемой борьбе человека с угнетением, о битве между богом и змеем, которая никогда не имела более благородного исхода, чем когда в Америке раздался предсмертный свист рабства и победоносное Солнце взошло над Новым Миром свободных и равных людей.

Змей, таким образом превознесенный в Америке до уровня угнетения, сильно отличается от любой змеи, которой африканцы в наши дни поклоняются как божеству на своей родной земле. Смуглый змеепоклонник во время своего переселения брал своего бога с собой в сундуке или корзине — одновременно ковчеге и алтаре, — и в этом тайнике он претерпевал превращения. Он стал изменчивой эмблемой как добра, так и зла. В мифологическом смысле змей, несомненно, держал свой хвост во рту. Ни одна цивилизация не достигла предела своего типичного превосходства.

Рис. 24.—Змей и Ковчег (с греческой монеты).

Относительно сопутствующей элевсинской формы (рис. 24) Кальмет говорит: 'Таинственный сундук, шкатулка или корзина могут быть справедливо причислены к самым замечательным и священным орудиям поклонения, которые составляли часть церемоний процессий в языческом мире. Это считалось настолько священным, что не выставлялось на всеобщее обозрение и не было открыто публично, но было зарезервировано для осмотра посвященными, только полностью посвященными. Полное объяснение этого символа потребовало бы диссертации; и, действительно, он более или менее рассматривался теми, кто писал о природе Ковчега свидетельства у евреев. Отклоняя в настоящее время запрос, мы просто обращаем внимание читателя на то, что, как предполагалось, содержал этот мистический сундук - змею!' Французский бенедиктинец, написавший этот отрывок, хотя его обычная прямота позорит казуистику нашего времени, счел необходимым скрыть Еврейский ковчег: именно так изначально был скрыт обитатель Ковчега; и хотя святой Иоанн изгнал его из Чаши, его гений пребывает в Пиксе, перед Воинством которого 'вознесенные' глаза верующих опущены.

Автор Послания к Евреям (глава ix), описывая Скинию, говорит: 'За второй завесой скиния, называемая Святейшей из всех; в ней была золотая кадильница и ковчег завета, обложенный со всех сторон золотом, в котором был золотой сосуд с манной, и жезл Аарона, распустившийся, и скрижали завета'. Но этот жезл Аарона, который, распустившись, поглотил все соперничающие притязания на племенное священство, был тем же самым жезлом, который был превращен в змею и поглотил жезлы-змеи колдунов в присутствии фараона. Так мягко и утончен "путь змеи по скале"!

Это покрывало Змеи, имеющее огромное значение, характерно даже для слов, используемых для его названия. Из них я выбрал одну, чтобы озаглавить эту главу, потому что это одна из бесчисленных завес, которые скрывали превращение этой рептилии от особой внешней опасности в демонический тип. Это общее описание вещей, которые вьются или поворачиваются (*vermes*, которое некоторые связывают с санскритским корнем *hvar*, 'изогнутый'), постепенно вошло в обиход для обозначения демонических змей. Данте и Мильтон называют сатану червем. Несомненно, среди двухсот названий Змеи, которые, как говорят, упоминаются в арабском труде, мы должны найти параллели с этой старой адаптацией слова 'червь'. В таких странах, как Германия и Англия, где не водятся крупные змеи, народное воображение не могло быть поражено простым утверждением, что Зигфрид или Лэмбтон убили змею. Извилистый характер змеи был сохранен, но благодаря той бессознательной ловкости, которая так часто проявляется при создании мифов, он был расширен настолько, что включил в себя способность к сверхъестественному преображению. Червь Лэмбтона выходит из колодца очень маленьким, но затем он обвивается вокруг своего холмика девятью огромными кольцами. Одержимая ведьмой дочь короля Нортумберленда, которая

заполз в нору червяк

И оттуда вышла прекрасная девушка,

всего лишь следовал легендарному правилу племени демонических змей.

Почему Змей проскользнул в Ковчег или сундук и спрятался за завесами? Чтобы ответить на этот вопрос, потребуется привести здесь эпизод.

В этрусской теологии и церемониале верховная власть принадлежала определенным божествам, которых никто никогда не видел. Их называли *Dii Involuti*, скрытые боги. Даже жрецы

никогда не смотрели на них. Говорили, что когда случалось какое—нибудь страшное бедствие, эти таинственные божества говорили свое слово на совете богов - слово всегда окончательное и роковое.

На этот счет существовали прекрасные теории, и этрусков хвалили за высокие трансцендентальные взгляды на невидимую природу Божественного Существа. Но, вероятно, верна и более прозаическая теория. Эти боги были закутаны, потому что их нельзя было увидеть. Грубая резьба какого-то дикого племени, поначалу их видели и им поклонялись: для них строили храмы, и их жречество набирало силу; но по мере развития искусства и появления прекрасных статуй эти грубые узоры не выдерживали контраста, и единственным способом сохранить почтение к ним и выросшим вокруг них институтам было совсем спрятать их с глаз долой. Тогда можно было бы сказать, что они были настолько божественно прекрасны, что чувства были бы подавлены ими.

Существовало много божеств под покровом, и хотя их покровы были рационализированы, их легко пронзить. Надпись на храме Исида в Саисе гласила: 'Я есмь то, что было, что есть и что будет, и никто еще не приподнял покрывало, скрывающее меня'. Исида в то время, вероятно, превратилась в негритянскую мадонну, подобную той, что до сих пор почитается в Испании как святейшее из изображений и называется тем же титулом 'Наша Непорочная Госпожа'. Поскольку в Египте смешались светлая и темная расы, примитивный нубийец, цвет лица и черты Исиды не могли внушать такого почтения, как в более древние времена, и перед ней также был повешен занавес. Ковчег Моисея унес это покрывало в пустыню и скрыл предметы, непривлекательные на вид — вероятно, два нацарапанных камня, несколько костей, которые, как говорят, принадлежали Иосифу, горшок с так называемой манной и посох, который, как говорят, когда-то был змеей, а потом расцвел. Созданный грубым племенем, Ковчег был подходящей вещью для того, чтобы его можно было спрятать, и спрятан он был по сей день. Когда завеса в Храме была разорвана — аллегорически в момент смерти Христа, на самом деле Титом, — ничего подобного обнаружено не было; и, по-видимому, евреи уже давно должны были поклоняться завесе, за которой была пустота. Павел обнаружил, что покрывало, которое, как говорят, закрывало лицо Моисея, когда он спускался с Синая, было мифом; это означало, что люди не должны видеть до конца то, что, тем не менее, было преходящим. "Их умы были ослеплены, ибо по сей день, когда читают Моисея, эта завеса лежит на их сердцах".

Кирхер говорит, что египетские серафимы были изображениями без каких-либо выступающих конечностей, завернутыми как бы в пеленки, частично сделанными из камня, частично из металла, дерева или ракушки. Подобные изображения, по его словам, римляне называли 'тайными богами'. По мере развития эпохи скептицизма иногда возникала необходимость слегка приоткрыть эти "инволюции", чтобы не было сказано, что бога там вообще не было. Так обстоит дело со знаменитым *бамбино* из церкви Арачели в Риме. Это изображение, которое, как говорят, было вырезано паломником из дерева на Елеонской горе и нарисовано святым Лукой, пока паломник спал, сейчас хранится в ковчеге, и посетителям разрешается увидеть часть его раскрашенного лица. Когда автор этих строк попросил показать всю форму или, по крайней мере, голову, представивший ее священник был поражен таким предложением. Без сомнения, он был прав: единственное чудо, что лицо тоже не скрыто, ибо более искусно уродливую вещь, чем плоское, почерневшее и нарумяненное лицо бамбино, трудно было себе представить. Но, тем не менее, на нем надета очень хитрая вуаль. Лицо обрамлено изумительными бриллиантами, но они менее эффективно скрывают его уродство, чем мифологический покров

вокруг него. Прилегающие стены увешаны изображениями чудес, которые он совершил и которые привлекли к нему такую веру, что, как говорят, в свое время он получал больше медицинских гонораров, чем все врачи Рима вместе взятые. Священники обнаружили, что завеса над разумом толще, чем завеса над богом. Народное почитание бамбино настолько велико, что в 1849 году республиканцы сочли политичным подарить монахам государственную карету папы римского для перевозки идола. В конце концов было доказано, что папа надежно сидит рядом с бамбино, и вскоре он тоже вышел из-под своей вуали.

Затем наступил период, когда Змей заполз за завесу, или крышку ковчега, или в чашу - очень маленький червяк, но все же способный прогрызть посох Соломона. Никакой мудрости нельзя было позволить подняться над самым страхом, хотя его особые источники могли быть кое-где уменьшены или побеждены. Змея, наконец, научила человека своему искусству войны. Человек призвал себе на помощь свинью, а ибис произвел опустошение среди рептилий; и часть того ужаса, который является прародителем такого рода преданности, прошла. Когда он появился в следующий раз, то был в двойном обличье — как Агатодемон и Какодемон, — но в обеих формах как фамилляр какого-то высшего существа. Это был гений Минервы, Эскулапа, святой Евфимии. Мы уже видели его (рис. 13) как гения Элейцев, Сосополиса, где также мы видим Змея, спешащего в свою пещеру, оставляя мать и дитя для поклонения в храме Люцины. В христианской символике серафимы — "горящие (*сарафные*) змеи" — скрывали свои лица и формы под своими огромными крыльями, скрещенными спереди, и таким образом смогли стать "выдающимися" и присоединиться к восхвалениям современных сообществ за избавление от таких же воображаемых огненных червей, как они сами!

Глава 5. Апофис

Натуралистическая теория Апофиса—Змей времени—Эпос о Черве—Аспид Мелиты—Победители времени—Нахаш-Бериах—Змей-Шпион—Наступающий на Змей.

Соображения, выдвинутые в предыдущей главе, позволяют нам легко отвергнуть многие рационалистические интерпретации, которые были выдвинуты для объяснения чудовищных змей из священных книг ссылкой на воображаемые виды, которые, как предполагается, в настоящее время вымерли. Летающие змеи, змеи многоголовые, приносящие дождь, ненавидящие женщин и т. Д., Могут сохраняться как фауна библиопоклоннического воображения. Такие формы, однако, имеют такое мифологическое значение, что необходимо тщательно остерегаться этого метода реалистической интерпретации, тем более что существует множество реальных характеристик змей, достаточно таинственных, чтобы с ними можно было сговариваться. Здесь можно отметить недавний пример такого буквализма.

М-р У. Р. Купер²²⁴ полагает, что зловещий змей египетской мифологии имеет реальную основу в виде "крупного и неопознанного вида змея огромной силы и отвратительной длины", который "даже с древнейших веков ассоциировался как представитель духовного, а иногда и

физического зла и носил имя Хоф, Рехоф или Апофис", "*разрушитель, враг богов, пожаритель человеческих душ*". О том, что такое существо, добавляет он, "когда-то обитало в Ливийской пустыне, у нас есть свидетельства как карфагенянина Ганнона, так и римлянина Лукана, и если сейчас оно больше не обитает в этом регионе, то, вероятно, это связано с развитием цивилизации, которая продвинула его дальше на юг".

Помимо крайней вероятности того, что исследование Африки не принесло никаких слухов о таком чудовище, если бы оно существовало, относительно теории м-ра Купера можно сказать следующее: (1.) Если бы действительно приведенные ссылки относились к рептилии, ныне неизвестной, мы могли бы по мифологической аналогии ожидать, что ее почитали бы выше Аспида или Кобры. Пропорционально этому страху, как правило, было возвышение его объектов. Первобытные народы обычно набирались смелости осыпать злобных монстров бранью, когда — либо из-за их несуществования, либо из-за редкости — была наименьшая опасность того, что это будет воспринято практически как личное оскорбление. (2.) Правильные складки Апофиса на саркофаге Сети I. и в других местах настолько явно мистичны и условны, что, по-видимому, они относятся к форме змеи только так, как гильоширование на стене может относиться к морским волнам. Апофис (или Апап) был бы художником-декоратором, если бы сложил себя в таком порядке.

Эти невозможные лабиринтные извивы предполагают Время, подобно тому как змея с хвостом во рту символизирует Вечность, — эволюция той же идеи. Таково было толкование, данное внимательным ученым, покойным Уильямом Хиксоном,²²⁵ процессии из девяти человек, изображенных на саркофаге, упомянутом как несущие змею, каждый из которых держит складку, и все они достаточно правильные для фриза. 'Сцена,' говорит этот автор, — по-видимому, относится к Страшному суду, поскольку Осирис изображен на своем троне, выносящим приговор толпе перед ним; и на тех же картинах изображены река, отделяющая живых от мертвых, и мост жизни. Возможно, смерть змея символизирует конец времен.' Эта идея продолжительности может быть общей, относящейся ко всем временам, или она может относиться к продолжительности индивидуальной жизни; естественно, она включает в себя зло и агонию жизни; но фундаментальная концепция более проста, а также более поэтична, чем даже эти следствия, и она означает вечное опустошение и разложение. Достаточно посидеть перед часами, чтобы увидеть Апофис: там вьется спираль за спиралью вечно движущееся чудовище, чьи зубы безжалостны, пожирающее мало-помалу силу и величие человека и обращающее в прах его величайшие достижения — даже его вселенную. Время — это бессмертный Червь.

Бог, сотворивший меня червем, я превращаю тебя в дым.

Хотя и убереги свою безымянную сущность от моего удара,

Но меня гложет не меньше

Любовь в сердце, звезды в багровом космосе,—

Бог ревнует,—освобождая таким образом твое место,—

И украсть ваших свидетелей.

С тех пор, как звезда вспыхнула, было бы неправильно учить человека
Что могильный червь не может достичь такой славы;
Ничто реальное не спасет меня.
В синеве, как под мраморной плитой, я лежу,
Я сразу же кусаю звезду на небе,
Яблоко на дереве.
Загрызть эту звезду для меня не так сложно
Чем свисающий виноград на виноградных лозах Сицилии;
Я подрезаю падающие лучи;
Вечность не уступает великолепию храбрых.
Лети, муравей, все существа умирают, и ничто не может спасти
Все созвездия.
Звездный корабль высоко в эфирном море,
В конце концов должно расколоться и разрушиться: эта штука должна быть:
Бросок Сатурна с широким кольцом
К гибели: Сириус, которого я коснулся, разложение,
Как маленькая лодка, отплывающая от Итаки
Это ведет к Калимносу.²²⁶

Естественная история Апофиса, насколько она у него есть, вероятно, изложена в следующем отрывке, цитируемом мистером Купером из Уилкинсона: 'Элиан рассказывает много странных историй об аспиде и уважении, которое оказывали ему египтяне; но мы можем предположить, что в его шестнадцать видов аспидов были включены и другие змеи. Он также говорит о драконе, который был священным в египетском Мелите, и о другом виде змей, называемых Париес или Паруас, посвященных Эскулапу. У змея Мелиты были жрецы и служители, стол и чаша. Его держали в башне, и жрецы кормили его лепешками из муки и меда, которые они клали туда в миску. Сделав это, они удалились. На следующий день, вернувшись в квартиру, обнаружили, что еда съедена, и в миску снова положили столько же, поскольку никому не разрешалось видеть священную рептилию'.²²⁷

Именно благодаря этому сокрытию от внешнего глаза Змей смог принять такие чудовищные размеры для глаз воображения; и, действительно, не исключено, что этот мелитский змей, вступивший в конфликт с осиринским культом, был деградирован и демонизирован в того злого монстра (Апофиса), которого Гор убил, чтобы отомстить за уничтожение Осириса (поскольку его часто отождествляли с Тифоном).

Хотя Гор проклял и убил этого ужасного демона-змея, он вновь появляется во всей египетской мифологии с неизменной силой, и все злые силы были порождением его самого или Тифона, которые иногда описывались как братья, а иногда как одни и те же существа. Из "Ритуала мертвых" мы узнаем, что высокой привилегией и задачей погибших героев было восстановиться и отправиться навстречу агентам Апофиса, которые послали сразиться с ними крокодилов Себа, Хема и Шуи, а также других крокодилов с севера, юга, востока и запада; герой, победив их, приобретает их мощь, а затем одерживает верх над ходячей гадюкой Ру; и так далее с другими демонами, называемыми "предшественниками Апофиса", пока сам их принц не будет встречен и убит, все божества-хранители героя сопровождают его. закрепить нож в каждой из складок монстра. Это Победители Времени, бессмертные.

В Апофисе мы находим Змея, достаточно развитого до принципа зла. Он - 'обвинитель солнца'; его представители преодолевают двенадцать врат в Ад, которые Солнце должно пройти — двенадцать часов ночи. Он одновременно и "Нахаш бериах", и "Нахашакталон" — "змей-перекладина", и "Извилистый змей", с которыми мы встречаемся в Исе ххvii. 1: 'В тот день Господь своим жестоким, великим и крепким мечом накажет левиафана, змея-пронзителя, именно левиафана, этого кривого змея'. Перевод на полях в английской версии - "пересекающий, как перекладина", вместо "пронзающий", а в Вульгате есть *serpens vectis*. Это относится к моральной функции змея, такой как преграждение пути или охрана двери. Без сомнения, это "скрюченный змей" из Книги Иова ххvi. 13, поскольку астрологический смысл этого не умаляет земного значения. Воображение могло спроецировать на небеса только то, чему оно научилось на земле. Бочарт, определяя 'Нахаш-бериах' как 'летающего змея', совершенно прав: серафим, или крылатый Змей, который преградил путь к древу жизни в Эдеме и в некоторых традициях был вероломным стражем у ворот сада и который укусил Израиля в пустыне, был тем же самым изменчивым Апофисом. Для выполнения таких задач и для того, чтобы воспарить в небесную планисферу, у Змея должны быть крылья; и таким образом, он уже далеко продвинулся на пути к тому, чтобы стать летающим Драконом. Но в одной форме, как предатель человека, он должен потерять свои крылья и вечно ползать по земле. Таким образом, Змей - это не столько агатодемон и какодемон в одной форме, сколько принцип разрушения, который иногда используется божеством для наказания своих врагов, подобно тому как Гор использует огненное Кхети, но иногда требует, чтобы его самого наказали.

Были сомнения в том, сохранится ли известное производное от ὄφις, serpent, from ὄψ. Некоторые связывают греческое слово σέρψις, but Curtius maintains that the old derivation from ὄψ is correct.²²⁸ Посредством процесса, аналогичного тому, который развил мстящих фурий из детектива "Рассвет" — Эриний из Саранью, сатану из Люцифера²²⁹ — этот хитрый Шпион мог бы также стать карательной и, в конечном итоге, злобной силой. Фурии изображались со змеями в руках, и каждая из них в идеале могла бы нести в себе ужас Апофиса: Время тоже является детективом, и виновный слышал, как оно говорило: 'Твой грех найдет тебя'.

Благодаря множеству ассоциаций такого рода Змей в ранний период стал проводником испытаний. Любой, кто безнаказанно обращался с ним, считался находящимся в союзе с ним или специально огражденным божеством, чьи 'руки образовали изогнутую змею'. Возможно, именно в качестве заклинателей змей Моисей и Аарон предстали перед фараоном и повлияли на его воображение; или, если эта история является мифом, ее существование все еще показывает, что выступления змей тогда рассматривались как свидетельства божественной подлинности. Поэтому, когда Павел потерпел кораблекрушение на Мальте, где, как говорят,

гадюка вцепилась ему в руку, варвары, сначала предположив, что он убийца, 'которого, хотя он и спасся в море, месть все же не оставляет в живых', пришли к выводу, что он бог, когда нашли его невредимым. Бесчисленные предания предшествовали словам, приписываемым Христу (Луки х. 19): 'Вот, Я даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу врага, и ничто никоим образом не повредит вам'. Поучительно сравнить это предложение, приписываемое Христу, с представлением варваров о приключении Павла, каким бы оно ни было. Знакомство Павла со Змеем кажется им доказательством того, что он бог. Такая же идея представлена в Ис. хі. 8: 'Грудное дитя будет играть в норе аспида'. Но идея наступать на змей относится к периоду, более близкому к тому, когда младенец Геракл душил змей. И все же, хотя эти две концепции — попираания змей и умерщвления змей — приближаются друг к другу, они очень различны по источнику и значению, как с моральной точки зрения, так и с исторической. Слово, используемое в Евангелии от Луки, πατεῖν, передает идею хождения по чему-либо в величии, а не во враждебности; это должно быть истолковано следующим предложением (х. 20): "Несмотря на это, не радуйтесь, что духи повинуются вам (τα πνεύματα ὑποτάσσεται)". Истребитель змей или драконов не имеет семитского происхождения. Ужасающее превосходство Иеговы держало все разрушительные силы прикованными к его руке; и спрашивать человека, может ли он вытащить Левиафана крюком, было лишь еще одной формой напоминания ему о его собственной неполноценности перед создателем и владыкой Левиафана. Насколько семитские идеи, проходящие через Библию и особенно представленные в легенде о Павле на Мальте, соответствуют природе варваров, иллюстрирует случай, описанный в книге мистера Бринтона 'Мифы Нового Света'. Благочестивый основатель Моравского братства граф Цинцендорф посещал миссионерскую станцию среди шауни в долине Вайоминг, Америка. Недавние ссоры с белыми людьми так разозлили краснокожих, что они решили сделать его своей жертвой. После того, как он удалился в свою хижину, несколько храбрецов тихонько заглянули внутрь. Граф Цинцендорф сидел перед камином, погрузившись в чтение Священных Писаний; и пока краснокожие смотрели, они увидели то, чего не увидел он, — огромную гремучую змею, скользнувшую по его ногам, чтобы свернуться кольцом перед уютным теплом огня. Они немедленно отказались от своей смертоносной цели и бесшумно удалились, убежденные, что это действительно божественный человек.

Глава 6. Змей в Индии

Канкатана — Ведические Змеи, которым не поклоняются—Ананта и Шеша—Змей—Целитель—Хранитель сокровищ—Теория мисс Бакленд—Примитивный рационализм—Плутократия Подземного мира—Дождь и молния—Вритра—История слова "Ахи"—Гадюка—Зохак—Тевтонский Лаокоон.

То, что поклонение змеям в Индии развилось с помощью эвфемизма, кажется, достаточно показано в знаменитом ведическом гимне под названием *Канкато на*, который читается как противоядие от любого яда, перевод которого приводится ниже:-

1. Какое-то малозаметное существо; какое-то существо с большим ядом; или какая-то ядовитая водная рептилия; существа двух видов, оба губительные для жизни, или ядовитые, невидимые существа, помазали меня своим ядом.
2. Противоядие, поступающее к укушенному человеку, уничтожает невидимых ядовитых существ; покидая его, оно уничтожает их; лишённое вещества, оно уничтожает их своим запахом; будучи измельченным, оно превращает их в порошок.
3. Стебли *травы саракусара*, of *darhba*, of *sairya*, of *munja*, of *virana*, все обиталища невидимых ядовитых существ, все вместе помазали меня своим ядом.,
4. Коровы улеглись в своих стойлах; дикие звери вернулись в свои логова; чувства людей были спокойны; когда невидимые ядовитые существа помазали меня своим ядом.
5. Или их можно обнаружить в темноте, как воров в вечерних сумерках; ибо, хотя они невидимы, они видят всех; поэтому люди будьте бдительны.
6. Небеса, змеи, - ваш отец; Земля, ваша мать; Сомы, ваш брат; Адити, ваша сестра; невидимые, всевидящие, пребывайте в своих норах; наслаждайтесь своим собственным благоволением.
7. Те, кто двигает плечами, те, кто двигается телом, те, кто жалит острыми клыками, те, кто смертельно ядовит; что вы здесь делаете, вы, невидимые, уходите вместе далеко от нас.
8. Всевидящее Солнце восходит на Востоке, разрушитель невидимого, изгоняющий всех невидимых ядовитых существ и всех злых духов.
9. Солнце взошло высоко, уничтожая все многочисленные яды; Адитья, всевидящий, разрушитель невидимого, восходит на благо живых существ.
10. Я помещаю яд в солнечный шар, подобно кожаной бутылке в доме продавца спиртных напитков; воистину, это восхитительное Солнце никогда не умирает; и по его милости мы не умрем от яда; ибо, хотя и издалека, но влекомое своими бегунами, оно достигнет яда: наука противоядий превратила тебя, Яд, в амброзию.
11. Эта ничтожная птичка проглотила твой яд; она не умирает; и мы не умрем; ибо, хотя и издалека, Солнце, влекомое его бегунами, достигнет яда: наука противоядий превратила тебя, Яд, в амброзию.
12. Пусть трижды семь искр Агни уничтожат влияние яда; воистину, они не погибнут; и мы не умрем; ибо, хотя Солнце и далеко, влекомое своими бегунами, достигнет яда: наука противоядий превратила тебя, Яд, в амброзию.
13. Я перечисляю названия девяти рек, разрушителей яда: хотя Солнце и далеко, влекомое своими бегущими, достигнет яда: наука противоядий превратит тебя, Яд, в амброзию.
14. Пусть трижды семь павин, семь рек-сестер, унесут, о Тело, твой яд, как девы с кувшинами уносят воду.
15. Пусть ничтожный мангуст унесет твой яд, Отраву: если нет, я раздавлю мерзкую тварь камнем: так пусть яд выйдет из моего тела и отправится в дальние края.

‘16. Поспешив вперед по приказу Агастья, так заговорил мангуст: Яд скорпиона безвреден; Скорпион, твой яд безвреден”.²³⁰

Хотя в шестом стихе этого гимна говорится, что змеи рождены Небом и Землей, контекст не дает оснований полагать, что подразумевается какое-либо почитание их; они ассоциируются со злыми ракшасами, а Солнце и Агни представлены как их ненавистники и разрушители. Реки семи сестер (потоки священного Ганга) дают противоядие от их яда, а некоторые животные, куропатка и мунгус, как говорят, хотя и незначительны, превосходят их. Наука о противоядиях, о которой идет речь, - это то, чему Индра научил Дадхьянча, который потерял голову из-за того, что рассказал об этом ашвинам. Примечательно, однако, что в ведический период нет ничего, что представляло бы змею как лекарственное средство, если только окольным путем мы не свяжем выражение в Ригведе о том, что гнев марутов, или богов бури, "подобен гневу змей", с тем фактом, что их вождь, Рудра, прославляется как дарующий "целебные травы", и они сами просили "лекарства". Это было бы слишком преувеличением смысла гимнов. Однако вполне возможно, что позже, когда поклонение змеям было полностью развито в Индии, то, что сказано в шестом стихе гимна, могло быть приведено для подтверждения этого суеверия.

Таким образом, кажется очевидным, что во времена написания "*Канкато на*" к змею относились с простым отвращением. И мы можем также вспомнить, что даже сейчас, когда индийская кобра почитается как Брахман высшей касты, воспоминание о ее прежней дурной репутации сохраняется в распространенном индуистском поверье, что определенный след на ее голове был оставлен пяткой Вишну, Владыки Жизни, который наступил на нее, когда в одном из своих воплощений впервые ступил на землю. Хотя в более поздней мифологии мы находим Вишну в промежутках между его аватарами или воплощениями, восседающим на змее (*Шеша*), первоначально это могло означать только его господство над ней, хотя Шешу также называют *Ананта*, Бесконечный. Идея Бесконечного, однако, возникла поздно, и символизация ее Шешей согласуется с более низким значением поначалу. В популярных индуистских баснях змея предстает в своем простом образе. Такова басня, у которой найдено так много вариантов, наиболее известной на Западе является басня о Бетгелерте, которая является тринадцатой из 4-й Хитопадеша. Брахман, оставив своего ребенка одного, пока тот совершает обряд в честь своих предков, по возвращении находит домашнего мунгуса (*накулу*), измазанного кровью. Предположив, что мангуста сожрала его ребенка, он убивает его, а затем обнаруживает, что бедное животное убило змею, которая заползла к младенцу. В *Канкато* на слово, интерпретируемое Саяной как мунгус (*Виверра Мунго*, или ихневмон), не совпадает (*накула*), но оно, очевидно, означает какое-то животное, достаточно незначительное, чтобы презирать Змею.

Универсальность Змеи как символа искусства врачевания, встречающегося в этом качестве у египтян, греков, немцев, ацтеков и уроженцев Бразилии, предполагает, что ее долговечность и способность сбрасывать старую кожу, по-видимому, возвращая ей молодость, возможно, были основой такой репутации. Несомненно также, что это были люди с научными наклонностями и пристальной наблюдательностью, которые первыми узнали о восприимчивости змеи к музыке, о том, как можно извлечь ее яд или даже ее клыки, и которые таким образом приобрели репутацию причастных к ее предполагаемой силе. Благодаря такому примитивному рационализму Змей мог бы заключить важный союз и взобраться наверх, чтобы создать аспидную корону Исиды как богини здоровья (Термутис), обвиться вокруг посоха Эскулапа, стать эмблемой Гиппократов и, в конечном счете, выжить, чтобы стать знаком европейской

пиявки, обвившись, наконец, красной полосой вокруг шеста цирюльника. Первобытный зоолог и заклинатель змей не только, по всей вероятности, был бы человеком, сведущим в тайнах природы, но и учился бы удовлетворять, насколько это было возможно, массовый спрос на паллиативы и противоядия от змеиных укусов; все, кто избежал смерти после таких ран, увеличили бы его авторитет как практикующего врача; и даже если бы его смягчающие средства были обязательно немногочисленны, его знание повадок змей и их разновидностей могло бы стать источником ценных мер предосторожности.

Такие вероятные факты, как эти, должны, конечно, относиться к периоду, намного предшествовавшему поэтическому символизму змеи в Египте и сложной мифологии о Змеях в Греции и Скандинавии. То, как простые идеи, однажды завоевав популярность, могут быть подхвачены теологами, поэтами, метафизиками и шарлатанами и преобразованы в разнообразные формы, не требует доказательств в эпоху, когда мы являемся свидетелями рационалистических интерпретаций, посредством которых крест, таинства и другие простые символы наделяются всевозможными философскими значениями. Поскольку Змей был принят в качестве указателя египетскими и ассирийскими врачами — и, возможно, что-то в этом роде было установлено Моисеем в пустыне, — естественно, он стал символом жизни, и после этого он мог выполнять свои обязанности в любом качестве.

Гениальный антрополог мистер К. Станиленд Уэйк,²³¹ предполагает, что Змея в Индии была там также символом сверхъестественного и оккультного знания. Возможно, это было так в ограниченной степени и в постведические времена, но мне кажется, что акцент индуистской мифологии о змее особенно заметен в почитании его как хранителя сокровищ. Я могу упомянуть здесь также теорию, выдвинутую мисс А. У. Бакленд в статье, представленной в Антропологический институт в Лондоне 10 марта 1874 года, о 'Змее в связи с примитивной металлургией'. В этой ученой монографии автор утверждает, что можно наблюдать связь между ранним поклонением змеям и знанием металлов, и действительно, что Змей был знаком туранских металлургов точно так же, как я предположил, что в Египте и Ассирии это был знак врачей. Она считает, что Змей, должно быть, сыграл какую-то роль в первоначальном открытии человеком металлов и драгоценных камней, в знак признания чего это животное сначала было принято за тотем, а затем стало эмблемой. Она утверждает, что традиционные свидетельства и орнаменты показывают, что туранские расы были первыми, кто обрабатывал металлы, и что они мигрировали на запад, вероятно, из Индии в Египет и Халдею, а оттуда в Европу и даже в Америку, неся свое искусство и его знак; и что они бежали перед ариями, которые владели дальнейшим искусством выплавки, и что арийские мифы об убийстве змей свидетельствуют о свержении туранских змеепоклонников.

Я не думаю, что мисс Бакленд привела доводы в пользу того, что кочевые туранцы были первыми металлургами; хотя не исключено, что это могло быть скифское племя в Южной Индии, которое прославил "золото Офира", которое, как показал Макс Мюллер, вероятно, было индийским регионом.²³² Но то, что у этих ранних ювелиров Змея могла быть их знаком или эмблемой, весьма вероятно, и для объяснения этого, кажется, нет особых оснований прибегать к гипотезе о помощи, оказанной Змеей человеку в его открытии металлов. Несомненно, украшенный драгоценными камнями змей сам по себе был бы очевидным намеком на то, что он является эмблемой драгоценных камней. Там, где у рептилии, по каким-то причинам ассоциирующейся со змеей — жабы - не было подобных ярких пятен, могло возникнуть родственное суеверие, что драгоценный камень спрятан у нее в голове. И, наконец, когда эти

рептилии были соединены с драгоценными камнями, глаз любого из них легко получал дополнительные лучи от множества глаз - лучи суеверия.

Мы могли бы также поверить, что первобытные люди обладали достаточной логической силой, чтобы понять, почему они пришли к выводу, что у животного, столь чудесно и искусно наделенного смертоносностью, как Змея, должны быть задачи соответствующей важности. Лекарство, которое исцеляло человека (следовательно, возможно, богов), сокровища, наиболее ценимые людьми (следовательно, антропоморфными божествами), плод бессмертия (который боги, возможно, хотели монополизировать), — все это могло показаться высшей ценностью, для охраны которой могло быть создано высшее совершенство змеиного клыка. Так может быть как на небесах, так и в мире или преисподней. В Персии радугу называли "Небесным змеем", и старое представление о том, что на конце ее находится мешок с золотом, известно многим английским и американским детям.

Какой бы ни была природа первоначального предположения, существуют определенные причины, по которым, когда Змея была поймана как часть комбинаций, представляющих Принцип Зла, его характер хранителя сокровищ должен был приобрести большое значение. Богатство - характерная черта богов Ада, или невидимого мира под поверхностью земли.

В обширной сингальской демонологии мы находим высший класс демонов (деватавы), описанных как обитающие в золотых дворцах, сверкающих драгоценными камнями, сами с кожей золотистого оттенка, носящие кобр в качестве украшений, их король Вессамони восседает на троне из драгоценных камней и владеет золотым мечом. Плутон происходит от слова, обозначающего богатство (πλοῦτος), как и его латинское имя Дис (погружается). Ибо таковы повелители всего, что находится под землей, или на поверхности моря. Поэтому важно заметить, что они владеют всеми семенами в земле до тех пор, пока они остаются семенами. Как только они превращаются в цветы, зерна, плоды, они принадлежат не богам Ада, а человеку: идея, породившая миф о Персефоне, и, похоже, сохранившаяся в школе крайних вегетарианцев, которые отказываются есть овощи, не созревшие на солнце.

Эти соображения могут помочь нам лучше понять более ранние персонажи Ахи, Душителя, и Вритры, Покрывающего. Как хранители таких скрытых сокровищ, как металлы и снадобья, Змею можно было присвоить титул барона и призвать к дарованию милостей; но с теми особыми змеями, которые, пряча облачных коров, удерживали дождь или перекрывали реки из-за засухи, и все это для того, чтобы житницы подземного мира были тучными, а жители верхнего мира - тощими, следовало бороться. Против них человек взывал к небесным божествам, напоминая им, что на их собственных алтарях должно быть недостаточно приношений, если они не победят этих вороватых Связующих и Укрывателей.

Змей с его украшенным драгоценностями одеянием, его самовосстанавливающейся силой и его несравненными способностями таиться, укрываться, наносить смертельные удары постепенно ассоциировался с волнами рек и морских волн на земле, с Млечным путем, с 'покровителями' неба — ночью и облаками - прежде всего, со стремительной, изогнутой молнией с раздвоенным языком. Возможно, именно молния была Амритой, взбитой из лазурного моря в мифе о 'Махабхарате', когда боги и демоны перевернули гору с помощью огромной змеи вместо шнура (стр. 59), что означает нисхождение огня или его открытие; но появились и другие прекрасные и плодотворные создания — богиня вина, корова изобилия, небесное дерево. У жителей Бирмы до сих пор сохранился обычай дергать за веревку, чтобы

вызвать дождь. Вечеринка в честь дождя и вечеринка в честь засухи соревнуются друг с другом, победа достается партии дождя, за которой, по распространенному мнению, обычно следует дождь. Я часто видел змей, подвешенных после того, как их убили, чтобы вызвать дождь, в штате Вирджиния. Ибо там дождь также означает богатство. Там также верят, что, как бы сильно змея ни была раздавлена, она не умрет полностью, пока не прогремит гром. Это отдаленные отголоски ведических изречений. 'Друг Вишну, ' говорит Индра, 'сделай широкий шаг; небо освободи место для удара молнии; давай убьем Вритру и выпустим воды'. "Когда, Громовержец, ты своей мощью убил Вритру, который остановил потоки, тогда выросли твои дорогие кони".

Вритра, хотя и происходит от того же корня, что и Варуна (небо), сначала означает покрывающего небо — облако или тьму; следовательно, в конечном итоге он становится прячущимся, вором, который крадет и утаивает щедроты небес — облако без дождя, удушающую ночь; и в конечном итоге Вритра сливается с самым страшным призраком арийского ума — змеем Ахи.

Греческое слово, обозначающее Гадюку, ἔχις, является модификацией Ahi. Возможно, не существует более замечательного примера бессознательного идеализма человеческой природы, чем история имени великого Дросселя, прослеженная профессором Максом Мюллером. Змея также называлась ахи на санскрите, в Греции эчис или ехидна, на латыни *anguis*. Корень "ах" на санскрите, или "амх", что означает "сжимать вместе", "душить", "душить". Это любопытный корень, этот *amh*, и он все еще присутствует в нескольких современных словах, на латыни он появляется как *ango*, *anxi*, *anktum*, душить; при стенокардии - ангина; в ангорском - удушье. Но ангор означал не только ангину или сдавливание шеи: он имел моральное значение и означал тоску или беспокойство. Два прилагательных *angustus*, узкий, и *anxius*, беспокойный, произошли от одного корня. В греческом корень сохранил свое естественное и материальное значение; в *eggys* - "рядом" и *echis* - "змей", "душитель". Но в санскрите он был выбран с большой долей правды как собственное название греха. Зло, без сомнения, представлялось человеческому разуму в различных аспектах, и у него много названий; но ни одно из них не было столь выразительным, как производное от нашего корня *amh*, "душить". Амхас на санскрите означает грех, но это происходит только потому, что изначально оно означало удушение — сознание греха подобно хватке убийцы за горло жертвы. Все, кто видел и созерцал статую Лаокоона и его сыновей со змеей, обвивающей их с головы до ног, могут понять, что чувствовали и видели те древние, когда называли син амхас, или душитель. Этот амхас - то же самое, что греческое *agos*, грех. В готическом языке тот же корень произвел *agis* в смысле страха, и из того же источника мы имеем благоговейный трепет в "ужасном", то есть боязливым, и *ug* в "уродливом". Английское *anguish* происходит от французского *angoise*, искажения латинского *angustitæ*, пролив.²³³ В эту замечательную историю слова, биография которого, как Макс Мюллер в своих Лекциях Хибберта сказал о *Deva*, могла бы заполнить целый том, может быть также включен наш людоед, а также немецкое *unke*, что означает "лягушка" или "жаба", но изначально было "змеей" — особенно маленькой домашней змеей, которая играет большую роль в тевтонском фольклоре и, как предполагалось, приносит удачу.²³⁴

Этот эвфемистический вариант, однако, является единственным исключением, которое я могу найти среди зловещих ветвей, в которые разросся корень *amh* по всему миру; одним из его устрашающих плодов является сопровождающая фигура, скопированная с одного из декоративных выступов Уэллсского собора.

Рис. 25.—Тоска.

Демон-гадюка был универсален. Геродот рассказывает, что от чудовища, наполовину женщины, наполовину змеи, произошли скифы, и эту басню часто вспоминали в истории турок. 'Зохак' Фирдуси - это иранская форма слова "Ахи". Это имя является арабизированной формой 'Ажи Дахака' из Авесты, "губительного змея", побежденного Траетаноно (Траитаной из Вед), и это иранское имя (Дасака) - Ахи. Имя вновь появляется в "Мидийских Астиагах".²³⁵ Зохак представлен с двумя змеями, растущими из его плеч, что, как предположил покойный профессор Уилсон, могло быть вызвано фразой из "*Канкато на*" (*ye ansyá ye anguáh*), которую он переводит как "Те, кто двигает плечами, те, кто двигается телом", что, однако, может означать "те, кто рождается на плечах, кусаются ими", и "может предоставить тем, кто ищет аналогии между иранскими и индийскими легендами, представление о том, что происходит". параллель в истории Зохака. "Легенда, на которую ссылаются, является любимой в Персии, где она используется для указания на мораль, как в наставлении ученого Саиба принцу, своему ученику. Саиб рассказал мальчику историю о короле Зохаке, к которому пришел волшебник и,

подышав на него, вызвал появление двух змей из области его груди, и сказав ему, что они принесут ему великую славу и удовольствие, при условии, что он накормит этих змей беднейшими из своих подданных. Зохак так и сделал; и он получал огромное удовольствие и богатство, пока его подданные не взбунтовались и не заперли короля в пещере, где он сам стал добычей двух змей. Молодой принц, которому была рассказана эта легенда, пришел в ужас и попросил Саиба рассказать ему более приятную историю. Затем учитель рассказал, что молодой султан доверился искусному придворному, который наполнил его разум ложными представлениями о величии и счастье и внедрил в его сердце Гордость и Сладострастие. Этим двум страстям молодой султан приносил в жертву интересы своего королевства, пока подданные не изгнали его; но его Гордость и Сладострастие оставались в нем, и, не имея возможности удовлетворить их в изгнании, он умер от ярости и отчаяния. Принц-ученик сказал: 'Эта история мне нравится больше, чем другая'. "И все же, - сказал Саиб, - это одно и то же".

Любопытно, что эта древнеперсидская басня сохранилась в ведовских преданиях Америки и в конце концов послужила Натаниэлю Хоторну темой одного из его прекрасных аллегорических романов, а именно о человеке со змеей за пазухой, которая постоянно угрожала задушить его, если он не накормит ее. Он пришел к американскому баснописцу, так сказать, в мифической оболочке. Одна из самых красивых историй, которые он носил, - это история, которую матери до сих пор рассказывают своим детям в некоторых районах Германии. В нем рассказывается, что маленькие мальчик и девочка отправились в поле собирать клубнику. После того, как они собрали ягоды, они встретили пожилую женщину, которая попросила немного фруктов. Маленькая девочка высыпала содержимое своей корзинки на колени старухе, но мальчик вцепился в свою и сказал, что хочет ягод для себя. Когда они прошли дальше, старуха позвала их обратно и вручила каждому по маленькой коробочке. Девочка открыла свою и обнаружила в ней двух белых гусениц, которые быстро превратились в бабочек, а затем превратились в ангелочков с золотыми крыльями и унесли ее в Рай. Мальчик открыл свою шкатулку, и из нее вышли два крошечных черных червяка; они быстро превратились в огромных змей, которые, обвившись вокруг конечностей мальчика, утащили его в темный лес; где этот тевтонский Лаокоон все еще остается, демонстрируя в своей беспомощности могучую силу маленьких недостатков перерастать в дурные привычки и связывать всего человека.

Глава 7. Василиск

Змеинный камень—Глаз Василиска—Василиск митратус—Домашние змеи в России и Германии—Король змей—Геральдический дракон—Генрих III.—Мелузина—Червь Лэйдли—Победоносные драконы—Пендрагон—Мерлин и Вортигерн—Лекарственные драконы.

Однажды драгун предстал перед Фридрихом Великим и предложил королю маленький камешек, который, по его словам, был вырезан из головы королевской змеи и, без сомнения, сохранит трон. Фредерик, вероятно, больше доверял драгунам, чем драконам, но он сохранил немного любопытства, возможно, не подозревая, что о нем будет столько же легенд, сколько о

петушином яйце, происхождение которого в народе связывают с василисками (чье имя, возможно, дало начало петушиным басням) или василисками. Теперь в немецком фольклоре утвердилось мнение, что своим величием Фридрих был обязан знакомому, который находился рядом с ним в образе василиска. Но есть немного уголков мира, где подобные легенды не могли бы возникнуть и не обвиться вокруг какой-либо известной репутации. Индийская газета *"Лоуренс Газетт"*, упомянув, что бывший король Аудха является коллекционером змей, добавляет — 'Возможно, он желает завладеть драгоценным камнем, который, как говорят, содержат некоторые змеи, или тем видом змей, с помощью которого, как говорят, человек может летать по воздуху'. Доктор Деннис, в чьей работе о китайском фольклоре это цитируется, находит то же самое понятие в Китае. В одной истории иностранец неоднократно пытается купить лавку мясника, но мясник отказывается продавать ее, подозревая, что в предмете должна быть какая-то скрытая ценность; по этой причине он ставит лавку рядом, и когда иностранец возвращается год спустя, узнает от него, что в лавке поселилась змея, которая оставалась живой благодаря пропитавшей ее крови, которая держала во рту драгоценный камень — совершенно бесполезный после того, как змея была мертва. Проклиная свою глупость из-за того, что скамейка вышла из употребления, мясник разрезал ее и обнаружил мертвую змею, держащую во рту что-то вроде глаза сушеной рыбы.

Здесь у нас есть два пункта, которые могут быть только случайными, но, с другой стороны, возможно, обладают значением. Превосходные знания о змее, приписываемые "иностранцу", могут указывать на то, что подобные истории в Китае традиционно являются чуждыми, импортированными буддистами; а сравнение мертвого драгоценного камня с глазом может немного увеличить вероятность того, что этот магический драгоценный камень, будь то в виде головы жабы или змеи, является глазом рептилии, видимым через чары человеческих глаз. Глаз василиска является одновременно приносящим богатство, завораживающим и парализующим талисманом, хотя все эти верования имеют свои различные источники и несколько представлений в мифологии. То, что его считали драгоценным камнем, объяснялось, как я думаю, украшенной драгоценными камнями кожей большинства змей, которая постепенно сделала их символами богатства; то, что считалось, что он способен очаровывать, можно отнести к общим принципам иллюзии, которые уже рассматривались; но его парализующая сила, его дурной глаз связывают его с представлением, встречающимся одинаково в Египте и Индии, о том, что змей убивает своим взглядом. Среди санскритских слов, обозначающих змею, есть *"дриг-виша"* и *"дришти-виша"* — буквально "имеющий яд в глазу".

Хотя все змеи были повелителями и хранителями богатства, некоторые из них были покрыты хохолками или имели маленькие рожки, что передавало идею коронованной и императорской змеи, βασιλίσκος. Натуралисты признали это происхождение названия, дав то же самое (*Basiliscus mitratus*) роду *Iguanidae*, примечательному перепончатому гребнем не только на затылке, но и вдоль спины, который эта ящерица может поднимать и опускать по своему желанию. Но фольклор, наука для невежд, установил ту же связь, утверждая, что василиск вылупляется из яйца черного петуха, — таково было крестьянское объяснение слова "василиск". Де Планси связывает одну часть верования с болезнью, которая заставляет петуха вырабатывать небольшое вещество, похожее на яйцо; но сходство между его гребнем и гребнями змеи и лягушки²³⁶ было вероятной связью между ними; в то время как древнее почитание петуха как птицы рассвета относилось к происхождению василиска к очень исключительному члену семейства — черному петуху на седьмом году жизни. Однако полезная домашняя птица, по-видимому, пострадала даже незначительно, главным образом из-за

фонетического недопонимания. Слово 'василиск' трансформировано в "крокодил". У нас это происходит от старофранцузского "cocatrix", которое, опять же, происходит от испанского "cocotriz", что означает "крокодил", — крокоδελος; которое Геродот, кстати, использует для обозначения разновидности ящерицы и святость которого простиралась от Нила до Дуная, где фольклор утверждает, что скелет ящерицы представляет собой изображение страстей Христовых и ему ни в коем случае нельзя причинять вреда. Таким образом, "василиск" не имеет ничего общего с "петухом" или "кокосом", хотя, возможно, совпадение звука омрачило древнюю славу "Птицы рассвета". Действительно, черных петухов так часто убивали из-за этого, что они долгое время были редкостью, и поэтому василиски имели шанс вымереть. Однако существовало достаточно сказочных существ, чтобы увековечить воображаемые способности василиска, некоторые из которых будут рассмотрены ниже. Оставшуюся часть этой главы мы можем посвятить рассмотрению варианта драконьей мифологии, который должен быть устранен с нашего пути в понимании Дракона. Это агатодемонический или геральдический Дракон, унаследовавший эвфемистические символы охраняющего сокровища и коронованного змея.

В славянских легендах царь-змей играет большую роль, и бесчисленные истории повествуют о славе какого-то крестьянского ребенка, который, умудрившись достать крошечный драгоценный камень из своей короны, пока монарх-рептилия принимал ванну, обнаружил, что драгоценный камень ежедневно окружают новые сокровища. Это тот самый змей, который, собирая мифы о молниях и кометах, летает во многих немецких легендах как красный Селезень, Кольбук, Альп или Альберфлекке, роняя золото, если оно красное, зерно, если синее, и оказывая огромные услуги и силы тем, кто может магически управлять им. Безвредные змеи Германии были повсеместно наделены агатодемоническими функциями, хотя они все еще носят название, которое связывает их с Ахи, а именно, *unken*. Об этих домашних змеях Гримм и Симрок дают много информации. Говорят, что в полях и домах они подходят к одиноким детям и пьют с ними молоко из миски. На головах у них золотые короны, которые они снимают перед тем, как выпить, и иногда забывают, когда ложатся спать. Они присматривают за детьми в колыбели и указывают своим любимцам, где спрятаны сокровища. Их убийство приносит несчастье. Если родители застигнут змею врасплох с ребенком и убьют его, ребенок зачахнет. Однажды змея заползла в рот беременной женщине, и когда родился ребенок, змею нашли тесно обвитой вокруг ее шеи, и распутать ее можно было только с помощью молочной ванны; но она никогда не отходила от ребенка, ела и спала с ним и никогда не причиняла ему вреда. Если такие змеи покидали дом или ферму, вместе с ними уходило и процветание. В некоторых регионах говорят, что змеи мужского и женского пола появляются всякий раз, когда хозяин или хозяйка дома при смерти, и легенды о *Некенах* иногда возвращаются к первоначальному страху, из которого они выросли. Действительно, их мести повсюду страшатся, в то время как их благодарность, особенно за молоко, столь же непреходяща, как и следовало ожидать от ссоры их предков с Индрой из-за украденных коров. В *Gesta Romanorum* рассказывается, что к доярке регулярно подходила во время дойки большая змея, которой она давала молоко. Когда служанка покинула свое место, ее преемница нашла на табуретке для дойки золотую корону, на которой было написано 'В знак благодарности'. Корону послали ушедшей доярке, но с тех пор змею больше никто не видел.²³⁷

В Англии змеи были побеждены благодаря обетам святого христианина. Говорят, что рыцарь Бран на острове Уайт подобрал яйцо василиска, его преследовали змеи, от которых он спасся, поклявшись построить церковь Святого Лаврентия на этом острове, — впоследствии яйцо

принесло ему бесконечное богатство и неизменный успех в бою. С многочисленными баснями о царственном драконе, по-видимому, сочетаются традиции астрологических, небесных и молниеносных змей. Но они совпадают с развитием, происходящим от земных червей и их героических убийц. Демонический дракон с его ужасным оком может издали различить появление своего предопределенного разрушителя. Он может попытаться поглотить его в младенчестве. Как комету можно было бы считать предзнаменованием рождения на земле какого-нибудь могущественного принца, так и сообщение о том, что видели дракона, могло бы стать комплиментом королевской семье в связи с рождением принца. И от этой должности дракона как вестника величия до изображения этого монстра на знаменах не было бы большого шага. Из этих знамен вырастут саги овстреченных и убитых драконах. Таким образом, устройства могут размножаться. Какой-то процесс такого рода мог бы объяснить совершенно хорошую репутацию дракона в Китае и Японии, где он является эмблемой всего национального величия. Это также, по-видимому, лежит в основе гордых титулов пифийского Аполлона и Беллерофонта, полученных от монстров, которых они, как говорили, убили. Город Вормс получил свое название от змея, а не от его убийцы.²³⁸ Пендрагон в прошлом — и даже наш драгун в настоящем — это имена, в которых ужасы чудовища трансформируются в славу героя. Дракон, говорит мистер Хардвик, был знаменем западных саксов и англичан до нормандского завоевания. Он был одним из сторонников королевского герба, который носили все монархи эпохи Тюдоров, за исключением королевы Марии, которая заменила орла. Несколько королей и принцев Плантагенетов начертали фигуру дракона на своих знаменах и щитах. Питер Лангтофф говорит, что в битве при Льюисе, произошедшей в 1264 году, "король продемонстрировал своего шильда, своего дракона в полном аскетизме". Другой источник утверждает, что упомянутый король (Генрих III.) приказал изготовить "дракона на манер знамени, из определенного красного шелка, расшитого золотом; его язык, подобный пылающему огню, должен казаться всегда движущимся; его глаза должны быть сделаны из сапфира или из какого-либо другого камня, подходящего для этой цели".²³⁹

Таким образом, будет видно, что в знания о драконах было внесено влияние, которое не имеет никакого отношения к самому демону. Это объяснит те варианты легенды о Мелюзине — знаменитой женщине—змее, — которые придают ей романтичности. Мелюзина, чей нескромный муж бросал на нее взгляды в запретные часы, когда она была в своем змеином обличье, долгое время была славой замка Лузиньян, где ее крики возвещали о приближающейся смерти ее потомков. В лесу Фонтенбло до сих пор живет крестьянская семья, которая утверждает, что происходит от Мелюзины; и, возможно, какой-нибудь пример такого рода, подобно зерну, заронился в память автора 'Элси Веннер', чтобы вновь появиться в одном из лучших романов нашего поколения. Соответствующее настроение, связанное с драконом, можно найти в известной британской легенде о черве Лэйдли²⁴⁰. Король Нортумберленда привел домой новую королеву, которая тоже была колдуньей, и, позавидовав красоте своей падчерицы, превратил эту бедную принцессу в червя, который опустошил весь Спиндлтон-Хьюг. На семь миль вокруг все зеленое было поражено его ядом, и семь коров должны были ежедневно давать свои запасы молока. Тем временем король и его сын оплакивали исчезновение принцессы. Молодой принц снарядил корабль, чтобы отправиться и убить дракона. Злая королева безуспешно пытается помешать экспедиции. Принц прыгает со своего корабля в мелкое море и идет вброд к скале, вокруг которой лежал, свернувшись, червь. Но когда он приблизился, чудовище сказало ему:

О, брось свой меч и натяни свой лук,

И поцелуй меня трижды;
Если я не буду побежден до захода солнца,
Победителем я никогда не буду.
Он отложил меч и натянул лук,
Он трижды поцеловал ее;
Она червячком заползла в нору,
Но оттуда вышла девушка.

В конце концов принцу удалось превратить злую королеву в жабу, которая в память об этом, как известно каждому нортумбрийскому мальчику, и по сей день плюется огнем: но примечательно, что колдунья не превратилась в дракона, как, вероятно, продолжалась бы история, если бы форма дракона уже не была отделена от своего первоначального характера и многими благородными ассоциациями не была придана благородному, хотя и устрашающему облику для таких девушек, как эта принцесса и Мелюзина.

В том же направлении указывают легенды, в которых драконы иногда одерживают победы над своими героическими противниками. Джеффри Монмутский так рассказывает о короле Нортумбрии Морвидусе, который столкнулся с драконом, пришедшим из Ирландского моря, и в последний раз его видели исчезающим в челюстях чудовища 'подобно маленькой рыбке'. Более известным примером является история Беовульфа, чья англосаксонская сага резюмируется профессором Морли следующим образом: 'После этого обширные земли перешли под власть Беовульфа. Он хорошо держался пятьдесят зим, пока темной ночью дракон, который в каменном кургане наблюдал за сокровищами из золота и кубков, не одержал верх. Это был клад, накопленный в грехе, его лорды давно умерли; последний граф перед смертью спрятал его в земляной пещере, и триста зим великий скупщик удерживал пещеру, пока какой-то человек, случайно найдя богатую чашу, не отнес ее своему лорду. Затем, пока червь спал, логово было обыскано; снова и снова, когда дракон просыпался, там совершалась кража. Он не нашел того человека, но опустошил всю землю огнем; каждую ночь дьявольский воздушный летун заставлял огонь становиться ненавистным для людей. Затем Беовульфу рассказали об этом.... Он отыскал логово дракона и сразился с ним в ужасной схватке. Одну рану ядовитый червь нанес в плоть Беовульфа.' Из-за чего Беовульф умер.

Не менее значима легенда о том, что, когда король Артур сел в Саутгемптоне в свой поход против Рима, около полуночи он увидел во сне "летающего по воздуху медведя, от шума которого дрожали все берега; а также ужасного дракона, прилетевшего с запада, который осветил страну блеском своих очей". Когда эти двое встретились, у них была ужасная схватка, но дракон своим огненным дыханием сжег напавшего на него медведя и бросил его опаленным на землю.' Это видение было принято, чтобы предвещать победу Артура. Отец Артура уже определенным образом освятил символ, получив имя Утер Пендрагон (голова дракона). О смерти его брата Аврелия рассказывалось, что 'появилась звезда удивительной величины и яркости', испускающая луч, на конце которого был огненный шар в форме дракона, из пасти которого выходили два луча, один из которых, казалось, тянулся к Ирландскому морю и заканчивался семью лучами поменьше'. Мерлин истолковал это явление как означающее, что Утер станет

королем и завоеует различные регионы; и после своей первой победы Утер приказал изготовить двух золотых драконов, одного из которых он подарил Винчестерскому собору, оставив другого себе для сопровождения в его войнах.

В легенде о Мерлине и Вортигерне мы находим Дракона, настолько полностью превратившегося в чисто воинский символ, что его моральный облик должен определяться его цветом. Как и в двух армиях змей, виденных Зороастром, в персидских легендах, сражавшихся в воздухе, победа белого над черным предвещает триумф Ормузда над Ариманом, тирания Вортигерна представлена красным драконом, в то время как Аврелий и Утер - две головы белого дракона. Мерлин, которого собирались похоронить заживо, в соответствии с заявлением астролога Вортигерну, что только так его постоянно падающая стена будет стоять прочно, открыл, что повторяющаяся катастрофа была вызвана борьбой этих двух драконов под землей. Когда чудовища были обнаружены, они ужасно сражались, пока не появился белый

Изо всех сил старался покраснеть,

И поверг он его наземь,

И, с огнем его взрыва,

В целом брент красный,

Что от него никогда не осталось и следа;

Но он лежал в пыли на земле.

Белый дракон исчез, и его больше не видели; но тиран Вортигерн исполнил судьбу красного дракона, будучи сожженным в своем замке близ Солсбери. Однако эти два дракона встретились снова, как красная и белая розы.

Можно было бы привести множество событий, соответствующих этим. Одно из них действительно имеет поразительное сходство с нашими английскими легендами. Эфиопская "Стела сна" повествует о короле Нуат Мейамуне, чье завоевание Египта Дж. Масперо относит к 664-654 годам до н.э.: 'Ночью Его Величеству приснились две змеи, одна справа от него, другая слева, (и) когда Его Величество проснулся... он сказал: 'Объясни мне все это сию минуту', - и вот! они объяснили ему это, сказав: 'Ты будешь владеть Южными землями и захватишь Северные, и две короны будут возложены на твою голову, (ибо) тебе дана земля во всю ее ширину'. Эти две змеи, вероятно, были предложены *урей* египетской диадемы.

Помимо славы, отраженной на монстре от его победителя, была бы причина, по которой алхимик и волшебник должны поощрять этот аспект дракона. Чем опаснее Горгона, чью кровь использовал Эскулапий, тем дороже такое лекарство; в то же время, чтобы средство могло принести пользу, чудовище не должно быть полностью разрушительным. Так обстоит дело с то разрушительными, то охранительными силами природы, и то, как они могут сочетаться с теориями и служить интересам претендентов, хорошо показано в немецкой работе по алхимии (1625), цитируемой мистером Хардвиком. 'В лесу живет дракон, который не испытывает недостатка в яде; когда он видит солнце или огонь, он плюется ядом, который устрашающе разлетается повсюду. Ни одно живое животное не может быть излечено от этого; даже василиск не сравнится с ним. Тот, кто сможет должным образом убить этого змея, преодолеет все свои опасности. После смерти он краснеет сильнее; из его яда вырабатывается лекарство, которое

он полностью поглощает и съедает свой собственный ядовитый хвост. Это должно быть сделано им самим, чтобы получить благороднейший бальзам. Такая великая добродетель, на которую мы здесь укажем, что все ученые возрадуются".

Нетрудно понять, что эти традиции и басни объединились бы, чтобы 'подстраховаться от короля', приписав ему знакомство с чудовищем, столь грозным для простых людей, и даже наделив его его атрибутами. Имя дракона, *дράκων*, происходящее от санскритского слова, обозначающего змею (дриг-виша), стало означать "существо, которое видит". В то время как это породило множество легенд о сверхъестественных способностях зрения, приобретаемых при вкушении крови дракона или купании в ней, как в поэме о Зигфриде; или от вод, которые он охранял, как "Глазной колодец", в который дракон Гая окунал свой хвост, чтобы залечить раны; санскритское значение отравления глаз сохранилось в легендах об оккультных и опасных способностях, которыми обладали короли, - одной из последних является сильный сглаз, широко приписываемый в Италии покойному Пию IX. Но этим историям нет конца; приведенные легенды покажут смысл всего того, что, будучи необъяснимым, может помешать нашему ясному пониманию самого дракона, дальнейший анализ которого докажет, что он совершенно плох, — концентрированных ужасов природы.

Глава 8. Глаз дракона

Око зла—Драконы Тернера—Облако-фантомы—Рай и Змея—Прометей и Юпитер—Искусство и Природа—Формы драконов: англосаксонские, итальянские, египетские, греческие, Немецкие - Современный традиционный Дракон.

Этимологии слов Дракон и Офис, приведенные в предыдущей главе, в идеале одинаковые, обе относятся к силам змеи, которыми она не обладает в природе, — сверхъестественному зрению и взгляду, который убивает. Таким образом, истинная природа змеи скрыта; теперь мы должны иметь дело с созданием другого мира.

Существуют различные условные типы Дракона, но во всех них неизменна одна черта — идеализированный змей. Его присутствие является демоническим или сверхъестественным признаком. Нельзя предполагать, что героический убийца драконов сражался с простой плотью и кровью, в какой бы могущественной форме они ни были. Битва, которая обессмерчивает его, ведется со всей болью и ужасами земли и небес, сконцентрированными и объединенными в одной устрашающей форме.

Какой бы невероятной и призрачной ни была эта форма в природе, ее мистическое значение в человеческом сознании было ужасно реальным. Именно этот Глаз античеловеческой природы приводил человека в ужас и вызывал в воображении типичный фантом. Именно эта Боль, намеренная и целенаправленная, Агония далеко идущего видения, тончайшего мастерства, бесшумно подкрадывающегося, крылатого, приспособленного отвечать на каждое свое

устройство более умным устройством, постепенно внушила человечеству веру в общий принцип антагонизма человеческому счастью.

Любая форма дракона чудесна только в сочетании. Каждая составляющая ее черта и фактор заложены в природе, но здесь они объединены в одно пандемоническое выражение и ужас. И все же ни одна из этих форм не теряет своей связи с природой: это молния и буря, вызывающая лихорадку малярия и огонь, яд и клык, слизь и джунгли, вся свирепость земли, воздуха и небес, набирающая свою роковую художественную силу и подстерегающая человека на каждом шагу в его продвижении. В картине Тернера, изображающей Аполлона, убивающего Питона, есть чудесное указание на естественные представления, из которых произошел дракон.

Устрашающие складки чудовища, волнистые от холмов и скал, на которых оно лежит, местами почти сливаются с зарослями кустарника и неровным хаосом, среди которого оно раскинулось. Суровые, дикие, жестокие аспекты неживой природы кажутся то тут, то там набухающими ужасной жизнью, пока еще лишь наполовину отличимыми от матрицы с каменным сердцем; скала начинает изгибаться и дрожать, джунгли выпускают когти; но прежде всего появляются чудовищные ГЛАЗА, в которых силы боли, трудностей, препятствий наконец обрели цель и направление. Бог смотрит на них еще более острым взглядом; его стрела, утыканная глазами лучами, достигла своей цели, прямо между глаз чудовища; но в его лице не больше гнева, чем могло бы омрачить спокойную силу садовника, убирающего камни и заросли, составляющие составные части Питона.

Если мы обратимся теперь к соседней картине в Национальной галерее того же художника "Гесперийские сады и их страж", мы увидим Дракона на высокой скале, очерчивающего и оживляющего не только край скалы, но и небо, с которым она соприкасается. Его дыхание превращается в облако пара. У небес тоже есть свои ужасы, которые обретают глаза и кольца. На линии горизонта были развешаны картины из галереи первобытного искусства. Воображение рисовало их кистью, погруженной то в черноту грозы, то в пламя молнии или заката, но формы были рождены опытом, земной борьбой, поражением и победой.

Когда я пишу эти слова, я откладываю перо и смотрю через маленькое озеро среди одиноких холмов Уэльса на закат, который заливают своим великолепием. По почти зеленоватому небу ветер несет фантастические облака, которые иногда принимают форму колесниц, в которых восседают скрытые облаками фигуры, а иногда и огромные птицы с пестрым оперением, спешащие, так сказать, к какому-то месту сбора воздушных богов. Под длинной полосой бордового цвета раскинулось море желтого света, с другой стороны которого раскинулся сад из пушистых деревьев, усыпанных золотистыми плодами. Среди них играет фонтан меняющихся цветов. Слева возвышалась, крепкая, как горный хребет, масса темно-синих облаков с неровными вершинами; внезапно из-за этой свинцовой массы пробивается слабое розовое свечение, а затем появляются, извилистые, с длинной изрезанной вершиной, могучие складки огненной змеи. Нет, видна его голова, его зияющие лацетинные челюсти, его окрашенный гребень. Это неспящий Ладон на своем высоком барьере следит за гесперийским садом.

Юнона поместила его туда, но он сын Ге, земли. Небесные краски наполняют, преображают и в некотором смысле создают его; но он никогда бы не родился в мифологии, если бы не то, что в этом мире жало витает рядом со всякой сладостью, опасность окружает красоту, и, как сказал Платон, "Хорошее дается с трудом". Грация и блеск змея с его смертоносным клыком

предшествовали ему, и все опасности, которые скрываются за прекрасными и завораживающими вещами. Пока что в нем нет ничего по существу морального или безнравственного. Этот дракон - форма, созданная примитивной метеорологией и метафизикой вместе взятыми. Человек спросил, что это так, и вот ответ: он еще не спросил, почему это так, должно ли это быть так и не может ли быть иначе. Вызов еще не брошен, эра боевых действий еще не наступила. Облаченный в доспехи страж и союзник богов, столь же безнравственный, как и он сам, еще не преобразился под влиянием религиозного чувства и не был изгнан с небес более благородных божеств, как дракон, поверженный, изуродованный и деградировавший навсегда.

По ходу мысли, такие союзники компрометируют своих нанимателей; работа создателя отражает характер создателя; и после многих робких веков мы обнаруживаем, что божества, охраняемые драконами, гибнут вместе со своими жестокими защитниками. Небезынтересно, что в словаре санскрита самое древнее из всех слов, обозначающих бога, Асура, имеет основное значение 'демон' или "дьявол": боги и драконы объединились, чтобы пахтать океан ради собственного богатства, и в конце концов их замазали дегтем одной кистью. Я уже описал в начале этой работы деградацию божеств, и здесь едва ли нужно напоминать читателю о силах, которые привели к этому результату. Воздействие этой силы на небесного Змея, или охраняющего рай, подытожено в одном четверостишии Омара Хайяма:

О Ты, сотворивший человека с низшей земли,

И когда-то в Раю изобрели Змею;

За все грехи, которыми омрачено лицо человека

Почернел, мужское прощение даешь—и берешь!

Сердце человечества предвосхитило его логику на многие века, и задолго до того, как отважный гений персидского поэта написал эту бессмертную эпитафию божественным союзникам Змея, герои дали бой всему братству. Более того, на их месте возникла новая раса богов, чье теоретическое всемогущество было с радостью отвергнуто в интересах их праведности; и теперь на небесах шла война; дракон и его союзники были повержены, и человек теперь был свободен сражаться с ними как с врагами богов, так и с самим собой. Горе отныне любым богам, заподозренным в том, что они встали на сторону дракона в борьбе этого человека не на жизнь, а на смерть со свирепостью природы и отражением его собственных ужасов! Легенда о Прометее была их бессознательным 'предупреждением об уходе', хотя она много веков ждала своего великого истолкователя. Только Гете видел, какими бледными и слабыми становятся фейерверки Юпитера перед мысленными ударами молнии художника, выпущенными далеко за пределы ограничений, приковывающих его к природе. Боги еще не сошли с небес во многих странах, прежде чем прозвучал возвышенный приговор Прометея:

Завесь свои небеса, Юпитер, облаками и туманом,

И, подобно мальчику, который косит чертополох,

Освободи свою селезенку на дубах и горных вершинах;

И все же ты не можешь лишить меня моей земли,

И о моей хижине, которую ты не строил,
Ни о моем очаге, чье маленькое веселое пламя
Ты завидуешь мне!
Я ничего не знаю во вселенной
Более ничтожный, более жалкий, чем вы, боги!
Которые кормят ваше величество скудными припасами
Из подношений, выжатых от страха, и бормочущих молитвы,
А нужды, должно быть, голодали, разве не были такими младенцами и попрошайками
Помешанные на надежде дураки!
Когда я был еще ребенком и не знал, откуда взялся
Мое существо пришло, и не было места, куда направить его силы,
Я устремил свой затуманенный взор к солнцу,
Как будто наверху, внутри своего великолепного шара,
Там было ухо, чтобы выслушать мою жалобу,
Сердце, подобное моему, способное жалеть угнетенных.

Кто оказал мне помощь
Против титанов в их тиранической мощи?
Кто спас меня от смерти — от рабства?
Ты! — ты, душа моя, горящая священным огнем,
Ты сам в одиночку достиг всего этого!
И все же ты, в своей юной простоте,
Светитесь от неразумной благодарности к нему
Который дремлет в праздности там, наверху!
Я благоговею перед тобой?
Почему? Ты когда-нибудь
Облегчил печали тяжело нагруженных?
Ты когда-нибудь протянешь руку, чтобы утихомирить слезы
О растерянных духом?

Не так ли

Всемогущее Время и всегда - в течение Судьбы—

Мои и твои лорды — это сформировало меня

В ЧЕЛОВЕКА, которым я являюсь?

Похоже, это был твой сон

Что я должен ненавидеть жизнь — улетать в пустоши и дебри,

Для этого нужны зародыши дальновидной мысли

Разве не все вызрело в прекрасные цветы?

Вот я сижу и леплю

Мужчины по моему образу и подобию—

Раса, которая может быть похожа на меня,

Страдать, плакать; наслаждаться и радоваться;

И, подобно мне, не обращаю внимания ни на кого из вас!

Миф о Прометее раскрывает самую суть всех драконов — простой терроризм природы, который парализовал энергию человека. Первая битва Человека должна была состояться с его собственным трепещущим сердцем. Аполлон, загоняющий аргивян на их корабли с изображением головы Горгоны на щите Юпитера, — это гомеровская картина страхов, приводивших героев в смятение:

Сам Феб возглавлял стремительную битву;

Пелена облаков окутала его сияющую голову:

Высоко держал перед собой огромный щит Юпитера

Зловещее сияло и затеняло все поле:

Вулкан передал Юпитеру свой бессмертный дар,

Рассеять войска и вселить ужас в человечество....

Глубокий ужас охватывает грудь каждого грека,

Их сила принижена, и они признаются в своем страхе.

Так летит стадо быков, разбросанное во все стороны,

Нет слуги, чтобы охранять их, и нет дня, чтобы направлять,

Когда два поверженных льва спускаются с горы,

И устроить кровавую бойню в тенистом мраке....

Греки озираются вокруг с диким отчаянием,

Сбитые с толку и утомившие всех своих военнопленных молитвой.²⁴¹

Поколение, отцы которого помнили времена, когда люди, получившие образование в университетах, считали Франклина с его громоотводом "бросающим вызов небесам", может легко понять легенду о Вулкане - типе неукротимой силы огня, - посланном связать Прометея, повелителя огня.²⁴² Сколько страха перед силами природы, олицетворяемыми суевериями, навлекло на первые творческие умы и руки эпитеты, которые слышал Франклин и которые до сих пор сыплются на головы некоторых научных исследователей! Буря, молния, скала, океан, стервятник — все это в конце концов сливается с разумной жестокостью Юпитера; и вот, Дракон! Ужасы природы, которые ставят трусов на колени, возвышают героев до их высот. Тогда это пламя гения, противостоящее безумным ударам молнии. Будь то ревнивый бог природы Иегова, запрещающий скульптуры, требующий алтарь из необработанного камня и отказывающийся от плодов сада Каина, или Зевс, ревнующий к пламени ремесленника, художник противопоставляет их друг другу; и когда они встретятся в следующий раз, он, громовержец, со всей своей толпой будет Драконом, а Прометей - богом, посылающим в его сердце свою стрелу света.

Формы драконов, ставшие нам знакомыми благодаря средневековой и современной иконографии, имеют сравнительно небольшое значение как иллюстрация социальных или духовных условий, из которых они выросли и эмблемами которых стали. Они давным-давно перестали быть описательными, и в грубые периоды или местах иногда было достаточно нескольких царапин, чтобы указать на дракона; такие простые предложения, в конце концов, давали большую свободу последующим дизайнерам в изменении оригинальных типов.

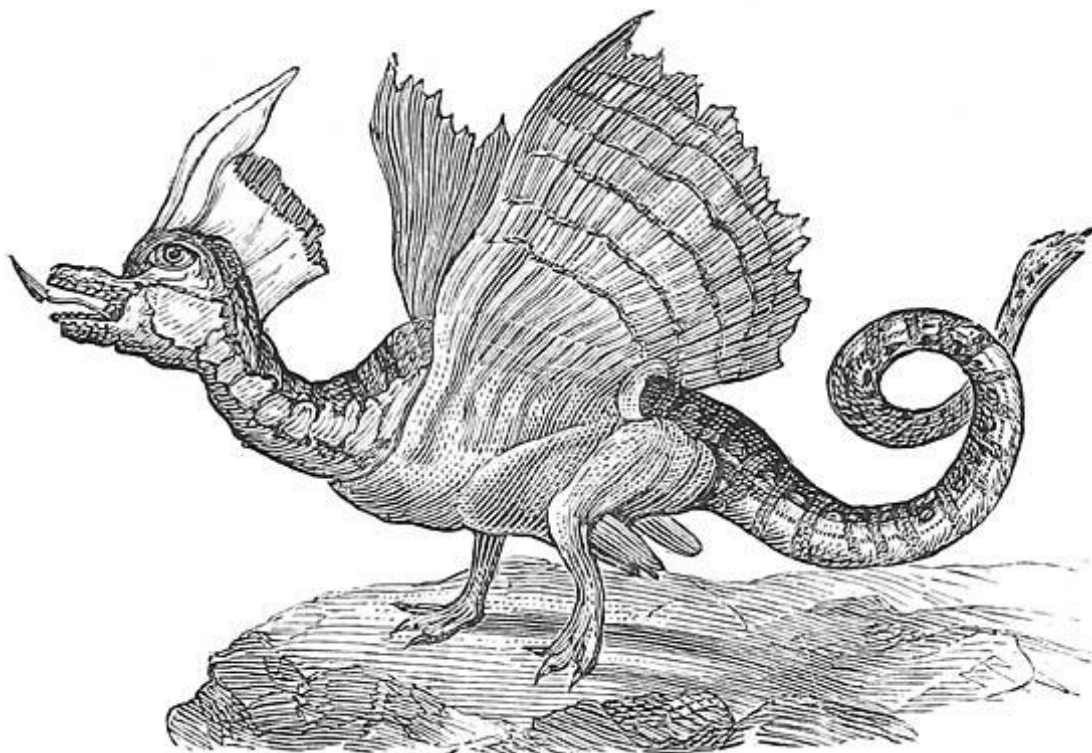

Рис. 26. Лебедь—Дракон (французский).

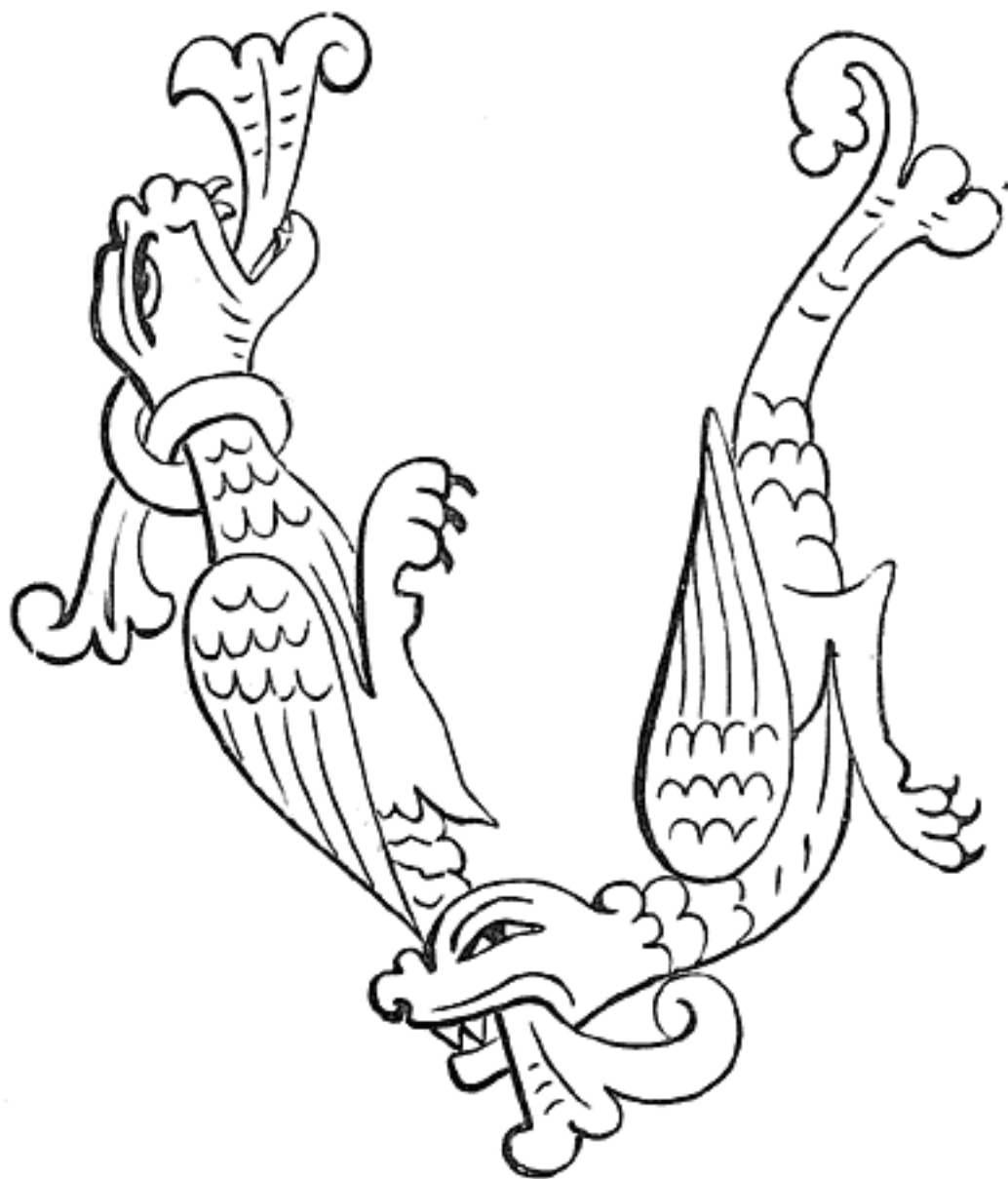

Рис. 27 —Англосаксонские драконы (Кэдмон М.С., десятый век).

Рис. 28.— С фрески в Аретцо.

Что касается внешней формы, то различные формы более примитивных драконов в значительной степени определялись мифологическими течениями, среди которых они оказались, хотя в целом можно проследить их первоначальную основу в природе. На крайнем Севере, где легенды о девах-лебедях, девах-голубицах и вампирах были первостепенны в средние века, мы находим дракона в форме птицы очень распространенным явлением. Иногда змеиные черты ярко выражены, как в этом древнем французском драконе-Лебеде (рис. 26); но, опять же, и особенно в регионах, где змеи редки и сравнительно безвредны, змеиный хвост часто условно отсутствует, как в этой начальной букве V из Кэдмонской рукописи десятого века (рис. 27), прекрасном примере орнаментального англосаксонского дракона. Каракатица, по-видимому, подсказала анимализированную форму Гидры, которая, в свою очередь, помогла сформировать Дракона Апокалипсиса. Тем не менее, Гидра в живописных изображениях, по-видимому, находилась под влиянием ассирийских идей; поскольку, хотя у чудовища было девять голов, граверы часто дают ему семь (число Хатор, или Судеб), как на рис. 6. Схватки Геракла с Гидрой повторяют схватку Бела с Тиамат ("Бездной") и, без сомнения, имеют аналог в схватке Михаила с Драконом, лучшим изображением которой, возможно, является великая фреска Спинелло (четырнадцатый век) в Аретцо, группа из которой представлена на рис. 6. на рис. 28. В данном случае крылья представляют собой те, которые в семитской мифологии всегда приписывались Ангелу-Разрушителю. Египетский дракон, основой которого является крокодил, в ранний период вошел в христианскую символику и постепенно вытеснил большинство

языческих чудовищ. Крокодил и аллигатор, помимо того, что они подвержены множеству ужасных вариантов изобразительной обработки, были особенно приемлемы для христианской пропаганды из-за святости, придаваемой им африканскими племенами, — святости, которая сохраняется и по сей день во многих частях этой страны, где убийство одной из этих рептилий, как полагают, вызывает опасные наводнения. В семитских традициях Левиафан также обычно отождествлялся с демоническим крокодилом, и подвиг по его уничтожению был рассчитан на то, чтобы поразить воображение самых разных людей в южных странах, за которые христианство так долго боролось. Эта форма привнесла некоторые из своих персонажей в изображения лацеттинских драконов, которых так часто рисовали в средние века, о чем можно судить по сопровождающему рисунку Альберта Дюрера (рис. 29). В этом отвратительном существе, которое стремится помешать освобождению 'духов в тюрьме', мы можем заметить хитрый и жестокий взгляд: сверхъестественное видение таких монстров было все еще сильно в традициях шестнадцатого века. Глядя на этого ящера-охранника у входа в ад, мы можем понять, что благодаря какому-то принципу психологического отбора царство рептилий постепенно завоевало господство в этих изображениях отталкивающего. Если мы сравним с рис. 29 хорошо известную форму Химеры (рис. 30), большинство из нас почувствует облегчение; ибо, хотя рептильная форма присутствует в последней, это всего лишь придаток — почти украшение — ко льву. Невозможно испытывать какое-либо отвращение к этому одухотворенному Трисоматосу, и в нем можно распознать анимус, отличный от того, который изображал христианского дракона. Один должен был свидетельствовать о смелости героя, осмелившегося напасть на него; другой, в дополнение к этому, должен был возбуждать ненависть и ужас перед нападавшим чудовищем. Таким образом, мы можем обнаружить очень четкую грань, проведенную между такими формами, как Химера, и Гидрой, или нашим обычным Драконом. Волосатые обитатели Ликий, люди или животные, которых покорил Беллерофонт,²⁴³ не должны были быть таким абстрактным выражением злого начала в природе, как Дракон, и хотя они обобщены, включенные элементы также ограничены. Но Дракон с его когтями, крыльями, чешуей, зазубренным и извивающимся хвостом, огненным дыханием, раздвоенным языком и частыми рогами включает в себя органическое, неорганическое, земное и атмосферное и представляет собой комбинацию вредных изобретений природы.

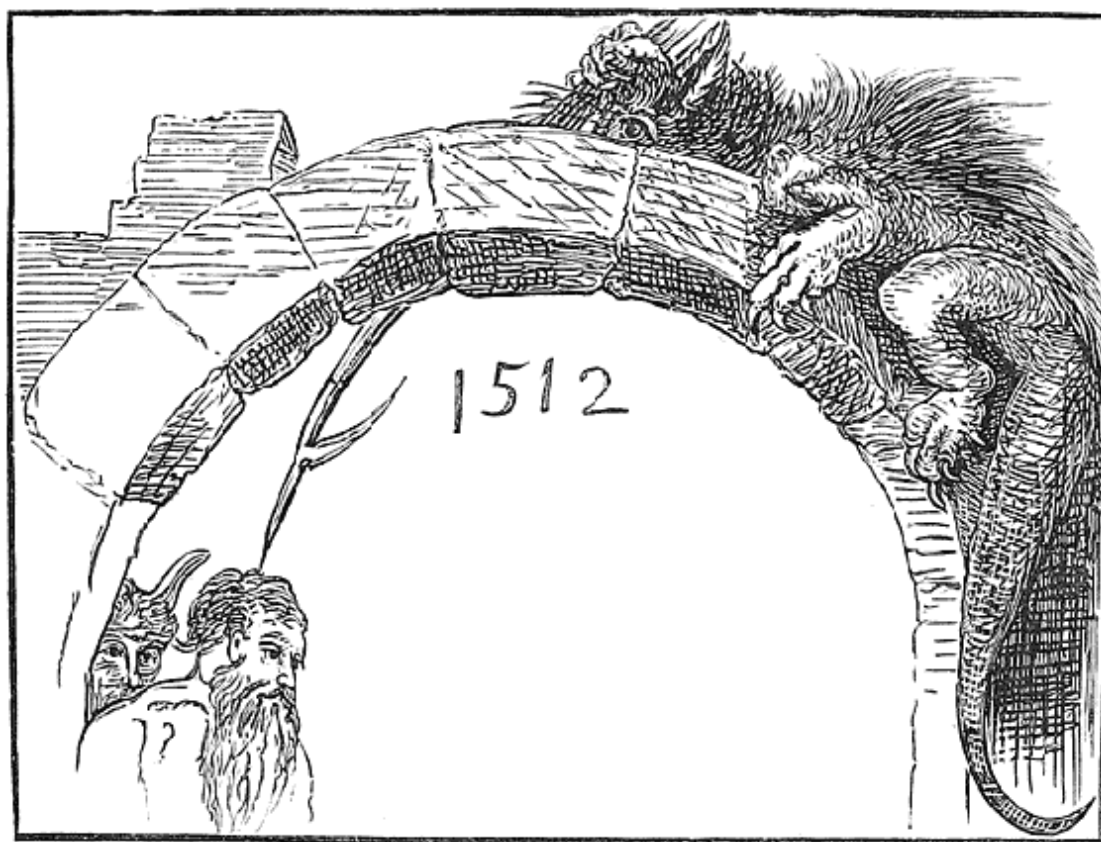

Рис. 29. — Из "Страстей" Альбера Дюрера.

Почти все формы Драконов, независимо от их первоначальных типов и региона, представлены в традиционном монстре европейской сцены, который соответствует популярной концепции. Этот Дракон - шедевр народного воображения, и потребовалось много поколений, чтобы придать ему художественную форму. Каждое Рождество он появляется в какой-нибудь лондонской пантомиме в облике, подобном тому, который он носил на протяжении многих веков. Его тело частично зеленое, с воспоминаниями о море и слизи, а частично коричневое или темное, с затянувшейся тенью грозовых облаков. Молнии все еще сверкают в его красных глазах и вырываются из огнедышащего рта. Молния Юпитера, копьё Водана, находится на зазубренном конце его хвоста. Его огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши с шипами, олицетворяют всю мифическую жизнь вымерших гарпий и Вампиров. На его шее хребет крокодила, хвост змеи, и все зазубренные гребни скал и острые шипы джунглей щетинятся вокруг него, в то время как лед ледников и медный блеск солнечных лучей - в его чешуе. Он идеал всего, что есть тяжелого, препятствующего, опасного, отвратительного, ужасного в природе: каждая его деталь была замечена насквозь и побеждена человеком, здесь или там, но при отборе и сочетании они снова восстают как принципы и сговариваются, чтобы сформировать одно великое обобщение форм Боли — сумму худшего, что есть у каждого существа.

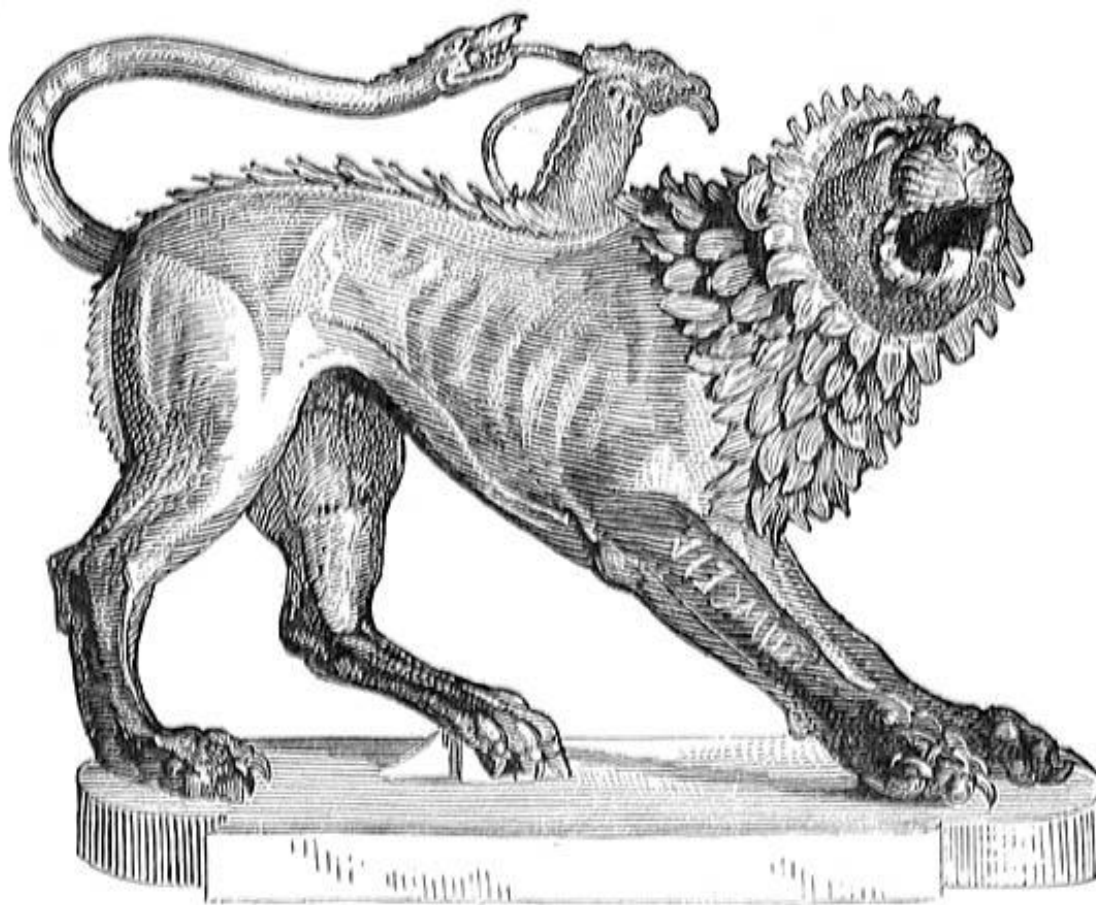

Рис. 30.Химера.

Глава 9. Битва

Мир до Мюнхгаузена-Колониальный Дракон—Путешествие Ио—Медуза—Британские драконы—Общественный Дракон—Дикие Спасители—Помощник—Мимак—Жестокий Дракон—Защищенная Женщина—Святой Микадо.

Царство Непознанного теперь, благодаря исследованию нашей планеты и науке, было довольно сильно вытеснено Непознаваемым. Однако в ранние периоды неисследованные земли и моря существовали только в человеческом воображении, и люди, по-видимому, включали их в рамки законов аналогии так же медленно, как их потомки включали в них планеты. Чудовищные формы, которыми суеверие сейчас населяет регионы космоса, которые невозможно посетить, могли бы тогда надежно обитать в тех частях света, где их существование или несуществование невозможно было бы проверить. Наука еще не показала простоту и единство, лежащие в основе поверхностного разнообразия природы; и хотя Рудольф Распе

появлялся много раз и рассказывал о приключениях своего барона Мюнхгаузена на многих языках, только сто лет назад ему удалось вызвать смех над ними. Потребовалась еще почти сотня, чтобы раскрыть юмор мюнхгаузенщины, относящейся к невидимым и будущим мирам.

Дракон, который сейчас преследует воображение немногих вынужденных путешественников по загробному миру, возник из размышлений о невидимых берегах столь же мифических миров, чьи горящие зоны и замерзшие моря еще не были отделены от этой планеты, чтобы превратить другую в Ад. В нашем разделе, посвященном демонологии, мы подробно рассмотрели многие из этих воображаемых форм, в целом ограничившись более реалистичными воплощениями особых препятствий. Непосредственно над этим образованием находится слой, в котором мы находим отдельные черты предыдущей демонической фауны, объединяющиеся в формы, указывающие на новую творческую силу, которая, как мы видели, заново создает природу по ее собственному образу и подобию.

Начиная таким образом с физического плана, с целью перехода к социальной, политической и метафизической аренам, где человек последовательно встречался со своими Драконами, мы можем сначала рассмотреть сочетание ужасов и опасностей, реальных и воображаемых, с которыми сталкивались первые колонисты. Я рискну назвать это "Колониальным Драконом".

Эта форма может быть представлена любой из тех форм, против которых Прометей Эсхила предостерегает Ио на ее пути в царство, которое следовало бы назвать Ионией. 'Когда ты пересечешь реку, ограничивающую континенты, и попадешь в розовые царства утра, где заходит солнце, ... ты достигнешь горгонийских равнин ревающего моря Кистены, где обитают Форкиды ... и совсем рядом будут их три крылатые сестры, Змееволосые Горгоны, вызывающие отвращение у смертных, на которых никто из человеческой расы не может смотреть и жить.... Будь настороже против грифонов, острозубых гончих Юпитера, которые никогда не лают, и против кавалерийского отряда одноглазых аримаспов, обитающих у бьющего золотом источника, потока Плутона. Ты достигнешь далекой страны, темного племени, недалеко от источника солнца, где течет река Этиопс".²⁴⁴

Тот, кто видел "Медузу" Леонардо да Винчи во Флоренции — одну из лучших интерпретаций мифологического сюжета, когда—либо написанного, - может понять, чем для раннего исследователя и колониста были очарованы эти легендарные регионы, где природа была прекрасна, но окружена ужасами. Дана только голова Горгоны с ее устрашающим переплетением змеиных локонов; ее лицо, даже искаженное болью, обладает красотой, которая может скрывать роковую силу; из ее рта вырывается пар, который по своим очертаниям вызвал к жизни вампиров, тритонов, жаб и отвратительных неописуемых существ. Вот малярия безводных побережий, паразиты вредоносной природы. Источник их должен быть уничтожен, прежде чем человек сможет основать свой город; это огненное ядовитое дыхание Колониального Дракона.

Большинство мифов о драконах Великобритании, по-видимому, были завезены колониальными чудовищами. Возможно, самой известной из них во всей Европе была Химера, которая попала на запад на монетах, поскольку Беллерофонт стал национальным героем в Коринфе — почти вытеснив самого бога войны — и его изображение распространилось во время многочисленных миграций.

Рис. 31.—Беллерофонт и Химера (Коринфский).

Наша традиционная фигура Святого Георгия по-прежнему остается Беллерофонтом, хотя Химеру заменили Драконом — изменение, которое христианская традиция и национальное уважение ко льву сделали необходимым (рис. 31). В соответствии с этим изменением внешнего представления мифы о чудовищах Великобритании постепенно стали использоваться в качестве моральных и религиозных уроков. Лэмбтонский червь иллюстрирует обязанность посещать мессу и святость субботы; демонические змеи Ирландии и Корнуолла доказывают действенность святого экзорцизма; и этот процесс морализации расширился в случае с Кабаном, голова которого украшает рождественский стол в Королевском колледже Оксфорда, до иллюстрации ценности философии Аристотеля. Чудовище было убито с помощью тома Аристотеля, мифологические сходства с легендой причудливо сохранились в том предмете, который был засунут в глотку кабану.

Но эти модификации очень прозрачны, британские легенды в основном представляют собой варианты одного или двух оригинальных мифов, которые, по-видимому, выросли из геральдических символов, импортированных древними семьями. Вероятно, они приобрели реалистичное звучание благодаря доблести и энергии вождей и были преувеличены их потомками, что, возможно, также было связано с какой-то пользой для общества, чтобы укрепить семейное владение своими поместьями. Для выполнения такого рода обязанностей семейный писатель или поэт обычно импортировал Колониального дракона. Размножение этих басен действительно достаточно любопытно. Похоже, что существовало какое-то примитивное аграрное чувство, с которым нужно было бороться с помощью апелляций к исключительным мерам. Семья, которая могла проследить свой титул на поместье от предка, спасшего всю округу, позаботилась о том, чтобы сохранить какой-нибудь памятник этого подвига. Учитывая интересы, связанные с древними временами, нам следует с осторожностью относиться к рационализированным интерпретациям таких мифов, которые стали традиционными в некоторых местностях. Варварские подвиги рыцарей не утратили в балладах менестрелей ни малейшего чудесного великолепия, но приобрели много нового; и большинство из них пришло с юга и востока. Дракон, которого убил Гай Уорикский, все еще сохранял следы Химеры; у него были "лапы, как у льва". Сэр Уильям Дагдейл считал, что это романтическая версия реального боя, в котором Гай сражался с датским вождем 926 года нашей эры. Точно так же Дракон Уэнтли превратился в адвоката-мошенника.

Наиболее характерной из легенд этого класса является легенда о Сокберне. Вскоре после нормандского завоевания семья Коньерс получила это поместье по епископальному гранту, по преданию, это произошло потому, что сэр Джон Коньерс, рыцарь, убил огромного Червя, который пожрал много людей. Меч, с помощью которого был совершен этот подвиг, до сих пор сохранился, и я полагаю, что до сих пор существует обычай, когда новый епископ посещает эту епархию, преподносит этот меч лорду Сокбернскому. Владелец поместья встречает епископа посреди реки Тис и говорит: 'Милорд епископ, я здесь вручаю вам меч, которым Чемпион Коньерс убил Червя, Дракона или огненного летучего Змея, уничтожившего мужчину, женщину и ребенка, в память о котором правивший тогда король передал ему поместье Сокберн, чтобы он владел им в течение этого срока, — чтобы при первом въезде в страну каждому епископу вручался этот меч'. Епископ возвращает меч и желает господе долгих лет пребывания на этом посту, который, таким образом, продолжается с 1396 года. Семейная традиция гласит, что Драконом был шотландец по имени Комин, которого Коньерс заставил преклонить колени перед епископским тронем. Семья Коньерс из Сокберна, похоже, наконец-то была настигнута Драконом, что оказалось им не по силам: последнего рыцаря забрали из работного дома едва вовремя, чтобы он там не умер.

В "Мемуарах Сомервиллов" мы читаем, что один из членов этой семьи приобрел приход, убив "водяного монстра в форме червя".²⁴⁵

Старый лэрд Ларистона

Убил Червя из долины Ворма,

И весь округ Линтон.

Оно было "длиной в 3 шотландских ярда и несколько больше ноги обычного человека, с бедром, более пропорциональным его длине, чем его величию; его форма и цвет (как) у наших обычных муирских гадюк".

Это был очень умеренный дракон по сравнению с другими, убив которого, многие рыцари получили свои шпоры: например, этот, которого сэр Дыгор убил в четырнадцатом веке —

- Дракон великий и мрачный,

Полный огня, а также венима:

С широким ходом и клыками грете,

Напади на этого рыцаря быстро, будь он проклят;

И поскольку Львенок тогда был его праздником,

Его тайл был долгим и полностью неудовлетворенным;

Между его хеде и его тайле

Был XXII. фотография без файла;

Его тело было похоже на тонну вина,

Он сиял во всеоружии солнца;

Его глаза были яркими, как любое стекло,

Его чешуя была твердой, как у любого медяка.

Знакомая история о святом Патрике, изгнавшем змей из Ирландии, и ее корнуоллская версия, в которой экзорцистом является святой Петро, представляют некоторые особенности, которые связывают ее с битвой колониста со своим драконом, хотя она более интересна в других аспектах. Колониальный Дракон включает в себя болезни, диких зверей, дикарей и всевозможные препятствия, которые окружают новую страну. Но когда эти трудности преодолены, молодому поселению все еще приходится бороться со своими врагами — воинственными захватчиками извне и амбициозными членами внутри. Затем мы обнаруживаем, что Дракон принимает облик врага общества, а его предполагаемый убийца является представителем коммуны, — возможно, в конце концов, чтобы передать ее более реального пожирателя. Большинство британских мифов о Драконах вышли за рамки стадии, на которой они представляют собой просто борьбу иммигрантов с дикой природой, и включают дальнейшую стадию, на которой они представляют формирование сообщества. Рост патриотизма в конце концов измеряется его тенью. Колониальный Дух превращается в Общинного Дракона. Многие мифы о драконах являются адаптацией древнего символизма *квоинствующим коммуна*: таковы монстры, описываемые как опустошающие деревни и районы, пока с ними не столкнутся антагонисты, воодушевленные общественным духом. Такие антагонисты отличаются от героев, которые отправляются спасти девушку, попавшую в беду: их главным представителем в мифологии является Геракл, большинство подвигов которого раскрывают человека самоотверженного, исправляющего общественные ошибки и поднимающего уровень человечества, а также цивилизации.

Эпоха рыцарства имеет свою легенду в "Кентаврах" и "Хироне". Гиппо-кентавры - верховые дикари: Хирон - настоящий рыцарь, противостоящий монстрам в своем собственном обличье, спасающий от них Пелея и оказывающий гостеприимство аргонавтам. Всадник был драконом для пешего человека, пока тот не стал шевалье; затем демонический характер перешел к стратегу, у которого не было лошади. Достаточно любопытно обнаружить существующий среди мормонов орден убийц, называющий себя данитами, или Ангелами-разрушителями, по тексту Бытия хlіх. 17: 'Дан будет змеем на пути, гадюкой на тропе, которая укусит коня за пята, так что всадник его упадет навзничь'. Риттер, однако, что касается его Дракона, был все равно чтооднокрылый, а каждая лошадь - Пегас, когда ему приходилось выбирать день между гадюкой и ее жертвой. Примечательно, что мормоны должны были принести с Востока жестокое суеверие, чтобы найти даже среди краснокожих, которые исчезают перед наступлением саксонской мощи на запад, более мягкие басни.

Среди мимаков, аборигенов Новой Шотландии, существует легенда о молодом герое по имени Кикваджу, который в поисках жены подружился с добрым мудрецом по имени Глускап, который предостерегает его от могущественного волшебника, переодетого бобром, и двух сестер-демонов, которые подстерегут его в облике крупных ласок. Юноше советуют бить в определенный барабан, когда его каноэ проплывает мимо них, и он спасается как Орфей, проплывающий мимо Цербера, и Улисс, проплывающий мимо Сирен. Ласки, услышав музыку, стремятся обвенчаться со звездами, но оказываются в неопишемом гнезде на вершине высокой белой сосны.²⁴⁶

Шевалье сталкивается также с Жестоким Драконом, жертвой которого становится Женщина. С незапамятных времен пленница человека, неспособная самостоятельно противостоять грубой силе, она находится во власти всех, кто нечувствителен к утонченным и пассивным силам. Прикованная к скале Андромеда, преследуемый Лето или любая другая прекрасная девушка, которую спасает Убийца Драконов, возможно, мифологически начинались как эмблема Зари, поглотителем которой является Ночное Облако; но в конце концов она символизирует более яркий рассвет — рассвет вежливости и великодушия среди мужчин.

Примечательно, что далеко в Японии мы нашли миф о Драконе, который, по-видимому, с редкой красотой отражает социальную эволюцию, которую мы рассматривали. Их великий мифологический Змей Ямати-но-орочи, то есть змей с восемью головами и хвостами, простирающийся по восьми долинам, почти наверняка олицетворял реку, ежегодно выходящую из берегов. Это чудовище напоминает рассказ Мэн-цзы о трудностях с реками, которые китайцам пришлось преодолеть, прежде чем они смогли сделать Срединные Государства пригодными для жизни. Но этот Колониальный Дракон в дальнейшей эволюции страны вновь появляется как *Жестокый Дракон*. Замечательная легенда гласит, что в то время, когда весь остальной мир пользовался каменными орудиями труда, во владение Сосано-о-но-Микото (принца Сосано) попал кусок железа, из которого был выкован меч. Этот девственный меч мира был создан, чтобы спасти девушку из пасти чудовища. Принц спустился с небес на берег реки Хино Кава, и местность вокруг казалась необитаемой; но вскоре он увидел обрубленную палку, плывущую вниз по течению, и пришел к выводу, что дальше по течению должны жить существа; поэтому он путешествовал, пока не пришел к месту, где увидел пожилого мужчину и его жену (Асинадути и Тенадути) с их прекрасной дочерью Химэ из Инады. Все трое горько плакали, и принцу сообщили, что Химэ была последней из их дочерей, семерых из которых пожрал ужасный змей. У этого змея было восемь голов, и условием, при котором он перестал

опустошать округу, было то, что одну из этих восьми дев ежегодно приносили на это место, чтобы утолить его ненасытность. Теперь был доставлен последний, чтобы завершить ужасный договор. Японцы тщательно отличают эту змею от дракона, у них это агатодемон. У него не было ног, а его головы разветвлялись на столько же шей от единого тела, причем это тело было настолько большим, что простиралось на восемь долин. Оно было покрыто деревьями и мхом, а брюхо у него было красное, как кровь. Принц сомневался, что даже со своим мечом он сможет сразиться с таким чудовищем, поэтому прибегнул к хитрости: он достал восемь огромных чаш, наполнил их восемью различными сортами вина и, построив изгородь с таким же количеством отверстий, поставил в каждую по чаше. Результат можно себе представить: восемь голов, проходя мимо чаш, остановились, сделали большой глоток и вскоре пришли в состояние звериного опьянения. В этом состоянии головы были отрублены от шеи, а девушку спасли, чтобы она вышла замуж за первого принца Микадо.

Глава 10. Убийца драконов

Полубоги—Алкестида—Геракл—Исчадие ада Гилгит—Воплощенный избавитель Гилгита—Мадонна из Дардистана—Религия атеизма—Воскрешение драконов—Святой Георгий и его Дракон—Эмерсон и Раскин о Джордже—Святые союзники Дракона.

Теология провозгласила Воплощение тайной, но нет ничего проще. Полубог - это обращение человека к богам. Возможно также, как говорит Эмерсон, что 'когда уходят полубоги, приходят боги', но столь же верно и то, что их приход сигнализирует об уходе божеств, к которым человек долгое время тщетно взывал. Великий гераклианский миф представляет нам идеал богоподобной силы, соединенной с человеческим сочувствием. Ра (Солнце), проходящий двенадцать врат (Часов) Гадеса (Ночи)²⁴⁷, очеловечен в Геракле и его Двенадцати Подвигах. Он сын Зевса от матери—человека — Алкмены, и его труды на благо человечества, а также его чудесное зачатие оказали влияние на христианство. Божественный Человек, нападающий на монстров божественного творения, представляет собой признание человеком того факта, что моральный порядок в природе неразрывно связан с контролем человечества. Одним из проявлений этого восприятия является Алкеста Еврипида, значение которой в связи со смертью мы уже рассматривали.²⁴⁸

‘Алкестида’, как я писал в другой работе, - одна из немногих древнегреческих мелодрам. Большинство драм, оставленных нам поэтами Греции, затрагивают религиозные темы, и обычно это трагедии. Очевидно, что для них популярная религия вокруг них сама по себе была трагедией. Их герои и героини, такие как Прометей и Макария, как правило, были жертвами ревности или каприза богов; и хотя поэты демонстрируют в своих драмах непреодолимую силу богов, они делают это без почтения к этой силе и обычно показывают, что человеческие жертвы более благородны, чем боги. Но ‘Алкестида’ Еврипида - это не трагедия; она заканчивается счастливо и спасением одной из этих жертв богов. Это примерно первое уведомление богов о том, что человеческое сердце устало от их своевольных действий, и они, возможно,

приготовятся покинуть троны вселенной, если не смогут проявить больше человечности.... Зная, что ни он, ни какое-либо другое божество не может законно противостоять указу другого божества, Аполлон вынужден надеяться на помощь человека. Человеческое правосудие может спасти, когда жертвует божественное правосудие. Он пророчествует Смерти, что, хотя он может захватить Алкестиду, придет мужчина, который победит его и избавит эту женщину от царства ада.... Затем на сцену выходит Геракл. Он убивал льва и дракона, и теперь он решает победить Смерть и освободить Алкестиду. Это он и делает".²⁴⁹

В этой дохристианской, но христианской пьесе о страстях роль женского сердца столь же героична, как и роль чести мужчины. Таким образом, в последовавшей за этим религии была предпринята попытка поставить рядом с воплощенным победителем адских сил пронзенное сердце Марии. Но среди всех легенд об этом персонаже трудно было найти более впечатляющую, чем та, которую доктор Лейтнер нашел в Дардистане, и которая, несмотря на свою длину, заслуживает внимательного прочтения. Эту легенду о происхождении племени гилгит и правительства рассказал местный житель.

‘Давным-давно в Гилгите жила раса, происхождение которой неизвестно. Возникли ли они из земли или иммигрировали из далекого региона, сомнительно; многие считают, что они были гаюпи, *то есть*, спонтанными аборигенами, неизвестными. Над ними правил монарх, который был потомком злых духов, ятшей, наводивших ужас на весь мир. Его звали Ширибадатт, и он жил в замке, перед которым было поле для мужской игры в поло. Его вкусы были непостоянны, и в каждом его поступке угадывалось дьявольское происхождение. Местные жители с покорностью переносили его правление, ибо что они могли противопоставить монарху, в распоряжении которого были даже магические средства? Однако страна стала плодородной, и вокруг столицы расцвели привлекательные растения. Небеса, или, скорее, добродетельный Перис, наконец устали от его тирании, ибо он увенчал свои беззакония склонностью к каннибализму. Этот вкус появился у него случайно. Однажды повар принес ему бульон из баранины, подобного которому он никогда не пробовал. После долгих расспросов о характере пищи, на которой была выращена овца, в конце концов ее вывели на старую женщину, ее первую владелицу. Она заявила, что ее ребенок и овца родились в один день, и, потеряв первого, она утешилась тем, что покормила второго грудью. Это было откровением для тирана. Он открыл секрет вкусовых качеств бульона и был полон решимости иметь его неиссякаемый запас. Поэтому он распорядился, чтобы на его кухню регулярно подавали детей нежного возраста, чья плоть, превращенная в бульон, напоминала бы ему изысканное блюдо, которое он когда-то так любил. Этот жестокий приказ был выполнен. Народ страны был встревожен таким положением вещей и попытался немного улучшить его, принеся в жертву, в первую очередь, всех сирот и детей соседних племен. Тиран, однако, был ненасытен, и вскоре его жестокость ощутили на себе многие семьи в Гилгите, которые были вынуждены отдать своих детей на заклание.

Наконец пришло облегчение. На вершине горы Ко, на восхождение на которую уходит день и с которой открывается вид на деревню Доюр, расположенную ниже Гилгита, на другом берегу реки, появились три фигуры. Они выглядели как мужчины, но гораздо более сильные и красивые. В руках у них были луки и стрелы, и, обратив свои взоры в сторону Дойура, они увидели бесчисленные стада овец и крупного рогатого скота, пасущиеся в прерии между этой деревней и подножием горы. Трое незнакомцев были братьями, и ни один из них не родился в одно и то же время. Они намеревались сделать Азру Шемшера, самого молодого, раджей

Гилгита, и, чтобы достичь своей цели, они придумали следующий план. В уже замеченной прерии, которая называется Дидинге, резвый теленок прыгал навстречу своей матери и прочь от нее. Он был предметом гордости своего владельца, и его ярко-красный цвет был виден издали. 'Давайте посмотрим, кто лучший стрелок', - воскликнул старший и, сказав это, пустил стрелу в сторону теленка, но промахнулся. Второй брат тоже попытался ударить его, но тоже потерпел неудачу. Наконец, Азру Шемшер, который проявлял глубокий интерес к этому виду спорта, выпустил свою стрелу, которая пронзила бедное животное из стороны в сторону и убила его. Братья, спускаясь, поздравили Азру с его спортивным мастерством и, добравшись до места, где лежал теленок, перерезали ему горло и вынули из его тела *лакомые кусочки, а именно почки и печень*.

Затем они поджарили эти деликатесы и пригласили Азру отведать их первым. Он почтительно отказался, сославшись на свою молодость, но они убедили его сделать это, 'чтобы, ' сказали они, ' вознаградить тебя за такой превосходный выстрел'. Едва мясо коснулось губ Азру, как братья встали и, растворившись в воздухе, крикнули: 'Брат! ты прикоснулся к нечистой пище, которую Перис никогда не должен есть, и мы воспользовались твоим незнанием этого закона, потому что мы хотим сделать тебя человеком,²⁵⁰ который будет править Гилгитом; поэтому оставайся в Дойуре'. Азру, глубоко опечаленный разлукой, воскликнул: 'Зачем оставаться в Дойуре, если не для того, чтобы молотить зерно?' 'Тогда, ' сказали братья, ' отправляйся в Гилгит'. 'Зачем, - был ответ, - идти в Гилгит, если только не для того, чтобы работать в саду?' 'Нет, нет, ' был последний утешительный ответ. ' ты непременно станешь королем этой страны и избавишь ее от безжалостного угнетателя!' Больше об улетающих феях ничего не было слышно, и Азру остался один, пытаясь найти утешение в великой миссии, которая была возложена на него. Его встретил сельский житель и, пораженный его внешностью, предложил ему приют в своем доме. На следующее утро он поднялся на крышу дома своего хозяина и, позвав его наверх, указал на гору Ко, на которой, по его словам, он ясно разглядел дикую козу. Недоверчивый селянин начал опасаться, что он приютил маньяка, если не кого похуже; но Азру выпустил свою стрелу и в сопровождении селянина (который собрал нескольких друзей для защиты, так как боялся, что его юный гость может быть сообщником разбойников и заманить его в ловушку) направился в сторону горы. Там, конечно, на том самом месте, которое было указано, хотя и на расстоянии многих миль, лежал дикий козел, пронзенный стрелой Азру. Изумленные крестьяне сразу же приветствовали его как своего вождя, но он потребовал от них клятвы хранить тайну, ибо он пришел избавить их от тирана и сохранит свое инкогнито до тех пор, пока не созреют его планы по уничтожению чудовища.

Затем он попрощался с гостеприимными жителями Дойура и отправился в Гилгит. Добравшись до этого места, которое находится всего в четырех милях от Дойура, он развлекся тем, что побродил по садам, примыкающим к королевской резиденции. Там он встретил одну из спутниц дочери Ширибадатты, которая несла воду для принцессы. Эта женщина была удивительно красива и обладала милым нравом. Компаньонка бросилась обратно и велела молодой леди посмотреть с крепостной стены замка на удивительно красивого молодого человека, которого она только что встретила. Принцесса расположилась в таком месте, откуда могла наблюдать за любым человеком, приближающимся к форту. Затем вернулась ее служанка и уговорила Азру пойти с ней на площадку для игры в поло перед замком; принцесса была сражена его красотой и сразу же влюбилась в него. Затем она послала сказать молодому принцу, чтобы он пришел навестить ее. Когда его допустили к ней, он долгое время отрицал, что является кем-то большим, чем простым рабочим. Наконец он признался, что он ребенок феи, и обрадованная принцесса

предложила ему свое сердце и руку. Здесь можно упомянуть, что у тирана Ширибадатты был замечательный конь, который мог преодолевать милью одним прыжком и которого его всадник приучил прыгать как в форт, так и из него, через его стены. Прыжки этого знаменитого животного были настолько правильными, что он неизменно приземлялся на расстоянии мили от форта и в одном и том же месте. В тот самый день, когда принцесса впустила юного Азру в форт, король Ширибадатт был на охоте, которую он отчаянно любил и которой иногда посвящал неделю или две за раз.

‘Теперь мы должны вернуться к Азру, которую мы оставили беседовать с принцессой. Азру хранил молчание, когда леди призналась в любви. Вынужденный заявить о своих чувствах, он сказал, что не женится на ней, пока она не свяжет себя с ним самой строгой клятвой; она это сделала, и они стали в глазах Бога мужем и женой. Затем он объявил, что пришел уничтожить ее отца, и попросил ее убить его саму. На это она ответила отказом; но так как она поклялась помогать ему всем, чем только сможет, он в конце концов заставил ее пообещать, что она спросит своего отца, *где находится его душа*. ‘Откажись от еды, - сказал Азру, - на три или четыре дня, и твой отец, который преданно любит тебя, спросит о причине твоего странного поведения; затем скажи: ‘Отец, ты часто держишься вдали от меня по несколько дней кряду, и я начинаю беспокоиться, что с тобой что-нибудь случится; пожалуйста, успокой меня, сообщи, где твоя душа, и дай мне почувствовать уверенность, что твоей жизни ничего не угрожает’. Принцесса пообещала это сделать, и когда ее отец вернулся, несколько дней отказывалась от еды. Встревоженный Ширибадатт навел справки, на которые она ответила уже названной просьбой. Тиран на несколько мгновений впал в немое изумление и, наконец, отказался выполнить ее нелепое требование. Убитая любовью леди продолжала морить себя голодом, пока, наконец, ее отец, опасаясь за жизнь своей дочери, не сказал ей, чтобы она не беспокоилась о нем, потому что *его душа была из снега, в снегах*, и что он может погибнуть только в огне. Принцесса сообщила эту информацию своему возлюбленному. Азру вернулся в Дойур и окрестные деревни и собрал своих верных крестьян. Он попросил их взять еловые ветки, связать их вместе и поджечь; затем всем скопом с факелами направиться к замку по кругу, держась поближе друг к другу и окружив его со всех сторон. Затем он пошел и выкопал очень глубокую яму, глубокую, как колодец, в том месте, где обычно останавливался конь Ширибадатты, и накрыл ее зелеными ветками. На следующий день он получил информацию, что факелы готовы. Он сразу же приказал жителям деревни постепенно приближаться к форту тем способом, который он уже указал.

Король Ширибадатта сидел тогда в своем замке; рядом с ним была его вероломная дочь, которой так скоро предстояло потерять своего родителя. Вдруг он воскликнул: ‘Я чувствую себя очень близко; выйди, дорогая, и посмотри, что случилось’. Девушка вышла и издали увидела приближающиеся факелы; но, решив, что это что-то связанное с планами ее мужа, она вернулась и сказала, что это ерунда. Факелы становились все ближе и ближе, и тиран стал чрезвычайно беспокойным. ‘Воздух, воздух, - закричал он, - я чувствую себя очень плохо; посмотри, дочь, в чем дело’. Почтительная леди ушла и вернулась с тем же ответом, что и раньше. Наконец факельщики почти окружили форт, и Ширибадатта, предчувствуя надвигающуюся опасность, выбежал из комнаты, сказав, “что он чувствует, что умирает”. Затем он побежал в конюшню, вскочил на своего любимого скакуна и одним ударом хлыста заставил его перепрыгнуть через стену замка. Верное своим привычкам благородное животное приземлилось на том же месте, но, увы! только для того, чтобы оказаться в коварной яме. Прежде чем король успел высвободиться, жители деревни подбежали со своими факелами.

‘Бросьте их в него’, - крикнул Азру. Единодушно все пылающие дрова были брошены на Ширибадattu, который трагически погиб”.

Тогда Азру с большим энтузиазмом был провозглашен королем, отпраздновал свою свадьбу с прекрасной предательницей и в качестве единственной дани потребовал от каждого туземца приносить в жертву по одной овце ежегодно вместо человеческого ребенка.

Когда Азру благополучно взошел на трон, он приказал сравнять место тирана с землей. Усердные крестьяне, изготавливавшие железные лопаты, стекались, чтобы выполнить благодарную работу, и пели, разрушая его замок: —

‘Моя натура сделана из твердого металла’, - сказали Шири и Бадатт. ‘Почему твердого? Я, Кото, сын крестьянина Дем Сингха, один такой выносливый; этой железной лопатой я сровняю с землей твой царственный дом. Смотрите теперь, хотя ты принадлежишь к проклятой расе Шатшо Малика, я, сын Дем Сингха, сделан из твердого металла; ибо этой железной лопатой я выравниваю сам твой дворец; берегись! берегись!’²⁵¹

Рассказ о Празднике факелов, учрежденном в память об этой традиции, уже приводился в другой связи.²⁵² Легенда, фестиваль и песня, которые только что процитировали, представляют собой благородный человеческий эпос. Этот поразительный вызов богу с ледяным сердцем, брошенный крестьянином с человеческим сердцем, этот храбрый клич долго съеживавшегося негодая, который, наконец, держит в руках лопату, железное оружие, чтобы противостоять жестокости природы, - это возвышенный паан Истребителя Драконов. Берегитесь, вы, снежные боги! Здесь сердце мужчины и сердце женщины; их мужество плюс лопата могут сравнять с землей ваши дворцы; их любовь растопит вас, их искусства и науки убьют вас: такими роковыми могут быть факелы!

Все великие религии родились в этом великом атеизме. Как поклонение Гераклу означало низвержение Зевса, так поклонение Христу означало низвержение и Юпитера, и Иеговы. Каждая раса обожает эпоху, когда их отцы стыдились своих богов и считали их драконами — высшими проявлениями жестокости природы — приветствуя человека, который первым поднялся с колен и бросил им вызов. Но в конце концов Жрецам Дракона удастся добиться компромисса и, навесив на него ярлык его убийцы, воскресить и вновь возвести на престол. Ибо, как мы сейчас увидим, Дракон на самом деле никогда не умирает.

Христианство не преминуло воспользоваться престижем истребителя драконов, который предшествовал ему в Европе и Африке. Она не могла позволить себе предлагать для всеобщего почитания святых менее героических, чем языческие воины и полубоги. Старые мифы о Драконах, особенно те, которые прославили Геракла, были заимствованы для придания им облика святых. Святой Михаил, святой Андрей, святая Маргарита и многие другие изображались побеждающими Драконов или наступающими на них. Христос был показан сокрушающим змея Греха, поражающим копьем дракона Смерти или даже выходящим из его бессильных челюстей, подобно Ясону из Дракона.²⁵³ Но в этом соперничестве за лавры мертвых истребителей Драконов и яростной враждебности к уже убитым драконам настоящему Дракону было предоставлено возрождаться и процветать в безопасности, и в конце концов он даже унаследовал мантию и пальму первенства своего бывшего завоевателя.

Ошибка с канонизацией в случае Святого Георгия сама по себе незначительна и просто любопытна; но она почти мистична в своем совпадении с великой ошибкой, которая привела к

тому, что крест Христов санкционировал распятие людей, наиболее похожих на него за тысячу лет.

Мистер Джон Раскин резко оспорил проницательный подход Ральфа Уолдо Эмерсона к изображению, украшающему гербы Англии и России. 'Георгий Каппадокийский,' говорит Эмерсон, 'родившийся в Эпифании в Киликии, был низким паразитом, получившим выгодный контракт на поставку бекона для армии. Мошенник и доносчик, он разбогател и был вынужден скрываться от правосудия. Он скопил свои деньги, принял арианство, собрал библиотеку и был выдвинут фракцией на епископальный престол Александрии. Когда пришел Джулиан, в 361 году нашей эры, Джорджа потащили в тюрьму. Толпа ворвалась в тюрьму, и Джордж был линчеван, как он того заслуживал. И этот драгоценный валет со временем стал святым Георгием Английским, покровителем рыцарства, эмблемой победы и цивилизованности, гордостью лучших кровей современного мира.' На что Эмерсон далее замечает, что "природа ставит нас в тупик, когда мы расхаживаем с важным видом".

Основателю Ассоциации Святого Георгия, конечно, довольно трудно услышать, что его покровителем был вовсе не истребитель драконов, а союзник Дракона. Мистер Раскин, возможно, прав, утверждая, что какими бы ни были факты, те, кто провозгласил Георгия покровителем Англии, все же отдавали дань уважения герою или, по крайней мере, не мошеннику; но его не удовлетворяет аргумент о том, что наш Святой Георгий был еще одним человеком, погибшим за свою веру за семьдесят лет до производителя бекона. Даже если Святого Георгия Раскина, который, как говорят, пострадал при Диоклетиане, можно было бы показать историческим, его мученическая смерть была очень заурядной по сравнению с смертью епископа, разорванного на куски 'языческой' толпой. Далекие христианские народы никогда бы не прислушались к языческой версии этой истории, даже если бы она дошла до них. Епископ, принявший такую мученическую смерть, был бы именно тем человеком, который дал лозунг их армиям. Мученик изображался как истребитель Драконов только в том случае, если к имени посвященного в рыцари мог быть добавлен титул или знак ордена, прикрепленный к его груди; геральдический знак превратился в вариант распространенной легенды, которая предполагает происхождение мифического Георгия Победоносца. 'Маг Афанасий, последовательно выступавший противником христианства, новообращенным и мучеником, является его главным антагонистом; а город Александрия предстает как императрица Александрия, жена Диоклетиана, и сама новообращенная и мученица'. Это предложение из 'Биографического словаря греков и римлян' Смита говорит больше, чем авторитет профессора Раскина в семнадцатом веке. Дракон - это тот самый Афанасий, чье вероучение рассылает свои анафемы в церквях, посвященных арианам, канонизированным за то, что они убили его!

Хотя следует признать, что те, кто сделал Георгия Каппадокийского идеальным героем Англии, действительно воздавали должное мученику и герою, в равной степени следует признать, что его ореол был явно создан из Драконьего огня. Он был человеком, взявшимся за меч и погибшим от него; так много было известно и объявлено при его канонизации. Среди греков Его почитали как "Победителя", следовательно, сегодняшнего покровителя России; как защитника крестоносцев, следовательно, ныне покровителя Англии; таким образом, он святой войны, которую вели сильные против слабых в интересах церкви и духовенства против свободы человека; поэтому Георгий встал на сторону Дракона против Христа, восстановил власть священников, на которую он напал, и предал своих храбрых братьев за всю историю, чтобы они были пригвождены к христианскому кресту.

Пусть Джордж останется! Будь то названия модных храмов или выгравированные на золотых монетах, вымышленный Убийца Драконов останется подходящим святым в нужном месте до тех пор, пока настоящего убийцу Драконов заставляют называть каждую силу, которую он ненавидел, и освящать каждую ложь, в уста которой он вонзал свое копье.

Глава 11. Дыхание дракона

Медуза—Феномены повторения—Выводок Ехидны и их выживание—Бегемот и Левиафан—Пасть ада—Червь Лэмбтон—Рагнар—Гибель Лэмбтона—Ортодоксальность червя—Змей, суеверия и наука.

Асура уже упоминался как древнейшее арийское имя божества. Его значение - Дышащий. Также было отмечено, что со временем это слово стало обозначать как доброго, так и злого духа. Что означало это зловещее дыхание в природе, рассказано в картине Леонардо да Винчи "Умирающая Медуза", упомянутой на стр. 386, от дыхания которой образуются вредные существа. Возможно, художник хотел интерпретировать Горгону только как олицетворение зловонных испарений природы и их органического родства; если это так, то он нарисовал лучше, чем сам думал, и показал ту фатальную жизненную силу зла, которая вознесла его на свой трон как принцип, присущий добру.

Феномены повторения зла сделали для человека тайну беззакония. Тьма может быть рассеяна, но она возвращается; буря может рассеяться, но она собирается снова; наводнения, болезненные сезоны, собачьи дни, каиновы ветры, они уходят и возвращаются; раковая опухоль вырезана и растет снова; тиран может быть убит, тирания выживает. Змея, соскальзывающая с одной кожи на другую, неуклонно сворачивается в символ бесконечности. В другом выражении это ядовитое дыхание Дракона. Именно это дыхание нельзя убить; его особые воплощения, любой его временный выводок, могут быть уничтожены, но принцип в природе, который их производит, не может быть уничтожен.

В драконьих баснях есть этот оттенок их отважного характера. В Ригведе (ст. 32) сказано, что когда Индра убил Ахи, "родился другой, более могущественный". Исайя (xiv. 29) восклицает: 'Не радуйся, вся Палестина, потому что жезл того, кто бил тебя, сломан; ибо из змеиного корня выйдет василиск, и плодом его будет огненный летающий змей'. Геракл борется с гигантом-разбойником Антеем, но обнаруживает, что сила демона восстановлена при соприкосновении с землей. Он убивает одну голову Гидры только для того, чтобы увидеть, как на ее месте вырастают две; и даже когда ему удастся сжечь их, центральная голова оказывается бессмертной, и он может только спрятать ее под камнем. Этот принцип является самовоспроизводящимся принципом зла. Многочисленный выводок Ехидны в мифологии выражает выводок зла в природе. Ехидна, дочь Ге и Тартара, Земли и Ада — фонетическое повторное появление Ахи — наполовину змея, наполовину женщина, с черными глазами, страшная и кровожадная. Она становится матерью огнедышащего Тифона, погребенного под

землей молнией Юпитера, когда он стремился взобраться на Олимп; дракона, охранявшего гесперийский сад; Сфинкса, который озадачивал и пожирал; трехглавого Цербера; орла, который охотился на прикованного к скале Прометея; немейского льва, которого убил Геракл; Химеры; и Сциллы, чудовища, которого Гомер описывает сидящим между двумя большими скалами, подстерегающими моряков на пути из Италии в Сицилию, обладающего двенадцатью ногами, шестью длинными шей и рты, каждый с тремя рядами острых зубов.

У Дракона, которого убил Кадм, тоже были ужасные зубы; и следует помнить, что когда эти зубы были посеяны, они выросли вооруженными людьми. Подобно им, древние мифы о Драконах также были посеяны на полях разума и морали, очищены и вспаханы новой теологией, и они выросли как догмы, более жесткие и безжалостные, чем свирепые силы природы, породившие чудовищ их предков.

К чему неизбежно приводит суеверный метод толкования природы, вынужденный персонифицировать как болезненные, так и приятные явления, находит иллюстрацию в двух великих ветвях традиции — арийской и семитской, — которые сошлись, сформировав христианскую мифологию.

Еврейское олицетворение Иеговы, возникшее в грубый период, было облечено многими дикими и аморальными традициями; но когда его последователи достигли более высокой моральной культуры, национальные чувства стали слишком глубоко связаны с суверенным величием их божества, чтобы его предполагаемые действия подвергались критике или его абсолютное превосходство и всемогущество подвергались сомнению, даже для того, чтобы спасти его моральный облик. Таким образом, раввины, по—видимому, были на пределе своих возможностей объяснить существование двух великих чудовищ, которые попали в их священные летописи из ранней мифологии, — Бегемота и Левиафана. Не желая признавать, что Иегова создал врагов своему собственному царству или что существа, ставшие его врагами, были неподвластны его контролю, они разработали теорию о том, что Бегемот и Левиафан были созданы и сохранены по специальному приказу Иеговы для исполнения его указов в мессиянский Судный день. Вероятно, в более ранний период они соответствовали грифону, или хватателю, и укусившей змее, стражам у врат рая; но поскольку потребность в таких стражах, кусачих людях и шпионах была признана всемогущим всевидящим Шаддаем, монстров пришлось рационализировать в соответствии с его характером карательного правителя. Следовательно, Бегемот и Левиафан представлены откармливаемыми нечестивцами, которые умирают, чтобы стать пищей праведников в беспокойные времена, последовавшие за откровением Мессии! Бегемот - это 'скот Иеговы на тысяче холмов' (Пс. i. 10). В "Книге о рабби Элиэзуре" он описывается как ежедневно питающийся тысячью гор, на которых каждую ночь снова вырастает трава; и Иордан снабжает его питьем, как сказано в Книге Иова (xl. 23): "он верит, что сможет втянуть Иордан в рот свой". В Талмуде эти чудовища разделены на две пары, но, как говорят, были сделаны бесплодными, чтобы их потомство не уничтожило землю. Они хранятся в дикой местности Дендайн, мифической обители потомков Каина, к востоку от Эдема, с упомянутой уникальной целью.

Но теперь мы можем отметить неуклонное продвижение этих чудовищ к границам их мифологической среды обитания. Наступило время, когда Бегемот и Левиафан были едва ли более презентабельны, чем другие олицетворенные ужасы. Они тоже должны 'постричься' — период в истории мифических монстров, соответствующий вымиранию реальных. Профессор

Драммонд полагает, что следующий отрывок из "Книги Еноха" является более поздней вставкой, вероятно, из "Книги Ноя", относящейся уже к середине первого века: "В тот день разделятся два чудовища; чудовище женского пола по имени Левиафан, которое будет жить в бездне моря, над источниками вод; но мужчину зовут Бегемот, который занимает своей грудью пустынную местность под названием Дендайн, к востоку от сада, где обитают избранные и праведные, где был взят мой дед (Енох), будучи седьмым из них". Адам, первый человек, которого сотворил Господь духов. И я попросил того другого ангела показать мне мощь этих чудовищ, как они были разделены в один день, и одно оказалось в глубине моря, а другое - на твердой земле пустыни. И он сказал мне: 'Ты, сын человеческий, ты желаешь в этом познать то, что было сокрыто'. И другой ангел, который пошел со мной и показал мне то, что скрыто, сказал: ... "Эти два чудовища приготовлены в соответствии с величием Бога для того, чтобы их накормили, чтобы карательный суд Божий не был напрасным".²⁵⁴

Таким образом, мы можем видеть, что чувству Фомы Аквинского предшествовали: "Beati in regno cleslesti videbunt poenas damnatorum, ut beatitudo illis magis complacet". Или, возможно, правильнее было бы сказать, логике Фомы Аквинского; ибо, хотя он видел, что блаженствующим душам необходимо радоваться при виде проклятых или иначе лишенных блаженства, говорят, что он вряд ли мог быть счастлив, думая о необратимой участи самого сатаны. Похоже, что только последователи Женевца, которые предвкушали ад своего бога для Сервета, сумели приспособить свои сердца к такой логике и радоваться бесконечным пыткам своих собратьев.

Красноречивого священника из Нью-Йорка Октавиуса Б. Фротингема попросили изложить его взгляды на "вопрос" о вечном проклятии, и он начал с замечания, что он чувствует себя в некотором роде спортсменом, внезапно призванным поохотиться на игуанодона. На самом деле он был призван разобраться с Бегемотом и Левиафаном. Левиафан передал от Ионы Средневековью идею 'чрева Ада', а челюсти Бегемота раскрылись в "адской пасти" из спектаклей о чудесах; и их полезность, описанная в Книге Еноха, возможно, породила доктрину о душах, вкушающих райские радости от агонии других. Догмат об Аде с точностью повторяет путь своего прототипа. Он дошел как раз до того периода, когда, как в случае с "вопрошающим Енохом", исследователь обнаруживает, что он принял постриг. Теологи качают головами, называют это ужасным вопросом, пишут о свободе воли и грехе, но лишь немногие, глупцы, исповедуют веру в старомодный Ад, где червь не умирает и огонь не угасает.

Давайте теперь рассмотрим исход Арийского Дракона, который проделал долгий путь, чтобы встретиться с Бегемотом на западе. И вполне вероятно, что мы не смогли бы, при долгих поисках, найти пример, столь содержательный для нашего настоящего исследования, как наша маленькая народная сказка Дарема о лэмбтонском червяке.

Говорят, что этот червь был убит сэром Лэмбтоном, крестоносцем и предком графов Даремских. Этот молодой Лэмбтон был необузданным парнем; он любил рыбачить в реке Уир, протекающей недалеко от Даремского замка, и у него было особое пристрастие к рыбной ловле там воскресным утром. Он был богохульником, и по воскресеньям, когда все люди собирались на мессу, они часто были потрясены, услышав громкие ругательства, которые Лэмбтон произносил всякий раз, когда ему не удавалось встать. Однажды воскресным утром что-то попало ему на крючок, он сильно потянул, и он убедился, что попадется хорошая форель; каково же было его разочарование, когда вместо нее он обнаружил на конце своей лески крошечного черного червяка. Он сорвал его с себя с яростными проклятиями и бросил в ближайший колодец.

Однако вскоре после этого молодой человек присоединился к крестоносцам и отправился в Святую Землю, где отличился, убив множество сарацин.

Но пока он был в отъезде, вокруг Даремского замка творились ужасные вещи. Какой-то крестьянин, проходя мимо колодца, в который юноша бросил крошечного черного червяка, заглянул в него и увидел существо, заставившее его содрогнуться, — дьявольскую большую змею с девятью свирепыми глазами. Прошло совсем немного времени, прежде чем это существо стало слишком большим, чтобы колодец мог вместить его, и оно выбралось наружу и поползло дальше, прокладывая пустынный путь, завтракая в деревне, пока не добралось до небольшого холма. Вокруг этого холма он обвился девятью кольцами, каждое из которых было достаточно тяжелым, чтобы образовать отдельную террасу. Этот холм с его девятью террасами до сих пор можно увидеть, и крестьяне, живущие поблизости, могут убедиться в этом. Обосновавшись на этом холме, девятиглазое чудовище имело привычку каждый день совершать вылазки и утолять свой голод, пожирая самую упитанную семью, какую только могло найти, пока, наконец, люди не обратились к оракулу — одни говорят, к ведьме, другие, опять же, к священнику, — и им сказали, что чудовище будет удовлетворено, если ему каждый день давать молоко девяти коров. Итак, было собрано девять коров, и нашлась отважная молочница, которая подоила коров и отнесла их дракону. Если в молоке не хватало хотя бы одной жабры, чудовище жестоко мстило ближайшей деревне. В такой неприятной ситуации оказался молодой Лэмбтон, вернувшись домой из крестовых походов. Теперь он был другим человеком. Он больше не увлекался рыбной ловлей и сквернословием. Он остро чувствовал, что, вызвав демона из реки Уэр, он навлек горе на своих соседей, и решил сразиться с Червем один на один. Но он узнал, что с ним уже сражались несколько рыцарей, и он убил их, в то время как никакие полученные раны сами по себе ничего не давали, поскольку, если его разрезать надвое, куски снова срастались. Затем рыцарь консультировался с оракулом, ведьмой или священником, и ему говорили, что он может одержать победу в бою при определенных условиях. Он должен снабдить себя специальной броней, по всему телу которой должны быть большие лезвия. Он должен суметь заманить червя на середину реки Уир, в водах которой должно происходить сражение. И, наконец, он должен поклясться принести в жертву первое живое существо, которое он встретит после своей победы. Выполнив эти условия, рыцарь вошел в ручей. Дракон, не получив в то утро, как обычно, своего молока, сполз со своего холма в поисках того, кого он мог бы сожрать, и, увидев рыцаря в реке, бросился на него. Он быстро обернулся вокруг доспеха, но его большие лезвия разрезали его на множество частей; и эти части не могли снова сложиться вместе, потому что течение реки быстро смыло их.

Теперь обратите внимание, как мифологически был собран этот дракон. Он - грозная туча. Он начинается меньше человеческой ладони и раздувается до огромных размеров; эта характеристика воющего шторма была представлена в воющем волке Фенрисе из скандинавской мифологии, который сначала был маленьким домашним животным, чем-то вроде комнатной собачки богов, но, когда полностью вырос, разорвал цепи, приковывавшие его к горам, и в конце концов был скован только нитью тоньше паутины, которая на самом деле была солнечным лучом, побеждающим зиму. Затем, когда этот червь был разрезан надвое, части снова соединились. Эта особенность повторяемости особенно характерна для гидр. В египетской 'Повести о Сетнау" Птах-нефер-ка дважды видел, как речная змея принимала свою форму после того, как он убил ее своим мечом, — в третий раз ему это удалось, поместив песок между двумя частями тела; и то, чему учили древнего писца возвращающиеся наводнения, осталось для характеристики дракона, с которым столкнулся Гай Уорикский, который

оправлялся от всех ран, окуная хвост в колодец, который он охранял. У Лернейской гидры было девять голов, у лэмбтонского червя - девять глаз и девять складок, и они пили молоко девяти коров. Его любовь к коровьему молоку напрямую связывает его с драконом Вритрой, которого Индра убил за то, что тот украл коров Индры (то есть добрые облака, чье молоко - нежный дождь, не причиняющий вреда) и запер их в пещере, чтобы самому наслаждаться их молоком. Это самая древняя из известных басен о Драконе, и в Ригведе говорится, что под ударом молнии Индры чудовище распалось на куски и было смыто потоком воды. Наконец, будучи окончательно уничтоженным бритвенными лезвиями, дракон связан с тем, кого убил Рагнар, в чьих доспехах солнечные стрелы Аполлона превратились в сосульки. В 'Предсмертной песне Рагнара Лодбраха', сохраненной Олаусом Вормиусом, говорится, что король Нортумберленда Элла, захвативший в плен этот ужас Севера (8 век), приказал бросить его в яму со змеями. Его фамилия Лодбрах, или Власяные Бриджи, была дана из-за его метода убийства Червя, опустошавшего Готланд, король которого пообещал свою дочь человеку, который убьет того же самого. Рагнар оделся в волосатые шкуры и облил волосы водой, которая, замерзая, заключила его в ледяную броню. Червь, неспособный прокусить ее, был пронзен Рагнаром. Другая версия гласит, что Рагнар убил двух змей, которых король Готланда приставил охранять свою дочь, но которые выросли до таких размеров, что наводили ужас на всю страну. Можно заметить, что история Лэмбтона христианизует легенду о Рагнаре, показывая, что это должно быть сделано во искупление греха, который в другом случае был совершен по любви. Корнуольская легенда о святом Петроксе также восприняла намек Рагнара и возвещает о спасении христиан из змеиной ямы, в которой погиб языческий герой. Сосульки снова появляются на убийце дракона Уэнтли, представленные длинными шипами, торчащими из его брони.

Рыцарь Лэмбтон, помня о своей клятве принести в жертву первое живое существо, которое он встретит после боя, распорядился поместить собаку там, где она будет привлекать его внимание. Но оказалось, что к нему примчался его собственный отец. Поскольку он не мог убить своего отца, он снова обратился к оракулу, чтобы узнать, каким будет наказание за невыполнение его обета. Он заключался в том, что ни один представитель семьи не должен был умирать в своей постели в течение девяти поколений. В округе до сих пор бытует мнение, что с тех пор ни один граф Дарем не умер в своей постели. Девять поколений давно миновали с тех пор, как в Лэмбтоне жили крестоносцы, но несколько крестьян округа завершили свое повествование словами: 'Странно, но ни один граф Дарем не умер в своей постели!' В замке я поговорил со слугой из поместья, когда осматривал старые статуи рыцаря, червяка и молочницы, хранящиеся там, и он сказал мне, что слышал, что покойный граф, когда приближалась смерть, попросил сесть — настоял — и умер в кресле. Если в этом есть хоть капля правды, это показало бы, что сама семья испытывает какие-то болезненные чувства по поводу легенды, о которой им так долго рассказывали с гордостью. Старый колодец, из которого маленький червячок вылез чудовищем, сейчас сильно зарос, но мне сказали, что долгое время он был колодцем желаний, и на дне его до сих пор можно увидеть булавки, отлитые крестьянами.

Булавки - это последние подношения у источника Червяка; 'пожелания' его последних молитв; но куда теперь деваются монеты и молитвы? Умилостивить власть и смягчить приговор, основанный во многом на тех же принципах, что представлены в легенде о Лэмбтоне. Община, опустошенная из-за того, что один человек грешен, в миниатюре изображает гибель мира за грех Адама. Требование человеческого жертвоприношения более ясно выражено в истории о Сокберне, где Коньерс принес своего единственного сына в жертву Святому Духу в приходской

церкви, прежде чем сразиться с Драконом, что является условием успеха, предписанным "Оракулом" или "Сивиллой". Это утверждение адских сил, представленных Червем — многоглазым, всевидящим, — не может быть отвергнуто; сыновняя любовь Лэмбтона может противостоять ему только для того, чтобы оно сошло за наследственную гибель его семьи, представляющую собой вменяемый грех. "Ибо Я, Господь, Бог твой, Бог-ревнитель и наказываю за грехи отцов детей до третьего и четвертого поколения".

В природе существуют процессы такого рода: наследственное зло, передаваемые болезни и бесчестье, а также страдания многих из-за проступков одного. Но за их обожествлением и богослужением следует страшная Немезида. 'Как я могу быть счастлива на небесах, - сказала одна добросердечная леди своему духовному наставнику, - когда я должна видеть других в аду?' 'Я заставлю тебя понять, что все к лучшему. ' Если мне суждено стать таким бессердечным, я предпочитаю отправиться в ад. Этот искренний разговор сообщает о гибели всех божеств, чье воплощение находится в драконах. Ад подразумевает Дракона как своего представителя и правителя. Теология может побудить униженных и трусливых подвергнуть свои человеческие сердца процессу закаливания, необходимому для верности таким силам, но в конечном итоге она делает атеизм единственным спасением храбрых, чистых и любящих натур. Дыхание Драконов затуманило древние небеса и погубило старых богов; но звездные идеалы, к которым они стремятся, тщетны. Бегемот долгое время поставлял филе многим священнослужителям, но в конце концов он стал слишком жестким даже для их зубов, и с каждым годом они кормят его все менее бережно. Более того, время от времени с ним сталкиваются его профессиональные кормильцы, и даже в Вестминстерском аббатстве он нашел своего Парня из Уорика.

И этот презренный чемпион не мог обескуражить

Коричневая Корова больше слона;

Но он, чтобы доказать свою безупречную храбрость,

Отрежьте от ее огромного бока вырезку.

Рис. 32.—Из "Искушения святого Антония" (Калло).

Черви — будь то семитский левиафан или арийский Дракон - почти окаменели в своей древней форме. Принесение в жертву дочери Иеффаи одному из них и молодого Коньерса другому было смягчено в случае спасения человека от сатаны сошествием Христа в Ад, и в замене девяти непростых смертей на требуемое отцеубийство в деле Лэмбтона; и самое прямое "переживание" из них можно обнаружить у любого деревенского парня, пытающегося вылечить свои бородавки, снабдив их сорняком, к которому они прилипали. Их целью в Искусстве было создание таких форм, как это умирающее от голода создание Калло (рис. 32), чей худой всадник в очках, склоняющийся перед Святым Антонием, также обозначает гибель всех сил, какими бы высокими они ни были, чье величие требует *помощи и защиты*. Дракон проходит мимо, оставляя за собой взрыв смеха, к которому теперь мог бы присоединиться даже святой Антоний. Но Левиафан и Лэмбтонский Червь объединили свою жизнь в Догме; это Догма столь же безжалостная и ненасытная, как и ее прототип, и требует, чтобы ее напоили всем молоком человеческой доброты, иначе она сразу же начнет подтачивать основы самого христианского мира. Христианство основывается на прошлой работе Червя в Раю и его нынешней работе в Аду. Не имеет реального значения, выражается ли вера человека во вселенную, опутанную змеиными кольцами, в трепетном поклонении индуса ядовитому властелину или в проклятии его христианином: по сути, в каждом случае это поклонение змее. Вишну покоится на своем небесном Змее; бог Догмы поддерживает свое правление при поддержке адского Змея. Страх видел, как он появился в Дареме, чтобы отстоять мессу и Субботу; но тот же страх все еще видит его в огненном мире, наказывающим нарушителей Субботы и богохульников против своего

Создателя и главы. Этот страх построил каждый собор в христианском мире, и они должны рухнуть вместе с фантазмом, вызванным для их создания.

Змей сам по себе является совершенным воплощением всего зла в природе. Он несовместим с правлением совершенно доброго и всемогущего человека над вселенной. Никакая казуистика не может объяснить его сосуществование с антропоморфной Любовью и Мудростью, что все признают, когда параллельная казуистика пытается защитить любого другого бога, кроме их собственного, от деяний, которые, по человеческому мнению, являются злом. Защищать ревность и жестокость Юпитера на том основании, что его пути не похожи на наши пути, так же легко, как защищать схожий характер у Иеговы. Чудовище, посланное одним, чтобы пожрать Прометея, этически уравнивается со змеей, созданной другим, чтобы кусать человека за пятку.

Человек спасается от суеверной эволюции ядовитой Змеи в Дракона, признавая ее реальную эволюцию с точки зрения Науки. Только наука может рассказать истинную историю Змеи и обосновать ее место в природе. Это запрещает человеку его суеверный метод создания бога по своему собственному образу и подобию и его эгоистичный метод судить о природе в соответствии с его личными симпатиями и антипатиями, его удобством или неудобством. Наученный Наукой, человек может со свободой, недоступной варвару, истребить Змею; со свободой, недоступной христианину, он может увидеть в этой рептилии совершенство той экономии в природе, которая всегда защищала развивающиеся формы жизни. Он судит о добре и зле каждой формы с точки зрения ее приспособления к своим собственным целям. Таким образом, только Наука владеет копьем Итуриэля, и под ее прикосновением каждый Дракон мгновенно сжимается до своей маленькой формы в природе, чтобы с ним поступали в соответствии с тем, что он собой представляет.

Глава 12. Судьба

"Любовь и судьба" Доре—Мойра и Мойры—"Судьбы" Эсхила—Сдавшийся Божественный абсолютизм—Юпитер и Тифон—Смягчение доли демона—Популярный фатализм—Теологический фатализм—Судьба и необходимость—Обожествление воли—Метафизика прошлого и настоящего.

Гюстав Доре написал картину 'Любовь и судьба', в которой ужасная ведьма изображена возвышающейся над нежным Эросом, и пока последний протягивает нить так далеко, как только может, морщинистые руки Судьбы являются границами его власти, и роковые ножницы смыкаются на радости, которую он растянул до неизбежного предела. Для древнего разума эти две формы составляли два великих царства вселенной, их силы встречались в плоде с червем в сердцевине, в семенах смерти, прорастающих среди игры жизни, во всех ограничениях человека. Они проецируются в мифах об Элизиуме и Аиде, Эдеме и Змее, Рае и Аде и их многочисленных вариантах.

Пожалуй, нет ни одной линии мифологического развития, которая более ясно и впечатляюще иллюстрировала бы силы, под влиянием которых выросло представление о злом принципе, чем изменения, которым подверглось олицетворение Судьбы в Греции и Риме. Мойра, или Судьба у Гомера, является лишь второстепенной причиной, если таковая имеется, и просто выполняет указы своего отца, Зевса. Зевс - настоящая Судьба. Тем не менее, хотя это гомеровская теория или теология, здесь есть намеки (см. xxvii. часть 4), что настоящее благоговение перед мужчинами уже перешло от Зевса к Эринниям. Это предвещает смену правительства. У Гесиода мы находим вместо одной три Мойры. Они больше не отпрыски Зевса, а, так сказать, его Кабинет. Они не действуют независимо от него, но когда, следуя их справедливым советам, Зевс издает указы, мойры исполняют их. Далее мы находим, что Мойры Гесиода были превращены другими авторами в окончательные Регистраторы; они записывают указы Зевса на определенных неразрушимых табличках, после чего они становятся бесповоротными и неизбежными. У Эсхила мы обнаруживаем, что мойры развились в независимые и высшие силы, стоящие выше самого Зевса. Прикованный Прометей надеется не на Зевса, а на Судьбу в поисках своего окончательного освобождения.

Припев. Кто же тогда является проводником Необходимости?

Прометей. Тройственные Судьбы и незабываемые Фурии.

Чо. Значит, Зевс менее могущественен, чем они?

Выпускной. По крайней мере, он точно не избежит своей участи.

Чо. И что может быть судьбой Зевса, кроме вечного правления?

Выпускной. Возможно, ты этого не узнаешь; не нажимай на это.

Чо. Несомненно, ты скрываешь какую-то торжественную тайну.

Выпускной. Обратимся к какой-нибудь другой теме: для этого раскрытия еще не пришло время: оно должно быть покрыто глубокой тайной, ибо благодаря сохранению этой тайны придет мое освобождение от низменных цепей и страданий.

Эти великие вехи представляют собой последовательные революции в олимпийском правительстве. Абсолютизм стал обременительным: как безответственный монарх, Зевс стал ответственным за беды мира, и его жрецы были довольны тем, что все большая доля этой ответственности возлагалась на его советников, пока, наконец, вся она не была передана ему. С этого времени лик Зевса, или Юпитера, сияет незамутненной ответственностью за человеческие несчастья и земное зло; и, с другой стороны, некогда прекрасные Судьбы пропорционально чернеют, и они становятся отвратительными ведьмами, старыми и хромыми каргами из народных верований Греции и Рима, каждая черта уродства которых обезобразила бы лик Зевса, если бы он не был им подчинен.

Мойра означает 'разделяй' и первоначально, возможно, означала просто силу, которая отмеряла каждому его долю жизни, а также боли и удовольствия, вплетенные в нее, пока не наступит срок. Но по мере того, как Судьбы приобретали более определенную индивидуальность, к ним стали относиться как к обладающим собственной 'долей'. Они стали олицетворением всех темных и грозных сил в том, что касается их неизбежности. Никакая божественная сила не могла отстранить их или хотя бы временно подчинить. Судьба отмерила

свою долю безжалостной Горгоне, а также самому справедливому богу. Но там, где разрушительная сила применялась дружественным к человеку способом, Судьбы отодвигаются несколько на задний план, и подвиг приписывается какому-то богу. Таков в "Прометее" Эсхила дух замечательного отрывка о Тифоне, переданного с трагической глубиной Теодором Бакли: "Я тоже сочувствовал, — говорит прикованный к скале Прометей, - когда я увидел рожденного на земле обитателя киликийских пещер, потрясающее чудо, стоголового стремительного Тифона, побежденного силой; который противостоял всем богам, из его голодных челюстей вырывалось убийственное шипение, а в его глазах сверкал отвратительный блеск". как будто он волей-неволей свергнет суверенитет Юпитера. Но бессонный луч Юпитера обрушился на него, нисходящая молния, извергающая пламя, которое заставило его отказаться от самонадеянной бравады; ибо, пораженный в самую душу, он превратился в пепел и был поражен громом в своей доблести. И теперь, несчастный и парализованный, он неподвижно лежит у узкого ручья, придавленный корнями Этны. И, восседая на самых вершинах, Вулкан кует расплавленные массы, из которых вырвутся потоки, пожирая полными челюстями ровные поля плодородной Сицилии; с такой же яростью вскипит Тифон в раскаленной артиллерии никогда не пресыщавшегося огнедышащего шторма; хотя он и был обращен в пепел ударом молнии Юпитера".

В этом отрывке мы видим Юпитера, облеченного славой победы над великим демоном; но мы также признаем, что демон все еще находится под защитой Судьбы. Судьба должна нести это бремя. Так было сказано в Апокалипсисе, что сатана должен быть освобожден после того, как был связан в Яме тысячу лет; и поэтому Мухаммед объявил, что Гог и Магог должны вырваться на свободу с ужасом и разрушением из горной тюрьмы, в которую их бросил Аллах.

Разрушительный Принцип имел свою 'долю', так же как созидательный и охранительный Принципы, и не мог быть навсегда лишен ее. Постепенно судьбы различных регионов и имена были отождествлены с божествами, чьи интересы, сады или сокровища они охраняли; и когда некоторые из этих божеств были низложены, их вассалы были еще более низложены, в то время как в других случаях божествам удавалось поддерживать добрую славу благодаря басням о том, что их предали и их благие намерения были расстроены такими подчиненными. Таким образом, мы обнаруживаем определенное представление о технической и официальной власти, облеченной такими фигурами, как Сатана, Ариман, Иблис и Дракон, как будто высшие боги не могли отречься или полностью обратить вспять плохие поступки, совершенные этими уполномоченными.

Но большая, хотя и ограниченная степень контроля, неизбежно требуемая для величайших и наилучших богов, должна была быть представлена теологически. Следовательно, была разработана система замены. Демон или Дракон, хотя и злоупотребляет своей силой, не может силой лишить ее, но может быть вынужден принять какую-то жертву вместо конкретной цели, к которой стремится его ненасытность. Эти замены встречаются в каждой теологической системе, и применение их к отдельным людям составляет *смысл существования* каждого священства. По мере продвижения к цивилизации заменители теряют свою ценность и, в конце концов, становятся просто номинальными и церемониальными — изображение человека вместо человека или вино вместо крови. Поначалу смягчение часто заключалось в замене лиц более низкого ранга другими, более высокого ранга, например, когда рабыни или жены приносились в жертву, чтобы обеспечить рай хозяину или мужу. Таким образом, Смерти позволено забрать Алкестиду вместо Адмета. Более высокий уровень цивилизации заменяет человеческие жертвы животными. С этим согласуется легенда о том, как Христос послал

демонов из двух человек в стадо свиней:²⁵⁵, которая, опять же, относится к тому же классу идей, что и последующая легенда о самом Иисусе как заместительной жертве; человечество в данном случае является стадом по сравнению с сыном божьим, и передача сатанинской силы от человеческой расы к нему самому, хотя бы на короткое время, принимается теологией как эквивалент из-за божественного достоинства существа, сошедшего в ад. Однако прошло некоторое время, прежде чем богословие разработало эту теорию в ее нынешнем виде, поскольку святые отцы радовались вере в то, что договор о смягчении наказания на первый взгляд подразумевает, что Христос навсегда останется в аду, и сатана в этом был перехитрен.

Древние вавилонские заклинания часто заканчиваются припевом: "Пусть чары рассеются и вернутся в свое собственное жилище", предполагалось, что у каждого злого духа должно было быть соответствующее жилище, как в случае с Иудой, в которого вошел сатана,²⁵⁶ и о котором сказано, что он "из—за согрешения пал, чтобы уйти в свое собственное место".²⁵⁷ Очень остроумны некоторые древние предположения относительно мест обитания демонов. В некоторых регионах считается, что цвет кожи при заболевании указывает на вкусы демона, вызывающего его; и заклинания экзорцизма заканчиваются тем, что ему присваивают что-то того же оттенка. Демоном желтухи обычно считают желтых попугаев, а воспалением - красные или алые сорняки. Их окрасы уважают. В восточных формулах такого рода мало учитывается человечность, и довольно часто бывает так, что, молясь о чуме или голоде, население часто выбирает племя, на которое заклинается, чтобы их беда обрушилась сама собой. "Пусть Нин-сигал, - гласит вавилонский экзорцизм, - обратит свое лицо в другое место; пусть вредоносный дух выйдет и овладеет другим; пусть херувим и демоница поселятся на его теле; пусть царь небес сохранит, пусть царь земли сохранит!"

Так же обстоит дело в регионах и во времена, которые мы обычно считаем полуварварскими. Но время от времени сообщества, считающие себя цивилизованными и просвещенными, сталкиваются лицом к лицу с популярным фатализмом в его языческой форме и бывают этим шокированы, не помня, что это в равной степени догма о заместительном удовлетворении или искуплении. Женщина, проживающая по соседству с Траунзее, Австрия, сообщила мне, что недавно в этом озере чуть не утонули двое мужчин, которых с большим трудом удалось спасти в последний момент. Но этот инцидент, вместо того чтобы вызвать радость у соседей погибших, вызвал их неудовольствие; и это не потому, что спасенные были совсем непопулярны, а из-за широко распространенного представления о том, что Судьба требовала двух жизней, что им вскоре придется довольствоваться двумя другими, и что, поскольку агония утопающих перешла в бессознательное состояние, было бы лучше предоставить выбранных жертв их судьбе. В Эльсиноре, в Дании, когда море стонет, говорят, что оно "хочет кого-нибудь", и обычно после этого распространяется какая-нибудь история о только что утонувшем человеке.

В то время как ранние мифологические формы Судеб уменьшаются и исчезают как любопытные суеверия, они возвращаются в метафизическом обличье. Они собирают своих сородичей в примитивных науках и космогониях и, обнаружив, что их старый дом очищен от языческих демонов и украшен философскими фразами, входят в него как серьезные теории; но их утонченность и их жало остаются при них, и последнее состояние дома, в котором они живут, хуже первого.

Да, хуже того: несмотря на все, что человек когда-либо завоевал в мужестве или моральной свободе, подробно побеждая своих драконов, он снова капитулирует перед призрачными

силами, которые они олицетворяли, когда он отдает свой разум вере в силу, которая не является его собственной и творит зло. Ужасный вывод о том, что Зло является позитивным и нетленным Принципом во Вселенной, несет в себе ядовитое дыхание каждого Дракона. Это скрывается во всей теологии, которая представляет вселенную как арену борьбы между добрыми и злыми Принципами, а человеческую жизнь - как войну души против плоти. Оно оживляет все благочестивые ужасы, отождествляющие материализм со злом. Оно гнездится в уме, который воображает личное божество, которому противостоит любая часть природы. Она обвиняет каждое сердце, которое обожает абсолютную суверенную Волю, какой бы апофеозированной она ни была.

Все эти представления, прежде всего вера в высшую произвольную Волю, являются современной маскировкой Судьбы; а вера в Судьбу - это единственное, что фатально для человеческой культуры и энергии. Понятие Судьбы (*фатум*, произнесенное слово) несет в себе концепцию произвола во вселенной, власти, намеренно применяемой без необходимой ссылки на природу вещей; и это как раз противоположно той идее Необходимости, которой учит Наука, которая является другим названием верховенства Закона. К счастью, представление о вселенной, находящейся во власти личного указа, самоубийственно в мире, полном печалей и агоний, которые, согласно такой теории, могут быть объяснены только каким-то индивидуальным капризом или недоброжелательством. Как бы долго низменный страх ни заставлял замолчать уста страдающих, в их сердцах живет бунт. Каждый удар, нанесенный прямо или попустительски, простой Волей, какой бы всемогущей она ни была, каждая агония, сознательно отделенная от всеобщей органической необходимости, чтобы ее можно было назвать 'провиденциальной', не могут вызвать в человеке более благородного естественного чувства, чем негодование. Чувства истца в суде, который знает, что неблагоприятное решение, которое губит его, не имеет корня в фактах или законе, а исходит из предубеждения или прихоти судьи, могут ничуть не отличаться от чувств матери, которая видит своего сына, сраженного смертью, и слышит у его могилы, что его поглотил гнев бога, который мог бы уступить ее молитве, но отказался от нее. Протест сердца может быть на время подавлен затянувшимся кольцом ужаса, но он есть, и христианские теологи будут так же стремиться защитить от него свое божество, чего бы это ни стоило его суверенитету, как и их предшественники, которые изобрели Женский кабинет, чтобы освободить Юпитера от ответственности.

Метафизика, которая, по-видимому, развилась в искусство заставлять вещи выглядеть правдивыми на словах, когда их неправда на самом деле обнаружена, действительно уже приступила к только что предсказанной задаче. Встречаются выдающиеся богословы, пишущие о материи и духе, свободе и естественном праве так торжественно, как будто вся эта дискуссия была новой и никогда не приводила к ее неизбежным результатам. Они могут только облечь в христианскую или современную фразеологию выводы, к которым снова и снова приходили в истории человеческих рассуждений. Различные школы буддийской и ведантистской философии всеми мыслимыми путями пришли к своему фундаментальному единству веры в Бога, Душу и Материю; в пессимистическую видимую природу, идеальную невидимую природу и человеческую душу, заключенную в материи, как лягушка во рту змеи, но способную с помощью определенных таинственных, в основном метафизических или вербальных, приемов обрести освобождение и перейти в соответствующую ситуацию в божестве.

Как царь, чей сын отбился от него и жил в неведении о своем отце среди веддах (диких людей), обнаружив своего сына, воскликнет: "Приди ко мне, мой дорогой сын!" и сделает его участником счастья, которым наслаждается он сам, точно так же Верховный Бог предстанет перед душой, попавшей в беду, — душой, запутавшейся в сетях пяти веддах (чувств), и, отделив эту душу от Пашама (Материи), ассимилирует ее с собой и благословит ее к его святым стопам".

Человеку слишком поздно интересоваться "всемогущей" Личностью, чья власть таинственным образом ограничена именно тогда, когда она необходима, и чье моральное правление - другое название собственного контроля человека над природой. Тем не менее, этот восточный пессимизм является теорией Материи Павла, и это спекулятивная протоплазма, из которой развилась во многих формах та персонификация, которая остается для нашего рассмотрения, — Дьявол.

Конец тома I.

Краткое примечание: Привет! Я Джули, женщина, которая управляет Global Grey - веб-сайтом, на котором эта электронная книга была опубликована бесплатно. Это мои собственные издания, и я надеюсь, что вам понравилось читать именно это. Чтобы поддержать сайт и позволить мне продолжать предлагать эти качественные (и совершенно бесплатные) электронные книги, пожалуйста, подумайте о том, чтобы [пожертвовать небольшую сумму](#) (если вы уже пожертвовали - спасибо!). Это помогает сократить расходы на сайт, и любая сумма приветствуется.

Спасибо, что прочитали это, и я действительно надеюсь, что вы снова посетите [Global Grey](#) - новые книги добавляются регулярно, так что вы всегда найдете что-то интересное :)

Примечания

[\[←1\]](#)

Пausan. v. 14, 2.

[\[←2\]](#)

Солин. Многоистория, i.

[\[←3\]](#)

Плиний, xxix. 6, 34, начало.

[\[←4\]](#)

Иезекииль xiv. 9.

[←5]

Как на табличке с Бембином в Бодлианской библиотеке.

[←6]

См. Коран Сале, стр. 281.

[←7]

Пиндар, Фрагмент, 270.

[←8]

‘Ранняя история. Человечества’ Тайлора, стр. 358; ‘Прим. Культ., том ii. стр. 230.

[←9]

Гасконцы Лабурда называют дьявола "сеньор Воланд", а некоторые почитают его как покровителя.

[←10]

"Миф арийских народов", том ii. стр. 327.

[←11]

"Христианская иконография", Бон, стр. 158.

[←12]

‘Videbant faciem egredientis Moysis esse cornutam.’—Vulg. Исход. xxxiv. 35.

[←13]

"Мифы и чудеса астрономии". Р. А. Проктор. Чатто и Виндус, 1878.

[←14]

"Сцены и легенды" и др., стр. 73.

[←15]

‘Любой востоковед оценит замечательную смесь индуистского и арабского языков и религии в следующих деталях, записанных среди грубых племен Малайского полуострова. Мы слышим о Джин Буми, боге земли (арабское jīn = демон, санскритское bhūmī = земля); воскуривают благовония Джудаджеве (санскритское dewa = бог), который ходатайствует перед Пирманом, высшим невидимым божеством над небом (Брахмой?); мусульманский Аллах Таала со своей женой Наби Махамад (Пророк Мухаммед) появляются в индуизированных образах создателя и разрушителя всего сущего; и хотя духи, которым поклоняются в камнях, называются индуистским термином "дева" обращение в мусульманство настолько повлияло на сознание камнепоклонника, что он даст своему священному валуну имя пророка Мухаммеда". - Тайлор "Первобытная культура", том ii. стр. 230.

[←16]

Үәһна, 32.

[←17]

"Дьявол" и др., с французского преподобного А. Ревия, стр. 5.

[←18]

"Первобытная культура" Тайлора, том ii. стр. 299.

[←19]

"Гностики" и др., К. У. Кинг, М.А., стр. 153.

[←20]

Тем, кто желает изучить этот вопрос подробнее, будет полезно обратиться к Бэджеру, "Несторианам и их ритуалам", в котором переведена вся "Хвалебная речь"; и к Лейарду, "Ниневии и Вавилону", в котором есть перевод того же самого Ормуздом Рассамом, покойным пленником короля Абиссинии.

[←21]

Значение горгулий на церквях, построенных на фундаментах языческих храмов, особенно заметно в Йорке, где появляются формы различных животных, хорошо известных из индогерманской мифологии. Вероятно, это копии более ранних проектов, сохранившихся с тех времен, когда возобладавал план Григория по преобразованию храмов. 'Храмы идолов в этой стране, ' писал папа в 601 году н.э., - не должны быть разрушены; но пусть будут уничтожены находящиеся в них идолы; пусть будет приготовлена святая вода и окроплены упомянутые храмы, пусть будут воздвигнуты алтари и помещены реликвии. Ибо, если эти храмы хорошо

построены, необходимо, чтобы они были обращены от поклонения дьяволам к служению истинному Богу'. — Беда, Еккл. История. глава 30.

[←22]

"Земля милосердия" преподобного Сэмюэля Матира, стр. 214.

[←23]

Корреспонденция лондонской "Таймс" из Калькутты.

[←24]

Персидский поэт Сада использует фразу 'Кит проглотил Иону' как знакомое выражение для обозначения заката; что любопытно совпадает с мифом Мимака (Новая Шотландия) о том, что святой герой Глускап был доставлен в Страну счастливого Заката на ките. История Ионы действительно имела интересные варианты, один из них - легенда об Оаннесе, боге—рыбе, вышедшем из Красного моря, чтобы обучать вавилонян искусствам (сага о Дагоне); но фраза из Книги Ионы — "чрево ада" - имела прозаическое значение для христианского сознания и, в связи с рассуждениями о Бегемоте и Левиафана, дала нам средневековую Пасть Ада.

[←25]

Табличка К 162 в Британском музее. Смотрите "Записи прошлого", i. 141.

[←26]

Лондонская "Таймс", 11 июля 1877г.

[←27]

"Песни русского народа", стр. 409.

[←28]

"Примитивная культура".

[←29]

Cæsarius D'Heisterbach, Miracul. iii.

[←30]

Лев. iii. 15.

[←31]

Du Perron, 'Vie de Zoroastre.'

[←32]

Принцип *similia similibus curantur* очень древний; но, хотя он, возможно, возник с эвфемистической или умиловительной целью, гомеопат может заявить, что он вряд ли смог бы выжить, если бы не были обнаружены некоторые практические преимущества.

[←33]

"Путешествия" Соннерата, ii. 38.

[←34]

Дойч, "Литературные останки", стр. 178.

[←35]

Isa. lvii. 5; Ezek. xvi. 20; Jer. xix. 5.

[←36]

"Еврейский мир".

[←37]

'Наблюдения над популярными древностями' и др., Джон Брэнд. С дополнениями сэра Генри Эллиса. Совершенно новое и переработанное издание. Шатто и Виндус, 1877. См., в частности, главу "Летнее солнцестояние", стр. 165.

[←38]

"Пира, костер, на котором сжигали человеческие тела". —Куперовский *Тезаурус*. Вероятно, от фр.*бон*; Веджвуд дает дан.*баун*, бикон.

[←39]

См. Главу i. Сравните числа xxxi. 23.

[←40]

Числа хіх. 17.

[←41]

Там же. хіх. 2, *далее*.

[←42]

"Фольклор Китая", стр. 121.

[←43]

В России голубь, издревле посвященный богу грома, стал эмблемой Святого Духа, или небесного огня, и как таковой врагом земного огня. Голубям доверяют как страховщикам от пожара, и полет одного из них через дом рассматривается как доброе предупреждение о пожаре.

[←44]

Табличка К 162 на британском языке, написанная Х. Ф. Тэлботом в "Записях прошлого".

[←45]

В "*Вестерн Мейл*" от 12 марта 1874 года содержится замечательное письмо Архидруида, в котором он утверждает, что "Иисус" является производным от Неа или Ну, Свет, а христианская система является искажением бардизма.

[←46]

"Л'Энфер", стр. 5.

[←47]

"Фольклор Китая" Денниса, стр. 98.

[←48]

Procopius, 'De Bello Gothico,' iv. 20.

[←49]

"Мемориалы преподобного Р. С. Хоукса".

[←50]

'La Magie chez les Chaldéens,' iii.

[←51]

Lönnrot, 'Abhandlung über die Magische Medicin der Finnen.'

[←52]

"Сцены и легенды Севера Шотландии". Ниммо, 1876.

[←53]

"Ригведа", ii. 33. Тр. профессора Эванса из Мичигана.

[←54]

"Ригведа", i. 114.

[←55]

'Jour. Ceylon R. A. Soc., 1865-66гг.

[←56]

Welcker, 'Griechische Götterlehre,' vol. i. p. 661.

[←57]

Моффат, стр. 257.

[←58]

Ливингстон, стр. 124.

[←59]

Pöppig, 'Reise in Chile,' vol. ii. p. 358.

[←60]

Эйр, том ii. стр. 362.

[←61]

Тайлор, "Ранняя история", стр. 359.

[←62]

Таким образом, подтверждая гипотезу Вахсмута, в ""Дас альте Грихенланд им нойен", стр. 23. Элиас также может быть легко связан с именем Эол.

[←63]

"Ригведа", х. (Муир).

[←64]

Иоанн iii. 8.

[←65]

"Колесо закона" Генри Алебастера, Trübner & Co.

[←66]

"Ригведа", т. 83 (Уилсон).

[←67]

"Учебник майора", ii. 26.

[←68]

"Псевдомонархический деймон" Вируса.

[←69]

"Песни русского народа" У. Р. С. Ралстона, магистр искусств

[←70]

Иса. ххii. 22. Примечательно, что (согласно Каллимаху) Церера носила ключ на плече. Она хранила житницу земли.

[←71]

Откр. i. 18.; Матф. хvi. 19.

[←72]

"Журнал N. C. B. R. A. S.", 1853.

[←73]

‘Фольклор Китая’, стр. 124. Барабан, который держит бес на рис. 3, показывает его отношение к богу грома. В Японии бог грома представлен в виде пяти барабанов, соединенных вместе. У бога ветра за плечами большой мешок со сжатым воздухом; и у него стальные когти, символизирующие острый и пронизывающий ветер. Сибирские татары верят, что могущественного демона можно вызвать ударом в барабан; их колдуны предоставляют ручного медведя, который появляется на сцене и от которого они притворяются, что получают ответы на вопросы. В суевериях Новой Шотландии мы находим демонов, заговоренных барабанами, чтобы успокоиться. В Индии храмовый барабан сохранил такие торжественные ассоциации даже с новой теистической сектой Брахмо-Сомадж, что, как говорят, в него до сих пор бьют в качестве аккомпанемента к органу, присланному их английскими друзьями в их главную церковь.

[←74]

Хотя Коран и другие авторитетные источники, как уже говорилось, ассоциируют джиннов с эфирным огнем, арабский фольклор ближе к значению этого слова в присвоении названия всем демонам. Ученый арабский лексикограф из Бейрута П. Бустани говорит: ‘Джинн - это противоположность человечеству, или это все, что скрыто от смысла, будь то ангел или дьявол’.

[←75]

"Клинописные вставки", iv. 15.

[←76]

Ib. ii. 27.

[←77]

Задание xli.

[←78]

"Записи прошлого", i.

[←79]

Lenormant, 'La Magie.'

[←80]

"Записи прошлого", iii. 129.

[←81]

Бог Евфрата.

[←82]

У ассирийца есть "из высоких мест".

[←83]

"Записи прошлого", iii. 129, 130.

[←84]

"Генрих IV", часть 1, Акт 2. 'Сердце Мид-Лотиана', ххv. Интересная статья на эту тему мистера Александра Уайлдера появилась в "*Эволюции*", Нью-Йорк, 16 декабря 1877 г.

[←85]

De Plancy.

[←86]

Таким образом, человек увидел свою жену среди ведьм, обнаружив таким образом ее нечестивую природу, что породило там поговорку о том, что мужья не должны смотреть на звезды в канун дня Святого Жерара.

[←87]

Лондонская "Таймс", 8 июля 1875г.

[←88]

Этот изменчивый тип демона и дьяволицы должен так постоянно сопровождать нас на протяжении всего этого тома, что в этой главе о нем почти ничего не нужно говорить.

[←89]

Песнопения ii. 15.

[←90]

De Gubernatis, II. viii.

[←91]

"Наша жизнь в Японии" (Джефсон и Элмхирст, 9-й полк), Чепмен и Холл, 1869.

[←92]

Лондонская "Таймс", 11 июня 1877г.

[←93]

Представитель 488.

[←94]

Буквально "козлиная песня". Скорее всего, это имеет астрологический смысл.

[←95]

Например, демон Хуорко в "Пентамероне".

[←96]

См. "Зоологическую мифологию" Де Губернатиса, которая содержит дополнительные любопытные подробности по этому вопросу.

[←97]

"Мифы и мифотворцы". Бостон: Осгуд и Ко.

[←98]

"Зоологическая мифология", стр. 64.

[←99]

Koran, xviii.

[←100]

Вагнер. Смотрите, как он останавливается — ползет на брюхе....

Самый умный из студентов, он!

[←101]

"Приключения Тома Сойера". Лондон: Чатто и Виндус.

[←102]

"Дух зверей Франции", гл. i.

[←103]

‘Ригв.’ i. 105, 18, 42, 2; ‘Вендидад, хіх. 108. Цитируется Де Губернатисом (‘Зоолог. Мифология’, ii. 142), чьей бесценной работе я в значительной степени обязан в этой главе.

[←104]

‘Зоолог. Myth.’ ii. 7. Trübner & Co.

[←105]

‘Зоолог. Миф.’, ii. 108 *далее*.

[←106]

Афанасьев, ст. 28.

[←107]

Там же, v. 27.

[←108]

ii. 6 (De Gubernatis, ii. 117).

[←109]

Скорее дьявол похоти, чем жестокости, по словам Дю Канжа: “Западный урсул, западный дьявол, то есть искунитель плоти”.

[←110]

Де Планси (Dict. Inf.), который также рассказывает забавную легенду о медведе, который пришел в немецкий хор и которого увидел сонный хорист, когда проснулся; наивный рассказчик добавляет, что это был дьявол, посланный, чтобы заставить певцов выполнять свой долг! Жития святых изобилуют легендами о благочестивых медведях, таких как тот, которого поминают вместе со святым Сергием в Троицкой лавре, недалеко от Москвы; и тот, которого святой Галл был настолько нелюбезен, что изгнал из Швейцарии после того, как тот принес ему дрова в доказательство своего обращения.

[←111]

Макс Мюллер, "Наука о языке", i. 275.

[←112]

Этот термин сейчас используется очень расплывчато. Мистер Талбойс Уилер, говоря о ‘скифских нагах’ (Hist. об Индии, i. 147) говорится: ‘Со временем эти наги стали отождествляться со змеями, и результатом стала странная путаница между змеями и людьми’. В ‘Падма Пуране’ мы читаем о ‘змееподобных людях’. (См. Мою "Священную антологию", стр. 263.)

[←113]

"Махавансо" (Поворот), стр. 3, 6.

[←114]

Сер. xxxiii. Вряд ли согласуется с *De Civ. Dei*, xvi. 8.

[←115]

"Чипсы", ii.

[←116]

'Sancti custos Soractis Apollo.'—*Æn.* xi. 785.

[←117]

"Трактат о духах" Джона Бомонта, джентльмен, Лондон, 1705г.

[←118]

Лондонская "Таймс", 11 июня 1877г.

[←119]

Wuttke, 'Volksaberglaube,' 402. Pliny (iv. 16) says: 'Albion insula sic dicta *ab albis rupibus* quas mare alluit.' Этот этимон Альбиона из "белых скал" очень сомнителен; но, поскольку *Альбиэльф*, как правило, родственны, это могло бы натолкнуть на мысль об английских демонах. Гейне отождествляет "Белый остров", или царство Плутона в континентальном фольклоре, с Англией.

[←120]

"Сборник басен пограничника" Ричардсона, vi. 97.

[←121]

Мартин, Приложение к отчету об "Оссиане", стр. 310.

[←122]

"Сцены и легенды", стр. 13.

[←123]

"История высокогорья" доктора Джеймса Брауна, стр. 113.

[←124]

"Североамериканское обозрение", январь 1871г.

[←125]

Деннис, стр. 81 *и далее*.

[←126]

Иезекииль xxxix.

[←127]

"Ригведа", iv. 175, 5 (Уилсон).

[←128]

Там же, i. 133, 6.

[←129]

"Ригведа", vi. 14.

[←130]

"Девятнадцатый век", ноябрь 1877 года. Статья: "Солнечные пятна и голод" Нормана Локьера и У. У. Хантера.

[←131]

"Исследование природы и места ада" Тобиаса Свиндена, магистра медицины, покойного ректора Кукстона в Кенте. 1727.

[←132]

Карлайл, "Прошлое и настоящее", часть 2.

[←133]

"Открытия в Египте" и др. (Бентли), 1852.

[←134]

"Легенды о персонажах Ветхого Завета", i. стр. 83.

[←135]

Раздел 1. II. ii. См. "Человечество: его происхождение и судьба", стр. 699.

[←136]

Сравните Кали, рис. 18.

[←137]

Сокр. Евр. Литературные публикации. 2-я серия. "Легенды из мидраша" Томаса Ченери (Trübner & Co.). Та же легенда упоминается в "Истории астролога" в романе Вашингтона Ирвинга "Альгамбра".

[←138]

"Фауст", ii. Акт 4 (перевод Хейворд).

[←139]

‘ Стихи Эмерсона. Монаднок.

[←140]

"Современные художники", часть V. 19.

[←141]

Гора Бела, "Дом Возлюбленного", по-ассирийски называется "высоким местом" и должна была быть включена в эти проклятия ("Записи прошлого", iii. 129).

[←142]

Jer. xiii. 16.

[←143]

‘Наша жизнь в Японии’. Джефсон и Элмхерст.

[←144]

Другое производное слова Elf (Альф) заключается в соединении его с санскритским *Alpa*= маленький; так что эльфы - это Маленький Народ. Профессор Буслаев из Москвы предполагает связь с греческим *Альфито*, призраком. См. стр. 160 и 223.

[←145]

Бринтон, стр. 85.

[←146]

Там же, стр. 166.

[←147]

"Сказки и легенды Тироля". (Чепмен и Холл, 1874.)

[←148]

Od. xii. 73; 235 и др.

[←149]

Лондонская *корреспонденция* ".

[←150]

Джон Стерлинг.

[←151]

"Ригведа", ii. 15, 5. Уилсон. 1854.

[←152]

‘Du monstre qui m’avait tant ennuyé, il n’était plus question; il était pour jamais réduit au silence. Il n’avait plus forme de géant. Déjà en partie couvert de verdure, de mousse et de clématites qui avaient grimpé sur la partie où j’avais cessé de passer, il n’était plus laid; bientôt on ne le verrait plus du tout. Je me sentais si heureux que je voulus lui pardonner, et, me tournant vers lui:—A present, lui dis-je, tu dormiras tous tes jours et tous tes nuits sans que je te dérange. Le mauvais esprit qui était en toi est vaincu, je lui défends de revenir. Je t’en ai délivré en te forçant à devenir utile à quelque chose; que la foudre t’épargne et que la neige te soit légère! Il me sembla passer, le long de l’escarpement, comme un grand soupir de résignation qui se perdit dans les hauteurs. Ce fut la dernière fois que je l’entendais, et je ne l’ai jamais revu autre qu’il n’est maintenant.’

[←153]

"Путешествия фон Спикса и Фон Мартина по Бразилии", стр. 243.

[←154]

"Анатомия меланхолии". Пятнадцатое издание, стр. 124.

[←155]

‘Les Dieux en Exile.’ Heinrich Heine. *Revue des Deux Mondes*, April, 1853.

[←156]

‘Книга песен’. Переведен Чарльзом Э. Лиландом. Нью-Йорк: Генри Холт и компания. 1874.

[←157]

Деннис.

[←158]

Блик, "Басни готтентотов", стр. 58.

[←159]

Баринг-Гулд, "Любопытные мифы" и др.

[←160]

Там же, ii. 299.

[←161]

"Шаски", vi. 48.

[←162]

Хью Миллер, "Сцены и легенды", стр. 293.

[←163]

"Зеркало", 7 апреля 1832 года.

[←164]

‘Происхождение цивилизации’ и др. Сэра Джона Лаббока.

[←165]

Hildebrand in Grimm’s ‘Wörterbuch.’

[←166]

Мудрость Соломона, XVII. То, что в этой впечатляющей главе говорится о заблуждениях виновных, в равной степени верно и для заблуждений невежественных. "В ту ночь они спали одним и тем же сном ... были частично раздосадованы чудовищными видениями, а частично упали в обморок, у них остановилось сердце ... всякий, кто там падал, содержался строго, запертый в тюрьме без железных решеток.... Будь то свист ветра, или мелодичный крик птиц среди раскидистых ветвей, или приятный звук бурно текущей воды, или ужасный звук падающих камней, или бег, который невозможно было разглядеть у скачущих зверей, или ревущий голос самых свирепых диких зверей, или отражающееся эхо от полых гор: все это заставляло их падать в обморок от страха. Весь мир озарился ясным светом ... Только над ними была распростерта тяжелая ночь, образ той тьмы, которая впоследствии должна была поглотить их; но все же они были для самих себя более тяжкими, чем эта тьма".

[←167]

‘Фауст’ Баярда Тейлора. Вальпургиева ночь.

[←168]

i. 228.

[←169]

Североамериканское обозрение. Март 1877 года.

[←170]

В своем очень ценном труде "Северяне в Камберленде и Уэстморленде". Лонгманс. 1856.

[←171]

‘Филологический журнал’, vi. № II. О слове гламур и легенде о гламуре, автор профессор Коуэлл.

[←172]

2 Паралипоменон. xvi. 12; 2 Царств xx; Марка, ст. 26; Иакова, ст. 14; и др., и проч. Католическая церковь следует предписанию святого Иакова о молитве и святом помазании для больных только после того, как медицинская помощь, от которой Аса умер, когда предпочел ее Господу, оказалась безуспешной; *то есть* чрезвычайное помазание. Лухан замечает, что конклав, который избрал Пия IX. сидели на Квиринале, а не Ватикана, потому что, хотя он надеялся на вдохновение Святого Духа в каждом месте, она опасается, что во дворце *преимущественно* божественное вдохновение не в достаточной степени противодействовать *effluvia* лихорадки.' Судебное преследование "Особенных людей" за повиновение заповеди Нового Завета в случае болезни является ярким примером такого же лицемерия протестантской эпохи. Англия распространила Библию как божественное откровение на 150 различных языках; а в Лондоне она наказывает секту за послушание одному из ее самых простых указаний.

[←173]

Лондонская "Таймс", 11 июня 1877г.

[←174]

"Человечество: их происхождение и судьба" (Longmans, 1872), стр. 91. Смотрите также в Словаре Вольтера рассказ о священных танцах в католических церквях Испании.

[←175]

Deut. xxviii. 60.

[←176]

1 Цар. ст. 6.

[←177]

1 Цар. xvi. 14. В гл. xviii. 10, говорится, что этот злой дух произошел от Элохима, и это различие указывает на дальнейший шаг в эволюции Иеговы в морального правителя, который полностью прослежен в нашей главе "Элохим и Иегова".

[←178]

Бундеш, ii. стр. 158, 188. Исчерпывающий обзор астрологических теорий и изображений планисфер см. в книге "Человечество: их происхождение и судьба" (Longmans, 1872).

[←179]

"Великая катастрофа, или падение монархии". Предостережение магистратам, сделанное на основании Солнечного затмения 29 марта 1652 года. С вероятной гипотезой об определении эффектов'. Автор *Nich. Калпепер*, джентльмен, студент. в *Astrol.* и *Физ. Дан.* ii. 21, 22: *Он изменяет времена и сменяющие друг друга времена года; он смещает царей и ставит Королей; он дает мудрость Мудрым и знание тем, кто обладает пониманием; он открывает глубокие и тайные вещи, он знает, что находится во тьме, и свет пребывает с ним.* Лондон: Напечатано для *Т. Вераи* *Ната. Брук*, в Олд-Бейли и в "Ангеле" в Корнхиле, 1652 год.

[←180]

Ознакомьтесь со словарем Böhrtlingk и Roth.

[←181]

Евр. ii. 14.

[←182]

1 Кор. ст. 5; xi. 30.

[←183]

2 Кор. xii. 7.

[←184]

"Записи прошлого", iii. стр. 136. Тр. мистера Фокса Тэлбота.

[←185]

Там же, iii. стр. 143. Припев напоминает строки Эдгара А. По:—

Они не мужчина и не женщина,

Они не звери и не люди,

Они упыри!

[←186]

Текст на пехлеви был подготовлен Дестуром Джамаспджи Асой и переведен Хаугом и Уэстом. Trübner, 1872.

[←187]

См. рис. 9.

[←188]

Диктат Ларусса. Universel.’

[←189]

‘Записи” и др., iii. стр. 141. Мардук - халдейский Геркулес.

[←190]

Михей vii. 19.

[←191]

Посмотрите превосходную статью Дандриса Де Сильвы Гунератни Модляра (1865-66) в журнале Цейлонского отделения R.A.S. Что касается святости числа семь, то можно отметить, что оно распространилось по миру вместе с христианством — семь церквей, семь даров Духа, семь грехов и добродетелей. Поэтому легко ошибочно принять ортодоксальные доктрины за пережитки. В лондонской ‘Таймс’ от 24 июня 1875 года сообщалось о расследовании в Коршеме, Уилтшир, тела Мириам Вудхэм, которая умерла по рецептам Уильяма Бигвуда, травника. Было показано, что он использовал пилюли, сделанные из семи трав. Было показано, что это "языческий пережиток", только когда Бигвуд заявил, что травами "управляет солнце".

[←192]

См. стр. 44.

[←193]

‘Jour. Цейлонский государственный университет, 1865-66гг.

[←194]

Эта демоница не должна быть связана с итальянской Манией, вероятно, этрусского происхождения, которой няни пугали детей. Эта Мания, происходящая от старого слова *manus*, означающего "добрый", из-за связи ее имени с *Manes* считалась матерью Ларов, чьи повторные посещения земли обычно были дурным предзнаменованием. Согласно оракулу, который сказал, что головы следует приносить в жертву ради голов, детей приносили в жертву этому домашнему дьяволу вплоть до времен Юния Брута, который заменил их головками мака.

[←195]

Федр, і. 549. Ср. нем. *селигиглупыш*.

[←196]

"Лекция о языке", і. 435.

[←197]

"Песни русского народа" Ралстона, стр. 230.

[←198]

‘Sagen der Altmark.’ Von A. Kuhn. Berlin, 1843.

[←199]

"Эволюция морали" Уэйка, і. 107.

[←200]

"Аборигены Австралии" (1865), стр. 15.

[←201]

2 Паралипоменон. xxxiii. 6.

[←202]

Опубликовано Мозли и Смитом в 1878 году.

[←203]

Max Müller. "Лекции о языке", ii. стр. 562, *и далее*.

[←204]

Смотрите прекрасно переведенный погребальный гимн Веды в книге профессора Уитни "Восточные и лингвистические исследования", стр. 52 и др.

[←205]

‘Авеста’. "Востоковедческие и лингвистические исследования", стр. 196.

[←206]

"Записи прошлого", i. 143.

[←207]

'Коран' Сейла (изд. 1836). См. стр. 4, 339, 475.

[←208]

"Открытия" и др., стр. 223.

[←209]

"Современные художники", часть V. хіх.

[←210]

История этого дерева, которое я использую в качестве притчи, рассказана в книге преподобного Сэмюэля Матира 'Земля милосердия'. Лондон: John Snow & Co., 1871.

[←211]

'Исследования по истории Возрождения'. Macmillan & Co., 1873.

[←212]

По поводу которого мистер Райт говорит: 'Оно взято с оксибафона, который был привезен с Континента в Англию, где перешел в коллекцию мистера Уильяма Хоупа.... Сам гиперборейский Аполлон предстает в образе знахаря на своей временной сцене, покрытой чем-то вроде крыши, к которой ведут деревянные ступени. На сцене лежит багаж Аполлона, состоящий из сумки, лука и его скифской шапки. Хирон (ΧΙΡΩΝ) представлен страдающим от старости и слепоты и поддерживающим себя с помощью кривого посоха, когда он обращается за помощью к дельфийскому шарлатану-доктору. Фигура кентавра поднимается с помощью спутника, оба они снабжены масками и другими атрибутами комических исполнителей. Вверху горы, а на них парнасские нимфы (ΝΥΜΦΑΙ), которые, как и все остальные действующие лица этой сцены, одеты в маски, причем очень грубого характера.... Даже каламбур используется для усиления комичности сцены, поскольку вместо ΠΥΘΙΑΣ, Пифии, помещенной над головой пародийного Аполлона, кажется очевидным, что художник написал ΠΕΙΘΙΑΣ, утешителя'. — 'История карикатуры', стр. 18. Но кто эта увенчанная листьями фигура без маски по правую руку? Был ли это какой-нибудь ранний Оффенбах, который нашел такое представление богов желанным в Афинах, где попытка поставить нашу современную "*Красавицу Элен*" Оффенбаха недавно вызвала театральный бунт?

[←213]

Wuttke. 'Volksaberglaube,' 18.

[←214]

Schleicher, 'Litauische Märchen,' 141–145. Mr. Ralston's translation abridged.

[←215]

Представитель этого последнего вида голодных оборотней до сих пор время от времени возвращается к проблескам лунного света, который для слишком многих все еще заменяет дневной свет. Совсем недавно, 17 января 1878 года, некая Кейт Бедвелл, разносчица, была приговорена полицейским судом Мэрилебона, Лондон, к трем месяцам каторжных работ за получение различных денежных сумм в размере 9-10 шиллингов путем терроризма от Элизы Рольф, кухарки. Разносчик пришел на место работы истицы и спросил ее, не хочет ли она, чтобы ей предсказали судьбу. Элиза ответила: 'Нет, я знаю это; это тяжелая работа или голодная смерть'. Гадалка спросила ее в следующий раз, хочет ли она, чтобы ее планетой управляли; другая все еще говорила 'нет'; но ее нервы сдали, когда "Друд" сказала ей, что "она жила под тремя звездами, одной хорошей, а другой плохой, и что она может изуродовать ее или превратить во что-то другое". 'Слава Богу, она этого не сделала!' - воскликнула бедная женщина в суде. Однако она, казалось, больше верила в свои деньги, чем в какое-либо другое провидение, которое защитит ее от несчастливого превращения. Но даже в эту редкую глубину невежества проникло достаточно света, чтобы Элиза смогла справиться со своим оборотнем цивилизованным способом - предстать перед мировым судьей. Когда Фенрис получает три месяца каторжных работ, он, без сомнения, понимает, что превысил пределы своей ментальной среды обитания и что невидимые пути наконец связали его.

[←216]

Эльф, действительно, был отнесен некоторыми к санскритскому *alpa*=маленький; но баланс авторитетов в пользу происхождения, приведенного в предыдущей главе.

[←217]

Mannhardt, 'Götter,' 287.

[←218]

Фрейя-Хольда, тевтонская богиня любви. "Журнал Корнхилл", май 1872г.

[←219]

"Записи прошлого", vi. 124.

[←220]

См. книгу Купера "Мифы Древнего Египта о змее", рис. 109 и 112. Серапис в виде змеи с головой человека показан в том же эссе (из Шарпа), рис. 119.

[←221]

"Представительные мужчины", американское издание 1850 года, стр. 108.

[←222]

'L'Oiseau,' par Jules Michelet.

[←223]

Смертоносная южная змея, окрашенная в цвет почвы, на которой она обитает, стала нынешним названием политиков, которые, заявляя о лояльности Союзу, помогали тем, кто стремился его свергнуть.

[←224]

Смотрите его ученый и ценный трактат "Мифы о змеях Древнего Египта". Хардвик, 1873.

[←225]

'Время и вера', i. 204. Грумбридж, 1857.

[←226]

'Эпос о черве' Виктора Гюго. Перевод Баярда Тейлора из "Легенд о сиклях".

[←227]

Брюс рассказывает об абиссинцах, что змею обычно держат в своих домах, чтобы проконсультироваться о предзнаменовании добра или зла. Перед ним кладут масло и мед, которые, если он отведаст, являются хорошим предзнаменованием; если змей откажется есть, обязательно случится какое-нибудь несчастье. Этот обычай, по—видимому, проливает свет на отрывок: "Пусть ест масло и мед, чтобы научиться отвергать зло и избирать добро" (Ис. vii. 15). — *Время и вера*, i. 60.

Сравните апокрифическую сказку о Беле и Драконе. Бел был богом-целителем вавилонян, и Дракон, которого он убил, возможно, считался в более поздние времена его фамильяром

[←228]

"Принципы греческой этимологии", ii. 63. Перевод на английский.

[←229]

См. стр. 8 и 20.

[←230]

"Ригведа", против (Уилсон).

[←231]

В статье "Происхождение поклонения змеям", прочитанной в Антропологическом институте в Лондоне 17 декабря 1872 г.

[←232]

"Наука о языке", i. 230.

[←233]

"Лекции по языку", i. 435.

[←234]

‘Мифология’ братьев Гримм, стр. 650 и далее. Симрок, стр. 440.

[←235]

Рот в "Журнале Немецкого восточного общества", том ii, стр. 216 и далее, разъяснил весь миф.

[←236]

В моем распоряжении есть экземпляр американской рогатой лягушки, и он достаточно любопытен.

[←237]

Жест Рим., глава 68. Миф братьев Гримм., 650 и далее. Симрок, стр. 400.

[←238]

Другие получают это название от древнего Борбетомега.

[←239]

Традиции, стр. 44.

[←240]

Отвратительно.

[←241]

"Гомер" Поупа, книга хv.

[←242]

См. стр. 59.

[←243]

См. стр. 154.

[←244]

Уч. Выпускной. 790, &c.

[←245]

Том i. стр. 38.

[←246]

"Североамериканское обозрение", январь 1871г.

[←247]

"Записи прошлого", х. 79.

[←248]

Страница 285.

[←249]

"Алкестида в Англии". Напечатано Обществом Саут-Плейс, Финсбери, Лондон. 1877.

[←250]

Употребление мяса было процессом воплощения.

[←251]

‘Результаты поездки в Дардистан, Кашмир’ и др., кавалера доктора Г. В. Лейтнера, Лахор, том i, часть iii. Trübner & Co.

[←252]

Страница 91.

[←253]

В Этрусском музее в Риме есть прекрасное изображение этого. Старое поверье гласило, что дракона можно успешно атаковать только внутри.

[←254]

"Еврейский мессия" и др. Автор: Джеймс Драммонд, В.А. Longmans & Co. (1877). Смотрите в этой ценной работе главу xxi.

[←255]

Матфей. viii. 30.

[←256]

От Луки xxiii. 3.

[←257]

Деяния i. 25.